

ДАНИИЛ ГРАНИН

Виктор
Лопатников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В почти столетнюю биографию писателя, публициста, общественного деятеля Даниила Гранина уместилось множество событий — первые пятилетки и Великая Отечественная война, хрущевская оттепель и горбачевская перестройка, споры «физиков» и «лириков», распад Советского Союза и трудное рождение новой России. Всё это Даниил Александрович сумел осмыслить, прочувствовать и воплотить в своих произведениях. О чем бы он ни писал — о жизни и труде ученых, о пережитых им трагических годах войны и блокады или о далеком прошлом — в центре его внимания всегда оставались проблемы морали, нравственный выбор, стоящий перед каждым человеком. Сам он не раз делал этот выбор, выступая за справедливость и милосердие, за сохранение исторического облика своего родного Ленинграда-Петербурга. Первая книга о Гранине в серии «ЖЗЛ» выходит к 100-летию писателя и составлена из его собственных воспоминаний (он называл их «причудами памяти»), документов и свидетельств современников.

[Адаптировано для AlReader]

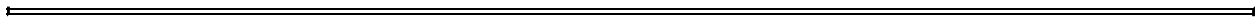
-
- [Виктор Лопатников](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ,](#)

- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [INFO](#)
 - [АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ](#)
 - [СЕРИЯ](#)
 - [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

◦ 2

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1965

(1765)

Виктор Лопатников

ДАНИИЛ ГРАНИН

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Издательство благодарит за предоставленные фотографии
Международный благотворительный фонд им. Д. С.
Лихачева,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет
профсоюзов
и семью Д. А. Гранина.*

© Лопатников В. А., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно, пожалуй, найти среди моих знакомых, товарищей, друзей того, кто бы не читал Даниила Гранина. Как и таких моих соотечественников, кто бы остался равнодушен к его общественным инициативам, полезным предложениям, оригинальным идеям. За пределами Отечества мне тоже приходилось встречать его читателей. Немало их среди политических, общественных деятелей, тех, с кем он так или иначе сотрудничал на гуманитарной ниве. Вот и в этой книге собрано многое ценное, значительное из того, чем он жил, суждения, впечатления, отклики тех, с кем он сотрудничал.

Жизнь большинства наших соотечественников поделена на два периода: советский и постсоветский. Излом, какому подверглись их судьбы, повлек для многих непоправимые последствия. В этом смысле литературная судьба писателя, его творчество не подверглись существенным переменам. Гранин во все времена был органичен, естествен, оставался самим собой. Мудрость и твердость характера позволяли ему находить ответы на вызовы времени, отводили ему должное, достойное место в каждой из эпох. Он всегда имел что сказать. Был там, где нужен. Возвышал свой голос там, где власть недорабатывала, где ей не хватало должной распорядительности, ума. Именно в советское время он написал лучшие свои произведения, получил признание в литературных кругах, среди ученых, у широкой общественности. Для нас, с юных лет его читателей, писатель Гранин был одним из тех, кто предлагал пищу уму и сердцу, утолял жажду познания неведомого. Он раздвигал рамки наших представлений о ценности жизни на примере своих героев — и тех, кого он знал лично, и вымышленных, приметы которых едва угадывались в реальной жизни.

Гранину виделся человек, чье предназначение — не быть расходным материалом, «колесиком» и «винтиком» в массовом производстве. Каждым своим новым произведением он подтверждал свое и своих героев право не быть «у времени в плену», искать и находить ответы на его вызовы. В центре его произведений всегда оставались человек и его дело, личность, одержимая творческой целью, а не погоней за успехом, славой, «длинным рублем». Его герои были полны уверенности в завтрашнем дне, чувством надежной жизненной перспективы. У них всё получалось не потому что их вели Сталин, партия, комсомол, а потому что с ними были герои, которым

хотелось подражать. Именно они построили то, что строили, возводили то, что возвели, сражались с теми, кого победили. Их всемогущество питали великое искусство и литература.

Величие советской литературы состояло и в том, что в ее строках и между строк читатель улавливал отображение болезненных для власти вопросов: ей, самоуверенной, было легче отмахнуться, чем их решать. Гранин принадлежал именно к тому крылу литераторов, таланту которых было свойственно гражданское мужество, способность выражать правду, за которой угадывалась будущность. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Не всё, однако, заключено в этой известной формуле. Любые времена, их облик, достояние, ценности украшали собой выдающиеся личности, их труды, идеи, творчество. Именно таким был писатель Гранин, именно таких людей он воспевал в своем творчестве, с такими сотрудничал и дружил.

В критическую эпоху восьмидесятых — девяностых, когда происходил демонтаж ценностей прежней жизни, ниспровергались ее идейные установки, писатель оказался на стороне тех, кто призывал общество к переменам, тех, кто еще только формулировал, искал смыслы, применимые к надвигающейся социальной стихии. Радикальная смена политико-экономических ориентиров нуждалась в интеллектуальных ресурсах, способных выступить в поддержку курса на постимперское, постсоветское обустройство жизни, государства и общества. Писатель был с теми, кто выступал за избавление от наследия застоя, против магии прежних догм и лозунгов. Будучи вовлеченным в атмосферу общественных страстей, он видел, как кое-кто из лидеров на волне митинговой стихии, политического романтизма был склонен переоценивать свои способности, начинал действовать «не так» или «не совсем так». В новых политических реальностях Гранин не стремился быть в первых рядах, но всегда находился там, где был нужен. Оставался с теми, кто был близок ему по духу. Общался с теми, кто способен был двигать дело.

Не оставляя в стороне литературную работу, Гранин пришел к необходимости возвысить свой голос, консолидировать тех, кто готов был применить себя там, где у власти «не доходят руки». Его беспокоила будущность Ленинграда, в жизни которого наметилась провинциальность, скатывание к разряду областного центра. Видя, что социальная обстановка ведет к обнищанию населения, он выступил с инициативой создания общества «Милосердие». Целью общества писатель считал помощь неимущим, оказавшимся на низшей ступени социальной лестницы. В книгах, написанных им в ту пору и объединенных названием «Причины

памяти», проливается свет на события и явления прошлого, на то, что подверглось искажению или забвению. Многие в этих книгах будоражат, тревожат память, вызывает душевную боль. Читатель в деталях и подробностях узнает о былом, о том, как жили, какими были, через что прошли и что пережили поколения, чьи судьбы складывались в XX веке. Писатель предстает как наш давний собеседник, который при прежних встречах не успел или не смог сказать нечто важное, что наболело, но пришло в голову лишь потом.

В предлагаемой вашему вниманию книге каждый найдет для себя нечто важное, ранее неизвестное. Об этом рассказывают и сам Гранин, и те, чьи свидетельства о нем вошли в эту книгу. С некоторыми из них я был знаком, встречался, о других наслышан. Я и сам немало времени провел в обществе писателя. Листая теперь страницу за страницей, нахожу многое, что было известно мне из его рассказов. Сам писатель не только в книгах, но и в многочисленных передачах, статьях, интервью рассказал о себе немало. Но, конечно, далеко не всё. Остается еще такое, о чем предстоит думать, говорить, писать.

В моей памяти сохранился ночной молебен, посвященный предстоящей смене тысячелетий. Происходило это в ноябре 1999 года в храме Гроба Господня. Запомнился не столько сам молитвенный ритуал, долгий, однообразный и мрачный, сколько наш разговор после завершения службы. Дорога вела нас по затемненным улицам Иерусалима. Гранин говорил «Иисус Христос, скажу я вам — явление гения невероятной высоты. Постичь его сполна невозможно. Мы должны быть благодарны ему за то, что подобрал ключи к сердцу каждого, оснастил жизнь ценностями, в каких люди, их души нуждались... Он гений, поскольку для того, чтобы ему поверили, придумал и осуществил невероятные по тем временам чудеса. Гений в том, как лаконично, просто и ясно изложил то, что стало его нетленным учением, его заповедями. Он гениален в том, что наполнил смыслом, дал работу бесчисленному ряду богословов, поэтов, художников, архитекторов, строителей, наконец, церковников. И в том, что убедил людей поверить в его предназначение стать их спасителем, искать в нем, застывшем на кресте, защиты и утешения. Был ли он Богом или нет, мы теперь не вправе судить. Чернь отомстила за то, что он был земным, не таким как все, не от мира сего... Христиане ведут разговор о втором его пришествии. Трудно представить, что произойдет, явись он снова. Думаю, его бы изумило то, как его почитают, насколько далеко зашли его последователи, присвоившие себе право говорить от его имени».

Этот монолог существенно прояснил для меня тогда суть творческого

метода писателя. Он состоял в том, чтобы понять, прояснить истоки, глубинный смысл всего того, что определяет судьбу личности в реальных жизненных обстоятельствах.

В воспоминаниях, суждениях о личности Гранина не хватает сведений о том, каким он был в обыденной жизни.

Мало где сказано о том, что писатель обладал отменным чувством юмора. Редко какая из наших встреч не начиналась вопросом «Что новенького?». Имелось в виду, не появился ли какой новый анекдот, забавный случай. Сам он их рассказывать не любил, да и улыбающимся его редко кому удавалось видеть. Многие его знали и запомнили таким, каким он представал в ходе официальных встреч, на публике. Там он был сосредоточен, да и вопросы были таковы, что не до шуток. В книгах его тоже нелегко найти что-то смешное — тем более что посвящены они темам серьезным, а порой и трагическим. Его часто видели в филармонии на концертах симфонической музыки. Он обожал Моцарта. Был поклонником таланта выдающегося дирижера Мариса Янсонса. Но любил и ценил другое: с удовольствием слушал бардовскую песню, читал сборники самодельных поэтов. Любил песни и романсы под гитару. Ему было интересно всё. Во всем он находил нужное, рациональное, дельное. Мы не знаем, каким он был наедине с самим собой. Но знаем и помним, каким он был наедине с нами, его друзьями: учтивым, приветливым, отзывчивым.

...Чем дальше Даниил Александрович продвигался по жизни, тем чаще его занимал вопрос о феномене его долгожительства. Не будучи верующим, он склонялся к тому, что существует нечто такое, что оберегает его, покровительствует в жизни. Таким, как он думал, был дарованный свыше, преданный ему Ангел-Хранитель. С уходом Гранина из жизни Ангел-Хранитель не оставил его опеки над ним. Теперь это служение возложено и на нас — на всех тех, на кого пролился свет его личности, кого согревало его душевное тепло.

Глава первая

НАЧАЛО ПУТИ

(1919–1941)

«Родина писателя — детство. Это не мое выражение, но я часто ощущаю его справедливость. О детстве хочется писать с подробностями, потому что они помнятся, краски тех лет не тускнеют, некоторые картинки все так же свежи и подробны».

Д. Гранин. Автобиография

«Гранин (псевд., наст. фамилия — Герман) Даниил Александрович [р. 1.1.1918, г. Волынь (ныне Курской обл.)] — русский советский писатель».

Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1963

«Свидетельство о рождении (восстановлено)

Герман Д. А. родился 1/1-1918 г., словами о чем в книге записей актов гр. с. о рождении за 1935 г. 1 числа июля произведена соответствующая запись.

Родители: отец Герман Александр Даниилович, мать Герман Анна Захарьевна^[1].

Место рождения: г. Волынь Курской губ.»^[2].

Из личного дела студента Д. А. Германа (архив СПб ГПУ)

«Волынка — село Курской губернии, Рыльского уезда, в 7 верстах к северу от Рыльска, в глубокой котловине, в бассейне реки Сейма. Здесь проходит граница меловых и третичных образований и добывается ценная черная огнеупорная глина. Из нее готовят подовый кирпич, огнеупорный кирпич и кафли».

«Жизнь Д. сложилась не очень обычно с первой минуты появления на свет Божий. Можно сказать, что появился он в самый неподходящий момент. Под Новый год. Прямо на балу. Испортил матери праздник. Ее увезли от стола. Или с танцев. Позже она утверждала, что, несмотря на беременность, танцевала. Она была танцунья, певунья, и Д. мог бы подождать со своим появлением годик-другой. А уж сутки — наверняка. Тем не менее он, словно нарочно, появился именно под Новый год, причем данные расходятся: то ли он все же успел проскочить до боя часов, то ли после».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Тогда они очень любили друг друга, отец мой и мать. Она была совсем молоденькой, она пела, у нее был хороший голос, все детство прошло под ее песни. Много было романсов, городских романсов двадцатых годов, иногда у меня выплывают какие-то строки-куплеты — «И разошлись, как в море корабли...», «Мы только знакомы, как странно...». Не было у нас инструмента; учить ее тоже никто не учил, она просто пела, до последних лет. Стрекот швейной машинки и ее пение. Отец был старше ее на двадцать с лишним лет».

Д. Гранин. Автобиография

«Мать была красавицей. В состав ее красоты входил ее голос и фигура. Д. любил ее голос, наверняка она пела над ним, когда он был еще маленьким, этот чистый высокий голос вошел в него вместе с грудным молоком.

С ее голоса все и началось у отца, когда они еще не были отцом-матерью. Отец был тогда лишь командировочным, попавшим в Литву по делам. Шел он по своим делам и услышал в переулочке пение. Он свернул туда, пошел на голос как замороженный... Впрочем, не будем преувеличивать. Не такой уж он был мечтательный юнец, не был он и искателем приключений. Это много позже расцвело в их рассказах:

«Услышал, как я пою...», «что-то повело меня...». Думаю, что, скорее всего, он просто плутал, ища в незнакомом городе контору, куда направлялся.

Итак, услышал над собой голос, посмотрел вверх и увидел свисающую из окна ножку. Она, ножка с пальчиками, розово просвечивала на солнце. С ножки свисала туфелька. Все это хозяйство принадлежало девице, которая восседала в окне второго этажа, там она шила и пела и болтала голой ногой, вторую поджав под себя...

Вечером они уже гуляли в парке. Девицу звали Анной. Он называл ее Нюрой. Три вечера подряд они куда-нибудь отправлялись. Побывали в кондитерской. Катались на извозчике: шикарный экипаж с фонарями, на красных рессорах, извозчик был с малиновым кушаком.

Пока что знакомство их выглядело забавой. С его стороны — солидный господин, отец семейства, он сам подшучивал над собой. Несомненно, он выбрал правильный тон. Никаких неприличных поползновений. Не было больше ни поцелуев, ни объятий. Он держался с ней по-отечески и покровительственно, она кокетничала вовсю, напевала, хихикала, принимала театральные позы, демонстрируя свои достоинства. Их разделяла целая жизнь. Она была девушкой, он же имел жену, дочь, которые жили в Киеве, то есть бесконечно далеко от нее, от этого литовско-русско-польского города.

Они оба делали вид, что их встречи ничего не значат. Она была из большой бедной семьи с множеством братьев и сестер, где никому до нее не было дела. Во всяком случае, она не спешила домой. Она была белошвейка, у него же как-никак было положение, он работал на лесной бирже, какое-то у него имелось дело, полдела, четвертушка, дохода не было, но прочность была. <...>

Стороны расстались растроженные... Александр уехал, далее события стали убыстряться. Когда вернулся в семью, стало ясно, что надо разводиться. Будучи человеком дореволюционных понятий, наш герой, вернее, отец нашего героя относился к разводу серьезно, считал это событие не менее ответственным, чем женитьба. Более ответственным. Потому что новая женитьба ничего не требовала, кроме свободы и решимости. Развод же требовал обеспечить прежнюю семью средствами к существованию. Такие у него были понятия. Вообще развод был катастрофой, но катастрофу остановить он не мог».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Копия трудовой книжки Германа Александра Даниловича.

1) 1896 — работал в кач. приказчика по лесной части у разных лесопромышленников до Революции 1917 г.

2) 1918 10/Ш — служил в кач. десятника по лесозаготовкам при Петроградском гороткомхозе до 1920 г.

3) 1920 10/П — служил в Петроградском райлесе в качестве прораба в Ямбургском райлесе.

4) 1921 1/ХП — служил в НКВТ по лесоэкспорту в гор. Ямбурге.

5) 1922 17/Ш — служил лесным техником в Гослесупре гор. Ленинград.

6) 1923 19/ХП — служил лесным техником в Гос. строит, упр.

7) 1924 10/П — служил уполномоченным по заготовкам в Пестовском лесхозе.

8) 1925 1/IX — служил в Анциферовском лесхозе.

9) 1926 26/IX — служил в «Лесэкспорте» старшим уполномоченным.

10) 1928 19/11 — служил в Новлеспромсоюзе.

11) 1929 1/IX — технорук в т-ве «Свобода».

12) 1933 1/1 — в СтароРусском леспромсоюзе исполнителем опер, сектора.

13) 1934 2/IX — назначен пост, заместителем председателя правления Мало-Вишерского лесопромтоварищества.

14) 1934 2/Х — отозван согласно постановлению ЛОСЛПК от 28/IX.34. Назначен председателем Пестовского товарищества».

Из личного дела студента Д. А. Германа (архив СПбГПУ)

«Появлению Д. все обрадовались. Хотя для той эпохи он был ни к чему, поскольку эпоха была не для новорожденных. Младенцы не могли благоденствовать в двадцатые годы XX века, особенно в Петрограде. Там наступила голодуха. Шла Гражданская война. Колыбель революции для младенцев не годилась, поэтому семья переместилась в деревню, поближе к лесу, лесозаготовкам».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Я считаю, что я от родителей получил максимум того, что может получить человек. Другое дело, как я распорядился этим. Но генофонд у меня такой, что я бесконечно благодарен отцу и матери, что я долго живу, не теряю разума своего небольшого, но какой уж есть. Я очень часто мысленно говорю им «спасибо». Потому что все то, что они мне дали — теперь я понимаю, оглядываясь назад, — это очень много».

*Из последнего интервью Д. Гранина журналистке
Венере Галеевой (сайт
<https://www.fontanka.ru/2017/07/05/027> за 5.07.2017 г.)*

«Спустя три года после рождения мы застаем нашего героя в деревне Кошкино. Отец его занимался там лесозаготовками для Петрограда, который в те времена отапливался исключительно дровами. Леса окрестных губерний сводились на дровишки. Эшелоны шли к столице. И зимой, и летом. Ибо летом тоже топили плиты, на них готовили пищу. Дрова, дрова... Детство моего героя проходило, можно сказать, среди дров. Точнее, на границе между лесом и дровами, в том промежутке, где лес превращается в бревна, доски, баланс, пропс, рейки, клепки, дрова, опилки, живицу, деготь, дранку...

Дрова сопровождали его еще много лет, последнее из всего набора отцовской жизни...

Они перемещались из одного лесничества в другое. Гражданская война полыхала поблизости, заглядывала светом пожарищ. Налетали банды: то белые, то красные, то зеленые; наверняка происходило что-то значительное, можно сказать, историческое, о чем герой мой не знал, потому что не расспрашивал, он упивался своей ребячьей жизнью, считая ее несравнимо интереснее, чем все то, что происходило с родителями, да и со всей страной».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Автобиография.

Родился я в 1918 г. 1/1. Отец мой до революции работал коммивояжером по лесной части. После 1917 г. он работает как лесной техник от Петроградского губисполкома. Затем он работает техноруком в «Лесозэкспорте» и с 1928 г. в системе «Леноблесэкспорта». В наст. время

он член управления Леспромсоюза и зам. пред, лесопром. т-ва. Мать моя до революции работала швеей, после революции — дом-хоз. Последние годы она работает работницей (модельщицей) на промкомбинате ф-ки «Красная заря».

Я окончил десятилетку в Ленинграде. В школе работал в пионер-организации, после школы полгода работал шофером при АРЗ'е Ленсовета. В 1935 г. поступил в Ленинградский электротехнический институт им. Ленина, где учился до последнего времени. В 1936 г. был принят в члены ВЛКСМ. Нес различные общественные нагрузки. Последнее время работал в ЛК при комитете ВЛКСМ и членом редколлегии газеты «Энергетик».

Родственников врагов народа, арестованных, лишенцев и т. п. не имею. За границей также родственников не имею».

Из личного дела студента Д. А. Германа (архив СПбГПУ)

«Мой отец перемещался из одного леспромхоза в другой, и я почти ничего из той поры не помню. Лучше помню Старую Руссу, Новгород, Пестово, Анциферово... В Старой Руссе иногда бываю, но это место нетипичное. Довольно большой уездный город в войну был почти полностью разрушен, осталось четыре дома. В том числе дом Достоевского! Старая Русса отличается от многих других городов — хотя нечто похожее есть в Боровичах — присутствием какой-то своей души. Излучины рек, между которыми стоит город, способствовали сохранению его конфигурации, а вместе с тем и чего-то еще. Но, конечно, все прелести и традиции города — Гостиный двор, базары, выбор женихов и невест во время Яблочного спаса — всё это исчезло. Вообще, когда я там был последний раз, мне пришла в голову мысль, возможно, спорная, и тем не менее... Культура России во многом держалась на крестьянской культуре, гибель которой не могла не повлиять на гибель и другой культуры».

Из интервью Д. Гранина «Литературной газете» (1 января 2004 г.)

«Набережная была полна утихшего солнца, теплого, как сено. Камни мостовой остывали. Косые лучи подпирали деревья, высвечивали сквозь окна дальние углы комнат.

Деревянные дома с мезонинами, с фальшивыми балкончиками (все послевоенной постройки) выглядели примерно так же, как и до войны. Здесь всегда стояли такие дома, одно-и двухэтажные, но нынче во дворах блестели «Жигули», мотоциклы, на крышах высились телевизионные антенны. Но это не мешало мне, я вполне мог представить, что иду на довоенный курорт, где у эстрады сидит мама, слушая оркестр. Вознесенский собор уцелел, все так же величаво возвышаясь над излучиной реки. В городе, даже разрушенном так, как Старая Русса, все же сохраняются его прежние черты, особый дух, природная физиономия, которая складывается из расположения его площадей, вокзалов, набережных и еще каких-то неизвестных составляющих. Так было в Минске, Пскове, Ленинграде.

Дом, где мы жили, на улице Володарского, сгорел, сгорело и лесничество с большим запущенным садом, местом наших игр. Вся улица была разрушена. Осталось в целости на весь город несколько домов, всего четыре, как утверждает Георгий Иванович, в том числе и дом Достоевского.

Когда я приехал сюда в середине пятидесятых годов, я побывал у этого дома. Там помещалась школа и, кажется, библиотека. Пришел я вот так же под вечер, на лавке у дома сидели старухи. В платках, в кофтах со сборочками на груди. Кофты считались тогда старушечьими, а нынче такие же стали наимоднейшими. Старухи помнили Анну Григорьевну Достоевскую, рассказали мне, как она приезжала после смерти мужа, хлопотала вместе с местным священником Румянцевым насчет ремонта дома. Слушал я их вполуха. Я понимал, что рассказывают они что-то ценное, интересное, но, во-первых, дело это не мое, на то есть литературоведы, специалисты, они запишут, во-вторых, успеется. Две эти самые зловередные отговорки подводили меня много раз. Так я недоговорил с Андреем Платоновым, Куприным, Шульгиным — человеком, который знал Плеханова, Ленина, Мартова. Не записал своих встреч с Питиримом Сорокиным, Фадеевым, Сарьяном, Борисом Пастернаком, дядей Сашей — монтером Второй ГЭС. Успеется, думал я, когда-нибудь посидим, договорим, специально запишем...»

Д. Гранин. Обратный билет

«Детство, оно было лесное, позже — городское; обе эти струи, не смешиваясь, долго текли и так и остались в душе отдельными существованиями. Лесное — это баня со снежным сугробом, куда прыгал

распаренный отец с мужиками, зимние лесные дороги, широкие самодельные лыжи (а лыжи городские узкие, на которых мы ходили по Неве до самого залива. Нева тогда замерзала ровно, и на ней далеко блестели великолепные лыжни).

Лучше всего помнятся горы пахучих желтых опилок вблизи пилорам, бревна, проходы лесобиржи, смолокурни, и сани, и волки, уют керосиновой лампы, вагонетки на лежневых дорогах».

Д. Гранин. Автобиография

«На следующий год семья переехала в другой леспромхоз. Там были тоже лесозавод, лесная биржа, но не такая глушь. Жили на полустанке Кневицы, кажется, километрах в сорока от Старой Руссы. Возможно, на переезде настояла мать. Она все больше тяготилась сельским захолустьем. Ее тянуло в город. Каждый вечер, в восемь часов, заходя, она отправлялась на перрон к питерскому поезду. Приходил туда весь «высший свет» поселка: учитель, фельдшер, бухгалтер лесозавода, почтарь, являлись с женами, приодетые, особенно по воскресеньям, гуляли по высокой дощатой платформе, постукивая каблучками. Гармонист играл. Молодые пели. Выходил начальник разъезда в фуражке, милиционер в белой гимнастерке. Курили, общались, новости местные обсуждали. Нечто вроде клуба. Как позже на курорте старорусском, где ходили по галерее, попивая целебную водичку, здесь вместо водички лущили семечки подсолнечные, тыквенные. Иногда угощали друг друга монпансье из желтых круглых баночек.

Приближался поезд. Стоял он минуту. Редко кто приезжал или уезжал. Скидывали мешок с почтой, посылками. Пассажиры глядели на местных, те на них. За зеркальными окнами вагонов стояли бутылки вина, кто-то, лежа, с верхней полки лениво обегал глазами эту туземную публику, были вагоны мягкие, там висели бархатные занавески, люди смотрели оттуда безулыбчиво, строго. Короткий гудок, и поезд трогался. Глядели ему вслед, пока красные глазки последнего вагона не исчезали вдали. Расходились притихшие.

Почему-то думается, что эти поезда волновали мать. Звали ее куда-то».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Приехав в Кневицы, я не нашел ни нашего дома, ни домов соседей. Война все снесла, мир все отстроил заново. Было одно дерево, по расположению оно, казалось мне, вроде бы то, что стояло перед нашим домом. Да и относительно железной дороги вроде бы оно, если считать, что пути железнодорожные не переносили. Но уж больно оно разлапистое, раскоряченное. Может, конечно, внутри этой старой липы есть то молодое деревцо, что стояло под нашими окнами, так разве узнаешь. Так и Кневицы. Они внутри меня хранятся, круги детства, как годовые кольца. У дерева оно всегда внутри, его прошлое, оно составляет ствол, новое нарастает вокруг, а того, молодого, никак не увидеть. И мне теперь тоже не увидеть этих милых Кневиц, где прошло детство, не увидеть полустанка, дощатой платформы, чайной...»

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Родных у нас не было. Как я теперь понимаю, родители скрывали про них, наверное, потому, что они жили за границей. У мамы — где-то в Прибалтике или в Польше. У отца — не знаю, но какая-то часть его молодой жизни была от меня спрятана. Отец не прочь был выпить, предпочитал самогон, любил купаться, крепко париться в бане, играл в шахматы. Главная же черта его жизни была доброта. Была она естественной, он первый от нее удовольствие получал.

Умер он, когда я был уже женат. Успел понянчить мою дочь, многое успел увидеть из моей жизни. С его смертью я лишился зрителя-болельщика, всегда заинтересованного, собственная его жизнь к старости занята была прежде всего переживанием моих радостей и невзгод».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Азарт спорщика Д. унаследовал от отца. На реке, где протекала летняя жизнь, зашел спор, кто дальше пронырнет. А чтобы точно замерить, решили нырять с гонок, то есть с плотов, и пробираться под ними, пока хватит воздуха. Так и сделали. Д., нырнув под бревна, решил не перебирать их руками, а поплыть, для этого загрести вниз. Поплыл, но, видно, там, внизу, поплыл не по прямой, потому что, когда почувствовал, что «воздух кончается», стал выныривать, стукнулся головой о бревна, потерял ориентацию. Плывет, перебирает руками скользкие бревна, и никак они не

кончаются.

Темно, просвета нет, заметался он под бревнами, не выплыть ему, стучит в бревна, так ведь не достучишься, не раздвинуть их. Гонки стояли вдоль берега, перевязанные плот за плотом, длинные-предлинные. Гонщики себе шалаш на нем сладили, сидели там и, услышав ребячьи голоса, почувствовали что-то неладное. Вытащили Д., еле откачали, отлежался он на берегу, растерли его самогоном, но, главное, никто не сказал родителям, ни ребяшня, ни взрослые не выдали».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Пропали отцовские фотографии, семейный альбом, пропал сундук с отцовскими материалами лесных обмеров, экспедиций, все сожгла соседка в блокаду. Сундук оставила, сожгла и старинные книги, и мои школьные тетради, которые отец собирал, мои рисунки, стихи, всё то, что хранил для меня и внуков. Как будто пропало мое детство».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Отца перевели в Ленинград. Много позже мать как-то упомянула переулок рядом с французской церковью, где они поселились. Д. пошел туда, уверенный, что сам найдет их жилье. Долго он вглядывался в эти каменные многоэтажные дома. Ничего не возникало, начисто. Зато вспомнилось другое, одно из самых первых городских событий. Была Женька, их домработница. Саму Женьку Д. не помнит, помнит лишь то, как она водила его в ближайший сквер гулять, и там он пел какую-то нехитрую песенку тех времен, может, «Кирпичики», а может «Маруся отравилась», при этом танцевал. Очевидно, Женька выучила его этому. Она ходила с ним по скверу, подводила к скоплению мамаш и детей, и Д. начинал там свое представление. Женька же обходила зрителей и собирала денежку в его шапочку. Д. свою роль выполнял с удовольствием. Женька тоже была довольна приработком. Номер пользовался успехом. Малыш, одетый вполне прилично, кажется в матросский костюмчик, работал тонкий психологический расчет: мать, то есть Женька, она, значит, заботилась о дитяти, сама — в драном платье, а ребеночек ухожен, подстрижен, умыт, и вот он своим ангельским голоском поет:

*Пускай могила меня накажет
За то, что я тебя люблю.
Но я могилы не боюсь,
Кого люблю и с тем умру...*

Слушатели хохотали и щедро награждали его. Женька строго наказала Д. дома не рассказывать, за это она покупала ему мороженое».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Отца переводили время от времени из леспромхоза в леспромхоз: то в Новгородчину, то на Псковщину, то отправляли куда-то в Бийск, в Невьянск, в Вятку, затем опять под Кингисепп. Не знаю, почему так получалось. Был он человек счастливой мягкости и доброты, счастливой, потому что не страдал от своей мягкости, не считал ее слабостью. Всего, чего он добивался в спорах своих с начальниками, с настырными лесозаготовителями, он добивался добротой. Доброта была его слабостью и силой. Его старались не обижать. Может, скитания наши происходили из-за его покладистого характера? Дети мало что знают про работу своих отцов...

Мы садились на высокие вагонетки и катились на далекие делянки. Отец постоянно хитрил, торговался с заготовителями, подрядчиками, стараясь всучить им лесосеки подальше от железной дороги, чтобы рубить все же выборочно, а не сплошняком. Лесорубы за это тоже сердились на него, предприятия жаловались, особенно экспортные. Экспортлес — был такой толстый дядя в жилете с манишкой. Все были против отца, не пойму, как он держался.

Больше помнились не люди, а сама лежневка, ее разлохмаченные деревянные рельсы, чалые лошади, впряженные в вагонетки. Еще ручная дрезина, на которой мы неслись по главной магистрали — железной узкоколейке. И сами переводили стрелки...

Когда-нибудь изобретут способы оживлять детские воспоминания. Присоединят электроды, включают поля — и в мозгу медленно, как на понтонах, начнут всплывать картины детства, голоса родных, их лица, слова, прикосновения. Я услышал бы, как пела мать, где-то здесь она ходила и пела. Голос у нее был сильный, чистый, помню, она упрекала отца: если б не его лесная жизнь, она могла стать певицей.

Способа этого еще нет. Надо самому каким-то образом стараться сдвинуть слежавшиеся пласты памяти, спуститься поглубже, в те годы, когда мы еще жили в Старой Руссе и мама была совсем молоденькой...»

Д. Гранин. Обратный билет

«Плавать его научил отец. Бросил с крутого берега в реку, и вся недолга. Напугал, Д. крича, барахтался в ужасе, захлебываясь, но вдруг ощутил, что держится на воде. Ужаса было не так много, больше крика. Отец в труселях, смеясь, стоял на берегу, а он плавал хорошо и саженками, и лягушкой. Несколько раз он учил сына, показывал, поддерживал рукой — бесполезно. Бросил, и все само получилось. С той минуты началась водяная жизнь Д., которая пошла рядом с земной, пешеходной, сидячей жизнью. Реки, речонки, озера, моря, заливы, океаны, зимой — бассейны, и всегда это была радость.

Пожалуй, ничто не доставило ему в сумме столько счастья, как водная стихия. И в минуты этого блаженного слияния тела с теплом озер и рек всегда охватывала благодарность отцу. Учите детей плавать, своих детей, чужих детей. Это самое прочное, надежное помещение вашего, если позволено выразиться, благодеяния. Всегда помнят того, кто научил плавать, ездить на велосипеде, играть в шахматы, так же как помнят первых учителей».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Я закрыл глаза, и мне вспомнилось, как отец учил меня плавать в этой купальне. Как мы сидели с ним здесь последний раз, когда мне было уже семнадцать лет. Белое сухонькое тело отца, коричневая, загорелая шея, до кистей коричневые руки, точно в перчатках. При его лесничьей работе курортная эта купальня была для него роскошью, да и Старая Русса после лесных барачков, смолокурен, делянок с бело-желтыми штабелями баланса, какого-то пропса, лесосплавных барж с плотами, гонками, — этот город был для него праздником, и он нахваливал мне эту купальню, плотную зеленую воду, на которой можно было лежать, красоту и знаменитость здешних мест...

И вот сейчас отца моего давно уже нет в живых, а я сижу здесь и так же щурюсь на этот хвойный блеск воды, теперь уже зная цену

неторопливости и этих пристальных минут. Мне показалось, что отец чувствовал или знал, что когда-нибудь это случится со мной, я приеду сюда. Как будто он забросил то наше прощальное купание в мое будущее и теперь я нашел...

Д. Гранин. Прекрасная Ута

«Я любил следить, как одевается в гости отец. Это была целая процедура, все равно как лошадь запрягать. Рубашки отца имели пристежные воротнички. Для удобства. Воротничок пачкался, его меняли. Воротничок надо было пристегнуть спереди и сзади. Для этого имелись специальные металлические пристежки. Я помню рубашки отца — две серые и белую. Свои не помню, а его рубашки помню. В уголках воротничка были петельки, сквозь них продевалась металлическая держалочка, чтобы галстук не сбивался. Концы галстука тоже прикреплялись к рубашке специальным зажимом. Манжеты тоже бывали пристежные. Кроме того, они скреплялись запонками. Вся эта мелочь амуниции хранилась у отца в деревянной коробочке, и почему-то эти невидные предметы, похожие на насекомых, я помню и на вид, и на ощупь. Помню всю его одежду: кальсоны с завязками, треух, белое трикотажное блестящее кашне, парусиновые туфли, чищенные мелом, сандалии. Однажды его премировали бурками. Белые, отороченные кожей, с отворотами, роскошные бурки напоминали средневековые ботфорты. Отец стеснялся их надевать, и они стояли как украшение».

Д. Гранин. Ленинградский каталог

«Матери-горожанке, моднице, молодой, красивой, не сиделось в деревне. Это я понимаю теперь, задним числом, разбираясь в их ночных шепотных спорах. А тогда все принималось как благо: и переезд в Ленинград, и городская школа, наезды отца с корзинками брусники, с лепешками, с деревенским топленым маслом. А все лето — у него в лесу, в леспромхозе, зимою — в городе. Как старшего ребенка, первого, особо сильно тянули меня каждый к себе. Это не была размолвка, а было разное понимание счастья. Потом все разрешилось другими обстоятельствами — отца послали в Сибирь, куда-то под Бийск, а мы с тех пор стали ленинградцами».

Д. Гранин. Автобиография

«<...> Герман Ал-др Дан., лесной техник, ул. Пестеля, 27».

Абоненты Ленинградской телефонной сети (Л., 1925)

«Выкроив несколько отгульных дней, отец приезжал в город повидать нас. Поезд приходил рано, отец поднимался по лестнице, стучал в стенку. Он тащил на спине мешок, в руках корзины, бог знает какую тяжесть — бруснику, грибы, творог, деревянные миски, яблоки, ржаные кокорки. Долго сидел, не раздеваясь, потный, было жалко его, гостинцы казались ненужными.

Сколько упрашивали его переехать в город, он так и не мог решиться, уверял, что без леса ему нельзя.

Была тетя Даша, жесткая и резкая старуха, которая сажала меня с собою у печки и внушала, помахивая кочергой:

— Ты отца не мучай, ты расти пряменько, шагай в ногу со своими товарищами и не оглядывайся. Считай, что у тебя отец отсталый.

Отсталость родителей успокаивала и вроде бы все объясняла. И отцу тетя Даша говорила:

— Ты детям расти не мешай. У них своя жизнь. Не путай их своим дегтем и шишками».

Д. Гранин. Обратный билет

«Пантелеймоновская улица времен моего детства. Магазин братьев Чешуриных — молочный магазин, выложенный белым кафелем, там сметана разных сортов, творог в деревянных кадушках, молоко в бидонах, масла, сыры, и сами братья орудуют в белых фартуках с черными блестящими (из кожи, что ли?) нарукавниками. А на углу Литейного была кондитерская «Ландрин». А дальше по улице к Соляному переулку была булочная Филипповых, утром я бежал туда за горячими рогаликами, булочками, не помню уж точно, мама посылала меня. Был какой-то магазин «Лора». Шли трамваи с «колбасой», катались на «колбасе» — это резиновый шланг на задней стенке (для пневматики), — за него цеплялись и ехали. Улица была вымощена деревянными шашками, панель — плитами,

ворота на ночь запирали, парадные тоже, дежурные дворники сидели у ворот, а уж к ночи уходили в свои дворнички. У нас дворницкая была в подворотне, туда звонок, открывали, и надо было сунуть за это двугривенный. У Спасской церкви стояли пушки. В Вербное воскресенье на площади перед церковью устраивалась ярмарка. Обитая черным бархатом карусель. По бархату стеклярус. Китайцы продавали скрипучки, веера, чертиков, «тещины языки», «Уйди-уйди». Пряники продавали, длинные конфеты, обкрученные ленточками, моченые яблоки, конечно, семечки, причем разных сортов: семечки жареные, сырые, тыквенные, чищенные. На лотках торговали маковками, это вроде ирисок, но сваренные на сахаре из мака, постным сахаром всех цветов:

Шли по улице ломовые извозчики, под телегой ведро, позади прикреплен номер; грузовики АМО, тележки разные, шли татары-халатники с мешками, почему-то полосатыми, в них собирали всякое тряпье, лом, шли лоточники, газетчики, стояли с корзинками торговли, шли точильщики со своим точилом, шли стекольщики с ящиками поблескивающего зеленоватого стекла, трубочисты, пильщики дров с пилами и топорами, лудильщики... Сколько их было, разного рода мастеровых. Маляры с длинными кистями и ведрами, полотеры со щетками, измазанные коричневой своей мастикой, обойщики... Чистильщики сапог сидели на углах. В каждом дворе была часовая мастерская. Там с лупами в глазах сидели за большим витринным стеклом, склонив свои лысоватые головы, часовщики. Потом там была портняжная мастерская, там работали скорняки, делали бюстгальтеры.

На углу Моховой был закрытый распределитель «Красная звезда». Рядом магазин ЛСПО (Ленинградский союз потребителей обществ). Сколько их было, этих аббревиатур. К магазинам прикреплялись. Люди имели заборные книжки, в них ставился штамп магазина. Заборные книжки выдавали в конторах жактов.

Все это исчезло, прочно позабыто и ни к чему это помнить. Хотя из этого состояла наша жизнь».

Д. Гранин. Заговор

«В нашем доме доживали «бывшие». Наверху жила баронесса Шталь, ниже граф Татищев, ставший у нас управдомом. Когда его называли бывшим графом, он обижался: граф — это не должность, говорил он, а порода. Не может быть бывший доберман-пинчер. Он, кажется, был

хорошим управдомом, он все знал, все подвалы, водопровод, чердаки.

Население было самое смешанное. Поселился веселый курчавый парень из чека, звали его Илья; жил директор фабрики чернильных приборов; жили две работницы папиросной фабрики. В большие квартиры подселяли и подселяли заводских. Квартиры становились коммунальными, шумными, но сохранялся еще старый уклад домовой жизни. По черной лестнице дворники таскали дрова вязанками. Платили с вязанки. По черному ходу выносили помойные ведра, ходили на чердак вешать белье, по черному в квартиры приходили цыганки гадать, появлялись печники, трубочисты, прачки... Да, ведь были прачки, одна жила у нас в доме, была во дворе прачечная, где мать сама стирала, а иногда отдавала прачке. Во дворе выбивали ковры, кололи дрова, обойщики потрошили матрацы, собирались квартироуполномоченные. Во двор приходили шарманщики, певцы, цыгане, скрипачи, а то и целые ансамбли — трио, квартеты. Жильцы высовывались в окна, слушали представление, кидали завернутые в бумажку монеты. Мы бегали, подбирали, отдавали музыкантам. Какой-нибудь пятак завалится за поленницу, бросивший кричит из окна, показывает, мы носимся — кто скорее найдет. Двор был сложным организмом со своими странностями и правилами. Двор имел своих лидеров, свои компании. У нас главой была дворничиха Шура с сыном Степой, дочерью Аськой и множеством быстро сменяющихся мужей...

Мужчины ходили в желтых кожаных крагах, в калошах, а женщины в фетровых высоких ботиках или тоже в калошах с каблуками. Появились макинтоши. Все больше было велосипедистов. По улице ездили конные милиционеры в белых гимнастерках, а зимой — в шинелях с башлыками. Ездили похоронные дроги, белые, но были и черные, с резными колоннами, высокими колесами. Существовали керосиновые лавки, мы ходили туда с бидонами и брали отдельно в бутылочку бензин для разжигания примусов или денатурат.

Всю еду готовили главным образом на примусах. Плиту топили редко. На кухнях гудели примуса по три, четыре сразу. Примуса эти составили целую эпоху городского быта, это была целая отрасль, система, стиль.

Примуса взрывались, возникали пожары. Примус требовал наблюдения, чистки, была сеть мастерских по ремонту примусов. Были еще тихие керосинки, были духовые утюги, доживали самовары, их растапливали на черном ходу. Были угары от печей, от угаров спасались нашатырным спиртом. Вся эта бытовая техника ныне вспоминается с жалостью. Как трудно, мучительно приходилось нашим матерям, сколько сил требовалось, чтобы сготовить, истопить, постирать, выгладить!»

Д. Гранин. Обратный билет

«В уборной нашей коммунальной квартиры висели именные деревянные стульчаки на унитаз, у каждой семьи свой. На кухне расписание уборки. На входных дверях четыре почтовых ящика, на каждом фамилия и название газеты. Были еще две семьи без ящиков, они не получали ни газет, ни писем. В передней висели ряды электросчетчиков.

Бытование в коммуналках беспросветно. Оно отвращает от понятия «моя квартира», для нее ничего не хочется делать хорошего. Мы жили в старинном доме, лестницы были украшены узкими панелями красного дерева, постепенно все их выломали. Зачем? А потому, что коммуналка внедрила в сознание «они», все это казенно-отчужденное. Ангел места со всеми своими архитектурными красотами обрел враждебность. Коммуналка морально несовместима с классической архитектурой, с бывшими барскими квартирами. Коммуналка, она барачного происхождения, из бараков, позже она получалась из «хрущоб», с их тесной планировкой, низкими потолками, бетон, холодина, щели...

Где-то в сокровенных тайниках души я понимаю выходки городских вандалов. Контрасты в их жизни слишком разительны».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Помню, как иду из школы, размахивая портфелем, а навстречу идет парень из детского дома. Подошел ко мне, улыбнулся, хорошо так улыбнулся, и я ему улыбнулся в ответ. Думал, он хочет познакомиться. А он отшатнулся и как лбом дал мне по носу. Я залился кровью. Долго я не мог понять: почему? за что? Ведь он мне так улыбался! Потом только сообразил, что ему это доставляло огромное удовольствие. Тогда я впервые понял, что такое злой человек».

Из интервью Д. Гранина газете «Дело», 26 мая 2005 г.

«На Невском, у Литейного, постоянно толпились одни и те же компании ребят. А на углу Садовой и Невского были уже другие компании. Тогда не сидели в кафе, тогда топтались на Невском, гуляли по Невскому, шли «прошвырнуться», встречая знакомых, приятелей... Я пытался

вспомнить язык тех лет, и вдруг оказалось, что не так-то это просто. Никто толком не записывал те словечки, и песни тех лет, и всякие истории и легенды, которые ходили по городу. В песенном нашем репертуаре отражалось время, еще взбаламученное, где все переплелось, соседствовало — романтика гражданской войны, блатное, пионерское и нэповское: «Юный барабанщик» и «Вот умру я, умру, и не станет меня», «Там вдали, за рекой, догорали огни» и «Кирпичики». Распевали песни из первых звуковых фильмов: «Златые горы», «Встречный», «Путевка в жизнь»...

Одна Лиговка чего стоила с ее жаргоном, ее героями. Лиговка — обиталище гоп-компаний. Обводный канал с его барахолками. А первые танцзалы, первые Дворцы культуры — Выборгский, Нарвский... В этом городе шла жизнь, не похожая на нынешнюю. Носились мальчишки-газетчики с «Вечерней Красной газетой», на дачу уезжали в Сестрорецк или Тарховку. Не было ни метро, ни троллейбусов. Было много деревянных домов, которые в блокаду разбирали на дрова... Нет, это был во многом другой город, черты его утрачены, а жаль, потому что всегда хочется иметь фотографии своей молодой жизни».

Д. Гранин. Ленинградский каталог

«На Литейном был специальный магазин для филателистов. Я помню, какое впечатление произвел на меня длинный застекленный прилавок. На зеленом сукне лежали в прозрачных кармашках блоки новеньких роскошных марок. Яркие многоцветные картинки — негритянские воины, тигры, храмы, караваны. Словно заморские тропические бабочки. В массивных шкафах мерцали корешки толстых каталогов. На высоких стульях сидели взрослые дяди и листали альбомы разных стран. Альбомы Бельгии, Мексики, Швеции. Под каждой маркой карандашиком была написана цена. В рублях. Копеечных марок было немного. Дяди приходили со своими каталогами. Почему-то все каталоги были на немецком языке. Продавались альбомы. Дорогие, увесистые, с золотыми тиснениями, сладостно пахнущие кожей и свежей, еще не тронутой бумагой. Недостижимое хорошо помнится. Я откладывал мелочь, которую получал от матери на завтраки. Большие медяки обменивал на серебро. Жизнь обрела цель...

Мы жили бедно. Отец был выслан в Сибирь, мать целыми днями шила платья на заказ. Она гордилась моими отметками, учеба давалась мне легко,

поэтому всякие драки, школьные битвы сходили мне с рук. Классный руководитель Ксения Аркадьевна, как я теперь понимаю, хотела отвлечь меня от дурного влияния с помощью общественной работы, она давала мне всякие поручения, однажды поручила собрать деньги на учебники. По полтора рубля с человека. Сперва у меня оказалось на руках двадцать с чем-то рублей. Назавтра должны были принести еще. После уроков я немедленно отправился в магазин марок и купил из этих денег альбом. Тоненький, дешевый, но лучше, чем у Бобика. Синий переплет, на обложке выпуклая надпись. Продавец уговорил меня еще купить две сотни наклеек, уголков, не помню уж точно, как они назывались. Весь вечер я переклеивал марки из тетрадки в альбом. Сладостное занятие. <...>

Вскоре, разумеется, все раскрылось. Несколько дней я тянул, врал Ксении Аркадьевне, что забыл деньги дома, что мать ушла, заперла их в шкафу, но настал день и час, когда пришлось признаться во всем. Подробности признания начисто исчезли из памяти. Стыд аккуратно стер обстановку, слова, теперь там белое пятно, зато далее следует заключительная сцена, памятная во всех подробностях. Мать зажала мою голову между колен и ремнем стегала меня по голой заднице. В это время в печке медная дверца была раскрыта и там пылал альбом, вся моя коллекция. Альбом корчился, сжираемый пламенем, желтые языки раскрывали страницы, забирались внутрь, марки, марки уносились, махнув синеватыми вспышками. Только ярость матери могла придумать такую казнь».

Д. Гранин. Пепел

«Школа моя пошла всерьез примерно с шестого класса. В школе, на Моховой, оставалось еще несколько преподавателей бывшего здесь до революции Тенишевского училища — одной из лучших русских гимназий. В кабинете физики мы пользовались приборами времен Сименса-Гальске на толстых эбонитовых панелях с массивными латунными контактами. Каждый урок был как представление. Преподавал профессор Знаменский, потом его ученица — Ксения Николаевна. Длинный преподавательский стол был как сцена, где разыгрывалась феерия с участием луча света, разложенного призмами, электростатических машин, разрядов, вакуумных насосов.

У учительницы литературы не было никаких аппаратов, ничего, кроме стихов и убежденности, что литература — главный для нас предмет. Ее

звали Аида Львовна. Она организовала литературный кружок, и большая часть класса стала сочинять стихи. Один из лучших наших школьных поэтов стал известным геологом, другой — математиком, третий — специалистом по русскому языку. Никто не остался поэтом. Мне же стихи не давались. С тех пор у меня появилось благоговейное отношение к поэзии, как к высшему искусству. В порядке самоутверждения я тоже написал в школьный журнал, написал о том, что поразило меня тогда — о смерти С. М. Кирова: Таврический дворец, где стоял гроб, прощание, траурная процессия...»

Д. Гранин. Автобиография

«С 6-го класса или, пожалуй, с 7-го я вдруг почувствовал, как хорош мой класс в новой школе, сколько в нем разных ребят, и все мне интересно. Прошло столько лет, а я помню весь класс, всех тридцать шесть человек. Всех вспоминаю с любовью. Егорова-Горская, две блондинки-подружки неразлучных, Женя Лякшина, которую я прозвал Междуляшкина и за это меня таскали к директору, Муся Букашкина. Боже мой, сладостно даже вспоминать их имена и фамилии, без всяких фотографий медленно проступает в памяти их детский облик.

Что такое класс, ведь его специально не подбирают? Это стихийно собранное сообщество. И складывается оно по каким-то своим таинственным законам, каким — никто не знает, может, кто-то изучает, какие-то психологи, но, к счастью, результатом этих исследований не пользуются, а как испокон веку школьный класс появляется, так это и получается. Между тем это весьма важная часть школьной жизни, может, важнейшая. Считается: первое — хорошие учителя, второе — семья. Они формируют, учат школьника, и почти никто не учитывает такую составляющую, как класс. Наш класс я любил и мчался утром с удовольствием в школу. Моя дочь не любила свой класс и шла в школу без особой охоты. А бывают ведь такие классы, из-за которых вообще не хочется учиться.

В классе есть свои лидеры, свои гении, свои обалдуи. У нас в классе был один отпетый хулиган — Юзя Ш. Его всегда наказывали, он дерзил учителям, хамил. Сидел на задней парте и оттуда отпускал свои ядовитые, порой нецензурные прибаутки. Его выставляли из класса, вызывали родителей, предупреждали, он избивал непокорных, руководил драками с соседней школой, имел кастет свинцовый, принес и продал кому-то из нас

финку — в общем, допрыгался до того, что его исключили из школы. И что вы думаете? Класс, который страдал от него, злился, может быть, даже стыдился его, класс наш сразу как-то поблек и многое потерял в яркости своей внутренней жизни. А еще вот тот парень, Ван дер Люббе, тупой, скучный, неинтересный, а когда он заболел надолго, нам его стало не хватать и даже ходили к нему в больницу. Нет, класс — это поистине таинственное произведение неведомого художника, витраж, свет которого надолго определяет душевный наш климат».

Д. Гранин. Заговор

«У нас была очень хорошая школа. Я имею в виду нашу ленинградскую школу на Моховой. До этого я учился в Старой Руссе, в других школах, а с шестого класса — на Моховой. Прекрасная была школа. Не только потому, что дала знания, не только потому, что вообще эти годы были хорошими, но и потому, что школа наградила меня друзьями, и до сих пор я живу этой дружбой. Оказалось, что школьные друзья — самое прочное приобретение для души. Большая часть моих друзей — школьные друзья, хотя расставались на десятки лет... Как правило, это интересные и хорошие люди, которые много поработали, много сделали, самые разные люди. Вот это из детства. Потом юность, моя молодость — все это отняла война, поскольку я с первых дней ушел на войну добровольцем и воевал почти до конца войны. Очень хорошими были студенческие годы.

Были и горькие вещи. Помню, меня не принимали в комсомол, потому что отец у меня был лишенец. Было такое звание: отец, лесник, был сослан в Сибирь и лишен избирательных прав. И меня никуда не принимали. Это было очень горько. Но потом, уже перед войной, я вступил в комсомол. Меня сначала приняли в кандидаты комсомола... У многих моих друзей, школьных и студенческих, отцов и матерей сослали, а потом самих ребят выслали из Ленинграда. Тяжкое было время. Но тем не менее, помимо всего этого, была какая-то сильная тяга к гуманитарным наукам. Мало того, что мы занимались в институте, так еще ходили в Центральный лекторий на Литейный, там были курсы по истории литературы, античного искусства, театрального искусства, живописи. Мы ничего не пропускали, бегали на эти курсы и лекции. Бегали в филармонию. Мы очень жадно пользовались Ленинградом. Ходили по всем театрам. Ленинград был сокровищем. Мы чувствовали, что покинем Ленинград (многие действительно уехали из Ленинграда на работу — у нас были геологи,

строители), и торопились им насладиться. Эта жажда насладиться Ленинградом очень характерна для моей юности».

*Из беседы Д. Гранина с А. Мартыновым (Аврора. 1989.
№ 1)*

«Как это произошло — помню плохо. Честно говоря — совсем не помню. Должен был бы. Во всех подробностях, мне уже было тринадцать лет...

Отца выслали. В Сибирь. Сперва в Бийск. Потом куда-то в тамошний леспромхоз. От него приходили успокаивающие открытки. Приятно округлый почерк, читая, я видел его руку в рыжих веснушках, с аккуратно обстриженными ногтями. Перед сном он гладил меня. Проводил два раза от макушки до шеи. Мать никогда не гладила. Теперь, без отца, я плохо засыпал.

Жизнь наша круто изменилась. Семья обеднела. Не стало деревенской снеди, той, что производил отец — самодельные сыры, деревенское масло, грибы, брусника. Довольствовались карточками, в магазинах вырезали талончики на жиры, на консервы, давали селедку, крупы и «макаронные изделия». Мать мчалась из одной очереди в другую. До позднего вечера работала за швейной машинкой.

В нашем классе и с другими стало происходить похожее. Отцы исчезали... Колбасьев, Канатчиков, Бершев... Нас оглушил арест отца Толи Лютера, любимца класса. Лютеры жили на набережной, в большой шикарной квартире. Отец его занимал какую-то высокую должность, ездил на казенной машине. Когда отца арестовали, об этом объявили в газетах. «Враг народа...» Что-то было еще о нем, как о деятеле латышской компартии».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Понятие «дорого», «слишком дорого» останавливало нас на каждом шагу.

Не было денег на кино, дорого выписать «Пионерскую правду», а уж «Вокруг света» тем более. Котлеты мясные — дорого, пирожное — событие, а крабы, икра — это могли позволить себе легче, тем более что не пользовались они спросом и в магазинах висели плакаты: «Всем

попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы!».

В девятом, десятом классе любимыми нашими книгами стали «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Оттуда наизусть цитировали большие куски.

Мы любили тогда Маяковского, Светлова, Тихонова, Сельвинского.

Собственных книг в доме имелось немного. Книга, особенно детская, представляла драгоценность. Жюль Верн, Джек Лондон, всякие приключения — их брали друг у друга почитать, обертывали бумагой. Книга жила долго, ее переплетали любовно и красиво. Пользовались мы повсю библиотеками. В библиотеках стояли очереди, на руки давали не больше двух-трех книг.

Что нас более всего захватывало и привлекало, так это путешествия, полеты, экспедиции. Эпопея челюскинцев, Чкалов, экспедиция Нобиле, полет Амундсена... В разные годы, но одинаково волнующие события. Переполненный, как никогда, Невский проспект в день возвращения челюскинцев. Толпа ликующих ленинградцев. Медные громы оркестров. Сыплются сверху листовки. И общий, соединяющий всех восторг! Такой же стихийный праздник достался нашим детям в счастливый апрельский день 1961 года, когда все высыпали на улицу, пели, обнимались, кричали: «Ура Гагарину!», несли самодельные плакаты: «Мы в космосе!».

Д. Гранин. Ленинградский каталог

«Я вспоминаю свои первые детские представления о писателе. Да и не только детские, и позже, в юности, писатель казался мне человеком необычным, удивительным не только своей способностью создавать образы живых, осязаемых людей, но и своим могуществом: он все может, значит, за все в ответе, он проникает в души людей и выражает душу времени. Исторические романисты — это, конечно, очень интересно, но это не то. Вот те, кто пишет о моих сверстниках, о том, что творится вокруг нас, — вот с таким писателем мечталось встретиться. Такие люди, казалось нам, владели всеми тайнами грядущего».

Д. Гранин. Современность

«Когда Гранину было лет четырнадцать, он написал первый рассказ. Сам рассказ не сохранился, да и названия его Гранин не запомнил. Но о чем

бы вы думали идет в нем речь? Ни более ни менее как о писательской судьбе! Старый писатель всю свою жизнь прожил для творчества, для литературы. Что бы у него ни случилось, всегда все становилось элементом сюжета. Он как будто сам не жил, а все свое личное бытие строил как материал для книг. Даже смерть сына он рассматривал как сюжет для художественного произведения. И вот жизнь прожита; она вся переплавлена в книги, а у самого автора уже больше ничего не осталось, и с ужасом он убеждается в том, что и жизнь ушла и писать больше не о чем. И он решает уйти из жизни. Весь рассказ построен в виде рукописи, якобы найденной у постели старого писателя, покончившего самоубийством. Нет надобности доказывать всю наивную литературность этого опыта. Что мог знать четырнадцатилетний мальчик о драме писателя?»

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«Мать никого не боялась, кроме фининспектора. Портниха, то есть кустарь, должен быть зарегистрирован и платить налоги. Быть кустарем значило стать человеком не совсем советским, нечто вроде нэпмана, окончательно испортить анкету для детей, мало того, что отец сослан — слава богу, об этом пока не дознались соседи — так еще мать кустарь-одиночка. Прицеп-то какой — одиночка. Вызов всему строю советскому, коллективистскому, сплоченному.

Коммуналка была худшим из всех созданий Советской власти. Насильно согнанные в одну квартиру разные семьи день и ночь должны были находиться на виду друг у друга. Ни одна перегородка не спасала от соседских ушей. Было известно, что готовили, что покупали, ночная жизнь наутро обсуждалась, подслушивали, подглядывали, вызвали про любовные шашни. Призывы к бдительности. Вся жизнь проходила на виду. Я не мог уединиться, всюду меня доставала злоба совместной жизни. Казалось, эту тесноту насаждают специально, так сподручнее следить, загружать души дразгами, чтобы поменьше задумывались. «Коммуналка несет государеву службу. — Так один из жильцов, доцент Зайкин, пояснял мне. — Трудящийся с работы домой не торопится. Всяк живет тут под присмотром, чтобы никто не отставал по дороге к социализму».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«В десятом классе меня не приняли в комсомол как сына высланного. Дома я пожаловался матери. Она ничего не ответила. Я рассказывал, как это было, остальных приняли, а мне отказали. Не утешала, хоть бы слово сказала, сжав губы, молча строчила на своей машинке.

Я лег на диван, стало обидно, что у себя дома родная мать хоть бы подошла, по голове погладила. Думаю, что я заплакал, во всяком случае так я сейчас вижу ту сцену. Достоверно в ней молчание матери, холодное, упорное молчание.

Наверняка она проклинала сволочные порядки этой власти, этой уродской страны... Ненависть переполняла ее. Только теперь я сообразил, что она никогда при мне не поносила власть. А может быть, ее даже устраивало, что ее мальчика не приняли в комсомол.

Паренек этот всё лежит на диване, раздавленный, жалкий, никем не понятый, никому нет дела до его позора и несчастья. Он всерьез считает, что отныне он отщепенец, будущее его растоптано, надеяться не на что. Это выглядело жизненной катастрофой».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Справка.

Дана Герман Даниилу в том, что он действительно окончил в 1935 г. 10 кл. 15 средней шк. Смольнинского р-на.

14/VI. 1935. Директор 15 с. ш. <нрзб.>».

Из личного дела студента Д. А. Германа (архив СПбГПУ)

«Несмотря на интерес к литературе и истории, на семейном совете было признано, что инженерная специальность более надежная. Я подчинился, поступил на электротехнический факультет и кончил Политехнический институт перед войной. Энергетика, автоматика, строительство гидростанций были тогда профессиями, исполненными романтики, как позже атомная и ядерная физика. Наши профессора участвовали еще в создании плана ГОЭЛРО. О них ходили легенды. Они были зачинатели отечественной электротехники. Они были своенравны, чудаковаты, отдельные, каждый позволял себе быть личностью, иметь свой язык, сообщать свои взгляды, они спорили друг с другом, спорили с

принятыми теориями, с пятилетним планом. Мы ездили на практику на станции Свири, Кавказа, на Днепрогэс. Мы работали на монтаже, на ремонте, мы дежурили на пультах».

Д. Гранин. Автобиография

«Заявление.

Директору ЛИИ от студента 4-го курса ЛЭТИ Д. А. Германа.

Прошу зачислить меня в число студентов ЛИИ на электротехнический факультет по специальности «Электрические станции». Я окончил три курса Ленинградского электротехнического ин-та им. Ленина. В виду ликвидации там специальности «ЭС» я вынужден взять перевод из ин-та. Согласие директора на перевод я имею.

При заявлении прилагаю отметки за прошлый семестр и автобиографию.

Прошу сообщить по адресу: Ленинград, ул. Пестеля, д. 27, кв. 33.

1.08.1938 г.».

Из личного дела студента Д. А. Германа (архив СПбГПУ)

«По окончании средней школы, в 1936 году, Гранин поступает на электротехнический факультет Политехнического института в Ленинграде. Свое решение он объяснял следующим образом: «...когда после школы мы выбирали специальность, имена Графтио, Веденеева манили нас не меньше, чем подвиги Чкалова и Громова. Ленинский план ГОЭЛРО тогда только разворачивался во всю ширь, страна жила вестями о стройке Днепрогэса, Свири, Риона, первых своих мощных гидростанций; рисунки плотин и линий передач глядели со всех плакатов и мы шли в электрики, как на фронт».

А. Старков. Нравственный поиск героев Данила Гранина

«Большая часть студенческого времени уходила на изучение философии, вернее, ее истории, где один философ опровергал другого,

каждый был убедителен, мудр, мыслил неожиданно. Затем математика — тонкие математические приемы. Химические превращения формул. Было множество предметов, которые могли пригодиться, но никогда тому не выпадало случая. Однажды спросил начальника КБ, приходилось ли ему пользоваться «косинусом»? Пожевав губами, начальник, ему было за 50 лет, нарисовал треугольник, почеркал его, вспоминая. «Пожалуй, ни разу», — признался он. Считалось, что все это нужно для общего развития, но с большим успехом можно было бы разгадывать ребусы, решать шахматные задачи, головоломки».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Диплом № 162099.

Предъявитель сего тов. Герман Д. А. в 1935 г. поступил и в 1940 г. окончил полный курс Ленинградского индустриального института по специальности «Электрические станции» и решением Гос. экзаменационной комиссии от 23/VI. 1940 г. ему присвоена квалификация инженера-электрика.

Выписка из зачетной ведомости.

Тов. Герман Д. А. за время пребывания в Ленинградском индустриальном институте сдал следующие дисциплины:

1. Полит, экономия — отл.
2. Экономика социализма — отл.
3. Диалектика и ист. материализм — удовл.
4. Экономика энергетики — отл.
5. Основы марксизма-ленинизма — отл.
6. Высшая математика — хор.
7. Физика — хор.
8. Химия — хор.
9. Теоретическая механика — уд.
10. Сопр. материалов — уд.
11. Теория машин и механизмов — уд.
12. Технология металлов — отл.
13. Начертательная геометрия — уд.
14. Черчение — уд.
15. Рисование — хор.
16. Англ, язык — хор.
17. Военное дело — зачет <...>

Выполнил дипломный проект на тему «Проект ГЭС по р. Серебрянной» с оценкой «хорошо».

г. Ленинград Директор института П. Тюркин

27 июня 1940 г. Декан электромеханического факультета Бор. Воробьев».

Из личного дела студента Д. А. Германа (архив СПбГПУ)

«— Вы были комсомольцем? — спросила я, по каким-то необъяснимым приметам угадав в нем, теперь уже немолодом, очень известном писателе, задорного комсомольца. Я не ошиблась. Он был секретарем заводского комитета, комсоргом батальона.

О комсомольских годах своей юности писатель вспоминает как о чем-то очень дорогом, значительном в его жизни. Мне, комсомолке двадцатых годов, это понятно и особенно интересно.

— Я и девушка, которая потом стала моей женой, — говорит он, — были членами комитета комсомола. Меня избрали секретарем. <...>

— Завод, — писатель охотно возвращается к этой дорогой для него поре, — очень многое значил в моей жизни».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Подтверждение прибытия.

Кировский завод сообщает, что тов. Герман Д. А. прибыл в наше распоряжение 31/VНІ 1940 г. и назначен на должность инженера-инспектора в отдел главного энергетика с окладом 600 руб. в месяц.

Тов. Герман жилье имеет».

Из личного дела студента Д. А. Германа (архив СПбГПУ)

«На пятом курсе, в разгар дипломной работы, я вдруг стал писать историческую повесть о Ярославле Домбровском. Ни с того ни с сего. Писал не о том, что знал, чем занимался, а о том, чего не знал, не видел. Тут было и польское восстание 1863 года, и Парижская коммуна. Вместо

технических своих книг я выписывал в Публичной библиотеке альбомы с видами Парижа. О моем увлечении никто не знал. Писательства я стыдился. Написанное казалось безобразным, жалким, но остановиться я не мог».

Д. Гранин. Автобиография

«Первый свой рассказ я напечатал в журнале «Резец». Это былдохлый малотиражный ленинградский журнальчик. Событие это я почему-то хранил в тайне от родных и друзей. И рассказик был никудышный, и было сознание того, что я не писатель. Тем не менее я отправился в Дом писателей, записаться в их библиотеку. Мне хотелось почитать журнал «Литературная учеба» и серию книжек о том, как писать.

На всякий случай я взял с собою номер «Резца» со своим опусом. Как назло, в библиотеке толпился народ. Библиотекаршу звали Александра Ивановна Вагина. Это была маленькая женщина, подстриженная по моде двадцатых годов — под челочку. Выслушав мою просьбу, она спросила, какое я имею отношение к Союзу писателей. Я стал совать ей журнал «Резец». Голос мой излишне завибрировал, как это бывает, застенчивость прикрылась наглостью. Не знаю, какими словами сопровождал я демонстрацию своего шедевра, привлекая всеобщее внимание. Александра Ивановна усмехнулась над моим журналом, над моей застенчивостью. «Нет, нет, этого недостаточно, — сказала Александра Ивановна, — мы записываем только членов Союза писателей».

Надо было повернуться и уйти. Это было самое трудное, при мне они только усмехались, когда выйду, они расхохочутся. Я ощутил жалкий комизм своей фигуры, штаны с пузырями, резиновые тапки. Выскочка, самозванец. То, как я вспыхнул, еще усугубило положение. Мне редко удается вовремя найтись, снять неловкость шуткой. Я все порчу своим наглядным конфузом. Весь в липкой потной краске, я спускался по лестнице. Не помню, как я вышел, зато помню, как, спускаясь по лестнице, я поклялся, что вернусь сюда победителем, они еще пожалеют, они еще устыдятся. Мраморные ступени Шереметьевского особняка должны помнить жар моей клятвы. Я приносил ее моей юности, моему будущему. Извините, что посягнул на ваш заповедник, говна пирога.

Я вернусь! Вы еще пожалеете! Вы увидите, я въеду сюда на белом коне!

Клятва овладевает душой, юношеская — выжигает свое чувство

глубоко. Слова произнесены и обрели власть, напрасно потом я посмеивался над ними. Оплеуха эта долго еще помогала мне».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

Глава вторая

СУРОВЫЕ ГОДЫ

(1941–1945)

«Рассказывать о своей войне я не умею, да и писать о ней долго не решался. Тяжелая она была, слишком много смерти было вокруг. Если пометить, как на мишени, все просвистевшие вокруг пули, осколки, все мины, бомбы, снаряды, то с какой заколдованной четкостью вырисовывалась бы в пробитом воздухе моя уцелевшая фигура. Существование свое долго еще после войны считал я чудом и доставшуюся послевоенную жизнь бесценным подарком. На войне я научился ненавидеть, убивать, мстить, быть жестоким и еще многому другому, чего не нужно человеку. Но война учила и братству, и любви. Тот парень, каким я пошел на войну, после этих четырех лет казался мне мальчиком, с которым у меня осталось мало общего. Впрочем, и тот, который вернулся с войны, сегодня тоже мне бы не понравился. Так же, как и я ему».

Д. Гранин. Автобиография

«Зачем я пошел на войну? Зачем? У меня была броня, я хлопотал, чтобы сняли эту броню. Это был порыв, пафос. Но уже года через полтора-два я сам себе удивлялся. Приехал получать танки в Челябинск. А в Челябинске был тогда мой Кировский завод. Ребята, которые начинали вместе со мной, стали уже старшими инженерами, заведующими отделов. И я видел, как много они сделали за это время для фронта. А я что? Вшей кормил, валялся в грязи в окопах. То есть, даже рассуждая рационально, это был неправильный поступок».

«В коридоре перед комитетом комсомола Кировского завода стояла длинная очередь. Несколько суток со дня объявления войны очередь эта не убывала. В ней стояли молодые парни и даже девушки — активисты, комсорги, и никакие не активисты, и совсем пассивные, как их до этого считали, и вообще не комсомольцы. Тут же в коридоре на тетрадных листках писали заявления. Некоторые старались объяснить подробнее и как можно убедительнее, приписывая себе военные знания и способности, почему их в первую очередь надо отправить на фронт. А вскоре

выяснилось, что необходимо еще доказать, что завод может без тебя обойтись, надо было получить разрешение от начальника цеха или отдела. Потому что завод работал на оборону, делал танки, и мы все были нужны, имели так называемую броню...

Ах, эти страстные, возмущенные, умоляющие, прекрасные жалобы, и просьбы, и заявления! Изложенные с трогательной и наивной убежденностью, что мы немедленно разгромим, уничтожим врага, что мы, кировцы, путиловцы, имеем право первыми идти в ополчение. И мы, комсорги и члены комитета комсомола, конечно, пользовались своим положением, чтобы пробиться без очереди».

Д. Гранин. Из предисловия к сборнику «Ополченцы» (Л., 1975)

«Перед разлукой мы все трое встретились позади домика Петра I за спиной одной мраморной богини с ее древнеримской задницей. Там было наше излюбленное местечко. Там мы назначали свидания своим девицам. Там была тенистая прохлада, солнечные пятна лениво шевелились на молоденькой траве.

Бен попал в зенитную часть, Вадим — в береговую артиллерию. Они хвалились своими пушками, оба имели лейтенантское звание, полученное в университетские годы, красные кубари блестели в петличках новеньких гимнастеров. Командирская форма преобразила их...

Я не шел ни в какое сравнение с ними: гимнастерка — б/у, х/б (бывшая в употреблении, хлопчатобумажная), на ногах — стоптанные ботинки, обмотки, и в завершение — синие диагональные галифе кавалерийского образца. Так нарядили нас, ополченцев. Спустя много лет я нашел старинную потемневшую фотографию того дня. Замечательный фотохудожник Валера Плотников сумел вытащить нас троих из тьмы забытого последнего нашего свидания, и я увидел себя — в том облачении. Ну и вид, и в таком, оказывается, наряде я отправился на фронт...

Они оба были для меня избранниками Фортуны. В университете на Вадима возлагал большие надежды сам академик Фок, один из корифеев теоретической физики. Считалось, что Вадим Пушкарев предназначен для великих открытий. А Бен отличался как математик, его опекал Лурье, тоже знаменитость. Я гордился дружбой с ними, тем, что допущен в их круг, на меня, рядового инженера, никто особых надежд не возлагал, в их компании я всегда выглядел чушкой, они по сравнению со мной аристократы, во мне

плебейство неистребимо. Но они меня тоже за что-то любили. <...>

В ноябре я получил письмо от Бена с Карельского фронта, он командовал зенитной батареей, только в самых последних строках, видимо, никак не решался, было про гибель Вадима под Ораниенбаумом, подробности неизвестны, передавали через университетских однополчан. «Но я не верю», — закончил Бен. К тому времени я уже привык к смертям, но в эту я не поверил. Всю войну не верил, да и до сих пор не верю...»

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Мы, как видно, остались лишь двое из всего класса. Перебирали имена — умер, погиб на войне, пропал, уехал и неизвестно. Не вернулись с войны Вадим Пушкарев, Митя Павлов, Сева Махоткин, Мося Раппопорт и еще, еще. Имена эти говорили что-то уже только нам. Мы единственные знали, что они должны были стать великими физиками, как Сева Махоткин, Вадим, математиками, поэтами, как Эрик Горлин. У Игоря сохранились его стихи. Даже письмо с фронта. Эрик был самой таинственной личностью в классе. Что-то чужедадно-романтическое было в нем, к тому же он еще сам это поддерживал — английские словечки, цитаты из Байрона, Стивенсона. Большое лицо, челка чуть набок и едва уловимый акцент. Или он его сделал. Мы в юности любили чего-то изображать. Но у Эрика действительно в детстве, кажется, была Шотландия, откуда он с матерью уехал. Тогда их фамилия была — Старк. А фамилия Горлин была по отчиму, известному переводчику с английского. Эрик в классе дружил с Игорем — поэтому Игорь кое-что знал и теперь, спустя полвека извлекал из своей памяти прошлые секреты. Вспомнил о фронтовом письме Эрика. У Игоря аккуратно сохранились мелочи наших школьных лет.

...В письме было про нашего одноклассника Волю Ангеля, друга Эрика и Игоря Сахарова. Дружный наш класс состоял из отдельных троек, четверок особенно близких, потому что нельзя дружить сразу со всем классом. Эрик сообщал, что последний раз видел его в марте 1942 года: «Я шел с Петроградской стороны на Знаменскую около трех часов, отдыхал 25 раз. Дистрофия, брат, не шутка. Сейчас я принял свой прежний добротный англосаксонский вид, только вот шевелюра после госпиталя не отрастает».

Впоследствии этот англосаксонский вид, трубка и прочая показуха сыграли с ним плохую шутку. Подробностей я не знаю, знаю лишь то, что вскоре, кажется, после войны, его арестовали, и дальше неизвестно, очевидно, погиб в застенках «бдителей». У Игоря сохранилось десятка два

его переводов английской поэзии. Судя по ним, переводчик Эрик был превосходный».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«В ополчение меня не брали, я числился инженером в СКВ у Ж. Я. Котина, главного конструктора танков. Пожаловался в партком, в дирекцию, в комитет комсомола. Существовало много инстанций для жалоб. Через неделю мне удалось снять «броню». Меня зачислили в Первую дивизию Народного ополчения, «1 ДНО». Я был счастлив. Чем?.. Любовь должна была бы удерживать меня, роман только разгорался, работа над новым танком могла удовлетворить любой патриотический пыл.

На третий месяц войны я перестал понимать свое решение, свою настойчивость, хлопоты.

Правда, если присмотреться повнимательней, то можно увидеть, что в армию ушли почти все мои ребята — Вадим, Бен, Илья, Леня. Ушли, впрочем, по мобилизации. Костя, как и я, имел броню в своем Радиоинституте и держался за нее обеими руками.

— Защищать грудью страну я не собираюсь, — говорил он.

— Это же образное выражение, нельзя понимать буквально.

— Винтовку тебе дали? Нет? То-то. Чем же ты будешь воевать?

Ничто не могло остановить меня, я предстал перед Риммой в гимнастерке б/у, синих диагональных галифе, тяжелых ботинках с обмотками, выглядел нелепо, а чувствовал себя гусаром, кавалергардом. Если бы пистолет на пояс, но дали только противогаз и перед отправкой — бутылку с зажигательной смесью».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Мы с Риммой поженились в дни войны: только зарегистрировались, как объявили тревогу, и мы просидели, уже мужем и женой, несколько часов в бомбоубежище. Так началась наша семейная жизнь. Этим и кончилась надолго, потому что я тут же уехал обратно, на фронт».

Д. Гранин. Автобиография

«Неопытность была во всем — в войне, в любви, продуктовых карточках. Никто не запасался продуктами, никто не думал про эвакуацию. Все же мы не витали в облаках, мы отправились в ЗАГС. Предложил я. Предложил не руку и сердце, а предложил зарегистрироваться. Чисто деловое предложение сделал. Это был сентябрь 1941 года, третий месяц войны, немцы подошли к Пушкину. Я знал, что у этого брака не было будущего, и у меня не было, к тому времени я убедился, что Германию одолеть непросто, и пехотинцу в этой войне уцелеть не светит. В тот первый год солдат проживал на переднем крае в среднем четыре дня. Будет у Риммы хоть память о юной ее первой любви к молодому солдатику, иногда вздохнет, вспомнив, и тому подобная сладостная лирика.

Мне приятно было адресовать ей аттестат, грошовая сумма, но все же.

ЗАГС на Чайковского был закрыт, ушли в бомбоубежище. В ЗАГС на Владимирском попал снаряд. Направились на площадь Стачек. Мы готовы были ходить из ЗАГСа в ЗАГС, регистрироваться дважды, трижды, ждать на ступеньках... Наконец мы добились своего, она получила штамп в паспорте, в мою солдатскую книжку штампа не полагалось. <...>

Новость о моей женитьбе дома приняли прохладно. Мать считала, что ее сын заслуживает куда большего. Трудно сказать, что она имела в виду, может, художницу, может, актрису, дочь ученого, генерала. Ни профессия, ни происхождение — отец Риммин — совслужащий, мать — учительница музыки, воронежские провинциалы — это ее не устраивало. И сама Римма — кто она — инженер-плановик из МХ-3. Особенно ее раздражало это «три», третий механический. Внешность самая заурядная, обкрутила, вцепилась: такой парень, конечно, для провинциалки завидная партия...»

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Эшелон наш был переполнен. Июль 1941 года. Был ли он обеспечен защитой от авиации, прикрытием, хотя бы маскировкой — не знаю. Мы ехали на фронт. Кировский полк 1 ДНО (Дивизия народного ополчения). Пели песни, играли в карты. Выпивали, многие захватили с собою. Были бутерброды домашние, курицы жареные, огурцы. Словно на пикник собрались, как-то не думалось, что едем воевать без оружия. У меня была бутылка с зажигательной смесью. Потом их почему-то называли «коктейль Молотова». Было в роте несколько учебных винтовок. И все. Оказалось, настоящих винтовок для ополчения нет. Гранат нет. Дали на полк пулеметы, станковые и ручные, а сколько — не знаю.

Винтовки и патроны появились по ходу боев. Подвозили их, что ли? С первых же бомбежек пыл наш сменился злостью. Мы шли воевать, но воевать было нечем. «Грудью отстоим Ленинград!» Так и получилось — грудью. Александр Матросов совершил подвиг. Закрыв собою пулемет. Вероятно, так и было. А чего оставалось, когда они строчат из пулеметов, а наши сорокапятки не могут заткнуть их, не могут выбить их, не могут остановить их танки. В геройствах тех дней было отчаяние, от безысходности, хоть бы гранаты противотанковые, хоть бы иметь бронебойные пули, хоть бы ружья противотанковые. Все это появилось позже, позже, а весь июль мы то драпали, то отступали, «отходили на запасные позиции», оставляя горы трупов.

Среди хаоса, позора поражений 1941 года выделяется трагедия Дивизии народного ополчения. С первых дней войны тысячи ленинградских рабочих, учителей, инженеров, студентов пошли в ополчение. Их ничему не успели обучить. Безоружные, они врукопашную противостояли мотопехоте, бросались под танки. На всем пути нашего отступления была и паника, и бегство, но все же ополчение сумело задержать наступление танковых колонн Манштейна к Ленинграду. Ценой чудовищных потерь планы немецкого командования были сорваны. Не противотанковые рвы, не доты укрепрайонов останавливали противника, а ярость, отчаяние, безвыходность.

Первые недели войны пропахли дымом пожарищ, вонью тола. Разбитые деревни, бегущее пламя горящих полей. Я не могу осуждать тех, кто прятался в лесах, спасался самострелами, даже тех, кто сдавался в плен. За что их осуждать, за что — присягу нарушили? Не они присягу нарушили, нарушили те, кто подставили нас под огонь, кто уступил наше небо «юнкерсам», нашу землю немецким танкам».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

1-я ленинградская дивизия народного ополчения комплектовалась в основном из трудящихся Нарвской заставы. На крупнейшем предприятии района — Кировском заводе — уже в первые дни войны было подано свыше 15 тыс. заявлений о зачислении в дивизию народного ополчения. Дивизия состояла из трех стрелковых и одного артиллерийского полков, разведывательного батальона, батальона связи. Сформированной дивизии было торжественно вручено боевое Красное знамя Кировского завода.

Прибыв 11 июля 1941-го на станцию Батецкая, дивизия заняла

оборону на одном из участков Лужского рубежа и вскоре вступила в кровопролитные бои».

Энциклопедия «Великая Отечественная война» (М., 1985)

«10 июля (19-й день войны).

Поздней ночью из Ленинграда на Лужскую укрепленную позицию стала поэшелонно убывать 1-я (Кировская) дивизия народного ополчения. Ее формировали из трудящихся Кировского и Дзержинского районов, насчитывала она в своих рядах 12 102 бойца и командира, в том числе 2273 коммуниста и комсомольца. Командир дивизии — комбриг В. А. Малинников, его заместитель по политчасти — полковой комиссар П. А. Иванов.

11 июля (20-й день войны).

Во время выгрузки подразделений 1-й ДНО на станции Батецкая начался массированный налет фашистской авиации. На станционных путях загорелся вагон с боеприпасами. Группа ополченцев во главе с воентехником 1-го ранга Н. Н. Сафроновым, работником Кировского завода, бросилась расцеплять вагоны, чтобы уберечь станцию от взрыва. Станцию удалось спасти, но Сафронов погиб. Его похоронили в пристанционном сквере. Это была первая боевая потеря Ленинградского ополчения. К исходу дня, совершив большой пеший переход, первый полк 1-й ДНО достиг населенного пункта Глухой Бережок и занял оборону в полукилометре от станции Передольская, вдоль шоссейной дороги».

Ю. Яблочкин. Народное ополчение в битве за Ленинград

«Потемневшие от пота гимнастерки, скатки через плечо, синие диагоналевые брюки, неумело накрученные обмотки. Брезентовые поясные ремни, отягощенные подсумками, саперными лопатками, котелками, флягами. И такие же новенькие брезентовые ремни у выдавших виды винтовок и карабинов, с которых еще не стерта цейхгаузная смазка, — оружие выдали ополченцам перед самой посадкой в эшелоны. В последний раз из этих винтовок стреляли, наверное, в дни обороны Питера от Юденича или при кронштадтском штурме... Многие винтовки без штыков,

а некоторые и без ремней, — бойцы несут их в руках. Лишь два человека в дивизии — заместитель комдива и командир одного из полков — вооружены автоматами. Идут сталевары и фрезеровщики, мастера и начальники участков, партийные и комсомольские работники, студенты, ремесленники, ученые. Многие прихрамывают: грубыми неразношенными ботинками до крови натерты ноги... Самоотверженно шагают девушки с тяжелыми санитарными сумками. Выделяются своей выправкой командиры запаса — участники гражданской войны и войны с белофиннами. Большинство же ополченцев никогда не воевало, многие даже не служили на действительной, — в лучшем случае проходили краткосрочные лагерные сборы. Боевая подготовка дивизии перед отправкой на фронт не продолжалась и недели».

Н. Новоселов. Писатели в ополчении // Ополченцы. Л., 1975

«Через два дня эшелон прибыл на станцию Батецкая, это километров полтора от Ленинграда. Ополченцы стали выгружаться, и тут на нас налетела немецкая авиация. Сколько было этих штурмовиков, не знаю. Для меня небо потемнело от самолетов. Чистое, летнее, теплое, оно загудело, задрожало, звук нарастал. Черные летящие тени покрыли нас. Я скатился с насыпи, бросился под ближний куст, лег ничком, голову сунул в заросли. Упала первая бомба, вздрогнула земля, потом бомбы посыпались кучно, взрывы сливались в грохот, все тряслось. Самолеты пикировали, один за другим заходили на цель. А целью был я. Они все старались попасть в меня, они неслись к земле на меня, так что горячий воздух пропеллеров шевелил мои волосы.

Самолеты выли, бомбы, падая, завывали еще истошнее. Их вопль ввинчивался в мозг, проникал в грудь, в живот, разворачивал внутренности. Злобный крик летящих бомб заполнял все пространства, не оставляя места воплю. Вой не прерывался, он вытягивал из меня все чувства, и ни о чем нельзя было думать. Ужас поглотил меня целиком... Я молился. Я не знал ни одной молитвы. Я никогда не верил в Бога, знал всем своим новеньким высшим образованием, всей астрономией, дивными законами физики, что Бога нет, и тем не менее я молился.

Небо предало меня, никакие дипломы и знания не могли помочь мне. Я остался один на один с этой летящей ко мне со всех сторон смертью. Запекшиеся губы мои шептали:

— Господи, помилуй! Спаси меня, не дай погибнуть, прошу тебя, чтобы мимо, чтобы не попала, Господи, помилуй!

Мне вдруг открылся смысл этих двух слов, издавна известных:

— Господи... помилуй!

В неведомой мне глубине что-то приоткрылось и оттуда горячечно хлынули слова, которых я никогда не знал, не произносил:

— Господи, защити меня, молю тебя, ради всего святого. От взрыва неподалеку кроваво взметнулось чье-то тело, кусок сочно шмякнулся рядом. Высокая, закопченного кирпича, водокачка медленно, бесшумно, как во сне, накренилась, стала падать на железнодорожный состав. Взметнулся взрыв перед паровозом, и паровоз ответно окутался белым паром. Взрывы корежили пути, взлетали шпалы, опрокидывались вагоны, окна станции ало осветились изнутри, но все это происходило где-то далеко, я старался не видеть, не смотреть туда, я смотрел на зеленые стебли, где между травинками полз рыжий муравей, толстая бледная гусеница свешивалась с ветки. В траве шла обыкновенная летняя жизнь, медленная, прекрасная, разумная, Бог не мог находиться в небе, заполненном ненавистью и смертью. Бог был здесь, среди цветов, личинок, букашек...

Самолеты заходили вновь и вновь, не было конца этой адской карусели. Она хотела уничтожить весь мир. Неужели я должен был погибнуть не в бою, а вот так, ничтожно, ничего не сделав, ни разу не выстрелив. У меня была винтовка, но я не смел приподняться и выстрелить в пикирующий на меня самолет. Я был раздавлен страхом. Сколько во мне было этого страха! Бомбежка извлекала все новые и новые волны страха, подлого, постыдного, всесильного, я не мог унять его.

Проходили часы, дни, недели, меня не убивали, меня превращали в дрожащую слизь, я был уже не человек, я стал ничтожной, наполненной ужасом тварью.

...Тишина возвращалась медленно. Трещало, шипело пламя пожара. Стонали раненые. Пахло паленым, дымы и пыль оседали в безветренном воздухе. Неповрежденное небо сияло той же безучастной красотой. Защебетали птицы. Природа возвращалась к своим делам. Ей неведом был страх. Я же долго не мог прийти в себя. Я был опустошен, противен себе, никогда не подозревал, что я такой трус.

Бомбежка эта сделала свое дело, разом превратив меня в солдата. Да и всех остальных. Пережитый ужас что-то перестроил в организме. Следующие бомбежки воспринимались иначе. Я вдруг обнаружил, что они малоэффективны. Действовали они прежде всего на психику, на самом-то

деле попасть в солдата не так-то просто. Я поверил в свою неуязвимость. То есть в то, что я могу быть неуязвим. Это особое солдатское чувство, которое позволяет спокойно выискивать укрытие, определять по звуку летящей мины или снаряда место разрыва, это не обреченное ожидание гибели, а сражение.

Мы преодолевали страх тем, что сопротивлялись, стреляли, становились опасными для противника».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«В середине июля войска 11-й армии нашего Северо-Западного фронта нанесли противнику сильный контрудар. В районе Сольцов они окружили и уничтожили танковую дивизию врага и тем самым временно приостановили его наступление на Новгород. Ополченцы-кировцы получили возможность заняться укреплением своих рубежей, строительством оборонительных сооружений, боевой учебой в полевых условиях.

В политотделе, в лесу близ деревни Танина Гора, только что закончилось совещание. Среди политработников, ожидающих попутные машины к переднему краю, — 22-летний инструктор политотдела Даниил Герман. Еще совсем недавно мы почти каждый день встречались на Кировском заводе, где молодой инженер Даня Герман был заместителем секретаря комитета комсомола, выступал с интересными статьями на страницах многотиражки. После войны он станет известен как писатель Даниил Гранин».

Н. Новоселов. Взвод писателей // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны.

Литературное наследство. М., 1966. Т. 78. Кн. 1

«С выходом противника на железнодорожную линию Ленинград — Дно оказалась отрезанной от основных сил и почти целиком погибла Кировская дивизия народного ополчения. 13 августа 1941 года позиции дивизии были прорваны, дивизия начинает отход, практически попадает в окружение. Основные силы дивизии со штабом под командованием начальника штаба сосредоточились к 18 августа 1941 года в районе станции Оредеж, Торковичи, Петрушина Гора. Дивизия к этому моменту

потеряла три четверти своего состава, всю артиллерию и почти все боеприпасы, было произведено переформирование дивизии, которая заняла позиции южнее станции Оредеж, у озера Белое, удерживает их до 21 августа 1941 года, затем была вынуждена отступить, до 24 августа 1941 года ведет бои за возвращение позиций по реке Оредеж. С 27 августа 1941 года по 11 сентября 1941 года остатки дивизии с боями выходят из кольца окружения на север, в район Пушкина».

Историческая справка на сайте <http://batetsky.ru/v-iyule-41-go-desant-pamyati-luzhskiy-rubezh.html>

«— Как вы выбирались из окружения? — допытываюсь я.

— Как все, с боями, — следует лаконичный ответ.

Я прошу рассказать обстоятельнее. И вот что мне удалось узнать. В окружение он попал вблизи села Самокража под Лугой. Пробивались к своим в стычках с немцами. Гранин был замкомандира группы. «Небольшой» — немедленно уточняет мой собеседник. Блуждали по лесам и болотам, много голодали. О невгодах он рассказывает мимоходом, небрежно. Больше о трагизме судьбы старика интенданта. Больной, он не мог больше идти. Отчаявшись, просил пристрелить его. Никто не решился.

— Пришлось, — мрачнеет Гранин, — оставить беднягу в ближайшей деревне. А там немцы... — говорит Гранин глухо, неохотно. Ему и сейчас трудно вспомнить о пережитом, трудно и больно.

Горечь отступления... Встречи в лесу с колхозницами. От немцев они укрывались с детьми в землянках.

— Обрадовались нам, хорошо накормили. Последнее отдавали... Верили, что сумеем защитить, и жалели очень. А мы, молодые, здоровые, оставляли женщин на произвол судьбы. Это не забывается».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Почти две недели августа нам удалось продержаться на Лужском рубеже. Мы вцепились в землю на правом берегу Луги, и немцы не могла нас сдвинуть ни танками, ни артиллерией. До этого, начиная со станции Батецкой, мы отступали. Так прошел июль 1941 года. Наши отступали на всех фронтах. Драпали, бросали пушки, пулеметы, снаряды, машины. Стояла жара. Отступление было обозначено пожарами, вздувшимися

трусами лошадей и солдат. Короче — вонью. Поражение это смрад. Одежда, волосы — все пропитано едкой гарью, смрадом гниющей человечины и конины. Отступить Красную Армию не учили. Так, чтобы отойти до того, как тебя окружили, увезти орудия, спасти матчасть. Арьергардные бои, второй эшелон, запасные позиции — ничего такого толком не умели и знать не полагалось. Нам полагалось воевать на чужой земле, двигаться только вперед, только наступать. Армия наша была машиной без заднего хода.

Где-то посреди августа пришлось все же покинуть Лужские укрепления. От нашего полка осталось сотни полторы, может меньше. Укрепления были отличные. Когда их успели сделать, не знаю. Окопы в полный профиль обшиты досками. С пулеметными гнездами. Землянки в три-четыре наката. Эти укрепления сберегли нам много жизней. Потом оказалось, что того, кто их построил, генерала Пядышева, отдали под трибунал и расстреляли. По приказу Сталина. Тогда расстреляли несколько высших командиров. Всех ни за что. Для устрашения, что ли?

Мы бы, наверное, еще могли продержаться несколько дней, если б не угроза окружения. Она стала явной, и полки получили приказ отходить. Каждый самостоятельно, своим путем. Четыре дня шли глухими проселками. Густая пыль клубилась за нами. В знойном мареве тянулись ослабелые от голода и жары».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Месяц ополченцы удерживали позиции, потом с боями выходили из окружения, нанося противнику ощутимый урон. В Пушкине собралось около пяти тысяч ополченцев-кировцев. Одни прямо являлись сюда, другие приходили в Ленинград, в клуб имени Газа, и оттуда направлялись в Пушкин. <...> Отсюда первый полк, пополненный бойцами тыловых подразделений, под командованием полковника И. И. Лебединского направлен под Александровскую. Комиссаром полка назначен инструктор политотдела по комсомолу старший политрук Д. А. Герман, ныне известный писатель Даниил Гранин».

Э. В. Писаревский. Полкам нужны боеприпасы // Ополченцы. Л., 1975

«В 1971 году я прочитал в газете «Кировец» статью о том, как я командовал полком. Написал ее Писаревский, добросовестный журналист, который занимался историей Ленинградского ополчения. Не знаю, какими материалами он пользовался. В статье ничего не говорится о моих промахах. Можно подумать, что все выглядело вполне достойно. На самом же деле...

С передовой все настойчивей требовали поддержки, куда двигаться, следует ли ударить во фланг, обороняться дальше невозможно, отсекут, уничтожат. Где, какая рота, я плохо представлял. Я что-то орал, кому-то грозил, обещал, что вот-вот... единственная мысль, которая удерживалась в моей опухшей голове, — нельзя отсиживаться, все бойцы, которые толпятся на КП, — отсиживаются. Время от времени я выбегал наружу и гнал всех на «передок», в роты. Какая-то команда сидела на траве, курила. Кто такие? Минометчики. Почему не стреляете? Мин не подвезли. А, отсиживаетесь! И я отправил их всех во вторую роту, которая просила помощи. Через полчаса докладывают, что мины доставили. Минометчиков нет, стрелять некому. Увидел писателей. Был у нас такой взвод писателей. Где командир? Командир в политотделе дивизии, получает задание. А, отсиживаетесь! Вызвал молодого рослого, в очках. Кто такой? Поэт Лившиц. Назначаю вас командиром, выстроить взвод и на передовую! В распоряжение командира первой роты, помочь, эвакуировать раненых. Поэт Лившиц пытается мне объяснить, что он не умеет командовать, что их командир Семенов вот-вот вернется. А, отсиживаетесь! Я вытащил пистолет и направил на него. Построить взвод и шагом арш!

Сколько таких командиров потом встречал, которые не слушали никаких доводов, могли только размахивать наганом и орать.

Лившиц не испугался, да и никто не испугался, они усмехались над моей запальчивостью, над глупостью, которую я совершал, тем не менее отступить я не мог, и они понимали это.

— Потом будете писать, сейчас надо воевать. — Такова была напутственная речь, с какой я отправил их на передовую.

Голосом мучительно застенчивым Лившиц подал команду «Шагом марш!» За всю войну я не встречал так предельно не подходящего для командирской должности человека.

Взвод не взвод, скорее, гурьба пожилых сутулых мужчин, кряхтя, переговариваясь, обреченно двинулись к дороге. К концу дня выяснилось, что ими удалось вовремя усилить разбитый центр.

Спустя двадцать лет меня, начинающего писателя, представили поэту Владимиру Лившицу. Я до этого читал его стихи, никак не сопоставляя его

с тем Лившицем.

Он узнал меня, и я узнал его. Ничего он не сказал, отвернулся. Мне было бы легче, если бы он был плохой поэт, но он был неплохой поэт, и стихи его мне нравились. Теперь я был без нагана, и я ничего не представлял собой. Невозможно было подумать, как я мог орать на этого человека.

В толстых очках, с добрым застенчивым лицом, он идеально не подходил на роль командира. Как он их выстроил, куда он повел этот взвод? Об этом я никогда его не спрашивал. Потом мы подружились, но чувство вины перед ним у меня навсегда осталось».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Рискну сказать, что до сентября сорок первого мы были разоружены — не в смысле техники, с которой все обстояло из рук вон плохо, а в смысле недостатка этой самой ненависти. О фашизме не было адекватного представления — не только потому, что после договора о ненападении критика гитлеризма вообще исчезла из газет, а потому, что сам фашизм ведь явление до некоторой степени иррациональное, за гранью человеческих представлений. Советский Союз мог быть сколь угодно жесток, но до таких степеней расчеловечивания не доходил, и главное — не говорил о них с такой запредельной откровенностью. Лично моя ненависть началась с первого пленного немца, фашистского летчика. Нас больше всего тогда поразило, что он о нас, славянах, говорил сострадательно. «Ну, что вы можете сделать? Против кого лезете? У вас сортиры на улицах» — и прочая, прочая, о русском дискомфорте, об отсутствующем быте, о непролазном невежестве... Это именно был монолог человека о животных, брезгливый — и эта брезгливость решила дело».

Из интервью Д. Гранина «Новой газете» 14.02.2014 г.

«Ополчение состояло из добровольцев, которые шли на фронт с заводов и фабрик, в большинстве необученные, воодушевленные лишь желанием защитить Родину, дать отпор вероломно напавшему врагу. Ополчение сыграло свою решающую роль, сорвав планы гитлеровских войск, измотав их в боях на подступах к Ленинграду.

Отношения людей в ополченских полках были своеобразные, воинская

дисциплина причудливо соединялась с отношениями вчерашних мастеров, инженеров, рабочих, служащих. Саша Ермолаев работал на заводе в парткоме. Его все знали. Стрелял он плохо, но зато держался храбро. Когда мы выходили из окружения, он тащил на себе пулемет. Мы шли лесами, болотами, нас осталась от полка небольшая группа, и он принимал на себя все тяготы командования. Однажды мы встретились в лесу с группой танкистов. Машины их были подбиты, и они из остатков полка и окруженцев организовали партизанский отряд. Командовал им майор. В кожаной тужурке, подтянутый, уверенный в себе и, видно, опытный командир. Он предложил нам присоединиться к их отряду. Продвижение немецких войск, по его расчетам, должно было привести к тому, что Ленинград уже взят или будет взят в ближайшие дни и идти туда бессмысленно, надо бить немцев здесь, в спину, в немецких тылах, переходить к партизанской борьбе. Уговоры закончились приказом. Майор был старшим по званию. Мы заночевали в расположении отряда. Ночью нас собрал Саша Ермолаев. Он сказал, что Ленинград не мог пасть. Немцы не вошли в Ленинград. Он говорил это уверенно, как будто получил сообщение по радиации. Конфликтовать с майором он не хотел и предложил нам продолжать путь к Ленинграду. Мы осторожно выбрались из лагеря, к утру были у Грузино, это под Чудовом, и через два дня явились в Ленинград, в штаб своей армии. Откуда у него была эта твердая уверенность? Откуда он находил в себе силы тащить нас сквозь ночные леса, в обход, вытаскивать из уныния и отчаяния? Правда, мы его тоже вытаскивали. Огромный, тяжелый, он проваливался на болотах, и мы дружно тянули его, подавая приклады винтовок.

Судьба свела нас после войны. Саша Ермолаев, пройдя всю войну, остался верен Нарвской заставе, Ленинграду. Он прошел большую трудовую жизнь, работал на разных должностях, но до конца, до последних дней своих оставался комиссаром в самом лучшем смысле этого слова — источником оптимизма, добра, энергии... и, я бы сказал, того мудрого здравого смысла, к которому так хорошо было прибегать в сложные минуты жизни.

И хоронили мы его на Красненьком — на кладбище Нарвской заставы, где лежат поколения путиловцев, судостроителей, потомственные питерские мастеровые люди.

Воинский салют прогремел над могилой Саши Ермолаева. Должность комиссара полка составляла в его биографии всего полтора года, но почему-то она стала определяющей во всей его долгой и славной трудовой и воинской жизни».

Д. Гранин. Мои командиры

«Помню, как мы всем взводом агитировали первого пленного немца, раненного в ногу молоденького ефрейтора:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Тельман! Карл Либкнехт!»

«Рабочий человек не может воевать с рабочими и крестьянами».

Мы угощали его папиросами, похлопывали по плечу:

«Долой Гитлера!»

Вы знаете, что он нам отвечал? Меерзон переводил нам медленно, аккуратно, фразу за фразой:

— Вы все будете убиты. Об этом позаботятся ваши плохие командиры. И мы. Воевать вы не умеете. Лучше вам сразу сдаться. Вы дикари. Вы не можете жить культурно. Посмотрите, какие у вас дороги. А ваши избушки. Ужасно. Там грязь, полно насекомых. Туалеты. Все загажено. Дрек. Дрек. Посмотрите на себя. Разве вы солдаты? Вы низшая раса!

Он смеялся. Белозубый, краснощекий здоровяк. Ни страха не было у него, ни интереса. Кашу он ел жадно, аккуратно вытер рот носовым платком. Алимов взял ложку, стукнул его по лбу: «Спасибо» надо сказать, чему тебя учили?».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Ночью было видно, как горел Ленинград. Издали пламя казалось безобидным и крохотным. Первые дни мы гадали и спорили: где пожар, что горит, — и каждый думал про свой дом, но мы никогда не были уверены до конца, потому что на горизонте город не имел глубины. Он имел только профиль, вырезанный из тени. Прошел месяц, город все еще горел, и мы старались не оглядываться. Мы сидели в окопах под Пушкином. Передний край немцев выступал клином, острие клина подходило к нашему взводу совсем близко, метров на полтора. Когда оттуда дул ветер, слышно было, как выскребывают консервные банки. От этих звуков нас поташнивало. Сперва казалось, что к голоду привыкнуть нельзя. А теперь это чувство притупилось, во рту все время нило. Десны опухли, они были как ватные. Шинель, винтовка, даже шапка становились с каждым днем тяжелее. Все становилось тяжелее, кроме пайки хлеба».

Д. Гранин. Пленные

«Наш второй полк дивизии народного ополчения отступал с Лужского рубежа и сначала остановился в районе Александровской, а потом прямо у Камероновой галереи. Мы держали эту оборону несколько дней. 15 сентября вечером, когда наступила темнота, в парке началась стрельба. Пришли пушкинские милиционеры, сказали: «Ваши солдаты безобразничают в парке». Я говорю: «Это не наши, это уже немецкие автоматчики». Они не поверили: «Не может быть, сейчас пойдем и приведем ваших хулиганов». Пошли. Но вернулся из них лишь один. Точнее, он приволок командира отделения, которого мы положили в медсанчасть на первом этаже галереи, где уже лежали наши раненые. И всех их решили срочно отправить в Ленинград... Потом мы получили приказ снять оборону и идти в Ленинград на сборный пункт. В пять утра выстроили остатки полка и пошли через весь Пушкин, мимо вокзала, вышли на Шушары. И на поле увидели тысячи людей, которые бежали из пригородов в Ленинград, с детьми, с какими-то колясками, узлами... Перед нами встал вопрос: будить Пушкин или нет? Мы же были последней частью, покидавшей город. Один из начальников сказал: «Нечего поднимать панику».

*Из беседы Д. Гранина с А. Петровой
(<http://www.sobaka.ru/city/books/23978>, 2.06.2014 г.)*

«Для меня всегда было непонятно, что на самом деле произошло под Ленинградом. 17 сентября 1941 года, надеюсь, что память мне не изменяет, я с остатками своего полка 1 ДНО отступил из Пушкина в Ленинград. Мы вышли на рассвете где-то в 5 часов утра, получив приказ отойти из района расположения дворца. Наш штаб полка находился в Камероновой галерее. К тому времени немецкие автоматчики уже занимали парк, они обстреливали галерею, расположения всех рот. Одна за другой роты покидали свои позиции, отходя к дворцу. С правого и с левого фланга, вероятно, никаких частей наших уже не было. Во всяком случае, получив приказ, мы эвакуировали раненых, и остатки полка организованно отходили по шоссе 512 в направлении Шушар. Дойдя до Пулково, мы подверглись налету немецкой авиации. Спустились в низину Шушар, и я увидел, как немецкие эскадрильи одна за другой обстреливали людей,

которые шли, бежали к городу. Это были беженцы из пригородов и остатки частей вроде нас.

Колонна подошла к Пулкову, и я увидел, как внизу по всему полю к Ленинграду идут такие же колонны, отряды, группы и одиночки. Тысячи и тысячи солдат стекались в город. Было понятно, что фронт рухнул. По крайней мере, юго-западный участок прорван. Не видно было никакой попытки остановить эти массы отступающих. Куда они стремились, как будто город был убежищем. Показались немецкие самолеты. Десятки, а может, сотни. В поле негде было укрыться. Ни окопов, ни щелей, открытое пространство, на котором отчетливо виден каждый. Свинцовые очереди штурмовиков полосовали почти без промаха. Сбрасывали небольшие бомбы, сыпали их беспорядочно, благо любая настигала. Настигла и меня, взрыв подбросил, я шмякнулся о землю так, что отключился. Когда очнулся, наша колонна разбежалась.

Перебежками, а потом уже просто пешим образом я дошел до Средней Рогатки, до трамвайного кольца, сел на трамвай и поехал к дому. Всё было ясно, немцы на наших спинах войдут в город. Меня поразило, что на всем пути не было никаких заградотрядов, никаких наших воинских частей, никто не останавливал отступающих, впечатление было такое, что город настуже открыт».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«17 сентября 41-го мы просто ушли в Ленинград с позиций с мыслью: «Все рухнуло!» Я, помню, сел на трамвай, приехал домой и лег спать. Сестре сказал: «Сейчас войдут немцы — кинь на них сверху гранату (мы на Литейном жили) и разбуди меня».

Сестра у окна сидела, а я не мог: глаза слипались — двое суток совершенно не спал. Когда проснулся, первым делом спросил: «Вошли немцы?» — «Нет». И тогда я отправился в штаб дивизии народного ополчения: он находился в Мариинском дворце. До этого я остатками полка, по сути, командовал, но во время бомбежки все разбежались, меня контузило. Ну, неважно... Прихожу в штаб, слышу: «А где же твой полк?» Я плечами пожал: «Разбежался». — «Пиши объяснительную записку и топай на самый верх. Там трибунал — тебя будут судить». Делать нечего: изложил на бумаге, как и что...

Сижу и жду, когда вызовут. В это время приходит майор и пальцем в каждого тычет: «Ты кто? Чем командовал?» — ну и меня тоже спрашивает.

Потом приказывает: «Вот ты, ты и ты, идите, я вам дам назначение». Я растерялся: «Меня же под трибунал...» — «Слушай команду последнюю...»

Так и получил я бумагу, что назначен командиром батальона. Прибыл с ней в отдельный артпульбат под Шушарами, а там уже есть командир — молодой кадровый. Я, конечно, свою бумажку ему предъявил (*смеется*), и он меня назна... Да нет, просто взял рядовым в пехоту. Так всю блокадную зиму и просидел в окопах, а потом меня в танковое училище послали и оттуда уже офицером-танкистом на фронт».

Из интервью Д. Гранина украинскому журналисту Д. Гордону 6.07.2010 г.

«Вторым моим комиссаром был Медведев. Печально, что имя-отчество его забылось. Мы жили с ним в одной землянке. Он был парторгом, а потом политруком нашей роты. Это уже было на Ленинградском фронте, в стрелковой 189-й дивизии. Блокада только начиналась. И голод только начинался. Медведеву было лет под сорок. Перед войной он был вторым секретарем райкома где-то в Карелии. Это был человек неразговорчивый и странно скромный. Все, что он делал для бойцов, он скрывал, избегая личной благодарности. Для него самым важным были самые простые вещи — наладить почту, кухню, добыть полушубки, он учил мастерить печки в землянках, растапливать их сырыми дровами, потому что сушняка у нас не было. Потом он учил нас, как надо есть все более легкую пайку нашего хлеба и все более жидкую похлебку. Он научил нас не бояться голода. Это вскоре помогло нам, и весьма существенно. И все это он умел делать незаметно, почти без слов. Иногда он начинал мне рассказывать, что будет в их районе после войны, какие они будут строить дома и что разводить в озерах. Было в нем что-то отцовское: заботливо-хозяйское и строгое. На него никто не обижался, его боялись и любили. Однажды одного молодого поймали в воровстве, он воровал хлеб во взводе, обратились к Медведеву — что с ним делать. Он сказал без раздумья, уверенно — выпороть! И выпороли. Это было так естественно, хотя сейчас, вспоминая об этом, я испытываю некоторое смущение. И сомнение, что ли... Погиб он в 1942 году, при артобстреле, похоронили его на полковом нашем кладбище, теперь там нет отдельных пирамидок, а поставлен общий обелиск с общей безымянной надписью.

...Потом я воевал в отдельном артпульбате укрепрайона. Справа от нас

было Пулково, позади — Ленинград, впереди — занесенные поля до самого Пушкина. Немецкие окопы сходились с нашими местами совсем близко, метров на семьдесят. Мы слышали немецкую речь. Они — нашу.

Они заводили патефон и играли нам русские песни, играли «У самовара я и моя Маша». И звали переходить, сдаваться. Ленинградская блокада сказывалась и на фронте. Голод нарастал. Дистрофия наносила ощутимые потери, увозили в госпиталь опухших, ослабевших...»

Д. Гранин. Мои командиры

«Да, Ленинград голодал, но и у нас, на подступах к городу, был голод. Паяк ничтожный, а надо было рыть и чистить окопы, таскать снаряды, добывать дрова для печки. Оборонная война, которую мы вели, это тяжелый ежедневный труд. Он требовал сил. А жрать, извините, было нечего! Курили черт знает что! Курево позволяло немножко забыть про голод. От мороза можно хоть как-то укрыться. От голода никуда не денешься. Сейчас уже много легенд каких-то бытует насчет Бадаевских складов, на которых якобы были огромные запасы продовольствия. Не было этого! Ленинград встретил войну без запасов, без всяких запасов продовольствия. В этом и беда, и преступление. Жданов отказался принимать эшелоны с продовольствием перед войной. Ну это известные все факты, не буду повторять.

...Очень жестокое испытание для человека — не кушать сразу, растянуть свой паек, я говорю про солдат. У меня был сосед по землянке, очень хороший мужик, но он, такая сволочь, оставлял свою пайку, когда уходил на дежурство! Это невыносимо было! Во фронтовых условиях мы жили обнаженно, в землянке не укроешься, не схитришь, но люди не расчеловечивались. Можно было по-всякому вести себя на фронте, но — нет, держались. Опухали с голоду, от водянки, отправляли в госпитали, но — держались!

Мы ловили полевых мышей, но это, я вам скажу, очень трудное занятие. Стреляли ворон. Но куда-то вся живность исчезла. Вот интересно: исчезли вороны! Они вроде бы должны были есть человеческую падаль, а они исчезли! Животный мир словно понимал, что происходит, и куда-то эмигрировал».

Из выступления Д. Гранина в Центре современной культуры 25 мая 2013 г.

«Больше всего мы размышляли о будущем — на фронте. Мы всячески рассматривали будущее. Мы рассуждали о том, какими храбрыми мы станем после войны, какие мы наведем порядки, как нам будет все нипочем, как мы придем в Германию. То, что мы сюда придем, мы точно знали, еще сидя под Пушкином, в мелких, каменно замороженных окопах. Часть, которую мы сменили, закопалась кое-как, так что местами ползать в окопе надо было на карачках, чтобы не подстрелили. А углубиться мы не могли — земля промерзла. Мы материли их крест в крест, штык не брал эту землю. В землянке ходить можно было только согнувшись в три погибели. Несколько месяцев ходили лишь согнувшись. Мы разучились стоять в полный рост. Нам негде было выпрямиться, кроме как на нарах. Мы не знали, удастся ли отстоять Ленинград, мы знали лишь, что мы придем в Германию».

Д. Гранин. Прекрасная Ута

«Я узнал, что такое земля, только на войне, солдатом. Надо было копать и копать, зарываться в щели, в окопы. Требовали «полного профиля», чтобы почти в рост, чтобы ходить в окопе, не пригибаясь. Летом еще ничего, а зимой как ее, мерзлую, копать? Лом не берет. Земля — то песок, то суглинок, то корнями переплетенная. Болотистая, через пол метра вода выступает. Копать землянки, укрытия для танков, для орудий, брустверы. Проклинаешь, материшь ее, а она единственная защитница от пулеметов, от снайперов, от артобстрела. Всю войну с ней, она на всех фронтах с нами, и в Германии она же, такая же... Сколько перекопали ее. А еще копали для могил. В начале лета 1942 года снег сошел, землю пригрело, и дали знать себя трупы на нейтралке. Те, что остались от зимних боев. Они оттаяли, и наши, и немцы, вонь от них тошнотосладкая одинаковой была. Приказано было хоронить всех без разбора в одну траншею, да уже и не разобрать было, кто лежит. Пугали нас эпидемиями, скорее прикопать всех. Единственный толк был, что начальство перестало посещать передок в тот месяц».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Первых двух немцев я убил, можно считать, произвольно. В этом

не было ничего героического. Перед тем я только-только раздобыл ППШ и с автоматом чувствовал себя гораздо увереннее, чем с винтовкой-трехлинейкой. Когда в очередной раз поступил приказ к отступлению, мне велели сбегать в землянку командира батальона, проверить, не остался ли кто там, и сообщить, в каком направлении движется часть. Я рванул по окопу и увидел двух немцев, которые стояли, склонившись над входом в блиндаж комбата. Головы они засунули внутрь, а задницы выставили наружу. Уж не знаю, что они там разглядывали, кого искали. Я не стал вникать и разбираться. Словно фотовспышка в мозгу сработала, мгновенно передернул автомат и выпустил весь диск в торчащие задницы. После чего развернулся и в ужасе бросился бежать куда глаза глядят. До сих пор не могу объяснить, зачем мчался сломя голову и почему... Потом мне не раз приходилось убивать, но тех первых своих немцев я запомнил навсегда. Хотя даже лиц их не видел».

Из беседы Д. Гранина с А. Ванденко (Итоги. 2010. № 18)

«Появляется недавно про меня информация, что на самом деле я был в ополчении не рядовым, а политруком. И в том, и в другом случае ничего позорного нет. Но человек, который это написал, не знает, что такое было народное ополчение. Мы пошли в него прямо с завода (после окончания в 1940-м Политехнического института Даниил Герман работал на Кировском заводе. — *Прим. ред.*). И там не было никаких воинских званий. «Ты участвовал в Финской войне? Молодец! Будешь командиром батальона». Это мастер. А его начальник цеха в боях не участвовал и может быть лишь солдатом. Я был членом цехового комитета комсомола. Меня командир полка спрашивает: «Нужно, чтобы кто-то комсомолом занимался. Будешь?» Говорю: «Нет. Кто меня, мальчишку, слушать будет?» — «Тебе надо завоевать авторитет». — «Ну, хорошо, я тогда нацеплю какие-нибудь офицерские знаки отличия». Погон тогда не было, и я повесил шпалу в петлицу для солидности, сам себя произвел в капитаны. Было вообще счастье, что меня взяли в ополчение, командовать мне не позволяли, но ходил гоголем. Когда дивизию народного ополчения через год расформировали, меня отправили в пехоту, там спросили: «Ты что, офицер? Снимай свою шпалу!» Кто не воевал, не может знать и судить».

Из беседы Д. Гранина с А. Петровой

(<http://www.sobaka.ru/city/books/23978>, 2.06.2014 г.)

«Высшее образование солдату ни к чему. На войне тем более. «Рядовому интеграл не нужен так, как в супе кал» — было заявлено мне политруком. На сей счет имелись и другие присказки. Чуть что, однако, за этот диплом мне втюхивали будь здоров. Откопали кабель подземный. Лежал, сердешный, ни начала не видно, ни конца. Вызывают.

— Пусти по нему электричество на КП. Хоть немного. На освещение.

— А где я возьму электричество?

— Это, дорогуша, твой вопрос, пять лет тебя учили на народные деньги.

Или:

— Давай воду отведи из окопов, дренаж устраивай.

— Для этого надо рельеф местности, съемку...

— Вот и делай, мать твою, и не засирай нам мозги.

Прыщавый этот умник многих раздражал. Особенно начарта В. Крымова, его одноклассника, старшего лейтенанта с тоненьким женским голосом, негодным для команд. Между прочим, из-за такого голоса он никак не мог рассчитывать на военную карьеру. Начарт вполне мог бы схарчить рядового Д., если бы не комбат. Дело в том, что комбат посылал этого парня в развалины обсерватории за литературой. Оттуда Д. приносил комплекты журнала «Огонек», «Нива», атласы звезд. Комбату нравились наклейки «Служба звезд», «Служба Солнца». Он любил читать... Ночью, когда появлялись звезды, он призывал Д., и они искали созвездия, начертанные в атласах. Д. приносил из подвалов обсерватории кипы протоколов наблюдений, как они там назывались, для растопок. Звезды хорошо горели. Тонкая бумага годилась на самокрутки.

— Чего-нибудь там выискали? — посмеиваясь, спрашивал их комиссар, тыкая пальцем в небо. <...>

Утвердился Д., когда придумал жечь провод для освещения, жечь с обоих концов, света больше было. И еще деревянный станок для пулемета смастерил. Легче, руки не примерзают.

Одни в батальоне тощали от голода, другие пухли. Немцы зазывали к себе, по радио, обещали хорошую кормежку. Как особист Баскаков ни старался, переходы участились. Дистрофиков увозили в госпиталь. Пополнения не присылали. Пополнялись только вшами».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Служба в ОПАБе (отдельный пулеметно-артиллерийский батальон) отличалась стабильностью. Был участок — от подбитого грузовика до железнодорожного переезда. Два с лишним километра. Окопы, блиндажи, ходы сообщения, пулеметные гнезда, было свое батальонное кладбище, два закопанных танка БТ — живи не хочу. Впервые он получил письма — был адрес для полевой почты. Приносили в термосах обед. Во втором эшелоне батальон имел трех лошадей, две полуторки, склады БП (боевого питания). Д. получил свое место на нарах, в своей землянке, над головой три наката бревен плюс шпалы. Уют, дымный, вонючий, но уют. Откуда-то появился топор, сучья рубить для буржуйки. Война войной, а надо устраиваться, заводить хозяйство — ведро, коптилки, раздобыли железный умывальник, бывший железный чайник. Все прятали, чтоб соседи не сперли. Или вот спичек не было, Д. нашел в развалинах обсерватории линзу, при солнышке она помогала.

Имелся распорядок окопной жизни. Завтраки, обеды, дежурства, обстрелы. Война в обороне дает подобие дома. Свистят пули, осколки — не важно, есть свой уголок, где можно скинуть шинель, телогрейку, снять ремень, а то и сапоги... Он никак не мог справиться со своей улыбкой, от этой «спокойной войны».

Для него будущее России не вызывало сомнения. Оно было, разумеется, прекрасным, счастливым и прочным. Спустя десятилетия оно стало шатко, ненадежно. Уцелеет Россия или нет — не знаю...»

Д. Гранин. Заговор

«Хочу вернуться к первым военным месяцам и сказать об отношении к павшим. О том, как никто не забыт и ничто не забыто. Мы отступали столь стремительно, что не успевали хоронить однополчан. В лучшем случае сваливали тела во рвы и окопы, присыпали землей. Но чаще бросали на поле боя. Потом дивизия перешла к позиционной обороне под Шушарами в районе Пушкина. Потери стали меньше, но периодически кто-то все же погибал, убитых из нашего батальона мы сносили за насыпь рядом с железной дорогой. Там образовалось маленькое кладбище.

Мне приходилось участвовать в похоронах. На могилах мы не ставили крестов или обелисков, нам постоянно не хватало тепла, и дерево, все, что могло гореть, шло на растопку, сжигалось в землянках. Словом, места захоронений помечались большими орудийными гильзами, на которых

выцарапывались имена и даты жизни погребенных. На этом импровизированном кладбище покоился прах нескольких десятков, а может, и сотен моих боевых товарищей. Когда война закончилась, я поехал поклониться могилам. Там все сохранялось, как было при нас. Через пару лет вновь наведаясь в те места, но гильз уже не обнаружил, захоронения стали безымянными. Зато появился маленький обелиск с надписью «Кладбище 292-го О ПАБ — Отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Здесь лежат славные защитники Ленинграда от немецко-фашистских оккупантов. Вечная память героям!». Слова, которые всегда пишут в таких случаях, но название части упоминалось, спасибо и на том. Прошло время. Прежний обелиск снесли, поставили новый, еще более обезличенный, где даже номер батальона не называли, оставили лишь общие бла-бла-бла. И ответьте теперь, кто виноват, что имена погибших стерты из памяти?»

Из беседы Д. Гранина с А. Ванденко (Итоги. 2010. № 18)

«Нас выстроили на зеленой поляне буквой «П», посередине поставили столик, кого-то ждали. Члены трибунала, их было трое, уселись на скамейке. Воцарилась тишина. Трое приговоренных стояли, привязанные к одной жердине. Приехал член Военного совета. Председатель трибунала встал и зачитал приговор: «Одного расстрелять за самострел, второго — за трусость, бегство с поля боя и паникерство, третьего — за намерение перейти к немцам». Они стояли тут же, руки назад, гимнастерки без ремней, жердину выдернули, связанные руки остались за спинами.

Одного из них, в роговых очках, кажется, из библиотечного института, я знал. Говорили, что он первый закричал об окружении, из-за него началась паника. В своих показаниях он сказал, что хотел обратить внимание на зашедших в тыл автоматчиков. Второй, совсем молоденький, стрельнул себе в руку, на третий день после того, как прибыл к нам. Приставил ладонь к дулу карабина, так что его сразу уличили по ожогу. Третий, кажется, таджик, уговаривал своих товарищей перейти к немцам.

Им завязали глаза, появилась команда, ее называли «расстрельная», во главе с капитаном. Он скомандовал, они подняли винтовки, и тут этот мой знакомый в очках зарыдал и закричал невыносимо по-детски тонким голосом.

Капитан на какой-то момент растерялся, потом подскочил к нему,

гаркнул: «Молчать!» Тот вздрогнул, замолчал, затем раздалась команда и неровный залп. Я слышал, как в каждого еще кто-то выстрелил. Я стоял, закрыв глаза. Члены трибунала расписались».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Наш батальон стоял возле Ленинграда — под Шушарами. Однажды комиссар нам сказал, что завтра «приедут шефы», а с ними — работницы с фабрики. Для нас это было событие. Мы стояли на самом рубеже. Они должны были ночью прийти и ночью же уйти, потому что мы стояли на таком приближении, что их не должно было быть видно, чтобы ни их, ни нас не обстреляли. Нас заранее предупредили о визите, чтобы мы не ели кашу, сахар, хлеб и могли угостить.

Я жил в землянке вдвоем с товарищем — артиллерийским техником. И нам тоже должна была достаться женщина (фабрика была женская, мужчин не было), но одна — на двоих. Потому что женщин приезжало всего человек тридцать, а нас — целый батальон! Мы с соседом бросили жребий. Я выиграл. Мне досталась женщина. Молодая сравнительно, но такая уже костлявая. Я ей устроил угощение. Отдал две порции, потому что мой сосед оставил мне свою. Сидим мы с ней, разговариваем.

Гостя мне рассказывает, что на фабрике творится. А потом я вижу: она от еды засыпает. Я говорю ей: «Ну, ложись, поспи, ато тебе еще ночью пешком идти до дома». Она легла и говорит мне: «Ложись со мной». Я обрадовался, хотя вид у нее был не для любви. Но я лег, и она тут же заснула.

И я лежал, согревал ее, потом тихонько встал и пошел в соседнюю землянку, где спали ребята, которым женщин не досталось».

Из интервью Д. Гранина «Новой газете» 8.05.2017 г.

«Самый тяжелый январь для меня выдался в 1942 году на Ленинградском фронте. Под Новый год мы больше всего мечтали о том, чтобы нас отвели куда-нибудь в тыл помыться, но этого, увы, не случилось. И мы встречали новогодние праздники и Рождество в окопах. И тут произошли события, о которых я не очень-то люблю вспоминать. В Рождество мы стояли под Пушкином, где тогда были немцы. В бинокль нам был отлично виден Екатерининский дворец, который в эту праздничную

ночь торжественно засветился огнями. Как мы узнали из разведданных, немцы устроили там некое подобие офицерского бала. Можете представить, какие чувства овладели нами — вшивыми и голодными, глядящими из окопов на сверкающий дворец, где пировали фашисты. И вот на этой волне отчаяния и ненависти родилось решение: а не жахнуть ли из наших пушек и минометов по дворцу, чтобы испортить врагам этот вечер? И мы стали методично бить по занятому немцами дворцу, забыв о том, что это наша гордость и национальное достояние...

В ночь с 1942-го на 1943-й мы уже могли позволить себе выпить водки и закусить, но в баню наш батальон снова не попал. К тому же этот праздник вполне мог оказаться для меня последним. Я в те времена был романтическим идиотом и потому вызвался пойти в разведку, дабы осуществить вполне идиотский план: пробраться в расположение врага, чтобы раздобыть к новогоднему столу немецких деликатесов, которыми этих гадов снабжало их командование. Закончилась эта вылазка полным конфузом: наша группа заблудилась во мраке зимней ночи, потеряв все ориентиры, которые мы высмотрели в светлое время суток. Помню, как после нескольких слепых перестрелок я лежал на нейтралке на замерзшем трупe офицера, у которого на руке громко тикали часы. Я их снял и забрал вместо трофея, который, впрочем, по возвращении у меня тут же забрал ротный. Но в тот момент о возвращении к своим можно было только мечтать. В поисках обратной дороги мы расползлись в разные стороны, как вши, и, оставшись вдруг один, я испытал чувство ужаса, потому что совершенно не представлял, где немцы, а где наши. Кричать было нельзя, и я пополз наугад. Эти полчаса в январе мне не забыть никогда. На мое счастье, выбранное направление оказалось верным, и скоро я свалился в наш окоп. В Новый год нам, как правило, давали фронтовые сто грамм, но за счет убитых и раненых почти всякий раз получалось почти по двести. Но это только если старшина оказывался приличным человеком и не присваивал себе излишки, которые потом можно было выменять на колбасу и сало».

Д. Гранин. 12 месяцев. Январь (Сноб. 2013. № 12)

«За время блокады я в городе был всего раза два или три. Один раз нес пакет куда-то, проходил село Рыбацкое и видел, как тощая лошадь, которая тащила сани с патронными ящиками, молоденький красноармеец погонял ее, упала на подъеме и встать не смогла. Как он ее ни лупил, ни бил — она

дрыгала ногами и подняться не могла. Вдруг откуда ни возьмись налетели люди, закутанные во что попало, с топорами, ножами, принялись кромсать еще живую лошадь, вырезать куски из нее. Буквально минут через двадцать остались только кости. Все обглодали.

Запомнилось и то, какой был город. Занесенный снегом, высокие сугробы, тропинки между ними — это улицы. Только по центральным улицам можно было ехать на машине. Лежали трупы, не так много. Лежали больше в подъездах. Город был засыпан чистым-чистым снегом. Безмолвный, только тикал метроном из длинных репродукторов, которые были повсюду. Витрины все заколочены. Памятник Петру, памятник Екатерине завалены мешками с песком. Никто из нас не стремился в этот блокадный город.

Жизнь блокадная шла среди разбомбленных домов. Угол Моховой и Пестеля, дом стоял словно бы разрезанный. Бесстыдно раскрылись внутренности квартир, где-то на четвертом этаже стоял платяной шкаф. Дверца болталась, хлопала на ветру. Оттуда выдувались платья, костюмы. Разбомбленные дома дымили. Пожары после бомбежек или снарядов продолжались неделями. Иногда возле них прохожие грелись. Гостинный Двор — черный весь от пожара. В Александровском саду траншеи, зенитки. Траншеи были и на Марсовом поле.

Однажды нам поручили втроем вести пленного немца через город в штаб. Я наблюдал не столько за городом, сколько за немцем, которого вел, — какой ужас был на его лице, когда мы встречали прохожих. Замотанных в какие-то немыслимые платки, шарфы с черными от копоти лицами. Не поймешь — мужчина, женщина, старый, молодой. Как тени, они брели по городу. Началась тревога, завывли сирены, мы продолжали вести этого немца. Видели безразличие на лицах прохожих, которые смотрели на него. Он-то ужаснулся, а они уже без всяких чувств встречали человека в немецкой шинели».

Д. Гранин. История создания «Блокадной книги»

«Я восстановил в памяти тот день, это было не так уж сложно; тогда я впервые получил увольнительную в город. Блокада преобразила город неузнаваемо, поэтому все поражало и отпечатывалось в памяти прочно.

Когда началась бомбежка, вернее, когда она приблизилась, я укрылся сперва в одной подворотне, потом перебежал в следующую. Зенитки захлопали рядом, прожектора шарили по небу. Все, что на передовой мы

обычно наблюдали издали, сейчас происходило над головой. Неподалеку упала бомба, следом завывала следующая, на этот раз ближе, громче. Вой ее нарастал. В подворотню вбежала женщина с каким-то большим свертком. «Ложись!» — крикнул я, толкнул ее в снег и сам упал на что-то мягкое. Раздался удар, грохот. Дом наискосок стал разваливаться. Женщина закричала. Она кричала от страха. Судя по взрыву, бомба была небольшая; я хотел подняться и вдруг увидел под собой человека — румяное лицо старика. Это было так неожиданно, что я вскочил на ноги, потом нагнулся, потрогал завернутую в простыню фигуру, тронул лицо, волосы — я не сразу сообразил, что в свертке был большой елочный дед-мороз. Женщина, глядя на мой испуг, стала смеяться громко, истерически, освобождаясь от собственного страха.

Я тоже рассмеялся. Этого деда-мороза она несла для большой елки в Дом пионеров...»

Д. Гранин, А. Адамович. Блокадная книга

«В конце марта 1942 года я получил увольнительную и решил навестить нашу квартиру. По дороге я с дотов отломил несколько сосулек, понаслаждался их чистой водой. У Невы женщины добывали воду из проруби. Доставали ее поварешками, рукой было не дотянуться, не зачерпнуть; береговые жители ходили на Неву, на Фонтанку, на Карповку, долбили лед. Наколют лед и несут домой. «Проблема подняться по обледенелой лестнице, дотянуть ведро и не поскользнуться», — жаловалась мне Поля, единственная, кто осталась в живых в нашей большой коммунальной квартире. Я и сам еле забрался по этой загаженной лестнице; она мне помнится во всех подробностях, в желтых ледяных наростах от мочи, и горы мусора, и всюду горы замерзшего кала. Это было открытие для меня, туалеты ведь не работали, все вываливали на лестницу, в лестничный пролет.

Поля этой зимой уже стопила большую часть мебели из всей квартиры. Из моей комнаты — деревянную кровать, книжные полки, стул; я ее никак не упрекнул.

«Цивилизация, — сказала она, — будь она проклята».

...А ведь когда-то горело электричество, лампочки в абажуре в коридоре остались, я пощелкал выключателями, они не отозвались. В первые же бомбежки стали заклеивать окна бумажными крестами. Чтобы сохранить стекла. Потом почему-то кресты эти плохо защищали от

бомбежек; постепенно окна зачернели опустелыми рамами. Ударная волна снарядов и бомб в конце концов выбивала стекло; окна принялись завешивать одеялами, коврами, чтобы кое-как защититься от снега и ветра. В комнатах стало совсем темно. Не стало ни утра, ни дня, постоянная тьма. Свет начали добывать коптилками, их мастерили из консервных банок, покупали на рынках, туда заливали керосин; его не стало — добывали масло: лампадное, машинное, трансформаторное, не знаю еще какое... Из ниток — их выдергивали из одежды, скручивали фитиль. Огонек кое-как светил, коптил, над ним можно было руки замерзшие погреть; масло ухитрялись выпросить в церквях, у артиллеристов, а еще, это я после войны узнал, у монтеров «Ленэнерго», они брали его из масляных выключателей, из трансформаторов. И продавали.

В ретроспективе все эти добычи выглядят иначе; не воровали, а выпрашивали, выменивали, добыть свет было так же трудно, как в каменном веке.

Радио молчало, стучал метроном, в какие-то часы передавали последние известия.

Комнаты закоптили, люди закоптили. В булочных стояли коптилки, в милицеских отделениях коптилки, в конторах коптилки. Они же копчушки, моргалки — как только их не называли! На фронте они тоже светили, у нас фитили зажимались в снарядные гильзы, масло воровали у водителей, для чтения света коптилки не хватало, а кашу согреть можно и письмо в ее трепетном свете как-то можно было написать. Древний этот аппарат все-таки придавал уют пещерной блокадной обстановке, маленький язычок пламени горел, значит, жизнь теплилась, днем можно было приоткрыть занавес, отогнуть одеяло, впустить свет, если он был без мороза.

...В домах лежали непохороненные покойники, лежали в квартирах жертвы голода, морозов, попавшие под снаряды, лежали в подворотнях; я видел мертвецов в заснеженном трамвае, я сам туда зашел укрыться от ветра. Напротив меня сидел совершенно белый пожилой человек без шапки — наверное, кто-то ее взял.

Невероятными усилиями воскресшие люди весной очищали город от трупов, от нечистот; нетронутыми оставались разбомбленные дома, разбитые трамваи.

На Марсовом поле в конце мая появились грядки.

Мои личные воспоминания выцвели, затуманились, смешались с чужими мемуарами...»

Д. Гранин. Как жили в блокаду (Звезда. 2014. № 1)

«На улицах людей много. Все идут с саночками, везут, кто-то везет швейную машину, наверное, на черный рынок. Укутаны кто во что горазд. Толкучка у Кузнечного рынка. На хлеб меняют мыло, спички, свечи, дрова маленькими связками. Спички 10 рублей за коробку. Масла почти нет.

Трупы везут на санках. Санки по двое связаны так, чтобы труп лежал во весь рост.

На санях везут по несколько бидонов воды для столовой.

На Невском всегда много людей, даже в морозы, даже утром, вечером. Тащат санки, с дровами. Продают связки дров. Санки за плечами, как мешки.

Пришла машина за трупами. Выносят их из жилого дома, собирают по квартирам.

На Финляндском вокзале полно ожидающих эвакуации.

Пожар жилого дома. Успели вынести стулья, столы, картины, кровати.

Снимок. Общегородское собрание управхозов. Вот у них у всех физиономии круглые, что-то не видно дистрофиков».

Из дневниковых записей Д. Гранина, 12.01.1942 г.

«В блокаду я попал в столовую квартиры моего знакомого профессора. Труп его лежал на диване, из разбитого окна намело снег. Я открывал дверцы буфета. Сервиз заполнил все полки, блюда шикарные для пирогов, длинные для рыбы, селедочницы, супница, салатница украшена красными раками, розетки для варенья, печенья. Все блестело, чистенькое, красивое. Ваза для фруктов, в ящике лежали терки, консервные ножи, штопоры, уксусные флаконы...»

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Это было зимой 1942 года. Прямо из окопов нас вызвали в штаб армии, там придирчиво осмотрели, как выглядим. Накануне мы получили новые гимнастерки, надраили свою кирзу, подшили свежие подворотнички. Штаб помещался на Благодатной, так что в Смольный нас везли через весь

город. Мы ехали на газогенераторной полуторке стоя, чтобы не запачкаться. В Смольном на вручение орденов нас собрали из разных частей фронта. Нас — человек шестьдесят. Я плохо что видел и замечал, потому что волновался. Провели нас в маленький зал. За столом сидели незнакомые мне начальники, командиры. Единственный, кого я узнал, был Жданов. Все вручение он просидел молча, неподвижно, запомнилась его рыхлость, сонность. В конце процедуры он тяжело поднялся, поздравил нас с награждением и сказал про неизбежный разгром немецких оккупантов. Говорил он с чувством, но круглое, бледное, гладко-блестящее его лицо сохраняло безразличие. В некоторых местах он поднимал голос, и мы добросовестно хлопали. Когда я вернулся в батальон, пересказать толком, о чем он говорил, не мог.

Вот про обед я ребятам рассказал. Как нас повели вниз в столовую и кормили шикарным обедом. То, что покушать дадут, — это мы знали, это полагалось. Но обед был на скатерти, на фарфоровых тарелках, с казенными ложками. Дали суп гороховый — с кусочком сала, на второе — перловую кашу и котлетку, на третье — розовый кисель. Порции крохотные, не обед, а воспоминание. Зато лежали вилка, чайная ложка».

Д. Гранин. Запретная глава

«Когда я захотел писать о войне, память отказала. Первые недели войны еще как-то сохранились, но затем октябрь, ноябрь — пусто, все выпало. Остался общий рисунок — окопы, стрельба. Потом отдельный артпульбат. Декабрь, январь, февраль, да почти весь 1942 год на передовой: клочки, кусочки быта, конец одной атаки, большая жестяная банка сгущенного молока, я иду с ней по полю, в меня стреляют, попали в банку, я заткнул дыру пальцем и иду. И далее такая же мелочовка: с кем жил в землянке, что за бои были у Пулкова, потом под Александровкой. Провал. И так провал за провалом следовали до конца войны.

Вкуса баланды, что доставлял старшина нам в окоп, — не помню. Что-то мы сами варили. Где добывали дрова? Как топили свои печки в землянках, ночью, что ли, днем-то ведь по дыму немцы могли бы бить из минометов?.. Время поглощало мою войну, ее плоть, ее быт, то, что должно было остаться со мною до конца. Меня обидели, я остался ни с чем. Где-то там, в глубинах памяти сохранилось что-то... надо было как-то извлечь. Но как? Если б я вел дневники».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Один из авторов книги воевал осень и зиму, вплоть до весны сорок второго года, под Пушкином. Он сидел в окопах, и каждую ночь позади, за спиной, полыхали отсветы ленинградских пожаров, багровые их пятна дырявили звездную темноту. Впереди взлетали вражеские ракеты, а позади горел город. Днем силуэт города подробно и четко вырисовывался на ясном небе. Многочисленные трубы не дымили, и воздух над городом был чист, лишь в нескольких местах поднимались толстые копотные столбы дыма от пожарищ. В одни и те же часы над передовой проплывали фашистские бомбардировщики, они летели бомбить, а к вечеру, сменяя их, с мягким шелестом, невидимые, неслись в город тяжелые снаряды.

В его батальоне были случаи дистрофии и голодной отечности, потому что солдатский паек был скудным, пусть не таким, как у горожан, но очень скудным, урезанным. Но война с этим не считалась, надо было стоять на посту, ходить в разведку, разгребать окопы от снега, таскать снаряды, патроны, чистить оружие. Кроме всего прочего, война — это еще и тяжелый физический труд, где нет ни выходных, ни перерывов.

Немцы не жалели ни мин, ни снарядов. Были дни, когда на участке батальона оставалось несколько десятков бойцов. Немецкие окопы у железной дороги были от наших всего метрах в пятидесяти. Насадив на штыки булки, немцы поднимали их над бруствером и предлагали переходить к ним, они обещали сытную кормежку и спокойную жизнь в плену. Они доказывали, что солдаты Ленинградского фронта обречены на гибель и если не подохнут от голода, то будут убиты. Не так-то легко было это слушать. Однако за всю зиму из его батальона не было случая перехода к немцам.

И хотя он прошел всю эту долгую войну, где были и наступление, и победы, и штурмы, и разные фронты, и все это не только видел, но и прожил, он затрудняется объяснить, каким образом голодным, промерзшим, ослабевшим воинам Ленинградского фронта удалось защитить, отстоять город».

Д. Гранин, А. Адамович. Блокадная книга

«Как-то в декабре 42-го мой приятель, старлей Володя Лаврентьев, получил командировку на сутки в город для нас двоих за веретенным

маслом к пушкам. «Завернем к двум девочкам», — сообщил он по секрету. Прихватили водки наркомовской, выдавали нам по 100 граммов в сутки. Тащиться два километра в город по морозу мне не хотелось. Однажды мы с ним уже прокололись с девицами, посрамились неспособностью. Он меня успокоил, цель у нас другая — подкормиться у них, они где-то при деле, и мы понаслаждаемся. Он не наврал. Наслаждение стояло на столе. Девушки были не первой свежести, а вот яблоки совершенно новенькие, а главное, банка тушенки, горячая картошка и к ней, представить я не мог — маслины! С нашей стороны разливали мы бутылку наркомовской водки, Володя спел им Вертинского, Лещенко, одесские песни, конечно, без гитары, а я прочитал Есенина. Одновременно происходило питание. Сдержанное, поскольку мы сохраняли офицерское достоинство. Девочки, выпив, рассказали нам кое-что про своих «мальчиков», что посещают их и расплачиваются продуктами. Конечно, взять с собой сухарей со стола, да еще маслины, угостить ребят в окопах, мы не могли. Угрызений совести тоже при нашем аппетите не хватало. Возможно, я считал, что тащить назад тяжелые канистры с веретенкой на голодный желудок несправедливо, поэтому мы деликатно все подчистили».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«— Награды у вас за что, Даниил Александрович?

— Не люблю об этом рассказывать. Я и не носил-то ордена никогда.

— Почему?

— Не знаю. Не смогу ответить на вопрос. Когда награждали, радовался, было приятно, что отметили, но вот хвастаться заслугами перед Родиной не любил. Тем более вскоре после войны отменили денежные доплаты, полагавшиеся орденосцам, стали призывать фронтовиков вести себя скромнее. Мол, хватит красоваться на фоне остальных. Я и убрал награды подальше.

— У вас ведь есть и Офицерский Крест, полученный от правительства ФРГ. Его, извините, обязательно было получать?

— Мои награды свалены в специальном железном ящике, который стоит дома. Когда опустил туда этот крест, все остальные ордена страшно возмутились, поднялся скандал.

— Не понравился новый сосед?

— Очень! Особенно негодовали Красная Звезда и Красное Знамя.

— Что вы им на это?

— Объяснять что-либо было бесполезно.

— Хотя бы себе ответ дали?

— У меня появилась масса друзей в Германии, я неоднократно бывал у них, мои книги там издавали... Так скажу вам: война закончилась в мае 45-го, нельзя жить лишь прошлым и воспоминаниями о нем. Это неправильно. Удивитесь, но многое мне объяснил все тот же Лев Толстой. Не поленитесь, перечитайте сцену встречи Пьера Безухова с французским офицером. Казалось бы, непримиримые враги, но между ними нет злобы. Безухов понимает, что видит солдат, которые вынуждены выполнять приказ. Раненые стонут от боли, как и русские, живые мечтают, как и наши, уцелеть и вернуться домой... Ненависть разрушительна, она хороша на фронте, но вредна в мирной жизни...

— С внуком разговаривали о Великой Отечественной?

— Когда Данила был маленьким, слушал с любопытством, а сейчас не хочет. Он меня очень любит, но военная часть моей жизни его не трогает. Да и других в общем-то тоже. Кровь и грязь никому не нужны. Поэтому и отказываюсь говорить. Не могу рассказывать о войне, чтобы было интересно. Это выглядело бы нечестно с моей стороны по отношению к погибшим, понимаете? Тема не та, не получатся у меня забавные истории о бравом солдате Василии Теркине. И воспоминания других ветеранов стараюсь не слушать. Мне становится их жалко. Люди говорят о подвигах, а я убежден, что война не может быть выиграна на одном героизме. Этого мало. Моя война пахнет солдатским потом и более всего напоминает тяжелый каторжный труд с сотнями вырытых окопов, тысячами пройденных километров и ночами без сна в холодных землянках. Знаете, что у нас считалось высшим счастьем? Попасть в вошебойку, помыться и получить чистое белье».

Из беседы Д. Гранина с А. Ванденко (Итоги. 2010. № 18)

«ГЕРМАН, Даниил Александрович
Военное звание Старший Политрук
Должность, часть Военный Комиссар 2 Отдельного Ремонтно-восстановительного батальона
Представляется к ордену «Красная Звезда»
1. Год рождения 1918
2. Национальность Украинец

3. С какого времени состоит в Красной Армии с июля 1941 г.
4. Партийность член ВКП(б) с 1940 г.
5. Участие в боях (где и когда) участник в боях в районе г. Пскова Л О в 1941 году.

6. Имеет ли ранения и контузии дважды ранен в 1941 году.
7. Чем ранее награжден (за какие отличия) орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА», за хорошее руководство и политическое воспитание личного состава в боях за Родину.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг
Тов. ГЕРМАН, Даниил Александрович работая Комиссаром 2 ОРВБ, показал себя хорошим организатором личного состава части. Умело руководит социалистическим соревнованием в части, благодаря чего часть из месяца в месяц перевыполняет план по ремонту машин. <...>

Отлично организовал в части рационализаторскую работу, где имеет 30 человек отличных рационализаторов, с которыми проводит работу и имеет до 150 рационализаторских предложений, которые этой же частью реализуются.

Благодаря инициативе масс, ремонтной базой освоено 325 остродефицитных деталей машин, которые дают возможность из месяца в месяц перевыполнять программу.

Благодаря мобилизации масс, сверх программы в июле месяце изготовлено 11 походных мастерских, типа «Б», на которых обучают людей, приспособляя их работу к полевым условиям.

За это время подготовил кадр по ремонту боевых машин: КВ — 6 человек, Т-34 — 5 человек, БТ-2 и БТ-5 — 16 человек, в настоящее время обученный кадр самостоятельно ремонтирует машины, прибывшие с поля боя.

Исходя из вышеизложенных заслуг перед Социалистической Родиной, ходатайствую о награждении орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Зам. нач-ка АБТВ 42 армии

Инженер-полковник Шлепнин».

Из наградного листа Д. Германа от 7.08.1942 г.

«Еще один комбат вспоминается мне — Захар Коминаров. По характеру был он совсем иным — горячим, страстным человеком, увлекающимся, мог вспылить, мог схватиться за голову от отчаяния и досады, легко воспламенялся и гас, но в одном он был сходен с

Литвиновым — тоже был великолепный специалист, знаток своего дела. И не просто командир ремонтно-восстановительного батальона, но одаренный командир, прирожденный командир. Мы восстанавливали разбитые автомашины и танки. Не хватало запчастей, оборудования, нужно было все время что-то придумывать, заменять, находить, и лучше других это умел Коминаров. Командиры рот, инженеры, каждодневно признавали превосходство его знаний и творческого дара. Он умел и показать, как надо делать, как можно выйти из положения. В нем совмещался инженер и командир, пример, который потом, когда я перешел в танковые части, так часто вспоминался мне. Если ему надо было что-то отстоять, доказать, кому-то помочь, вытащить каким-то новым способом машину с нейтралки, он становился бесстрашен. Он не боялся никого и ничего. Не боялся ни противника, ни своих начальников. Его хотели забрать в штаб, в бронетанковое управление — он отказывался. Ему нужно было практическое дело, он любил свой батальон, и продвижение по службе его не манило...»

Д. Гранин. Мои командиры

«Коминаров... мог отремонтировать танк, не имея ничего, у него был редкий инженерный дар. Я тоже кое-чем помогал из своего инженерного образования. Из бочек с горючим придумал делать буржуйки. Буржуйки работали неплохо, куда труднее было добывать к ним дрова. Но некоторые требования моего комбата я выполнить никак не мог. Когда началась весна, надо было убирать трупы с нейтралки, а как их убрать, когда они за проволочным заграждением, да еще подступы заминированы, а схемы установки мин давно потеряны, где немецкие, где русские мины — не разобрать. А трупный запах с каждым днем усиливался, сладкий, тошнотный, от него дыхание перехватывало, и, конечно, нам казалось, что ветром его больше гонит на нас, чем на немцев. Когда немцы стали убирать трупы, велено было стрелять в них, но, честно говоря, мы не стреляли, а если стреляли, то больше вверх для шума, мы были им благодарны, что они утаскивали эту гниющую массу».

Д. Гранин. Заговор

«В конце 1942 года я ощутил себя стариком. Полтора года на

передовой. Нас, первачей, ополченцев, осталось в батальоне человек пятнадцать, не больше. Старики, остальные для нас новички. Офицеры удивлялись, что мы еще живы. Ныне я опять стал стариком, но не таким, как тогда. Сейчас никто не удивляется. Когда звонят по телефону, спрашивают: «Ну как ты, как чувствуешь?» Это звучит — ты как, жив? Значит, не умер? Молодец.

Старость совсем не плохо. Можно подольше поспать. Можно не ходить, не посещать, плохо себя чувствовать.

Тогда, на передовой, я посоветовался со своим приятелем Володей Лаврентьевым, он пришел в батальон на месяц позже меня и тоже считался перестарком. Теория вероятности, по его мнению, исчерпала свои благодеяния, и мы существуем уже вопреки ее законам.

— Считай, что ты привидение, — заключил он.

Я-то знал, что теория вероятности ни при чем, есть нечто другое, у меня появилось неприятное чувство обреченности. Счастливые случайности кончились. До сих пор все пули, осколки, мины меня обходили, теперь другое, — они промахивались.

Как всегда, помогла случайность. Появилась возможность поехать в танковое училище на курсы. Армия осваивала ИС-2. Я попросился и спустя неделю поехал на полutorке по Дороге жизни.

Была отвальная. «Представляешь, ты сможешь каждую неделю ходить в баню», — говорил мне Володя.

Этого я не представлял.

«Будешь всю ночь спать, всю! — сказал ротный. — Без тревог, вылазок, дежурств».

Этого я тоже не представлял, а кто же будет на посту?

«Суп будет горячий и каша горячая», — помечтал кто-то.

Три месяца в городе Ульяновске, три месяца! Надену свои хромовые сапоги вместо кирзы, в туалете буду сидеть не орлом, а на настоящем унитазе. Утром умоюсь водой, а не снегом.

И ведь все исполнилось!»

Д. Гранин. Человек не отсюда

«В Ульяновское танковое училище мы прибыли с фронта. Офицерами. Старшие лейтенанты, капитаны. В орденах и медалях. И попали под начальство старшин. Они принялись нас гонять на строевую подготовку, на вечернюю прогулку, с песней «За-а-певай! Давай ножку!». Шел 1943 год.

Фронтовики народ вольный. Слали всех все туда-то. Дальше фронта не пошлют, больше пули не дадут. Казарменная жизнь была непривычной. Койку надо заправлять. В столовую строем. Зарядка. Быстро наладили самоволки. Налаживание в том состояло, чтобы обзавестись девами, ночевкой, а то и квартирой.

Мой товарищ, кажется, его звали Лева, вскоре позвал меня в компанию. Он использовал меня для представительства. Я должен был читать стихи, говорить о литературе, придавать интеллигентности офицерскому составу. Меня приглашали для старта. Потом обо мне забывали, я даже мешал, потому как пил мало, карты не любил, и вообще интеллигентность быстро утомляла и баб, и мужиков».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«По окончании курсов нас отправили в Горький. Там практиковались на танкодроме: танки уступом справа, уступом слева. Стрельба с остановками, без остановок, на ходу, из пушки 122-миллиметровой, из пулеметов. По танкам противника, по фанерным домам. Заправка. Ночевка на земле. На снегу. Постелить лапник, укрыться шинелью — это «полевые» условия, как будто мы не нахлебались ими сполна, настоящими, а не учебными.

В Горьком меня привлекли готовить учебные пособия, рисовать танк в разрезе и так, и этак, диаграммы. За это позволили жить привольно. Жил я с напарником, Андреем Корсаковым, снимали комнату в частном доме. Мы с ним еще затеяли одно техническое устройство. В танке в бою неудобно — если ты по рации связан с начальством, то в это время внутренняя связь отключается, механик-водитель не может сообщить, что там показалось на дороге. И вот стали мы с Андреем возиться со схемой, кое-чего добились, начальство обрадовалось и с ходу нацепило нам по звездочке. Я стал капитаном. Ну, тут я написал Римме, чтоб она приехала, пока такая вольготная. Она сумела добраться, сроком на три дня. Выглядела неплохо, не то что я. Сказалась блокада. Она не удержалась: «Да, досталось тебе». Впервые я понял, что тоже могу постареть. В 21 год постареть? Это было непросто. Она старалась за эти три дня меня подкормить, наладить нашу жизнь с Андреем. Я гулял с ней по Горькому, было какое-то подобие свадебного путешествия».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Одно из моих писем Римме с фронта начиналось так: «Я не смогу увидеть своей смерти и вряд ли кто опишет ее тебе. Если кто-то окажется свидетелем, он тоже вряд ли уцелеет. Эта война не оставит могил».

Я не был пророком, мы так быстро отступали, что не успевали хоронить. В 1944 году началось наступление, и опять не успевали хоронить своих. Сваливали всех — и наших, и немцев в одну яму, чтобы избавиться от вони».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Когда сформировали нашу танковую бригаду, то отправили нас за машинами в Челябинск на танковый завод. Сформировали — это значило — назначили трех командиров взводов, в каждом взводе три машины, а меня командиром роты: во-первых, капитан, а они старлеи, а еще результаты стрельбы сказались.

В Челябинске завод никак не походил на завод — сборочный цех, где мы работали, достраивался, стен не было, была крыша, мостовой кран и кирпичный брандмауэр, где стояли отопительные батареи, задувал снег, детали машин обрастали инеем. Мы должны были помогать сборщикам. Детали тяжеленные, и к ним не прикоснись, обожгут морозом так, что руки липнут. Сборщики — подростки-ремесленники, бледные, слабосильные, и женщины, укутанные платками...

И в Челябинске, и в Горьком во дворах стояло несколько подбитых машин, их приволокли для изучения, зрелище было жуткое — машины были горелые, пробитые бронебойкой, искореженные неизвестным нам способом, какие-то команды отскоблили внутри горелое мясо, но все равно внутри воняло. У человечины свой отвратительный запах. Вид этих подбитых машин не вдохновлял».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Мою роту отправили в сборочный цех получать наши танки. Восемь машин новой марки ИС-2.

Была зима, новый цех еще не успели утеплить. В открытые настежь ворота задувал снег, мерзла броня, липла к рукам. Стояли раскаленные грелки, но ветер сдувал жар от них. Бетонные плиты пола заледенели. Ноги

скользили, люди падали. В цеху работали подростки и бабы. Все голодные, слабосильные, а все детали неподъемны. Два мостовых крана не поспевали. Где можно, мы подвозили, кантовали. К концу смены нас ухайдакивало так, что коленки дрожали.

Но было одно обстоятельство, оно действовало и на нас, и на заводских. Сталин чуть не ежедневно звонил директору, справлялся, сколько машин выпустили. Подгонял. Говорил, что фронт держится на тяжелых танках, только они могут противостоять немецким «Тиграм». Нас с утра об этом оповещало радио. Приходил сам директор Зальцман.

Как мы вкалывали! Скидывали полушубки. Потом опять надевали. А поверх надо было натянуть спецовку. Крики: вира!., майна!., стропы!

Звонок Сталина подгонял и устрашал. Все, начиная от директора, понимали, что в случае малейшей задержки, аварии головы не сносить. Пощады не будет. И вникать не станут».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«На заводе в Челябинске, где мы получали танки «КВ», вся наша рота работала в сборочном, помогая ставить тяжелые детали. Сборщики были большей частью ребяташки-допризывники или пожилые люди, все довольно истощенные, слабые, а нам полезно было повозиться с новой машиной «ИС». Там, в цеху, я наслушался рассказов о легендарном директоре Зальцмане, нашем питерце, раньше он командовал Кировским заводом, потом завод эвакуировали в Челябинск, и теперь он здесь начальствовал. В сборочном цеху зимой мороз доходил до минус 40°. Скопилось много машин. Тут такая получилась незадача. Танки приходилось все время прогревать, потому как морозом прихватывало крыльчатку водяной помпы. Из-за выхлопов поднимался такой дым, что у рабочих кружилась голова, они задыхались, бежали в термическую, там отсиживались, и сборка оказалась в прорыве. Явился Зальцман, начал ругать начальника цеха, тот незаметно скомандовал мотористу запустить моторы. Весь цех заволкло. Зальцман даже испугался. На следующий день объявил, что цех выходной. Собрал всех специалистов по вентиляции, сказал: вот вам сутки, не сделаете, запру в цеху, запущу все моторы, пока не угорите».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Первое, что спросил редактор, — почему я пишу больше всего про войну 1941–1942 годов? Ведь я воевал и позже, по сути, все четыре года отбухал, демобилизовали меня в конце 44-го года. Почему не пишу про то, как входили в Прибалтику и дальше. Про свою танковую роту.

Действительно, почему? А чего про то писать? Наступали, стреляли, давили, громили, и помнится плохо и неинтересно».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Наступление окрыляло. Мы неслись, нарушая расчеты штабных оперативников. Не считались сами с потерями, хотя их стало куда меньше. В мае 1944 года немецкие солдаты, так же как мы в сорок втором, пробирались ночью по болотам к своим, не успевали догнать отступающий фронт.

Мы застряли в какой-то зыбкой пойме, тяжелые наши машины уже погружались, когда по радио командир полка сообщил, что впереди разворачивается навстречу нам немецкий дивизион. Откуда что взялось? Танки наши словно подстегнуло. Рванули, выскочили на шоссе, понеслись прямо на указанный городок. Все их названия, маленькие площади с ратушами слились в одно испуганное сборище, с безлюдными улицами, задраенными витринами, окнами. И мы несемся, шпарим на ходу из пулеметов, в кого, зачем, неизвестно, это от полноты торжества. Небо наше, небо занято нами полностью, дождались.

Дороги немецкие — одно удовольствие, словно созданные для тяжелых танков, мосты надежные. Будь у нас такие, не знаю, устояли бы мы. Дураки и дороги, как писал Пушкин, а вот русские ужасные дороги выручили. Дураков приспособить не удалось...

В наступлении время помчалось как никогда раньше. Мы не успевали обозревать новые пространства, рощи, сады, пруды, незнакомые пейзажи появлялись и исчезали в сизом дыме выхлопов.

Где-то в Эстонии танки, дойдя до реки, уперлись в деревянный мост, на вид хлипкий. Морозов шел впереди, он попятился, разогнался и буквально перелетел, мост вздрогнуть не успел, за Морозовым также на полной скорости помчались остальные. Чуть помедленнее, и грохнулись бы. Потом Морозов объяснил: он бы, конечно, остановился, осмотреть мост, прикинуть, выдержит ли такую махину, все же 46 тонн. Думаю, осторожно этот мост не переехать. Многое тогда решали лихостью».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«В начале 1944 года Римма вернулась в Ленинград. Рожать. Поселилась в нашей комнате. Квартира была пуста. Еще не съехались эвакуированные жильцы и фронтовики. Римма нашла печника, поставила плиту в нашем тесном пенале. Кухня далеко по коридору. Она боялась ходить туда, там хозяйничали крысы. Они первые после блокады реэвакуировались в город. Почуяв съестное, они прогрызли дыру в нашу комнату. Она заткнула дыру осколками бутылки. Дрова для плиты покупала на Кузнечном рынке. Это за два километра. Дрова продавали вязанками. Купит вязанку и везет ее на трамвае домой. Спешит. Маринка там лежит одна. Привезет и тащит эту вязанку дров на пятый этаж. Греет кашу для дочки.

Меня демобилизовали в конце 1944 года. Приезжаю, застаю вот эту картину. Надо было застеклить окно, раздобыть стол, стулья, кровать. В блокаду соседка все сожгла. А на работу в «Ленэнерго» надо к 8 утра, а возвращался поздно вечером. В перерыв поезжай за молоком для маленькой на молочную кухню, не помню, как она тогда называлась. Вот так начиналась наша жизнь послевоенная, хотя война еще продолжалась».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Да, мы тоже хотели войти в Берлин, отомстить за все поражения, окружения, бегство, голодуху, за пленных, за четыре года, украденных из жизни. Поторжествовать, подняв свой флаг над развалинами Рейхстага. Хотелось. Всю войну мечталось. Но уже тогда росло и другое — добраться домой. Уцелеть. Раз война выиграна, теперь наше дело — не подставляться.

Трофеи? А чего возьмешь в солдатский мешок? Ну отрез-другой втиснуть. Если серебряные ложки, вилки попадутся. Картины, статуэтки, в них мы ничего не понимали. Картину надо брать большую, чтобы рама хорошая, а как ее дотянешь, самоваров у них нет, книги все на немецком.

Один мужик по дороге показал мне: инструменту набрал ихнего, высшего класса, всякие придамбасы — пилки-сверлилки, так он спец. Другой вез чемодан с патефонными иглами. Несколько тысяч, где-то у немцев спроворил. Растолковали мне — если каждую иглу продавать по пятерке, они у нас в дефиците, считай, сколько тысяч. Товар не видный, зато верный. Сунул в карман коробочку, никому глаза не застит. Всегда

спрос есть.

Это он мне в эшелоне свои планы изложил, когда мы на крыше ехали. На иголках он проектировал дом себе новый выстроить. Еще один вез машинку вязальную, носки вязать. Какой-то фриц пленный ему присоветовал, растолковал, как ее запускать. Одни мигали, другие смекали. Смекалые попадались мужики и правильно делали, свою контрибуцию брали».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Январь 1945 года. Война выиграна, вопрос лишь в том, как быстро мы дойдем до Берлина. До Кёнигсберга. До Будапешта. Где остановимся. Это меня уже не касалось. Я демобилизован. Отозван из действующей как специалист. Энергетик. Кадровики выискали среди тысяч офицерских дел мою папку. Ну и ну — «Инженер-энергетик». Написал бы просто «инженер», и все, не отложили бы, не внесли в список, и остался бы я в своем обреченном танковом полку. Потому как после моего отъезда там, под Кёнигсбергом, почти всех моих уложили, и Сашу Морозова, и Васю Фролова, остался, кажется, лишь Васильчук. Это я узнал. <...>

Гимнастерочка, ордена, медали, пусть негусто, но побрякивает. Зато гвардеец, зато танкист. В Москве, в министерстве энергетики, на фоне чиновной шушеры я выглядел будь спок, ощущал свою подтянутость, и уверенность, и право не снимать фуражку, свои полевые погоны, начищенные хромовые сапоги, свою молодость и бывалость, запах солярки и стреляных гильз. Они тут меня пытались поставить на место своими вопросиками по трансформаторам, аккумуляторам, генераторам и прочей электрификации всей страны. Думали, я все подзабыл. Может, и подзабыл. На войне мы другим заняты были. Но, к вашему сведению, основа у меня прочная, Ленинградский политехнический, первый в России. Так что мы голубых кровей. Впрочем, мне плевать, после фронта все нипочем».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«К этому дню я был в Ленинграде, демобилизованный, был отозван с фронта как энергетик, работал в Ленэнерго. Набережные Невы были переполнены, кипели возбужденными ликующими толпами. Пели, орали, играли аккордеоны, гармошки, никогда я не видел столько счастливых и

столько плачущих от счастья лиц, не видел такой открытости питерцев, обычно сдержанных, замкнутых. Незнакомые обнимались, целовались. Меня наперебой угощали самогоном, брагой, пили, не отказываясь, и не хмелели. Военных качали, я носил еще танкистскую кожанку, гимнастерку, и меня схватили качать. Кому-то я подарил свою фуражку, мне совали в карманы конфеты, значки. Какие-то смельчаки танцевали на гранитных парапетах над невской водой. Степень радости и счастья в исстрадавшемся Ленинграде была особенно высокой.

Празднично блестела Нева, и солнце светило ярче обычного, тот счастливый день до самого конца остался во мне драгоценным украшением на много лет.

Праздничные огни Победы, казалось, будут светить нам всегда. Но вскоре началось нечто странное: в 1946 году сняли выплату пенсии за ордена. Деньги шли маленькие — в месяц 15 рублей, это за Красную Звезду, за Красное Знамя платили на десятку больше. Все же получалось кое-какое подспорье нашему тощему бюджету. Ликвиднули, ничего не объясняя. Постановление было из тех, что не публикуются. Прошел еще год. 23 декабря 1947-го отменили выходной в День Победы, день уже не праздновался, как раньше, ни салютов, ни фейерверков в прежнем виде не подавалось. Торжественных заседаний также. Как пояснил мне один партначальник, человек осведомленный: вы, мужики, сильно заноситься стали, одернуть вас надо».

Д. Гранин. Не многое сбылось

«Было невероятное торжество, было много радости — не потому что мы победили, а потому что кончилась война. Кончились похоронки, кончилось затемнение — всё кончилось, можно начать жить по-человечески. Я прочел не так давно статью одного из руководителей православной церкви Илариона, который пишет, что Победа была чудом. Вначале я обиделся — что значит чудо? Чудо — это независимое от нас явление, а что же мы, напрасно воевали? Напрасны были все жертвы, если это чудо? Но потом я вспомнил, как Пушкин писал про войну 1812 года: «Кто же нам помог — остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог?» Это было ощущение того, что нам есть что защищать. Казалось бы, нечего защищать — ведь советская власть тоже была бесчеловечна. Но были какие-то другие корни, другие глубины — Россия была. Не советская, а просто понятие России».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«Первый месяц он пил, гулял в каких-то компаниях. Его затаскивали на вечерухи то мужики с электростанции, то бабы, торгаши, мелкие начальники, травил им фронтовые байки, хвалился, это было нормально. А как иначе, пить, гулять здоровье позволяло, победа позволяла. Жена не позволяла? Да пошла она... Пошли вы все, имею право!

Наглый, самоуверенный солдафон. По мере того, как наши войска подходили к Берлину, он заносился все больше, как будто это его танковая колонна двигалась через Германию. Его вызвал директор Михаил Иванович. Кабинет директора был в конце коридора с красной ковровой дорожкой. Была секретарша, столик с пятью телефонами. Полчаса его протомили в приемной.

Директор предложил сесть и долго молча смотрел на него.

— Все гуляешь? Пора очухаться... Тебя для чего отозвали, выпивох нам и без тебя хватало... — и пошел драить...

Довольно быстро я узнал, что мы, кабельщики послевоенного Ленинграда, весьма важное сословие. Подстанции были частично разрушены, кабели перебиты снарядами, бомбежками. В блокаду их, как могли, латали. Но эта прохудившаяся сеть то там, то тут рвалась. Мощностей не хватало. Оборудование за время блокады попортилось. На нас со всех сторон наседали — включите, дайте побольше мощности! Жизнь возвращалась и прежде всего требовала энергии. У нас в приемной с утра сидели просители. Они были требователи, а не просители. Они кричали, угрожали, доказывали. На нас ничего не действовало. Что нам были их угрозы, жалобы вышестоящим. Я объяснял начальникам, что закон Ома им не подчиняется. Никому не подчиняется — ни Москве, ни Центральному Комитету. И этого Ома невозможно вызвать на ковер. Будьте любезны проложить новый кабель, поставить новый трансформатор.

На самом деле кое-кому кое-что мы давали. Я давал госпиталям. Главный инженер выкраивал небольшие мощности школам для котельных. На Невском работали рестораны. Нас принимали там как самых важных персон. Если бы мы их не подключили, они не могли бы работать. Деньгами мы не брали. Деньги ничего не значили. Значила семга, ее можно было принести домой. Кусок копченой колбасы.

Швейная фабрика... Инструментальный завод... Институт истории... — извините, уважаемые, нет ни одного киловатта, никому, ничего дать не

можем.

Мольбы все же вынуждали нарушать все правила, перекидывать времянки, ставить оборудование уже негодное, просроченное. Мы чувствовали себя властелинами, благодателями этого измученного города».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«В юбилей Победы у меня взяли интервью. Журналистка попросила мои военные фотографии. Вот тогда я вспомнил — ни одной блокадной моей фотографии не осталось, ничего от первого года войны. Журналистка, ее звали Татьяна, удивилась — как же так, неужели не было у вас чувства Истории. Про чувство не знаю, но когда отступали, драпали, было не до съемок. В блокадном сидении в окопах тоже не снимались, почему — не знаю, может, потому что не надеялись выжить, то ли потому что не было фотоаппаратов, журналисты до нас не добирались, они застревали где-то на полковом КП».

Д. Гранин. Мой лейтенант

Глава третья

НАУКА И ЖИЗНЬ

(1945–1956)

«После окончания войны Д. Гранин начал работать в Ленэнерго. В предвоенные годы в лаборатории на заводе Кирова существовали идеальные условия для исследовательской деятельности. Иначе сложились обстоятельства в послевоенное время. В Ленэнерго Гранин был назначен начальником районной кабельной сети. В годы войны и блокады электрическая сеть Ленинграда тяжело пострадала, работать приходилось буквально дни и ночи. Об исследованиях нечего было и думать. Но трудные времена заключали в себе и нечто крайне важное для будущего писателя: по долгу службы он имел возможность общаться с огромным количеством людей, близко соприкасаться с работой ленинградских фабрик, заводов, предприятий. Это давало обильнейший жизненный материал и сказалось затем самым благотворным образом на творчестве писателя».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«В июне 1946 года вышло постановление Совета Министров СССР о реставрационных мастерских для пушкинских дворцов. Ленинград еще не оправился от блокады. Стояли разбомбленные дома, не хватало электроэнергии, люди возвращались из эвакуации, а селиться было негде. В нашей коммунальной квартире, когда я вернулся из армии в конце 1944 года, жило двенадцать человек, а в 1946-м — уже восемнадцать. Приезжали и приезжали. Коммуналки были переполнены. Надо было восстанавливать жилье. Прежде всего жилье! А тут реставрация дворцов. Да что же это такое? Но если бы тогда не приступили к этому, если бы помедлили, то растащили бы обломки украшений, карнизов, капители, все, что валялось среди дворцовых развалин. Охраны не было. Копали, копошились и местные, и приезжие. Кто себе в дом, кто для поделок.

...Вспомнилось мне одно предложение на барахолке — головка амура, золоченая, бронзовая, обломанная у шеи, так, что еще часть крыла осталась у плеча. Прелестная головка. Барахолка помещалась на Обводном канале. Она заслуживала бы отдельного рассказа. Нигде ни до, ни после ни на

одном базаре не видал я такого выбора: ни на блошином рынке Парижа, ни на знаменитых базарах Востока, ни в послевоенной Германии, где хватало всякой всячины. Всюду все уже знали, что почем, знали цену своему товару. Здесь же, на Обводном, торговали солдаты, вдовы, демобилизованные офицеры, тем, что нахватили в Европе, а хватали что ни попадя. Везли мешками, чемоданами из Венгрии, Чехии, Польши, конечно, из Германии. Везли и машинами, и товарными вагонами. Портьеры и ковры, посуду и мясорубки, картины, выдранные из рам, зеркала. Обчищали дома, фермы, учреждения. Тащили пишущие машинки (ходил слух, что дома их легко можно переделать на русский и загнать), письменные приборы, каменные чернильницы, радиоприемники, люстры; комиссионки ломались от шуб, отрезов, обуви, шалей. Барахолка выигрывала тем, что деньги получить можно было сразу. Не надо паспорта, ни процентов продавцам. Тут же выпивали, спрыскивая покупку да и продажу тоже.

Барахолка, было у нее еще название «толкучка», толкотня была ощутимая. Приволье карманникам.

Бронзовый амур был хорош, но мне нужен был пиджак, что-то штатское, осточертела гимнастерка. А на пиджаки был спрос больше, чем на амуров. Кроме амура вспоминаю упущенный большой деревянный горельеф, великолепное произведение, как теперь вижу старинную работу XVIII, а то и XVII века. Сцена из Священного Писания с Марией Магдалиной. Тяжелую эту панель подвыпивший мужик в шинели поставил в грязь, на землю и охрипло-безнадежно зазывал покупателей. Увидел мой интерес, вцепился в меня, не отпускал, обещал донести до дому, сбавлял цену. Хороша была вещь, помню ее в подробностях, заостренную от времен желтизну фигур и темную дубовую раму, так память бережно сохраняет упущенное.

В другой раз я долго топтался, приходил, уходил, возвращался к малахитовому ларцу с шахматами, выточенными из кости. Фигуры ферзя, слонов, лады были в виде голов, украшенных коронами, шлемами. Прелесть состояла в своеобразии каждой физиономии, хотя пешки были разные, однако каждое лицо было пешечно-солдатским, тупо-вато-попослушным, в каждом был Швейк. А офицерский состав отличался надменностью, живостью... Художнику не всё удалось, но ясен был замысел.

Так и не решился купить. Почему, не помню. Может, потому, что слишком шикарны были эти вещи для нашей комнатухи в страшной коммуналке, которая все уплотнялась и уплотнялась».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Наши мастера всю блокаду были в городе и тащили из разрушенных домов всякую мебель приличную, посуду, кастрюли. Разрушенный дом стоит, все гибнет, вот они и брали. Хранили это всё в заброшенных трансформаторных помещениях, в киосках, и как-то подарили мне два таких киоска. Мы с женой отправились на санках, положили на санки стулья, столик. Везли ночью, чтобы нас народ не видел. И обставились — до сих пор я сижу в старом кресле, которое я полюбил, с инвентарным номерком».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«Пятого января 1946 года на площади у кинотеатра «Гигант» состоялась казнь немецких преступников. Через повешение. По приговору военного трибунала. Я отправился посмотреть. Горожане шли потоком по Кондратьевскому проспекту. На площади стояли виселицы. Приехала кинокамера. Толпа собралась задолго до казни. Недавние дистрофики, доходяги, в ватниках, платках, инвалиды на костылях, в шинелях, ушанках. Больше было женщин, они блокадницы, бледные, грубо покрашенные, огненные от стрептоцида волосы. Вперед пропускали колясочников, безногих. Виселицу окружали солдаты с автоматами. Ждали долго. По радио зачитали приговор. Перечислили преступления каждого — массовые расстрелы, сожжение деревень.

Я был еще в танкистской кожанке со споротыми погонами. Мог протиснуться вперед, но почему-то не стал. Наверное, считал, что у ленинградцев, блокадников больше прав. Как будто речь шла о театральном зрелище.

Их было восемь человек. Выстроили, накинули петли. Машины отъехали, немцы повисли. Сам момент смотрел жадно. Первый раз видел повешение. Расстрелы видел. Наших самострельщиков расстреливали перед строем. Здесь было другое, вешали врагов, фашистов за их зверства. Зачем пришел, пытаюсь вспомнить и не могу. Вполне возможно, что за годы войны накопилось злобы».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Придя с войны, мы делили всех мужиков на фронтовых и тыловых. Никаких оправданий мы не признавали, Всё было просто. Своими были только те, кто стрелял. Поначалу мы бренчали орденами, медалями, но нас быстро окоротили, здесь тоже награждали за дело. В моем КБ те, кто не пошел в ополчение, стали там, за Уралом, пока мы воевали, шишками. Послушать их, так они натерпелись больше нашего. И те, кто сшивался в штабах, редакциях, и химики, и ремонтники, и боепиты — у всех имелись заслуги, все были причастны. Может, и были, но мы перестали носить даже колодки. Единственное, что отличало фронтовых, — это нашивки за ранения, но их на пиджак не присобачишь. Так постепенно все размазалось не разбери-поймешь. День Победы и то нельзя было как следует отметить, поскольку он оставался рабочим днем. Это мы, конечно, перешагивали. День Победы был наш, с утра по проспектам катили тележки инвалидов, гремели костыли, по всем шалманам, забегаловкам, пивнухам пели, пили, гуляли. По-прежнему никто не выставлялся своими наградами. Фронтовик узнавал фронтовика и без того, не отмерло еще чутье, нюх собачий на окопно-орудийно-танковую шатию. Вспоминали, узнавали, кто, где, как устроился. Многие — не очень».

Д. Гранин. Чужой дневник

«Году в 1948-м, кажется, так, дали нам в небольшой коммуналке две комнаты. Это вместо одной, в огромной многолюдной коммуналке, где мы обитали — жена, я и маленькая дочь. Новое жилье было после ремонта с голыми, наспех оштукатуренными стенами, еще сырыми. Впрочем, стены эти так и не просыхали. Нам объяснили, что клеить на них обои бесполезно, посоветовали сделать так называемый «накат», его умеют делать немцы. Что за немцы? А пленные, они работают в городе на стройках. У меня был приятель в строительной службе «Ленэнерго», я его упробил, и к нам привели трех немцев. Переговоры с ними вела жена, она могла по-немецки объясняться. Стены одной комнаты стали покрываться синей краской, второй — солнечно-желтой. На третий день вечером, придя домой, я сел за стол, жена сказала: от обеда осталось только две картошки. А где же остальное? Оказывается, она все скормила немцам, все — и обед, и ужин. Они, «бедные, были такие голодные, целый день работали», каждому выдано только по куску хлеба с сыром и больше ничего. Пожалела, видите ли, милосердная какая, немцев пожалела. Они на фронте

мужа не жалели, а она тут жалеет их.

Для меня вообще тогда словосочетание «жалеть немцев» звучало странно. За что их жалеть? Ничего еще не остыло тогда в сорок восьмом году. Работают, и пусть работают, должны отрабатывать. Что они сотворили с нашим городом?.. Мужа оставила без обеда и при этом еще чувствует себя сестрой милосердия.

Она со всем соглашалась, признавала свою вину, а назавтра повторилось то же самое. Один раз, под конец, я застал этих трех немцев со всеми их красками и валиками. Они еще какие-то золотые блески пустили по синему фону. Получилось неплохо, но вспоминаю, что язык не поворачивался поблагодарить их. Выглядели они, конечно, неважно, но интересно, что жалости у меня не было никакой, а у нее была. И на этом мы долго не могли сойтись».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Однажды, это было уже году в сорок седьмом, произошла авария в начале Лиговского проспекта. Прорвало кабель, и целый квартал остался без света, без энергии. Искали место повреждения до вечера — не нашли. Стояла зима, мерзлый грунт били ломом, успели проверить одну муфту, она была в порядке. Стемнело. Работы продолжались, потому что без света сидели детская больница и фабрика.

Вел работы мастер Акимов. Это был низкорослый неразговорчивый человек, отличный знаток всего подземного хозяйства. Он, как и другие мастера, работал еще в блокаду. Мастеров было несколько, и каждый знал, что и где на его участке происходило. И на синьках у них всё было отмечено. Помимо отметок на синьке, хороший мастер должен был держать в памяти все подробности случившегося. Что за воронка была, был ли тогда мороз или оттепель, и как снаряд разорвался, и если кабель уже ремонтировали, то кто его ремонтировал, потому что у каждого кабельщика своя манера, своя степень добросовестности. Дело в том, что бомбы и снаряды, падая даже в стороне от кабеля, могли взрывной волной нарушить изоляцию, могли сдвинуть грунты так, что постепенно начинало кабель тянуть, рвало его из муфт. Несколько лет после блокады продолжались такого рода аварии. Убраны были развалины, заделаны все пробойны, отремонтированы фасады домов, а под землей как бы продолжался обстрел, падали снаряды и бомбы, и в огромные воронки, давно засыпанные, залитые асфальтом, вдруг рушился электрический ток. Давний

взрыв снаряда пробивал кабель. И термин был — пробой, как пробоины на корабле.

Я не знал, как они жили в блокаду, как работали, как питались. Я пришел в район с фронта, демобилизованный, да и они не очень-то рассказывали, это теперь вспоминают, а тогда поскорее забыть старались. В 1943–1944 годах, когда город стал оживать, им, чтобы дать энергию, свет, приходилось наспех под обстрелом латать перебитую осколками сеть, подкидывать временки. Да и позже, после войны, кабельщикам еще долго доставалось от всех. Мощностей не хватало, трансформаторы выходили из строя, за время блокады они пострадали так же, как страдали дома и люди, подстанции были в ужасном состоянии, все требовали света — магазины, конторы, школы, гостиницы. Сети перегружались, кабели пробивало один за другим. Приборы определяли место повреждения весьма приблизительно, и все решало чутье мастера, умение видеть, что происходит там, под землей».

Д. Гранин. Блокадная книга

«В кабельной сети я проникся уважением к мастерству настоящих специалистов. Сам я пытался изучать сетевое хозяйство своего района. Ходил по трансформаторным подстанциям. Изучал трассы подземных кабелей. Каждый кабель имел свою историю. Когда его прокладывали, что с ним было в блокаду, следы бомбежки, обстрелов — сказались? Как? Некоторые взрывы, даже дальние, сказывались спустя годы. Пережитые потрясения давали о себе знать».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Экземпляр типичной вражды к фронтовикам я встретил еще в Ленэнерго, был там такой молодой, с русой челочкой, тощий, кошачий, всю блокаду пользовался броней энергетика, его неприязнь я ощутил явственно во всяких мелких пакостях, что он чинил мне, работая в техотделе. Однажды, когда его старание приписать нам аварию и лишить премии заставило меня учинить скандал, он сказал громко, посреди общей комнаты: «Те, кто храбро воевал, не вернулись с войны». Я дал ему пощечину. Разбирали дело на парткоме всей кабельной сети. Голоса разделились. Часть членов парткома поддержала К. «Слишком много о себе

думают фронтовики, пора их осадить!» Решения не принимали. Любопытно, что тогда уже вылезло впервые для меня чувство, которое я не понял, и только теперь, взглядываясь в него, можно обнаружить в нем разочарование».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Моя жена говорила подругам: «У каждого свои пороки. Один играет в карты, другой что-то там вырезает, а мой — пишет по ночам». Слава богу, пить я перестал, хотя первые месяцы, как приехал с фронта, пили мы крепко. Почему пили? А потому что освободились от всего: от службы в армии, от войны. Война кончилась, значит, надо как-то разрядиться, торжествовать. А какое у нас в России торжество без водки. Вот я и пил — помню, просыпался то на какой-то квартире, то в пивной... Молодой ведь был. А потом вдруг начал писать. Но что писать? О войне не хотелось, и я написал повесть о Ярославе Домбровском, очень романтическая фигура. Принес ее своему однополчанину и говорю: «Дима, вот почитай, что у меня получилось». А он говорит: «Чушь какая-то. Написал бы лучше про войну, как мы воевали». Было ощущение, что он даже и читать не стал».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«Первая моя повесть «Ярослав Домбровский» имела тяжкую судьбу. Издательствам, тем более литературным журналам не нужна была чужеземная история. Партия призывала писать о современности, не уходить от насущных задач... Когда повесть была готова, я стал искать, кому бы дать ее прочитать. У меня не было знакомых писателей, мои друзья были технари, физики, электрики. Кабельная сеть имела в своем распоряжении все что угодно, кроме литературы. Как и все начинающие, хотел получить точные указания — годится или нет, и вообще... Извечные вопросы начинающего. Тайная уверенность и жалкие поиски одобрения. Выяснилось, что у одного моего друга есть школьная знакомая, которая имеет какое-то отношение... Она окончила филологический и, кажется, пишет какие-то рецензии или что-то в этом роде. Ей он вручил мою рукопись. Через две недели я получил ее обратно с пренебрежительным советом бросить эту тему. Я настоял на личном отзыве, девица оказалась

внушительной, пухлая, белая, непропеченная, голос у нее тоже сырой. Доказывала, что нужно начинать с азов, с коротких рассказов, на хорошо известном материале. Внушала подробно, как тупому ученику. Я спросил ее, стоит ли мне вообще продолжать, она посмотрела на меня с жалостью, мягкая ее висячая грудь поднялась со вздохом — пожалуй, не стоит, призналась она, у вас же есть специальность, знай сверчок свой шесток. Она была полна сочувствия. Возможно, она была права. Не раз и не два я потом вспоминал ее совет. «Вы уверены, что писательская специальность лучше инженерной, что она принесет больше пользы?»

Я совсем не был в этом уверен. Насчет пользы, определенно моя работа в «Ленэнерго» была полезнее, я был весь наделен на пользу людям. Какую могла принести пользу повесть о генерале Парижской коммуны? Категоричность ее приговора не остановила, а разозлила меня. Я, значит, не знаю своих возможностей, а она знает.

Объективно у меня не было никаких данных стать писателем. Образование — техническое; наследственности быть не могло, никто в нашем роду не посягал на литературу, возраст уже серьезный, способности были явно к научной работе. И тяга к ней имелась. И результаты появились. Я напечатал две работы по замкнутой сетке. Тема эта была не очень интересна, но исследование продвигалось легко, удачи были, и я чувствовал, что и другая тема, разряда в газах, пойдет.

Тем не менее я продолжал писать. Я писал как бы тайком от себя. Назло себе. По ночам. Я не пытался улучшить свой язык, стиль, постигнуть тайны мастерства, мне просто нравилось писать, это было чистое, ничем не замутненное наслаждение графомана. Я корил себя, как за порок, пряча свои рукописи от всех. Жена мирилась с этим. У одних мужья играют в карты, другие пьют, мой чего-то пишет, пусть перебесится.

Так было до окончания «Домбровского». Пожалуй, по удовольствию это была самая лучшая моя пора.

Только после того, как повесть была закончена, я начал учиться писать. То есть учиться читать. То есть читать, учась, стараясь понять, почему так получается у Достоевского, у Паустовского, у Толстого, у Чехова, у Бабея и Катаева. Одно время меня мучило, что нет у меня собственного стиля, явного, такого, как, допустим, у Александра Грина или Достоевского, неважно большой, маленький писатель, каждый должен иметь свой голос, узнаваемый, ни на кого не похожий. Я для себя такого не нашел. Не образовался он. Стиль, наверное, нечто прирожденное».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«То были прекрасные годы. Я не думал стать только писателем, литература была для меня всего лишь удовольствием, отдыхом, радостью, как прогулка в горы или луга. Кроме нее была работа, главная работа — в Ленэнерго, в кабельной сети, где надо было восстанавливать разрушенное в блокаду энергохозяйство города. Ремонтировать кабели, прокладывать новые, приводить в порядок подстанции, трансформаторное хозяйство. То и дело происходили аварии, не хватало энергии, не хватало мощностей. Меня поднимали с постели, ночью — авария! Надо было откуда-то перекидывать свет, добывать энергию погасшим больницам, водопроводу, школам. Переключать, ремонтировать... В те годы — 1945–1948 — мы, кабельщики, энергетики, чувствовали себя самыми нужными и влиятельными людьми в городе. По мере того как энергохозяйство восстанавливалось, налаживалось, входило, как говорится, в русло, у меня таял интерес к эксплуатационной работе. Нормальный, безаварийный режим, которого мы добивались, вызывал удовлетворение и скуку. В это время в кабельной сети начались опыты по так называемым замкнутым сетям — проверялись расчеты новых типов электросетей. Я принял участие в эксперименте, и ожил давний мой интерес к электротехнике.

И вдруг я написал рассказ. Про аспирантов. Было это в конце 1948 года. Назывался он «Вариант второй». Я принес его в журнал «Звезда». Меня встретил там Юрий Павлович Герман, который ведал в журнале прозой. Его приветливость, простота и какая-то пленительная легкость отношения к литературе помогли мне тогда чрезвычайно. Рассказ был напечатан сразу, почти без поправок. Легкость Ю. П. Германа была свойством особым, редким в нашей литературной жизни. Заключалось оно в том, что литература понималась им как дело веселое, счастливое, при самом чистом, даже святом, отношении к нему. Мне повезло, потом уже ни у кого я не встречал такого празднично-озорного отношения, такого наслаждения, удовольствия от литературной работы».

Д. Гранин. Автобиография

«В 1949 году я принес свой рассказ в журнал «Звезда», там редактором был Юрий Герман, очень известный писатель и отец будущего кинорежиссера Алексея Германа. Он говорит: «Не надо, будут нас путать, придумайте псевдоним». У моей матери был родственник Гранин, он был мне по душе, и я взял его фамилию».

Из интервью Д. Гранина журналу «Собака» (2.06.2014 г.)

«Герман был очень способный писатель, легкий. Литература понималась им как дело счастливое, веселое, при самом чистом, даже святом отношении к ней. Такой эпизод. Юрий Павлович работал над романом «Россия молодая». А я готовил к печати какую-то свою новую повестушку. И вот редактор, работавшая со мной (а я отстаивал каждое слово), однажды не выдержала: «Вчера я вычеркнула у Германа целую сцену. Он не спорил со мной, как вы. Переписал за ночь. Дивно получилось! А вы цепляетесь за эту фразу, как будто бы она такая драгоценность!» Еще эпизод. Как-то говорю ему, что надо, чтобы кто-нибудь вступился за такого-то человека. «Напишите сами о нем в газету». — «Но я же не журналист, я не смогу». «Писатель должен уметь все: и очерки писать в газету, и сценарии, и пьесы. Профессия такая», — строго ответил Герман. На всю жизнь запомнил его слова».

Из беседы Д. Гранина с Е. Константиновой (Труд. 16.02.2002 г.)

«В рассказе этом, пусть кое в чем и наивном, угадывался несомненный литературный талант. Точен был психологический рисунок. Он превосходно знал, этот инженер-электрик, среду, о которой решил писать. И как ясно, с каким истинным благородством разрешалась трудная производственная проблема, перед которой рассказчик поставил своего героя. Рассказ был написан современником в лучшем и единственном для нас смысле этого большого слова! Фамилия автора никому ничего не говорила...»

В. Воеводин. Искатель (Ленинградская правда. 1964. 21 марта)

«Напомню фабулу, весьма примечательную для первого рассказа. Герой вдруг узнает, что проблема, над которой он работает, уже исследована и давно решена. Конструктор, занимавшийся ею, убит в бою. Прошло двадцать лет. О характере талантливых работ Николаева никто уже

не помнит, результаты неизвестны. Для защиты же диссертации Савицкого они опасны самим фактом существования. Ошибочно отвергнутый им вариант привел того, другого, к иным, более ценным находкам и выводам. Велик соблазн умолчания, да еще безнаказанного... В рассказ исподволь входит тема ответственности бывшего солдата перед тем, кто не вернулся, погиб, сражаясь».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Уже в первом рассказе Гранина важнейшей чертой его положительных героев становятся уважение ко времени, осознание его ценности и щедрость в его использовании ради нужного дела. «Надо жить так, чтобы не было стыдно ни за один бесполезно растраченный или загубленный день». Этот принцип в сознании Александра Савицкого окончательно сформировала война. Он отдал фронту четыре года. Теперь надо было наверстать их, и, «экономя время, он отказывал себе во многом, но себе, а не работе». Поэтому «пытался сочетать добросовестность, максимальную щепетильность с быстротой».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Во времена Ленинградского дела опять стали косить подчистую. Не унять было. Заметное, яркое, тех, кто с честью прошел военное лихолетье, выдвинулся, — всех под корень. Я тогда работал в кабельной сети Ленэнерго. Приедешь в управление — того нет, этого. Где? Молчат. Исчезли директора электростанций, главные инженеры. Рядом, в Смольнинском райисполкоме, творилось то же самое. Город затих. Снова — в который раз — навалилась беда: одна не угасла, другая разгорелась. Чего только не натерпелся этот великий город и до войны, и в войну, и после; кара за карой, ни одна горькая чаша не миновала его».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«В начале пятидесятых годов он пишет много и плодотворно. В 1951 году выходит его книжка о героях Парижской Коммуны — «Ярослав Домбровский». Она явилась серьезным испытанием для молодого

писателя. Уже не привычные, хорошо знакомые люди и обстоятельства стали предметом рассказа. Новые задачи, новый для автора жанр исторической повести».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Они увидели Домбровского таким, каким он сохранялся в памяти у каждого: Руляк вспомнил полутемный зал замка Ла-Мюэт и испытующе голубые глаза из-под припухших воспаленных век. Демэ — окутанную дымом улицу Мирра, торжествующее лицо над грохочущей митральезой, а Валерий Врублевский — размытую дождем дорогу вдоль берега Вислы и рядом Ярослава. Уже забылось, куда и зачем они шли десять лет тому назад осенним холодным днем, — оба молодые, полные надежд и играющей силы. Ветер трепал распахнутый офицерский ментик Ярослава, ворошил соломенные волосы на непокрытой голове...

— Когда-нибудь, — сказал Врублевский, — когда-нибудь мы перевезем тело Домбровского в Варшаву и положим в родную землю, в нашем Пантеоне, рядом с Костюшко и Мицкевичем. А пока, Луи, не позволяйте надругаться над его могилой и не дайте зарости ей забвением, потому что... — он запнулся, упрямо нахмурился, — потому что все это произойдет, может быть, не очень скоро, но произойдет. И еще потому, что его могила — памятник дружбы наших народов. <...>

Неясный шум доносился из Парижа, в нем нельзя было различить ни оружейной канонады, ни пронзительных всплесков уличных сражений, он стлался, как надсадный хрип умирающего. И вот тогда, покрывая все звуки, из ночи докатился бас Врублевского:

— Эй вы! Коммуна погибла. Как бы не так! Да здравствует Коммуна!»

Д. Гранин. Ярослав Домбровский

«Когда читаешь повесть, удивляет отличное знание документального материала, даже самой топографии Парижа, которую Гранин тщательно проштудировал. И нет ничего неожиданного в одном любопытном факте: когда в 1956 году Гранин впервые побывал в Париже, он, не обращаясь к справочникам, мог почти свободно ориентироваться в сложном лабиринте парижских улиц. Занятия юношеских лет несколько неожиданно сослужили свою полезную службу».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«Повесть о Парижской коммуне не по датам, а по сути составляет начальный этап творческого пути ленинградского прозаика. А дальнейшее его движение определено содержанием первой книги — «Победа инженера Корсакова». Помимо заглавной повести в книгу был включен и рассказ «Вариант второй». Интересно отметить: повесть в 1950 году пришла к читателю дважды. Помимо скромного ленинградского сборника появилось еще московское издание в библиотеке журнала «Огонек». Красноречиво сопоставление тиражей: в Ленинграде 15 000 экземпляров, в Москве — ровно в десять раз больше, и эта массовость, видимо, в немалой степени объясняется тем, что «Огонек» сохранил первоначальное название повести, более хлесткое и, честно говоря, более конъюнктурное — «Спор через океан». Именно под этим названием она впервые появилась и в журнале «Звезда» (1949, № 8). В ту пору с газетных страниц не сходили такие темы, как соревнование с Америкой, борьба с космополитизмом, утверждение приоритета русской науки. Молодой автор, видимо, очень хотел быть злободневным, и в повести отчетливо ощущается чисто журналистская манера. Она — и в первоначальном названии повести, и в сюжете; русский инженер Николай Корсаков создает прибор более совершенный, чем изделие американца Харкера, удостоенного за океаном золотой медали».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Победа инженера Корсакова» писалась в пору, когда пресловутая бесконфликтность оказывала самое пагубное влияние на наше искусство. При этом необходимо рассеять одно недоразумение — эта теория сказывалась совсем не в том, что писатели сторонились конфликтных ситуаций. Напротив, и романы и пьесы изобиловали всякого рода коллизиями. Но беда в том, что эти коллизии были либо искусственными, почти не затрагивавшими жизненных противоречий, либо обязательно заканчивались идиллическими финалами. В повести молодого писателя нашли свое отражение и общие недостатки литературы.

Друзья из бригады Корсакова покидают его в трудную минуту, но потом возвращаются с повинной головой. Профессор Арсентьев, склонный к рутинным методам, сознает свою вину. Препятствия на пути Корсакова — и это знает и чувствует читатель — будут обязательно преодолены. И

мажорный финал венчает книгу».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«Д. Г. Когда-то был у меня такой случай. Я написал одну из самых своих первых повестей, «Спор через океан». Она получила сокрушающую критику на пленуме горкома партии. Это было мое первое движение к славе.

А. М. Какой это был год?

Д. Г. Думаю, пятьдесят пятый или пятьдесят четвертый. И Союз писателей должен был отреагировать. Меня вызвали на секретариат, и там такой был критик Эвентов, который доломал всю эту мою конструкцию, растоптал. Здесь же сидел секретариат, и меня первый секретарь Союза писателей Ленинграда Дементьев спросил: «Что вы можете сказать по этому поводу?» Я встал и сказал: «А ничего не хочу говорить», — что выглядело хамски довольно, и вышел. Я не был членом Союза, я работал инженером, и я положил на все это дело. Но я понял, что никто из них по-настоящему не вчитался в эту вещь и не разглядел, что там все наоборот, что никакого преклонения перед Западом нет. Там даже довольно хороший сюжет был, только написано плохо. Прошел год или полтора, вышел роман «Искатели», бестселлер тогда был, и меня избрали делегатом на Второй съезд писателей. Я там был самый молодой, преуспевающий. Приехал и в гостинице «Москва», где мы остановились, в вестибюле встречаю секретаря обкома, который выступал и долбал меня. Спрашивает: «Ну, как поживаешь?» «Я делегат съезда писателей, — отвечаю, — у меня роман вышел». Ему надо было куда-то идти, но он все-таки поинтересовался: «А какой роман?» Я: «Как «какой роман»? «Искатели», вы читали?» А он говорит: «Я сейчас совсем в другом отделе работаю». И вот этот глупый случай меня вразумил: если я работаю над романом два-три года, что мне может сказать критик? Читателю — да, но мне вряд ли. Он прочел роман вполглаза, почему он должен больше меня понимать и оценивать? Я сам знаю, что у меня плохо, что хорошо. А казенные оценки — все с оглядкой на политику.

А. М. Вы же знаете, что добрые люди обязательно донесут, если даже сам критику не читаешь.

Д. Г. Донесут. Но можно это не принимать. А вы принимаете.

А. М. Конечно, с годами шкура у меня выдубилась. Сейчас я тоже, в общем, научился не заглядывать, как там самоутверждаются за мой счет.

Но и полного равнодушия все же не достиг, увы».

*Из беседы Д. Гранина с А. Мелиховым (Октябрь. 2009.
№ 10)*

«В начале 50-х годов, после «Ярослава Домбровского», Гранина «бросило» к журнализму. В поисках новых фактов, достоверной основы для своих будущих книг о современности, о развитии техники и, в частности, наиболее близкой Гранину электротехники он поехал на строительство Куйбышевской ГЭС. Итогом этой поездки стала небольшая книжечка очерков «Новые друзья». В ее центре оказалась одна тема — духовный, образовательный и моральный рост человека в напряженной горячке трудовых будней. Устремленность в грядущее, пафос становления человека — такой взгляд на жизнь стройки в наибольшей степени отвечал интересам самого Гранина, а материал, предложенный жизнью, был обилен и выразителен. И в этом отношении очерки Гранина представляют интерес, тем более что писатель оказался наблюдателен и прозорлив. За сравнительно короткое время, познакомившись со многими и многими людьми, он выбрал своих основных героев — инженера Николая Федоровича Семизорова и машиниста экскаватора Бориса Коваленко. Впоследствии Герой Социалистического Труда Н. Ф. Семизоров много лет талантливо руководил Куйбышевским гидростроем, а Б. Коваленко приобрел добрую славу, успешно работая в Египте на строительстве Асуанской плотины, и только случайная трагическая гибель прервала его жизнь на самом взлете».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Книга «Новые друзья» в какой-то мере отражала не только обнадеживающие черты творчества Гранина, но и его слабости. В очерковой книге эти слабости проявились еще более рельефно, чем в повести «Победа инженера Корсакова». Конечно, особенностями жанра можно объяснить то, что портреты людей стройки набросаны пунктиром, без серьезной попытки раскрыть их психологическую сущность. Вероятно, этим же можно объяснить, что в книге кое-где пробивается газетная скоропись».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«Однажды мне пришлось докладывать на кафедре о строительстве гидростанций на равнинных реках, о так называемых «великих стройках коммунизма». Перед этим я побывал на некоторых из них, в частности на Куйбышевской ГЭС, на Днепре.

Меня, инженера, поразила бесхозяйственность в зонах затопления. Как безграмотно проектировали и строились рыбоходы, явно рассчитанные на гибель волжских осетров. Вообще вся затея с этими гидростанциями выглядела более чем сомнительной. Делалась она скорее в интересах чекистов, чем в интересах энергетики. Работали на этих стройках коммунизма заключенные, работали плохо, кое-как. Я видел, как с ними обращались, всё это было постыдно.

Ничего о своих сомнениях я не решился сказать. О возмущении — тем более. Доклад выглядел вполне благополучным, в стиле докладов тех лет, радужные перспективы, ленинский план ГОЭЛРО и тому подобное.

— А меня уверяли, что вы считаете волжские гидростанции ненужными, — сказал профессор и наклонился вперед, приглядываясь ко мне. — Более того, вредными. А? Что эти великие стройки губят Волгу? А?

Я попятился, замычал что-то неопределенное, но он настаивал, добивался, чтоб я отчетливо отказался, заклеил подобные предположения.

Мне потом говорили, что В. В. провоцировал меня, обычный его прием, что я правильно сделал, что сдержался, но я-то знал, что я не сдержался, а просто-напросто струсил. Меня остановил страх. Я не мог переступить. Чего? Сейчас, уже спустя столько лет, трудно в точности определить. Сохранилось, отчетливо помнится, чувство унижения и стыда. После я несколько раз пытался вернуться к тому разговору и переступить. Не мог. Я мечтал сказать ему при всех: «Хватит, на самом деле я против, я не согласен с тем, что творится, я вам могу доказать!» Я собирал и собирал доказательства, чтобы взбунтоваться и выложить их. Проходил месяц за месяцем. Я все откладывал, не мог набраться духа. В.В. утверждался в своей непререкаемости. Никто не осмеливался восстать. И он пользовался нашим страхом, эксплуатировал его.

В конце концов я ушел с кафедры, но, уходя, так и не высказал ему того, что думал о нем. А как хотелось. Его ненавидели, презирали, но думаю, что так до конца жизни он не узнал об этом. То мое отступничество осталось грехом, который уже не исправить».

Д. Гранин. Страх

«Не знаю, сколько бы еще созревало мое решение уйти из Ленэнерго, но тут произошло ЧП, тяжелейшее. Один монтер нашего района при ремонте трансформаторной подстанции схватился за шины, они были под напряжением — шесть тысяч вольт — и сжег руки. Обе руки сгорели. Каким-то чудом сам остался жив. Как всегда в таких случаях, совпало несколько причин — плохое освещение, не повесили плакат «Не включать!», заземление оборвалось, главное же, как выяснилось, был он выпивши. Это надо было скрыть, иначе бы ему не дали пенсии. Без обеих рук и без пенсии была бы ему полная хана, а у него семья. Решили — примем вину на себя, небрежность, выгородим мужика. Руки были ампутированы, страшно было смотреть. Был суд. Эксперты выяснить должны были, кто виноват. Не повесили плакат? Кто не повесил? Заземление не проверили? Кто не проверил?

Интересно устроена наша память. Я начисто забыл его имя, всех помню, а его нет, и судебные подробности забыл, и его лицо, искаженное ужасом, когда в палате он поднял вверх свои культи. Не хотел его помнить, изгнал, забыть, забыть. И так прочно забыл, что с великим трудом заставил себя вернуться в те дни. Тщательно стер все обстоятельства, получилось просто — я захотел уйти из района. Чтобы заняться наукой. Уйти подальше. Чтобы ничего не напоминало его, не знать о его судьбе. Вину свою нам удалось отстоять, отсудить. Станный это был суд. Не хотели признавать нашу вину, хотели все взвалить на него. Адвокат Ленэнерго ловко выгораживал наш район, а район каялся, подставлялся...»

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Ленинградское дело» резко изменило обстановку в Ленинграде. Город-герой съежился, втянул голову в плечи. Аресты обескровили его. Наверное, поэтому я решил уйти из Ленэнерго, уж больно тяжелым стало общение с новыми людьми в районах.

Мое заявление ходило где-то в инстанциях, пока меня не вызвал главный инженер Ленэнерго Усов, единственный, кто остался из прежнего руководства. Я впервые удостоился визита к такому большому начальству. Красная дорожка в коридоре, множество телефонов — белых, черных.

После долгих расспросов о том, у кого кончал, кто нам читал сети, кто

изоляционные материалы, и всякое другое, он неожиданно спросил, не соглашусь ли я отправиться в длительную командировку в Италию, представителем Ленэнерго по закупке кабелей.

Шел 1952 год. Железный занавес не был поднят. Предложение звучало фантастически. Да еще в Италию. Все равно что в космос. Да еще длительная. Да еще с семьей, то есть с женой и ребенком. Да еще зарплата раз в пять больше. Да еще жилье... Там нет коммунальных квартир — со смешком пояснил мне Усов. Звали его Сергей Васильевич. Я попросил у него тайм-аут на сутки».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«В послевоенное время Даниил Александрович работал в Ленэнерго. Жили с женой и маленькой дочкой в коммунальной квартире. Крошечная сырая комната, плесень на стенах. И вдруг Министерство внешней торговли предлагает командировку в Италию: с семьей, отдельная квартира, ванная, никакой плесени. Два дня думали. И вдруг супруга будит ночью: «Давай откажемся, иначе ничего у тебя не получится, потом всю жизнь будешь думать, что ты прозевал, проиграл свою литературу...».

А. Запесоцкий. Даниил Гранин // Гранин Д. Интелегенды. СПб., 2015

«Мой первый рассказ «Вариант второй» был опубликован в 1949 году в журнале «Звезда», замечен критикой, похвален, и я решил, что вот так и пойдет, так и положено: я буду писать, меня сразу будут печатать, славить и т. п. К счастью, следующая же повесть «Спор через океан», напечатанная в той же «Звезде», была жестоко раскритикована. Не за художественное несовершенство, что было бы справедливо, а за «преклонение перед Западом», которого в ней как раз и не было. Несправедливость эта удивила. Надо заметить, что инженерная моя работа создавала прекрасное чувство независимости.

Меня вызвали на Секретариат Союза писателей, поскольку критиковал меня обком партии и положено было реагировать. Руководил Ленинградским союзом А. Г. Дементьев, был такой критик. Докладывал о моих грехах И. Эвентов, был и такой критик. То, что он говорил, поразило меня, как можно было так перетолковать повесть. Я писал о попытках

молодого конструктора избавиться от американского варианта, создать новую модель прибора, он же, Эвентов, говорил, что повесть показывает преклонение наших инженеров перед Западом. Эвентов кончил, Дементьев дал слово мне. Я рассердился, сказал, что на такую чушь отвечать не буду, встал и ушел. А что мне, я не член Союза и не обязан оправдываться. Пошли вы все...

Вернулся я в Союз писателей через год. Пригласил меня новый секретарь В. А. Кочетов. Я уже был член Союза, но в Дом писателя не ходил. А тут он пригласил и предложил поступить на работу референтом. Зарплата приличная. К тому времени я поступил в аспирантуру. Стипендия 180 рублей, на нее семью не прокормить.

Я согласился. Что такое референт, понятия не имел, но мне пояснили, что ничего особенного. А сам Кочетов дал понять, что это хорошо, что я не имею филологического образования, что я человек с производства, «от сохи», не заражен интеллигентщиной. Это был его «пунктик».

Поступив в аспирантуру Политехнического института, я три года имел право работать над диссертацией, меня это прельщало, потому что я мог заниматься своим романом. А должность референта еще больше устраивала.

Я очутился в неведомой мне жизни. Большая часть этих людей нигде не работала. Жили кто как хотел, спали днем, работали ночью, другие неделями слонялись по улицам, сидели в пивных, в библиотеках. Были состоятельные, была публика богемная, а то и просто бедняцкая. Пьянствовали, сплетничали, скандалили, сводили счета».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Услышав по радио страшную весть, я тут же отправился на Дворцовую площадь Ленинграда — она тогда называлась площадью Урицкого. Все огромное пространство было заполнено рыдающим, растерянным, потрясенным народом. Никто не проводил митингов, не произносил речей — нет. Люди интуитивно собрались вместе, чтобы заслониться, спрятаться от горя. Слишком страшно, жутко казалось остаться в такую минуту одному. С Дворцовой мы с женой пошли на Московский вокзал, я хотел во что бы то ни стало поехать в столицу и лично проститься с вождем, участвовать в похоронах. Билетов, разумеется, не оказалось, пробиться в Москву было невозможно, и все равно я не мог представить, как жить дальше, что делать, во что верить. Внутри сидело

ощущение, будто мир рухнул, всему пришел конец. Сталин умер! Пока это не случилось, почему-то никому в голову не приходила банальная мысль, что он, как и любой другой, смертен, что тело его бrenно. Наверное, это результат работы советской пропагандистской машины, не допускавшей отношения к Сталину как к равному. Он был высшим существом, богом».

*Из интервью Д. Гранина «Российской газете»
19.03.2003 г.*

«Сталин умер, и «Ленинградское дело» кончилось, «дело врачей» кончилось, «дела» военных, «дело авиаторов» и прочие «дела» кончились. Город остался словно вырубленный, не стало моих друзей на Кировском заводе и в Ленэнерго, почти никого из прежних руководителей, были только школьные друзья, те, кто вернулся с войны. Прежняя дружба вдруг оказалась самой ценной. Собирались чаще у нас дома. Римма готовила винегрет, целый таз, ставился хлеб, маргарин, приносили кто кислую капусту, кто селедку, разумеется, водку, главным же было общение, по которому так соскучились. Мало вспоминали войну, эвакуацию, больше обсуждали будущее страны, строили проекты один лучше другого. Ничто теперь не могло помешать благоустраивать предстоящую жизнь. Почему-то мы тогда не думали о чудовищных потерях, понесенных нашей армией. Жизнь в те первые годы после войны проходила в какой-то пьянящей бездумной лучезарности, не хотели вспоминать про обманы, про ложь начала войны, про отношение к инвалидам, к военнопленным. Это все приходило, но медленно, неохотно, старались не вспоминать про травлю Зоценко, Ахматовой... А, ладно, зато мы победили. Зато возвращались реабилитированные».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Я поступил в аспирантуру Политехнического института и одновременно засел за роман «Искатели». Вышла к тому времени многострадальная моя книга «Ярослав Домбровский». Параллельно и в электротехнике тоже чего-то завязалось и стало получаться. Напечатал несколько статей, от замкнутой сетки я перешел к проблемам электрической дуги, тут много было таинственного, интересного, это требовало времени и полной погруженности. По молодости, когда сил

много, а времени еще больше, казалось, что можно совместить науку и литературу. И хотелось их совместить. Но не тут-то было. Каждая из них тянула к себе все с большей силой и ревностью. Каждая была прекрасна. Пришел день, когда я обнаружил в своей душе опасную трещину. Но в том-то и штука, что душа — это не сердце, и разрыва души быть не может. Просто надо было выбирать. Либо — либо».

Д. Гранин. Автобиография

«Первое пятилетие профессиональной литературной работы Гранин завершил романом «Искатели». Его публикация закончилась августовским (1954) номером журнала «Звезда», а уже 7 сентября в «Литературной газете» появилась развернутая (двухподвальная) рецензия ее главного редактора Б. Рюрикова «Искатели нового и их борьба со старым». Серьезный анализ романа обосновал вполне определенную его оценку: «Писатель сумел не только с тонким знанием дела, но взволнованно и интересно рассказать собеседнику-читателю о том, как молодой советский человек шел путем исканий и борьбы за новое в науке... Андреем руководят научная честность и принципиальность. Он знает: в таких вопросах следует слушаться своей партийной совести».

За «Литературной газетой» последовал «Новый мир», также откликнувшийся очень оперативно. Уже в ноябрьской книжке журнала появилась статья Ю. Суровцева и М. Щеглова «Новаторство — это борьба». Гранину повезло — талантливые молодые критики не только приняли роман, но и очень точно определили его суть, ценность, актуальность. Все последующие отклики (кстати, весьма многочисленные) лишь варьировали и развивали мысли этих первых статей».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Сопоставляя роман с первыми вещами, удивляешься быстрому росту писателя. Ведь «Искатели» писались почти одновременно с ранними повестями и очерками Д. Гранина. Но разница между ними огромна. То, что там было зачастую наивной и оголенной схемой, здесь облеклось в плоть и кровь, стало полновесным художественным изображением действительности. Если сравнить одну только экспозицию «Победы инженера Корсакова» с «Искателями», станет ясно, в каком направлении

двигался писатель».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«Автор не повторяет ошибок так называемых «производственных» романов, где человек исчезает среди машин. Читателю очень интересно вместе с Андреем Лобановым войти в эту пылающую жаркими красками на зимнем солнце лабораторию, заставленную красивыми и умными машинами, разложить перед собой изящные схемы и чертежи будущего замечательного прибора. Читатель захвачен атмосферой поисков и открытий, трудностей и тревог, больших радостей и неизбежных неудач настоящего исследователя, искателя».

Ю. Суровцев, М. Щеглов. Новаторство — это борьба //
Новый мир. 1954. № 11

«В этот предвечерний час центральная комната лаборатории должна была показаться особенно красивой. Жаркими красками вспыхивали в закатных лучах зимнего солнца кусочки прозрачно-желтого янтаря, синие копыя стрелок, монтажные панели, перевитые огненными жилками красной меди, серебристые столбики конденсаторов. На полках теснились высокие катушки проводов в пестрых шелковых нарядах изоляции. Над ними висели огромные выпрямительные лампы. Их зеркальная поверхность отражала синие квадраты окон с оранжевой лентой заката. Повсюду на приземистых столах лежали еще не ожившие, не связанные мыслью детали. Воздух был пропитан сложной застарелой смесью запахов канифоли, шеллачного спирта, озона, костяного масла. Неповторимый, свой запах для каждой лаборатории».

Д. Гранин. Искатели

«Д. Гранин выбрал, казалось бы, незамысловатый и встречавшийся в других произведениях сюжет. Искатель нового в технике инженер коммунист Андрей Лобанов работает над созданием чрезвычайно важного прибора — локатора — для определения на расстоянии повреждений в подземных электрических линиях. Целустремленно преодолевая

трудности, ведя борьбу с маловерами, завистниками и другими мешающими его делу людьми, Лобанов и руководимый им коллектив в конце концов добиваются успеха. <...>

Роман хорош тем, что в нем нет нравоучительных и покаянных речей, искусственно подстроенных встреч для сведения концов с концами и всеобщих объятий и поцелуев в развязке. Автор воздействует не путем деклараций, а самым ходом содержательной и духовно богатой жизни советских людей, которую он описывает».

*А. Гуляев. Роман о творческих исканиях // Правда. 1955.
7 января*

«Редкие фонари качались на холодном ветру. Трамвайчики сваривали рельсы.

Высокий свет сварки упирался в облака. В глубине сада тускло светили ночники в окнах больницы. Гудели печи в ярко освещенных корпусах хлебозавода, и веселый запах свежесыпеченного хлеба наполнял улицу. Даже глубокой ночью небо над городом было высветлено тысячами электрических огней. Ночь бессильно отступала перед ними. Их были миллионы. Где-то во Владивостоке они сейчас передавали свою вахту спящему утреннему солнцу. Они светили на снежных просторах страны, в ее больших и малых городах, в деревнях, на границе, в шахтах...

Отныне пусть спокойно идут поезда метро, пылают электропечи, крутятся моторы. Пусть спокойно работают турбины электростанций, провода донесут их силу. Пусть будет спокоен труд этой могучей и доброй страны, — страны, которая, подобно невиданной электростанции, творит энергию и свет для всех тружеников Земли.

Но темной улице шли шесть человек, знавших, что так будет. Они выиграли сегодня решающую битву за свет. Никто из них не произносил красивых и выпендренных слов. Они мечтали обогреться и выпить водки. Они хлюпали носами и засовывали поглубже в карманы грязные, красные от мороза руки».

Д. Гранин. Искатели

«Успех гранинского романа во многом был связан и с тем, что он был посвящен особой сфере человеческого труда — науке, которая после

войны, после атомных бомбардировок вызывала в обществе повышенный интерес. Тем более что писалось о научном мире пока еще мало, а удач, естественно, было еще меньше».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«В 1954-м и позже Гранин получит многие одобрительные рецензии на первый роман. И тут же напоминание: прошлое уходит с трудом. Летом 1954-го пригласили впервые на писательское собрание. Здесь ему довелось впервые увидеть своих коллег. И здесь же, в большом белом зале на улице Воинова, не столь давний боевой офицер-танкист стал свидетелем и пусть молчаливым, но участником вторичной (после 1946) расправы над Михаилом Зощенко, который посмел не согласиться с докладом сталинского сатрапа А. Жданова. Зощенко спрашивал ленинградских писателей, считают ли они, что он должен признать себя «мещанином», «пошляком» и т. п. Сначала его спрашивали о том же (об отношении к постановлению ЦК) приезжавшие английские студенты, теперь «собратья по перу». Через полвека в эссе «Страх» (1996) Гранин напишет: «Никто не шелохнулся, никто не встал, не крикнул: «Нет, мы не требуем этого!» Жалкое это молчание сгущалось чувством позора. И общего позора и личного. Головы никто не смел опустить. Сидели замертво».

Поднимись он тогда, скажи слово против... И рухнет многое — отдельное издание романа, участие в писательском съезде, ближайшие публикации. Гранин этого своего стыда не забудет».

А. Рубашкин. О страхах и бесстрашии (Дружба народов. 2009. № 1)

«В одном из перерывов съезда меня позвали к Александру Андреевичу Прокофьеву. Он был главой нашей ленинградской делегации. Съезд шел уже неделю. Второй Всесоюзный съезд писателей. Был декабрь 1954 года. «С тобой хочет познакомиться Фадеев», — сказал Александр Андреевич. Для меня это прозвучало неожиданно и непонятно. Честно говоря, в те дни многое меня ошеломяло. Начать с того, что меня выбрали делегатом на съезд и что я оказался вдруг среди людей, которые были до того времени портретами, собраниями сочинений, известными с детства стихами, строчками. Они превращались в живых людей, можно было услышать их

голоса, высказывания, причем самые заурядные, меня знакомили, я ощущал тепло их рук, — Амаду, Хикмет, Арагон, Ивашкевич... Было любопытно и страшновато, потому что любой из них мог спросить: а это, собственно, кто такой? Я ощущал себя чужаком, случайно проникшим на Олимп. <...>

Придется тут пояснить, что литературную жизнь я знал крайне плохо. Никакого филологического образования я не имел, и связей и корней в литературном мире у меня не было. Я был, что называется, типичный технарь, производственник, человек пришлый. И эту свою чужеродность я ощущал в ту пору болезненно. Причем чувство это сочеталось с вызывающей независимостью. Мы, мол, вашим терминам не обучены, у нас своя специальность, своя работа...

Только что в журнале «Звезда» был напечатан мой роман «Искатели», тоже как бы инженерный; это был мой первый роман, его упомянули на съезде, и я раздувался от гордости. Тщеславие и робость, самодовольство и в то же время ощущение незаконности своего присутствия — все это совмещалось довольно причудливо и, наверное, не самым приятным образом».

Д. Гранин. Александр Фадеев

«Слишком медленно еще пополняется ведущий отряд наших литературных героев, любимых народом, властителей душ нашей молодежи, наших духовных помощников и друзей. Как не хватает этого героя, который может подсказать молодому рабочему пареньку или девушке, как относиться к жизни, к любви, подумать вместе с ним и о счастье, и о семье. Их мало еще, замечательных героев наших дней, которые жили бы в таком же, как и они, общежитии, сидели бы на тех же комсомольских собраниях, уходили бы по призыву в армию, уезжали бы на целину. А ведь это они, любимые герои литературы, первые приходят в трудную минуту, и в радости и в горе, готовые защитить, помочь, отстоять свою правоту».

Д. Гранин. Преодолевая трудности // Октябрь. 1955. №

Глава четвертая

ИДУЩИЙ НА ГРОЗУ

(1956–1971)

«Я писал об инженерах, научных работниках, ученых, о научном творчестве, это была моя тема, мои друзья, мое окружение. Мне не надо было изучать материал, ездить в творческие командировки. Я любил этих людей — моих героев, хотя жизнь их была небогата событиями. Изобразить ее внутреннее напряжение было нелегко. Еще труднее было ввести читателя в курс их работы, чтобы читатель понял суть их страстей и чтобы не прикладывать к роману схемы и формулы...

В шестидесятые годы мне казалось, что успехи науки, и прежде всего физики, преобразят мир, судьбы человечества. Ученые-физики казались мне главными героями нашего времени. К семидесятым тот период кончился».

Д. Гранин. Автобиография

«После XX съезда я невероятно воодушевился, решил, что теперь все можно. Сел и написал за один день рассказ «Собственное мнение». Не стеснялся, не удерживал себя, не думал о цензуре, это было сладостное чувство, совершенно непривычное. Отправил тут же в «Новый мир». Главным редактором был тогда Константин Симонов. Получив, он сразу же позвонил мне, расхвалил рассказ, наговорил такое, что ко мне никто из домашних подойти не мог. Сказал, что рассказ маленький, его втиснут без очереди в номер, который уже в печать отдали. Номер вышел. Это был 8-й номер 1956 года. И сразу же появились хвалебные рецензии в «Комсомолке», в провинциях, зазвонили телефоны. Я ликовал. Но затем буквально через месяц журнал «Партийная жизнь» напечатал разносную статью некоего полковника Стародубцева. Фамилия в критике совершенно неизвестная. Как мне сказали, это псевдоним, обычный прием партийной критики, которая пряталась за вымышленными фамилиями. И далее начался откат. Как по сигналу, открылась кампания разносной ожесточенной критики. В «Литературной газете», в журнале «Коммунист», «Смелость подлинная и мнимая», «Ошибка журнала «Новый мир», и тому

подобное».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Почему Д. Гранин, так умно и наблюдательно изобразивший разные типы советских людей в «Искателях» со своими достоинствами и пороками, теперь решил представить подлость не только как распространенное явление, но и как нечто обыденное, привычное, живущее в нашей среде само по себе — подлость, с которой никто не борется и не думает бороться?

В рассказе присутствуют две фигуры, которым по всем законам нашего общества надлежало бы бороться против подлости, взять под защиту новатора Ольховского, разрушить атмосферу подхалимства и лжи. Один из них — инструктор горкома партии Локтев. Наши партийные органы ведут настойчивую борьбу с бюрократизмом, бездушным отношением к делу, формализмом, они развивают активность советских людей, оказывают действенную помощь тем, кто разоблачает несправедливость, чуждые нашему обществу нравы. В рассказе картина обратная. Автор совершенно не показывает Локтева в действии, устами Минаева осыпает его такими эпитетами: «бездарный», «серый недоучка», «туповатый чиновник», «подлец», «злое ничтожество».

П. Стародубцев. Рассказ, вызвавший недоумение //
Партийная жизнь. 1956. № 5

«Сюжет рассказа «Собственное мнение» развивается в остром столкновении инженера Ольховского с директором института Минаевым. Характер конфликта во многом определен несовместимостью принципов одного с культовыми «добродетелями» другого...

Гранинский рассказ по выходе был встречен весьма неодобрительно. Писателя упрекали в растерянности, чуть ли не в шаткости идейных позиций. Его упрекали за то, что Минаев в «Собственном мнении» изображается как порождение условий нашей жизни. Если некоторые критики даже признавали, что отрицательное в действительности существует, то решительно отвергали возможность его типизации».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Локтев грубо и откровенно предложил перевести Ольховского на опытную станцию в Николаев. Слушая Локтева, он спрашивал себя, по какому праву этот угрюмый недоучка, с мертвенным, каким-то прошлогодним лицом, никогда ничего не создавший и не способный создать, сидит здесь и распоряжается судьбами таких людей, как Ольховский? Он был твердо уверен, что Минаев сделает так, как хочет он, Локтев. Откуда взялась у него эта гнусная уверенность?»

... Все то, что предлагал Локтев, было подло, насквозь подло, но Минаева поразило другое — Локтев, по крайней мере, говорил то, что хотел. Локтев и Ольховский. Все остальные люди, связанные с этим делом, — все они думали одно, а говорили другое. Все, начиная с самого Минаева и кончая его референтом. Каждый из них по-своему лицемерил, лгал, и, вероятно, поэтому Локтеву можно было уже не лгать.

«Какой подлец! — с ненавистью думал он, глядя в пустые глаза Локтева. — Гнать его в шею из горкома! Не то что из горкома, из партии надо гнать таких. Злобное ничтожество. Ведь если его выгнать отсюда, его даже в продавцы не возьмут». Чем сильнее он ненавидел и презирал Локтева, тем спокойнее он отговаривал его, а когда Локтев стал настаивать и угрожать, он попросил отложить вопрос на несколько дней. Трезво оценив всю сумму неприятностей, которую способен причинить ему Локтев, он надеялся в Москве заручиться поддержкой.

— Только ты не тяни, — сказал Локтев, прощаясь. — Сам писал, что Ольховский — склочник. Надо очищать институт, оздоравливать атмосферу.

«Ах какая сволочь!» — подумал Минаев и крепко пожал руку Локтева».

Д. Гранин. Собственное мнение

«Нашел свою запись 1957 года: «Наш советский строй учит людей мечтать, это оплодотворяет советскую науку. Наука капитализма хиреет, не имея будущего. Капитализм сковывает воображение ученого, воспитывает в нем трусость ума...»

И далее в таком духе. Писал убежденно, не сомневаясь, что это так и есть. Был 1957 год. Уже после XX съезда я считался либералом, да что там — меня уже прорабатывали, кто-то требовал выслать из страны вместе с Дудинцевым, Яшиным, а я, оказывается, твердил свою правозащитную молитву».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Меня приняли в Союз писателей в 1956 году. Я был пришлым. Поначалу меня пригрели фронтовики: Дудин, Орлов, С. Давыдов, Д. Хренков, были там бывшие танкисты — Аквилев, В. Курочкин, был Герман Гоппе, Глеб Пагирев, ребята, порядком изувеченные в боях. Но почему-то память о войне меня в те годы тяготила. Хотелось бы от нее отдалиться. Я долго пребывал в Союзе сам по себе. Я вижу себя в ресторане Союза, ходит этот парень между столиков, не знает, куда присесть. Всюду свои компании, идет свой треп. Однажды его пригласили. Там сидели Ольга Берггольц, Юрий Герман, Леонид Рахманов, Владимир Орлов, Евгений Шварц и Михаил Слонимский. Усадили. Это было как бы признание. Он был допущен. Почему он придавал этому такое значение? Да потому, что у них был свой счет. Значит, достоин. Еще важнее для него тогда было то, что они представляли Храм, жрецы Храма литературы, для них литературное дело было служением. Да, был еще, кажется, Юра Макогоненко. Понятие «писатель» означало нечто возвышенное — так он воспринимал этих людей. Независимо от таланта, успеха, положения, нет, они ценили именно бескорыстное, чистое служение литературе».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«В Союзе писателей я чувствовал себя белой вороной. Люди здесь знали Горация, Пруста, Лажечникова, Тагора. Писателей новейших, древних, японских, они высказывали среди разговоров, их цитировали: «Как сказал Глеб Чепонский», «Помните старика Шекра у Стерна, как там заводят часы?» Я не помнил ни старика, ни Стерна. Почитать их всех, как-то соответствовать было дело безнадежное. Не догнать. Даже классиков и тех не осилю. Вдруг мне пришло в голову: «А Пушкин ведь не читал Достоевского? А Достоевский Чехова не читал, а Чехов Шолохова — и что с того?» Соображение сие сильно утешило меня».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«В 1953 году через дом от ленфильмовцев возвели высокое, по тем временам даже эффектное, здание писательского дома. Квартиры здесь

распределяло руководство Союза писателей. В июле 1955 года Борис Эйхенбаум рассказывал в одном из своих писем: «У нас — совершенная кутерьма и «суматоха» (как выражается у Пушкина гробовщик Адриан Прохоров — и по той же причине): мы переезжаем на новую квартиру, в новый писательский дом, на Малой Посадской улице (у Кировского проспекта). У нас будет чудная квартира во втором этаже, три комнаты, четыре стенных шкафа, кухня с окном и мусоропровод (общий со Шварцами, которые будут рядом)».

В разные годы здесь жили прозаики Леонид Пантелеев, в юности прославившийся повестью «Республика ШКИД», и автор исторических романов Леонтий Раковский, поэты-фронтовики Сергей Орлов и Михаил Дудин, литературные критики Илья Груздев и Александр Дымшиц. Последний в своих заметках вспоминал соседей — Евгения Шварца и его жену: «С 1955 года мы жили с Шварцем, что называется, под одной крышей, в новом доме на Петроградской стороне. Евгений Львович и Екатерина Ивановна поселились в небольшой и очень уютной квартире второго этажа. По странной причуде архитектора окна этой квартиры выходили на своего рода площадку, с которой поднимались ввысь массивные колонны. Живу, как в Афинах, — посмеивался Шварц. — Вы не видели меня утром? В сандалиях, в тоге, со свитком в руках, украшенный лавровым венком, я шествовал между колоннами и спорил с киниками из «Ленфильма», имя же им — легион».

Сегодня здесь все меньше остается людей, чья профессия связана с литературой (впрочем, как и связанных с кино — в бывшем ленфильмовском доме). Патриарх среди оставшихся — уже много лет живущий здесь писатель Даниил Гранин. Кстати, Даниил Александрович — давний клиент расположенного в этом же доме Ателье мод писателей. Специальное ателье при ленинградском Литфонде было организовано еще в 1934 году. Когда же архитектор М. Саркисов начинал проектировать этот дом, ему сразу было поставлено условие: на первом этаже устроить помещение под писательское ателье. В былые времена оно обслуживало только членов Союза писателей и их семьи, а также еще некоторых артистов: Кирилла Лаврова, Владислава Стржельчика, Евгения Лебедева».

*Интернет-журнал «Квадратный надзиратель» (2008.
№ 61)*

«Малая Посадская улица, протянувшаяся от Каменноостровского

проспекта до улицы Чапаева, — одна из старейших в нашем городе. Ее длина — 797 м. Она появилась в начале XVIII в., в годы рождения на берегах Невы новой столицы — Санкт-Петербурга.

9 ноября 1964 г. ей присвоили название улицы Братьев Васильевых, в честь «братьев» С. Д. Васильева и Г. Н. Васильева, кинорежиссеров, к 30-летию выхода на экраны созданного ими фильма «Чапаев». Улица начинается от киностудии «Ленфильм» и заканчивается улицей Чапаева. В память «братьев» Васильевых в 1965 г. на фасаде дома № 2 установлена мемориальная доска. Ее авторы — архитектор Н. Ф. Бровкин и скульптор Г. Д. Ястребенецкий.

27 февраля 1989 г. улице вернули историческое название.

В доме № 8, возведенном по проекту архитектора М. Саркисова, жили и работали: поэты и писатели — поэт-песенник С. Б. Фогельсон, М. А. Дудин, А. Е. Решетов, И. О. Фоняков, С. С. Орлов, Б. А. Кежун, А. А. Хазин, В. С. Шефнер; драматург и театровед Ю. И. Слонимский, Е. Л. Шварц, А. Г. Розен; литературоведы Б. М. Эйхенбаум, И. А. Груздев, И. С. Эвентов, А. Е. Горелов; детские писатели И. В. Карнаухова, Л. Пантелеев и Н. Ф. Григорьев, П. Журба, Г. К. Холопов, В. Н. Инфантьев и П. И. Капица.

В настоящее время в этом доме живет прозаик, почетный гражданин Санкт-Петербурга, Герой Социалистического Труда Д. А. Гранин».

В. Привалов. Улицы Петроградской стороны (М., 2013)

«Пережил я и другое увлечение — путешествиями. Впервые мы поехали в 1956 году в круиз вокруг Европы на теплоходе «Россия». Мы — это группа писателей, в том числе К. Г. Паустовский, Л. Н. Рахманов, Расул Гамзатов, Сергей Орлов и я. Для каждого то был первый выезд за границу. Да не в одну страну, а в шесть стран: Болгария, Греция, Турция, Франция, Италия, Швеция — это было открытие Европы. С тех пор я стал много ездить, ездил далеко, через океаны — в Австралию, Кубу, Японию, США. Это была жажда увидеть, понять, сравнить. Конечно, современное путешествие, во всяком случае, мои путешествия, обходились без плена, стрельбы и тому подобных приключений. Но все же я спускался на барже по Миссисипи, я бродил по австралийскому бушу, жил у сельского врача в Луизиане, я сидел в английских кабаках, жил на острове Кюрасао... Я посетил множество музеев, галерей, храмов, бывал в разных семьях испанских, шведских, итальянских. Кое о чем мне удалось написать. Путевые записки — жанр привычный и опасно легкий. Надо было

потратить много сил, чтобы уйти от известных мне шаблонов. Лучшим способом был юмор. И собственные впечатления. И в том, и в другом нет опасности кого-то повторить. С юмором было, конечно, не просто, поскольку вещь это дефицитная, а научиться шутить невозможно. Чему угодно научиться можно, научиться юмору — нельзя. Пришлось заниматься этим как умею. Собственные же впечатления хороши тем, что в них все достоверно. Но надо их иметь, эти впечатления, получать, вынашивать. Именно собственные, не услышанные, не навязанные...»

Д. Гранин. Автобиография

«Вечером, когда стал перелистывать журнал, нашел в нем «Европейский дневник» Паустовского. В дневнике — про меня. Старые записи о нашем давнем путешествии вокруг Европы на теплоходе. Оказывается, Паустовский всю дорогу вел записи, краткие, сжатые до предела: обозначения событий, упоминания о разговорах, почти не расшифрованные...

Много записей — односложных, малопонятных и вовсе не понятных постороннему читателю. Для меня же они как нажатые кнопки — вспыхивают, освещаются полузабытые сцены, картины, краски. Что-то всплывает, не сразу, из глубины памяти, а что-то и не может уже всплыть, отзывается каким-то слабым колыханием, а всплыть не может.

Чужой дневник. В нем все чуть иначе. Краски чересчур яркие, тени гуще, свет падает слишком красиво. В Стамбуле Паустовский увидел джип с полицейскими, у меня же остались — дивной красоты турчанки. Нигде не встречал столько красивых женщин, как в Стамбуле.

Собственные воспоминания о той поездке задвигались, ожили. Они обретали новое измерение. Через Паустовского я узнавал себя, он записывал меня, что я делал, что я говорил. Я сравнивал его записи и свои воспоминания, разницу нашего видения, вкусов и влечений.

Я видел себя самого, в молочного цвета туфлях, которые мне одолжил Серега Орлов, и самого Серегу с рыжими лохмами, и Расула, черноволосого и почти стройного, изумленного... Я разглядывал свои воспоминания, как педагог рассматривает этюд ученика. Поправить надо здесь и там, я видел ошибки восторга, преувеличения, наши последующие судьбы, неоправданные надежды, которые не сбылись... Боже, как давно это было!»

Д. Гранин. Чужой дневник

«Никогда не забуду свою первую поездку за границу. Это было году в 1956-м. Для нас всё было откровением. Мы ошарашенно смотрели друг на друга и не могли понять: где же тот самый прогнивший Запад, где человек человеку волк? Мы всюду искали контрасты их жизни. Боже, какая была радость, когда увидели какого-то нищего! Какие-то идиотки из нашей делегации, когда два старика на Капри стали петь нам песни, громко заявили, что советские певцы поют лучше. Мы заметили, что певцы, может, и лучше поют, но старики-то не певцы. «Зато наши мужчины — лучшие любовники, чем итальянцы», — не сдавались они. Им надо было хоть чем-то оправдать нашу нищенскую жизнь».

Д. Гранин. Интелегенды

«Сладостный озноб, лихорадка нашего отплытия, тающая вдали белая Одесса, первый наш выход в мир на огромном лайнере, первый раз в руках заграничный паспорт, первые огни чужих маяков, ветер дальних земель... Впервые для нас, но к этой первости добавлялась еще всеобщая первость: таких круизов еще не было, первый рейс советских туристов вокруг Европы.

Паустовский не уходил с палубы. Болгария, шторм, вход в Босфор, Дарданеллы, Лесбос, желтеющий нагими каменными обрывами, серая земля масличных рощ, путаница и теснота рей, бронзово-зеленые пушки среди коричневых скал — все, все волновало его, приводило в восторг и трепет. Он бывал здесь не раз, давно, рассматривая в старых книгах эти берега, читая о них в лоциях, и вот наконец все это задвигалось, поплыло за бортом теплохода: косые паруса фелюг, раскрашенные прихотливыми красками крепостные стены... Он простаивал дневную вахту, прихватывал ночную, перестаивая всех нас. Мы — это поэт Сергей Орлов, писатели Леонид Николаевич Рахманов и Елена Иосифовна Катерли, критик Сергей Львович Цимбал, режиссер и художник Николай Павлович Акимов, и с нами, ленинградцами, был Расул Гамзатов. В том или ином сочетании мы стояли рядом с Паустовским. Теплоход имел несколько палуб, множество закоулков, глухих местечек между шлюпками, лебедками, но мы повсюду находили Паустовского и становились рядом. С ним больше можно было увидеть. От него исходил ненасытный интерес, от Паустовского мы

заряжались».

Д. Гранин. Чужой дневник

«Я впервые приехал в Париж в 1956 году. Тогда принято было писать: «мы приехали», «мы посетили». Наш традиционный коллективизм. Всегда вместе, организованно — и за грибами, и в Париж. То был один из самых первых рейсов — круиз! — вокруг Европы. В том числе Марсель и поездом в Париж на три дня. В Париже, конечно, Лувр. Паустовский предложил мне и Леониду Николаевичу Рахманову ограничиться минимумом. Вместо того чтобы стараться обождать тысячи картин и скульптур, осмотреть в Лувре три вещи: Венеру, Нику и Джоконду. К тому времени лично меня уже подташнивало от музеев Греции, Италии, от мраморных шедевров, уникальных фресок, гобеленов, росписей, от множества величайших, гениальных, всемирно известных. Предложение Константина Георгиевича мы приняли охотно. Постояли перед Никой Самофракийской, перед Венерой, Джокондой. Перед каждой довольно долго. Это было трудно. Это было как бы погружение. Нелегкое, непривычное — погружение в красоту или в совершенство, не знаю, как назвать то, чему нет конца. Поначалу становится скучно, потом приходят всякие мысли, затем чувства, среди них почему-то грусть перед тем, чего до конца постичь невозможно; тем, что в моей жизни такого совершенства, такой красоты не встречалось. Или я прошел мимо, не заметив...

Перед Джокондой я уже не томился, а довольно быстро расчувствовался. Стоял, не замечая времени. Очнулся я, заметив, что Константин Георгиевич плачет. Мы переглянулись с Рахмановым. Деликатнейший Леонид Николаевич показал мне глазами: не надо обращать внимания. Заметив, как на Паустовского глазают, я все же тронул Паустовского за рукав. Мы вышли из Лувра, ни на что больше не взглянув. Устали. Сели на скамейку и долго молчали».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Собрали нас 19 мая 1957 года. После XX съезда. На бывшей даче Сталина. Началось мирно. Идиллическая картина — дача, летние наряды, аллеи, зелень, пруды и вожди. Впервые ходят по аллее среди нас: Микоян, Молотов, Булганин, Хрущев — ожившие портреты. Здравуются,

пожимают руки. Кто-то, кажется, Борис Полевой, представил меня Молотову. «А-а-а, «Собственное мнение», — сказал Молотов, — это ваш рассказ?» — «Мой». — «Что же вы, — он укоризненно покачал головой. — Зачем вам, это же против партии. Вот роман «Искатели» у вас хороший».

То, что Молотов говорит со мною, светит солнце, сад, распускаются листья, что он не на трибуне — все это было удивительно для моего советского сознания, но еще удивительней было то, что он читал этот мой не бог весть какой рассказ и говорит о нем всерьез, словно о событии.

— Но ведь надо же, Вячеслав Михайлович, иметь собственное мнение! — выпалил я первое, что пришло мне в голову.

Молотов помрачнел, резко так согнал с лица приветливость. Наступила неприятная пауза. Борис Полевой преувеличенно весело подозвал к нам Паустовского, который шел мимо, а за ним и Эренбурга. Ему хотелось как-то разрядить напряжение, что-то произошло, связанное, скорее, с моим ответом, чем с моим рассказом. В чем было дело, я не понимал, да и Полевой, опытный журналист, тоже, видно, не понял...

Через несколько месяцев разъяснилось. То есть я мог представить, как совпали мои слова с тем, что происходило там, за кулисами, в Политбюро. Как раз тогда на Молотова «катили бочку» за иностранные дела, за Югославию и какую-то неуступчивость, вот тебе и «собственное мнение», кто знал, может, я как раз наступил на мозоль...»

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«В 1957 году я уже был писателем и был приглашен на встречу с руководителями партии и правительства. При большом стечении народа Хрущев отчитывал писателей за идеологически вредные произведения. Ожесточенно критиковали, проще говоря, поносили сборник «Литературная Москва» и журнал «Новый мир». Там был напечатан роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и мой рассказ «Собственное мнение». Хрущев, который, я уверен, ничего этого не читал, обрушился на редакторов, в частности на главного тогда редактора журнала «Новый мир» Константина Симонова. Стихи Симонова мы на фронте знали наизусть. Не было в годы войны более популярного и любимого поэта, чем он. Как военный корреспондент он побывал на самых тяжелых участках фронтов, в самой гуще сражений. Красавец, подтянутый, наделенный талантом и прозаика, и поэта, и драматурга, и журналиста, он, естественно, стал кумиром нашего солдатского братства, да и послевоенной молодежи.

Особенно же популярность его украсилась, когда «Новый мир» стал публиковать вещи критические.

На этом приеме, после разноса, устроенного Хрущевым, заставили выступить Симонова. «Призвали к ответу». Я с волнением ждал его выхода. Надо заметить, что мой рассказ он напечатал немедленно, расхвалил, поблагодарил.

Симонов вышел к столу, за которым сидели члены Политбюро Молотов, Косыгин, Каганович, Маленков, Суслов и прочие соратники Хрущева. Сам Никита Хрущев возглавлял стол и вел, уже подвыпивши, это судилище.

Начал Константин Симонов с того, что признал свою ошибку, осудил публикацию романа Дудинцева и моего рассказа, то есть как бы отрекся от нас, затем он проникновенно обратился к Хрущеву:

— Вы знаете, Никита Сергеевич, как я вел себя в годы войны, я не раз бывал на самом переднем крае, ничего не боялся, и, если надо будет, я сумею подтвердить свою преданность партии и правительству. — И он с чувством приложил руку к сердцу. Думаю, что все это было искренне, но мне стало стыдно. Надо отдать должное Хрущеву, он сказал:

— Неужели, товарищ Симонов, нам надо снова начинать войну, чтобы вы доказали свою верность?

Раздался смех, Симонов принужденно смеялся вместе со всеми. <...>

Не раз потом встречаясь с Симоновым, я убеждался, что благородного, порядочного в нем было куда больше, чем слабостей. Но долго еще присутствовало при нашем общении свернутое калачиком, упрятанное вглубь воспоминание о том собрании. Спросить его напрямую не хватало духу. Да и что он мог ответить? Легко судить тем, кто сидел в сторонке, ни за что не отвечал. Домашние чистюли, которые сами ничего не отстояли, не участвовали, не избирались, не выступали... В те годы деятельность мешала блюсти душевную гигиену.

Однажды при мне к Симонову обратились студенты Ленинградского пединститута с просьбой выступить у них. Он отказался. Как-то излишне сердито отказался. Они удивились — в чем дело, почему? Он пояснил, что это к ним не относится. Вообще не хочет выступать. «Врать не хочу, — запинаясь, сказал он, — а говорить, что думаю, не могу. Вот так». Признание это в какой-то мере приоткрыло тяжкий труд его совести, и что-то я понял, далеко не все, но понял хотя бы, почему прощаю ему так много».

Д. Гранин. Страх

«Почему бы писателю для того, чтобы написать о рабочем, не поехать туда, где рабочие живут и трудятся, изучить, как они работают? Не лучше ли вместе с ними жить. Разве это плохо? Тогда и время на поездки тратить не надо. Я не думаю, конечно, вносить предложение, чтобы столичных писателей расселить по Советскому Союзу на шахтах, заводах и в колхозах. Нет, это было бы неразумно. Хочу только сказать, что писателям нужно глубже вторгаться в жизнь, изучать ее, воплощать в художественных образах все новое в жизни Советской страны, глубже показывать человека — создателя всех материальных и духовных ценностей нашего общества...

Наступил новый период в жизни партии и народа. Преодолевая вредные последствия культа личности, партия вела и ведет решительный курс на восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни, на дальнейшее развитие социалистической демократии и мобилизацию всех сил на развернутое строительство коммунизма. *{Продолжительные аплодисменты.}* Но это вовсе не означает, что теперь, после осуждения культа личности, наступила пора самотека, что будто бы ослаблены бразды правления, общественный корабль плывет по воле волн и каждый может своевольничать, вести себя как ему заблагорассудится. Нет! Партия проводила и будет последовательно и твердо проводить выработанный ею ленинский курс, непримиримо выступая против любых идейных шатаний и попыток нарушить нормы жизни нашего общества».

*Из выступления Н. С. Хрущева на совещании писателей
13 мая 1957 г.*

«Гранин отправляется после «Искателей» на работу в МТС. Несколько месяцев он проработал в машинно-тракторных станциях под Псковом и Новгородом. Там он увидел своих героев. В частности, он вспоминал, что в этих МТС трудились молодые пары, приехавшие из города по комсомольским путевкам...

Обратившись к деревенской жизни, Д. Гранин вторгнулся в новую для себя сложную область. Можно без преувеличения сказать, что «теория бесконфликтности» наибольший ущерб нанесла драматургии, а в прозе — именно деревенской теме. У всех у нас в памяти некоторые романы и повести конца сороковых и начала пятидесятих годов: село представало в них в виде пестро раскрашенных пасторалей, не имеющих ничего общего с теми реальными трудностями, которые переживали колхозы».

Л. Плоткин. Даниил Гранин.

«Когда зашли на скотный двор, Тоня сперва не поняла, почему там так светло и ветрено. Потом подняла голову и обомлела. Крыши не было. На сером небе блестели мокрые ребра стропил. Несколько пучков старой соломы торчали, зажатые поперечинами. Мелкий дождь сыпал в глаза. Дрожащие телята кричали безумными от голода, сиплыми басами и тыкали сквозь жердины скользкие морды. Тоня скормила им один за другим взятые с собой бутерброды.

Рядом стояла молодая доярка, грызла соломинку и усмехалась. Тоня стиснула губы, достала из кармана шоколадную конфету, развернула и сунула теленку.

— Они же у вас помирают, — сказала она.

Доярку сплюнула с толстой губы откушенную соломинку:

— Подохнут — свиньям скормим.

— Как вы можете так, это же ваши коровы!

— Моя дома стоит! — и доярка вызывающе засмеялась».

Д. Гранин. После свадьбы

«Ошибочность рассказа «Собственное мнение» заключалась в преувеличении влияния, которое оказали на наших людей известные ошибки и недостатки в нашей жизни, вскрытые историческим XX съездом. Некоторые стороны новой работы Д. Гранина свидетельствуют о том, что писатель еще не сумел полностью освободиться от ряда своих ошибочных представлений. Этические представления автора о поколении Игоря, Веры, Геннадия, оказывается, зиждутся существенной своей частью на не очень прочной идеологической почве. Успех Д. Гранина как автора «Искателей» был главным образом обеспечен тем, что писателю удалось создать цельный образ нашего современника. Новый роман Д. Гранина в главном, в обрисовке героев, знаменует отказ автора от важнейших своих завоеваний...

Одной из важных причин многочисленных языковых и стилевых погрешностей романа «После свадьбы», создающих жирную почву для сорняков... представляется общая противоречивость, неустойчивость и неясность мысли и эстетики автора. Отсюда же, на мой взгляд, проистекает то обстоятельство, что (как это ни парадоксально) произведение, всем

своим замыслом ратующее против прямолинейности и схематизма, само вышло во многом схематичным».

Д. Стариков. Жизнь вступает в спор (Литературная газета. 22.11.1958 г.)

«Четыре года отделяют роман Гранина «После свадьбы» от «Искателей». Интервал сравнительно небольшой, но насыщенный событиями великого исторического значения... Своей биографией новый герой писателя Игорь Малютин резко отличается от парижского повстанца Рульяка или молодого ленинградского ученого Савицкого. Но он унаследовал главную проблему их жизни — проблему нравственного выбора. Именно в тот момент, когда после голодного сиротского детства и трудной одинокой юности Игорь впервые ощутил радости взаимной любви и блага бытовой обустроенности, ему предлагают от всего этого отказаться. Игорю сказали — ты должен поехать в МТС, а ему вовсе не ясно, почему он и почему должен. У него как раз в это же время возникает совсем другое представление о долге — Игорю удалось завершить изобретение, очень нужное заводу. И ради этого, и ради жены, и ради своего инженерного будущего ему необходимо остаться в городе».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Вокруг вышедшего в 1958 году романа «После свадьбы» разгорались горячие споры. Одни критики полагали, что новое произведение чуть ли не отход автора от основной его тематики и проблематики. Он, писал Л. Баландин о Гранине, «наделяет конфликтами с самим собой многих своих героев». Исходя из нелепой мысли, что переживания такого рода не к лицу советским людям, критик писал: «Нет, не на путях поисков «внутренних» конфликтов, не на путях изображения второстепенного, частного конфликта строится боевая литература современности»... Строгому критику даже невдомек, насколько его осудившие роман выводы далеки от многообразия жизни и своеобразия литературы».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Когда меня выбрали в секретариат Союза писателей, я попробовал хлопотать о пенсии для М. М. Зощенко. Ничего не получилось. Ходил по всяким столичным кабинетам, всюду отказывали. Как теперь понимаю, можно было добиться, если б действовал решительнее — настаивал, ругался, кричал. Не сумел. Не осмеливался? Наверное. Страхом еще оставалось много».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Был июль 1958 года, стояла жара, Зощенко лежал в гробу, маленький, строгий, в том же темно-сером костюмчике, что был на нем тогда на секции прозы, лицо смуглое, узкое, глаза прикрыты, будто не хотелось ему смотреть на нас, на толпу любопытных, которая теснилась и шла мимо гроба. Народу собралось великое множество, вокруг Дома писателей стояла толпа, и было много милиции, внутри Дома сновали молодые решительные незнакомцы, они требовали прекратить доступ людей к гробу, пропускать только членов Союза писателей, обстановка становилась все более нервной, несколько женщин рыдали в голос, внизу, у входа в Дом, шумели не попавшие. <...>

Из гостиной, где шла панихида, донесся какой-то шум, в плотной толпе, она заполняла проходы и лестницу, началось движение. Оказалось, что после Михаила Леонидовича Слонимского к центру прорвался писатель Леонид Борисов. Надрывный, высокий голос его нарушил благочинность процедуры: «Миша, дорогой, — кричал он, — прости нас, дураков, мы тебя не защитили, отдали тебя убийцам, виноваты мы, виноваты! Виноваты мы перед тобой, не защитили тебя, смирились»...

Кое-как панихиду прикончили. Гроб повезли в Сестрорецк, в городе хоронить Зощенко не разрешили, тем более на Литературных мостках Волкова кладбища, как будто эти мостки предназначались для каких-то более достойных».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Собрали писателей, чтобы они осудили Пастернака, который послал свой роман «Доктор Живаго» за границу, чтобы его там напечатали — потому что здесь отказались. Это обсуждение поразило нас, ведь там против Пастернака выступали многие люди, которых мы уважали. Я

спросил Веру Федоровну Панову: «Зачем же вы выступили?» Она мне сказала: «Знаете, я боялась, что начнется такой же разгром интеллигенции, какой был после ждановского доклада».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«В 59-м мы приехали с женой в Тбилиси — пригласили грузины. Там, в Мцхете, солнечным днем в церкви я столкнулся лицом к лицу с Борисом Леонидовичем, с которым до этого встречался чуть-чуть в Переделкино. Пустой храм, вокруг ни души, а он же покинул Москву, когда травля после присуждения ему Нобелевской премии достигла апогея. «Борис Леонидович!» — я окликнул его, а он вдруг как закричит: «Нет! Нет!» — и бежать. Это было даже страшно. Спутать Пастернака я ни с кем не мог, а потом узнал, что он-таки жил в Тбилиси у вдовы Тициана Табидзе...

Грузинский поэт, который меня пригласил, справился по телефону: «Ну, как вы съездили?» — «Знаешь, — ответил я, — поездка дивная, но такой вот произошел случай». — «Господи, — ахнул он, — так это был ты? Борис Леонидович приехал и с ужасом рассказывает, что его выследили. Приходи немедленно». Мне не хотелось ставить Пастернака в неловкое положение, и хотя причина эта, может, надуманная, но я никуда не пошел, о чем до сих пор, конечно, жалею».

*Из интервью Д. Гранина украинскому журналисту Д.
Гордону 6.07.2010 г.*

«Однажды в Риме мы собрались допить контактную водку. Так назывался ящик водки, который взяла с собой наша делегация для приемов, встреч и всяких контактов. Большую часть этой водки мы, делегаты, выпили сами. К возвращению в Рим из Флоренции осталось несколько бутылок. Решено было их допить и покончить с этим прекрасным замыслом. Собрались в номере у Сережи Антонова. Посреди пиршества Шкловский заявил, что он упился и уходит к себе в номер. Он действительно стоял на ногах уже нетвердо. От провожатых отказался, для устойчивости опустил на четвереньки, заявив, что делает это всегда, ловко засеменял по полу — не то кабан, не то носорог. Вышиб своей бритой наголо яйцевидной головой, крепкой, как булыжник, дверь,

пробежал на четвереньках по гостиничному коридору к великому удовольствию встречных постояльцев. Он мчался, словно урожденное четвероногое, довольно урча, не смущаясь, не обращая ни на кого внимания».

Д. Гранин. Интелегенды

«Просматривали фильм «После свадьбы». Ставил его М. Ершов по моему роману. Просмотр происходил в Смольном. В кинозале собрались члены бюро обкома во главе с персеком В. С. Толстиковым.

Фильм не понравился. Особенно то, что касается колхозной деревни. Скот голодает, падеж, колхозники стаскивают солому с крыш, чтобы как-то прокормить скотину. Сцена эта вызвала возмущение Толстикова. «Откуда вы это взяли, искали нарочно отставшие колхозы, может такое когда-то и было, но у нас в области такого нет, не знаете вы народа, жизни колхозной и т. п.». Это он по окончании фильма разразился речью. Миша Ершов сидел поникшим, не смея возражать, даже хоть как-то защищаться. И далее стали один за другим нас обличать секретари за то, как мы отстали от жизни, понятия не имеем о том, что творится, подпеваем критиканам, нашим противникам из Би-би-си, повторяем их, ближе надо быть к народу...

Наконец, я не вытерпел, рассказал, что творится в Новгородчине, где я проработал некоторое время в МТС, и среди прочего сказал: «Писателю, между прочим, полезно видеть жизнь издали. Как известно, чем дальше от народа, тем лучше видно его характер и особенности».

— Это откуда известно? — прервал меня Толстиков.

— Ну как же, всюду приводятся эти слова А. С. Пушкина, — объявил я уверенно и непререкаемо.

Пушкин — это не Лев Толстой, не Ленин, он, конечно, вождем не считался, но и ошибок идеологических за ним не числилось, так что начальство промолчало.

На обратном пути Миша Ершов спросил меня — где это Александр Сергеевич так высказался.

— Точно не помню, — сказал я, — конечно, не по поводу колхозов.

Во всяком случае, Пушкин помог отбиться».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Впервые я приехал в Комарово в начале 1950-х годов.

Дом творчества писателей располагался в старом деревянном доме, который при финнах был пансионатом. Красивый трехэтажный дом. Им заправляла одна немка, она жила здесь еще при финнах. Александра Карловна, хорошая была хозяйка.

Мне, как молодому писателю, давали комнату на самой верхотуре — на третьем этаже, в башенке.

Дом творчества был своеобразен, он сохранял особенности пансионата. Деревянная столовая была во дворе, там, где и теперь. Посередине общий стол — большой, овальный, за которым все собирались на завтрак, обед и ужин. Завтракали и обедали наспех, потому что все-таки торопил рабочий день, а вот за ужином начинался треп. Старались прийти в одно время, слушали краснобаев — там сиживало немало остроумных, интересных людей.

В начале шестидесятых годов выделили несколько участков земли для ленинградских писателей: Александру Грину, Анатолию Чивилихину, Борису Мейлаху, Александру Черненко. В число прочих попал и я, поскольку был в то автором романов «Искатели», «Иду на грозу».

Жена предложила потратить гонорар на дачу в Комарово. Построить дом — решение непростое, прежде всего психологически. Но, слава Богу, она настояла, сама взялась за дело и соорудила из финского стандартного домика дачу с мансардой. <...>

Анна Андреевна Ахматова жила совсем недалеко от нашей дачи. Там было несколько так называемых литфондов-ских дач, или, как она их окрестила, «будки». В одной из таких будок она жила, по соседству с ней жил ее друг поэт Александр Гитович. Как-то приехали ко мне в гости мои чешские друзья: Владислав Мнячко, словак, партизан, хороший писатель, человек интересный, и чехи-писатели Иржи Гаек и Иван Скала. Сидим выпиваем, говорим о том о сем, случайно заходит речь об Анне Ахматовой, я говорю, что она живет тут рядом, ну, они загорелись: «Хотим ее видеть», я сколько их ни отговаривал — «Во что бы то ни стало хотим видеть». Для них имя Ахматовой связано не только с Серебряным веком, но и вообще с мировой поэзией, чттили они ее, уговорили пойти навестить. Телефонов не было. Я уступил, поскольку мы все четверо были уже за пределами учтивости. Я знал Анну Андреевну, общался с ней, не часто, но все-таки. Застали мы ее, конечно, неожиданно, не в лучшую для нее минуту, она гостей не ждала, была в заношенном халате, с неубранными волосами. Они увидели старую женщину, в этой жалкой дощатой даче, драная мебель, драное кресло... Но ничего этого они не заметили, а при виде ее упали на

колени, произошло это у них непроизвольно, все трое упали и поползли к ней на коленях к ее руке. То, что они так сделали, для меня это было понятно, это было преклонение их, писателей, перед великим поэтом, но то, как она это приняла, восхитило. Она приняла их коленопреклоненность словно так надо, благосклонно, как императрица».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Когда в 50–60 годы мы стали проводить летние месяцы в Комарово, здешние места были полны зверья. Встречались лисицы, зайцы. Неподалеку от нашей дачи жила рысь. Мы с Сашей Яшиным ходили на глухариный ток. Поутру птичий гомон не давал спать. На нашем участке стучали дятлы, носились белки, они забавно бегали по штакетникам забора. Поселилась целая стая соек. Под крышей свили гнезда синицы. С тех пор год за годом лесная жизнь редела. Куда-то живность стала исчезать. Ныне лес начисто опустел. Его не вырубili. Он по прежнему вплотную подходит к даче, но он пуст. Ни птиц, ни белок, он тих и безмолвен. Растет черника, грибы, брусника, всё вроде было в порядке, только унылая пустыньность отделяет эту дачную местность от карельских лесов. Слишком много людей, слишком — машин, слишком — музыки. Леса лишились своих голосов и обитателей».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Партбюро сейчас создало при Союзе писателей народную дружину. <...> Д. А. Гранин даже, вероятно, не представляет себе, какой резонанс получило его присутствие во время рейда. После того, как он в последний раз был на рейде на Дворцовой площади, через несколько дней приходит молодой человек в штаб и говорит: «Я — вор, я — хулиган. Где здесь Гранин? Я хочу рассказать ему свою судьбу и посоветоваться с ним» (Смех в зале.) Мы говорим: «Гранина нет. Но есть люди, которые могут посоветовать и подсказать вам». — «Нет, я хочу рассказать Гранину. Я читал его книжки, я ему верю и хочу только с ним поговорить».

*Из выступления О. Грудина на партсобрании Л ОСП
17 мая 1961 г.*

«Глядя на бильярдистов, я вдруг вспомнил, что и я играл в бильярд в нашем Доме писателей. У нас на первом этаже стояло два больших бильярда, и был Павел Иванович, старый хозяин, смотритель этих столов. Он числился в штате Дома. В его бильярдной перебивали все, от Есенина до Маяковского, кстати, по словам Павла Ивановича, неплохого игрока. <...>

Играл я плохо, но играл. Вообще бильярд среди писателей всегда был в моде. Гриша Поженян в трудные времена зарабатывал, и неплохо, на бильярде. Зарабатывали другие. Бильярд не привлекал меня, слишком статичная игра, куда больше азарта было в соревнованиях по плаванию. Я вдруг вспомнил свой заплыв брассом на 400 метров, крики болельщиков, запах хлорной воды бассейна, ругань нашего тренера... У меня получалось, но почему-то я бросил плавание, перешел на бокс, от бокса перешел на лыжи. Господи, чем только я не увлекался — коньки, танцы, велосипед, и ведь не просто катался, мы отправились в велопробег Ленинград — Москва, это было еще в студенческие годы. Играл в шахматной команде факультета. На Черном море занимался подводной охотой, этому меня обучал Бруно Понтекорво, это уже было в моей писательской жизни. Мы ходили с ним в пустынные бухты за Коктебелем и там погружались в солнечную глубину моря».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Д. Гранин побывал на Кубе всего лишь через три года после того, как группа отважных молодых революционеров высадилась на острове и подняла восстание против кровавого диктатора Батисты. Всего три года! Но за это время кубинский народ проделал стремительный путь, и в повседневном быту старое и новое в жизни переплелось самым неожиданным образом. В одном доме автор увидел портрет Фиделя рядом с изображением Христа.

Страна охвачена бурной жаждой просвещения, она считает основой своего мировоззрения самое передовое социальное учение современности, но на Кубе можно встретить еще *колдуна*. Да, да, колдуна. Одна глава кубинских записок так и называется «Колдун». Он занимается всяческой чертовщиной, но дочь его... обучает неграмотных».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«Даже в картинах итальянских неореалистов, которые умеют подавать ужасы трущоб, мы не видали такой бедности и убожества, как в старом рыбацком поселке, каких еще много на Кубе... Здесь жили и умирали поколения кубинских рыбаков. И вот сейчас семьи рыбаков готовились к переезду в просторные каменные дома на солнечном холме. Революция круто изменила их жизнь, из этой лачуги они попадут в дом, где будет ванная, электрический свет, цветник у террасы, асфальт, просторная кухня с газом и горячей водой. Эта революция была для них, они готовы биться за нее насмерть».

Д. Гранин. Остров молодых

«Иду на грозу» — совсем новое слово в творческом развитии писателя, и этот вывод становится особенно убедителен при сопоставлении с «Искателями», хотя внешне эти романы как бы провоцируют на рассуждения об их сходстве. Но перед тем как сравнивать, видимо, есть необходимость дать хотя бы краткую общую характеристику нового романа.

На этот раз герои Гранина — люди самой передовой науки, современные физики, занятые проблемой исследования атмосферного электричества. Они хотят устранить губительность грозových разрядов, или, как говорит один из них, Олег Тулия, подчинить себе все молнии. Эта задача, словно повторяющая знаменитый миф о Прометее, объясняет прямое, буквальное значение заглавия.

Даниил Гранин рассказывает о жизни ученых как о трудной и суровой борьбе. Ведь им противостоят недоступные и грозные силы стихии, которые каждую секунду могут уничтожить того, кто ошибся или слишком смело и нерасчетливо ринулся в бой.

К сожалению, настоящим ученым приходится преодолевать и сопротивление иного рода. Есть у них противники мелкие, но в определенных условиях очень опасные. Это интриганы и очковтиратели, люди, относящиеся к науке только как к лифту, который обязан поднять их на самый высокий этаж житейского благополучия. Их обывательский опыт подсказывает, что в кабине может уместиться ограниченное число людей. Поэтому в науке им тесно, пробивают они себе дорогу локтями, а не открытиями, клеветой, а не поисками истины».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«По субботам приглашали девушек в кафе «Север» или Дом ученых, щеголяли узкими брюками... Под мотив узаконенных фоксов сороковых годов выдавали такую «трясучку», что старички только моргали... яростно обсуждали музыку будущего, живопись Пикассо. Слушали записанный на магнитофоне американский джаз, но неизбежно к полуночи оказывалось, что они спорят о взаимоотношении микро-и макромира... Для них были открытием только что переизданные рассказы Бабеля, очерки Кольцова, появились стихи Цветаевой, публиковались архивные документы. Больше всего увлекала возможность научно осмыслить происходящие перемены...

На завод один за другим возвращались реабилитированные, то, что они рассказывали, было страшно и непонятно. Все чаще без опаски, с уважением произносились имена людей, которых Крылов с детства привык считать врагами народа. Тулин вдруг рассказал, как его отца в тридцать седьмом году исключили из партии и выслали, у Гатеняна брата осудили как шпиона четырех государств; выяснялись затаенные обиды, трагедии, хранимые во многих семьях. Каждое такое открытие было болезненным, но вместе с тем росло чувство общего очищения. Пытались угадать, а что будет дальше, убеждали друг друга, что со старым покончено навсегда, строили планы, выдвигали проекты всевозможных реформ. Каждое новое постановление они встречали с энтузиазмом... Крылов в одном был уверен твердо: правда никогда не может повредить. И ничто не заменяет правду.

Обсуждался семилетний план завода, дискутировали, сравнивали выгоды гидростанций и тепловых станций. Гатенян припомнил дискуссию о языкознании — миллионы людей на всех предприятиях вынуждены были месяцами изучать проблемы лингвистики, в то время когда в колхозах творилось черт знает что, за хлебом стояли очереди. Крылов со стыдом вспоминал, как он сам, тогда уже вроде бы сознательный парень, находил какую-то высшую мудрость в этой статье Сталина».

Д. Гранин. Иду на грозу

«Большой заслугой писателя можно считать то, что ему удалось передать напряженную интеллектуальную атмосферу, в которой живет наша научная интеллигенция. И вместе с тем он стремится передать героизм научного труда, требующего великой душевной стойкости,

нравственной энергии и таланта. Не случайно среди изданий романа есть одно весьма примечательное. В 1966 году роман был издан «Молодой гвардией» в серии, предназначенной для молодежи и названной «Тебе в дорогу, романтик». В этой серии были опубликованы «Как закалялась сталь» и «Овод», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке» и «Иду на грозу».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«У всех у них были блестящие перспективы, незаурядные способности (двое были талантливыми, трое одаренными, остальные гениями), они подавали надежды, составляли «цвет» научной молодежи, служили примером и грозили «перевернуть». Они были возмутительно молоды (на каждого приходилось в среднем 0,25 жены и 0,16 детей), зато средний теннисный разряд доходил до трех с половиной, зимой они ходили на лыжах, летом говорили, что презирают футбол. Они могли стерпеть любое обвинение в невежестве, но смертельно обиделись бы, если кто-нибудь усомнился бы в их умении плавать с аквалангом. Все они печатали статьи в физических журналах, подрабатывали в реферативном журнале. Тех академиков, которых они обожали, они звали Борода, Кентавр, Шкилет, остальных считали склеротиками. Они всячески старались показать, что им нравится то, что бранят или осуждают. Яростно защищали экспрессионистов, но никто из них толком не знал, что это такое. Они нахваливали конкретную музыку и в то же время аккуратно ходили в филармонию, стояли в очереди на концерты приезжих знаменитостей и восторгались Бахом».

Д. Гранин. Иду на грозу

«В Ленинградском государственном архиве литературы и искусства хранится обильная почта, связанная с романом «Иду на грозу». Есть письма ругательные, особенно от нескольких учителей-словесников, возмущенных «жаргонизмами». Есть и обвинительный трактат, свидетельствующий прежде всего о слабом уровне эстетического развития корреспондента: «В романе «Иду на грозу» автор облил грязью не только советских ученых, но и нашу советскую общественность. Все герои — карьеристы, погрязшие в эгоизме».

Упоминаю об этом только ради объективности, потому что такие отзывы тонут в хоре голосов благодарных и восхищенных. Пишут профессора, студенты, строители, литераторы, школьники.

«Многим людям хочется быть хорошими, но не всегда они понимают, что для этого сделать. Роман показывает, что в трудных обстоятельствах человек может быть хорошим, должен быть хорошим».

«Дочь сказала мне: «Я подозревала, папа, что в науке надо драться. Но подозревала вообще. Сейчас я знаю это гораздо более конкретно».

«Ах, как необходим, как настоятельно нужен был этот роман... Конечно же, это самое нужное в нашей литературе со времен «Тихого Дона».

И вот, пожалуй, наивное, не очень грамотное и все-таки самое красноречивое письмо от девочки 16 лет: «Теперь я уж точно знаю, что всю жизнь буду стараться быть человеком. Может быть, для этого и пишутся книги».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Более десяти лет отделяют «Иду на грозу» от повести «Эта странная жизнь» и четверть века от повести «Зубр». Но удивительно ли, что на протяжении столь долгого времени «взаимоотношения» науки и нравственности остаются для Даниила Гранина мало сказать излюбленной темой творчества, вернее и точнее — без устали осваиваемым плацдармом жизни, влекущим, как поле магнитного притяжения?»

В. Оскоцкий. Четверть века спустя (Нева. 1988. № 6)

«На границе двух разных периодов творчества Гранина, в 1962 году, он издал книгу очерков под многозначительным названием — «Неожиданное утро». Ведь утро — общепринятый символ начала, а неожиданность в этой книге создается тем, что человек, путешествующий по разным странам, обнаруживает вовсе не то, что предполагал увидеть. Помните — едешь в Индию, открываешь Америку. Открытия Гранина связаны с тем, что в послевоенную эпоху он видит жизнь вовсе не той, о которой когда-то мечталось. И как вывод нередко возникает крушение иллюзий, наивности, надежд на стремительное обновление мира».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Хрущев любил часто собирать писателей и произносить речи. Отбросит заготовки, и начинается словоизвержение. Чего только не наговорит, ведь не остановишь — полный хаос.

Вытащил на трибуну Андрея Вознесенского, стал кричать на него:

«Получайте паспорт и уезжайте! Я не могу спокойно слушать подхалимов наших врагов!»

Вдруг он ткнул пальцем в зал:

— Кто там в очках уткнулся? — и потребовал на трибуну. Это был молодой художник Голицын.

Обрушился на него.

Сперва я думал, что его раздражала красная рубашка Голицына, но потом понял, что это была наводка Ильичева, и на других тоже он наводил.

Был объявлен перерыв. Мы вышли на лестницу покурить. Евтушенко, Аксенов, Твардовский, Голицын, Роберт Рождественский. Молчим, подавленные погромом, хамством, злобой. И тут вдруг Александр Трифонович Твардовский без тени улыбки скупающе спрашивает:

— Ну, ребята, что новенького?»

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«После нашумевшей выставки художников в Манеже Хрущев снова собрал деятелей искусств. Там он рассвирепел, досталось Эрнсту Неизвестному, возмутила его фигура из бронзы, он начал кричать, ругаться: «На что идет дефицитный материал?» Женя встает, подходит к столу и говорит: «Никита Сергеевич, напрасно вы так обрушились на Неизвестного, он воевал, и что вы из него делаете антисоветчика?» Хрущев сказал: «Горбатого могила исправит». И тут вдруг Женя выпрямился, будто выше стал, и говорит: «Хватит! Хватит исправлять людей могилами!» Это был такой удар, что Хрущев промолчал. Он вообще очень находчивый был человек, но тут не нашел что сказать».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«На банкете, то бишь приеме, Хрущев начал про установки в искусстве, потом о культе и каким-то образом выгреб на Солженицына, на его повесть «Один день Ивана Денисовича», недавно напечатанную в «Новом мире», которую он, очевидно, прочел. Не просто ее упомянул, а похвалил, и любопытно, за что — за то, что вот, мол, писатель показывает, как в условиях лагеря Иван Денисович умудряется работать добросовестно, его несправедливо осудили, а он тем не менее трудится по совести, не позволяет себе кое-как.

Вокруг этой темы сделал несколько кругов и в заключение провозгласил тост за Солженицына. Поднял фужер с вином:

— За товарища Солженицына, который здесь присутствует!

Солженицына еще мало кто знал, и раздались возгласы:

— Где он? Просим встать! Не видно!

Все принялись оглядываться. В зале за столами сидело человек двести, может, и больше. Начали приподниматься. Задвигались, движение это устремилось к противоположному от Хрущева концу зала, где рядом с Твардовским сидел Солженицын. Он встал с рюмкой в руке. И, чтобы увидеть его, поднимались один за другим все присутствующие. Они обернулись спиной к членам Политбюро, к самому Генсеку, лицом к писателю, еще незнакомому. Я тоже встал, увидел вдали Солженицына, человека невысокого, заурядной внешности, вроде бы неприметного, если не считать твердых его, не улыбчивых глаз. Он просто стоял, для меня же — возвышался над всем этим великолепием и блеском еще непочатой снеди, разложенной на хрустале среди накрахмаленных скатертей: розовых ломтей семги, балыков, осетрины, колбас, буженины, желтых розочек сливочного масла, салатных пирамид на мельхиоре, лакированных помидоров, огурчиков, лимончиков, винограда, графинчиков, бутылок — над всеми этими яствами, вчерашний ээк, человек из той лагерной жизни, где бились насмерть за пайку хлеба. Все они сейчас протягивали рюмки, стояли перед ним — заслуженные и народные, уцелевшие в той многолетней охоте-облаве от арестов, ссылок, расстрелов, все эти деятели культуры, журналисты, артисты, писатели, художники, режиссеры, поэты, среди которых хватало доносчиков, стукачей, сексотов, верных «автоматчиков» партии, как похвалил их недавно Хрущев, так называемых писателей вроде Грибачевых, Сафроновых, Алексеевых, Ермиловых и прочей своры, ненавидящих и Твардовского, и «его выкормыша» Солженицына, они не могли остаться сидеть, волна подхватила, подняла над их непримиримой злобой, завистью к Солженицыну — чужаку, опасность которого они учуяли звериным своим чутьем.

Поднялись члены Политбюро. Им неудобно было оставаться сидеть, тем более что Генсек стоял. Получилось невольно, что теперь уже Политбюро в полном составе стоя приветствовало недавно безвестного писателя, явившегося сюда из кровавого, вонючего смрада лагерных бараков, из той жизни, о которой они знать не хотели, требовали забыть ее, замолчать. А она вот сюда, во дворец вошла и стоит так, словно бы вся эта жратва, алмазный блеск бокалов, все официанты в черных фраках — всё в честь нее, ей прислуживают, ей угождают.

Это был знаменательный миг, момент наивысшего торжества литературы».

Д. Гранин. Исчислил Бог царствие твое...

«Летом 1963 года в Ленинграде заседал форум европейских писателей, обсуждавших судьбы романа... Д. Гранин отстаивал необходимость романа, ссылаясь на весьма сходные аргументы. Он говорил о том, что в романах нашли отражение «бескорыстие, героизм, благородство — все лучшее в человеческой натуре». Он указывал, что именно романы «заставляют людей думать». Но в то же время Гранин сделал весьма красноречивое признание: «Недавно, закончив роман, я поклялся себе никогда больше к этому жанру не возвращаться... Роман — это целое хозяйство, и там никак не добиться полного признания, гармонии, всегда что-то не так, что-то не получилось».

Действительно, с той поры Гранин очень долго в этом жанре не выступал и вернулся к нему только в «Картине», большом, многопроблемном эпическом полотне, резко отличающемся от трех первых романов».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Кроме первого секретаря Союза писателей Александра Андреевича Прокофьева существовало еще две штатных должности секретарей. Одну из них занимал поэт Анатолий Чивилихин. Тощий, вернее считать, поджарый, немногословный, напоминал он киплинговских героев. При этом сердечный, щепетильный и выпивоха. Все это замешено в нем было крепко, органично. Случались у него стихи неплохие. Сейчас как поэт забыт. Входил он в поэтическую группу — Гитович, Лившиц, Шефнер...

Однажды Толя заявил, что уезжает в Москву. Насовсем. Влюбился там в одну красотку, да так, что бросил свою ленинградскую семью, только что построенную в Комарове дачу, все бросил. Друзья понимали, что добром это не кончится. Уговоры не помогли.

Прокофьев предложил мне занять место Чивилихина. Я согласился. Должность была лестной: секретарь Союза писателей! Оклад хороший. Работа, как я успел заметить, неопределенная. Да еще легковая машина полагалась на обоих вторых секретарей. Лафа! Следовало принять дела. «Чего принимать? — сказал мне Толя. — Нечего сдавать — нечего и принимать». «Нуаделать-точего?» — допытывался я. Толя посмотрел на меня, смотрел долго, разгоняя свои мысли, наконец увидел меня, улыбнулся и сказал то, что запомнилось на всю жизнь: «Данила, чем меньше делаешь, тем меньше надо делать».

Я сперва принял это как шутку. Воспитание, привычка требовали: приходи на работу и вкалывай. Понадобились годы, чтобы постичь его простейшую заповедь. В ней оказалось больше заботы о других, чем о себе. Она таила в себе выстраданную мораль: меньше делать — значит меньше собирать совещаний, заседаний, меньше отрывать писателей от стола, меньше давать поводов для проработки, критики, нападок...

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«— Даниил Александрович, Вы ведь стали не только известным литератором, но и фигурой общественной, приближенной к власти. Могли влиять на судьбы каких-то людей, а значит, сами в определенной степени были властью. При этом Вы утверждаете, что всякая власть портит человека. Вам это известно и по собственному опыту?

— Истина банальная, но, к сожалению, регулярно подтверждаемая: власть портит человека.

Что касается меня... Когда я работал секретарем Союза писателей, председателем Союза, то, конечно, меня эта власть тоже портила. Я теперь вспоминаю некоторых писателей и думаю: как я мог пройти мимо таких интересных людей? Например, писательница Фортунато. Она была, как я узнал задним числом, одной из самых популярных детских писательниц вместе с Чарской. Или критик Березарк — с какими судьбами он был связан! Я прошел мимо них, поглощенный какими-то административными делами и заседаниями. В Березарке я видел только неряшливого старика. А Елизавета Полонская... Много раз хотелось поговорить, но все было

некогда, некогда. Казалось, что те дела, которыми занят, гораздо более важные. А сейчас даже не вспомнить, что это были за дела.

И те ребята, с которыми начинал: Яша Пановко, Паша Петунии... Как-то тоже все руки не доходили: посидеть, поговорить, узнать, почему у Паши всё в литературе сложилось так неудачно. Это бесчеловечная вещь — административная работа или так называемая власть».

Из беседы Д. Гранина с Н. Крыщуком (2002)

«14 февраля 1960 года во Дворце культуры им. Горького состоялся вечер молодых поэтов. Читал на этом вечере свои замогильные стихи и Иосиф Бродский. Кто-то, давая настоящую оценку его творчеству, крикнул из зала: «Это не поэзия, а чепуха!» Бродский самонадеянно ответил: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Не правда ли, какая наглость? Лягушка возомнила себя Юпитером и пыжится из всех сил. К сожалению, никто на этом вечере, в том числе председательствующая — поэтесса Н. Грудинина, не дал зарвавшему наглецу надлежащего отпора. Но мы еще не сказали главного. Литературные упражнения Бродского вовсе не ограничивались словесным жонглированием. Тарабарщина, кладбищенско-похоронная тематика — это только часть «невинных» увлечений Бродского... Этот пигмей, самоуверенно карабкающийся на Парнас, не так уж безобиден. Признавшись, что он любит «родину чужую», Бродский был предельно откровенен. Он в самом деле не любит своей Отчизны и не скрывает этого. Больше того! Им долгое время вынашивались планы измены Родине».

А. Ионин, Я. Лернер, М. Медведев. Окололитературный трутень // Вечерний Ленинград. 29.11.1963 г.

«Выступили: тт. Прокофьев, Браун, Капица, Дмитриевский, Чепуров, Кукушкин, Азаров, Абрамкин, Брыкин, Федоренко, Гранин, Шейкин, Новиков, Подзелинский, Ходза, Шестинский и единогласно решили:

1. В категорической форме согласиться с мнением прокурора о предании общественному суду И. Бродского. Имея в виду антисоветские высказывания Бродского и некоторых его единомышленников, просить Прокурора возбудить против Бродского и его «друзей» уголовное дело.

2. Просить Горком ВЛКСМ вместе с Лен. отделением Союза писателей

ознакомиться с деятельностью кафе поэтов.

3. Считать совершенно своевременным и правильным выступление «Вечернего Ленинграда» со статьей «Окололитературный трутень».

4. Поручить выступить на общественном суде тт.: Н. Л. Брауна, В. В. Торопыгина, А. П. Эльяшевича и О. Н. Шестинского».

Из протокола заседания секретариата ЛОСП от 17.12.1963 г.

«Гранин говорил мне, что он увещевал Бродского отказаться от своей тематики и писать про снег, про животных. Но то, что выходило из-под пера Бродского про снег и про животных, ни на йоту не отличалось от ключа, в котором звучали его прежние, уже всем известные стихи. Гранин обещал мне все же заступиться за Бродского и попытаться прекратить травлю. Я была на суде над Бродским. Самые громогласные обвинения Бродского прозвучали от имени Молодежной секции Союза писателей. Гранин на суде не присутствовал. От его имени выступал Воеводин-младший».

*Р. Берг. Осторожный полулегал // Новое русское слово.
5.02.1988 г.*

«Талант — это, прежде всего, ответственность художника перед народом, перед своим временем. Этим свойством Бродский не обладал никоим образом, повторяем, речь не идет о поэте в общепринятом смысле этого слова, и Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР не может считать, что оно несет за Бродского какую-либо моральную ответственность. Союз занимается с творческой молодежью, писателями и поэтами, и было бы несправедливым причислить к ним Бродского».

*Из выступления Е. Воеводина на суде над И. Бродским
18.02.1964 г.*

«Меня удивляет позиция Д. А. Гранина — он ведет себя по меньшей мере странно, он хочет быть для всех хорошим, как-то неудобно так вести себя. Когда он увидел справку, в которой была одна строка от имени комиссии — он запротестовал, потребовал собрать комиссию. Давайте собираться. Я, говорит Воеводин, отвечу за каждое слово в справке. Товарищи, ведь если на суде выступал отец Бродского и говорил о нем, о его «труде» как о подонке, то куда уж надо идти дальше?»

*Из выступления Е. Воеводина на партсобрании ЛОСП
26.03.1964 г.*

«Я не могу быть всем хорошим, и в этом Евгений Всеволодович неправ — не надо так легко бросаться такими словами... По существу сегодняшнего вопроса я хотел еще сказать одно — неверно, когда говорят, что Бродский — это человек, стоящий вне литературы. Стихи Бродского способные, одаренные; есть, конечно, и плохие, негодные стихи, но рядом стоят хорошие, он популярен среди молодежи; из-за этого всего и сыр-бор то разгорелся, если бы это был бездарный человек, политическое ничтожество, не ввязывалось бы в это дело столько людей. Дело сложное. Случай трудный, так тем более и разбираться в нем надо терпеливо и спокойно».

*Из выступления Д. Гранина на партсобрании ЛОСП
26.03.1964 г.*

«Произнес короткую речь Д. Гранин. Он осудил фальшивку Воеводина, который подвел прежде всего его, Гранина, председателя комиссии, от имени которой была составлена поддельная справка. Нас, свидетелей защиты, он поддержал и с нашими доводами согласился.

Дня через два собралась комиссия по работе с молодыми. <...> Гранин в качестве председателя завершил дискуссию, потребовав немедленного исключения Воеводина из комиссии — он обманул общественное доверие, ввел в заблуждение суд. Е. Воеводин был единодушно из комиссии изгнан. В тот день ленинградский Союз писателей раскололся на две половины: во главе одной, ретроградской, оказался Александр Прокофьев, во главе другой — Даниил Гранин».

Е. Эткинд. Записки незаговорщика. Лондон, 1977

«Товарищи, когда же придет конец тому, чтобы мы на каждом собрании волей-неволей задевали прохвоста, антисоветчика, паразита, который носит фамилию Бродский?! Неужели собрание будет обсуждать действия Воеводина, и мы будем снова поднимать вопрос о Бродском?! Он осужден современностью на пять лет... Пусть он исправляется в

Архангельской или другой области».

*Из выступления А. Прокофьева на партсобрании
ЛОСП 21.05.1964 г.*

«У меня с ним никогда не портились отношения. Вот мы с Сашей Кушнером были в Америке, и я там общался с ним, и Саша. Я никогда не осуждал Бродского. Я не касался никогда этого дела. По многим причинам, которые не совсем уважительные, но все-таки для меня тогда были уважительные, потому что я не читал его стихов, потому что они мало публиковались. Мне в голову не могло прийти, что Бродский — антисоветчик.

Эти ребята, уходя от Анны Ахматовой, приходили к нам на дачу, и мы сидели, говорили очень дружески. И мне в голову не могло прийти, что Бродский — антисоветчик. Это было в пределах нашего недовольства. Я их всех считал плохими поэтами. Я любил Блока, я любил Ходасевича — у меня совсем другой круг был».

*Из беседы Д. Гранина с К. Собчак (телеканал «Дождь»,
16.04.2014 г.)*

«Плохо запоминаю даты. Годы сцепляются у меня в один ком, остается от них «давно» или «недавно». Внутри есть только отдельные кристаллики событий, те, что зацепились чем-то в памяти. Но эта дата — 1964 год, октябрь месяц — помнится, помнится и число 14... Я был в Москве, когда грянуло сообщение об отставке Н. С. Хрущева. Что, как, почему? «По собственному желанию». В Доме писателя все гудело. Мы сели втроем за столик — Женя Винокуров, Женя Евтушенко и я. Говорили не стесняясь. Выпили за здоровье Никиты Сергеевича, от которого нам всё досталось. Выпили, вспоминая, как при нем начали в стране строить жилье. Как вернули из ссылки сотни тысяч зеков, как началась реабилитация, как он покончил с культом личности Сталина. Как подняли железный занавес, начались поездки за границу. Много чего он успел, главное же, стала исчезать мертвечина, появилась духовная жизнь. Он собирал нас, ругал, ругался, произносил немыслимые речи, но, странное дело, мы не обижались. И вдруг теперь, когда его скинули, мы почувствовали обиду за него, его полюбили, полюбили со всеми заморочками...»

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Только я расположился в купе, уселся, вытянул усталые за московский день ноги, как дверь шумно отъехала, и не вошел, а ввалился Прокоп. Никак не ожидал, что нам с ним дадут билеты в одно и то же двухместное купе. В Москве, видимо, не знали о наших отношениях. Мы с ним не ругались, не ссорились, мы разошлись. Александр Андреевич Прокофьев, мы звали его Прокоп, был председателем Союза писателей Ленинграда. У него было много почетных должностей, в редколлегиях, в комитетах, но эта была главная. Он был даже членом Центральной ревизионной комиссии при ЦК КПСС. Кажется, она так называлась. Чистая синекюра. Зато роскошная корочка и повсюду «ради бога, что за вопрос». Он был хороший поэт, но эта корочка была важнее...

— Имей в виду, я все знаю, — сказал Прокоп. — Знаю, что вы с Дудиным и Орловым затеваете. Хотите меня убраться.

Чего-то он еще стал сообщать про наш заговор. Мы действительно обсуждали: надо, мол, переизбрать Прокопа, хватит, три срока сидит, надоед. Главное же, стал нетерпимым, зазнался. Донесли.

Говорил, говорил и вдруг повалился на подушку и захрапел. Была у него такая манера, на полфразе, выпивши, мог отключиться. <...>

Утром, когда проснулся, он еще похрапывал. Я встал, выпил крепкого кофе, прильнул к окну. Лучший отдых — окно поезда.

Прокоп проснулся просто, без охов, вздохов, перекатился, чтобы свесить ножки, сел, уставился на меня и сказал:

— ...Только ничего у вас не выйдет!

Он знал, что в этом мире всё должно оставаться так, как было».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Все было predetermined. Лава клокотала и вырвалась наружу. Против Прокофьева выступила не только беспартийная Н. Долинина, но и член партии, фронтовик М. Панич. Литераторы пришли, чтобы показательно завалить своего лидера...

Писатели отказали в доверии не просто Прокофьеву. Во многих жило неприятие действий власти против художников, поэтов, слишком свежими оставались недавние встречи руководителей партии с интеллигенцией. Это собрание лишь частный случай, общая же обстановка после ухода

непоследовательного реформатора Хрущева лишь ухудшалась. Ленинградские писатели показали, кто в их Доме хозяин. Приход к руководству в Союзе Д. Гранина и М. Дудина был выбором большинства, с которым местная власть должна была считаться».

А. Рубашкин. В доме Зингера

«Все события, которые назревали в нашем Союзе в последнее время, и все то, что разрешалось здесь, на этой трибуне, перед этим собранием, было результатом того, что в нашем Союзе за последние годы не произошло никаких изменений. Изменения происходили в стране, изменения происходили во всех областях нашей общественной жизни, но эти изменения почти не коснулись жизни нашего Союза. И это, по-моему, главная причина многих упреков, может быть, часто дающихся с каким-то перехлестом, но объясняемая накопленным за один-два года зарядом недовольства среди членов Союза».

*Из выступления Д. Гранина на собрании ЛОСП РСФСР
14 января 1965 г.*

«Решение: Утвердить Первым секретарем Ленинградской писательской организации М. А. Дудина. Заместителем Первого секретаря утвердить Д. А. Гранина».

*Из протокола заседания правления ЛО СП РСФСР от
14.01.1965 г.*

«— Даниил Александрович, существуют разные мнения о Вашем общественном поведении. Вам они, вероятно, знакомы. Одни считают Вас человеком сугубо компромиссным, который никогда не рисковал благополучием и берег свою репутацию прежде всего в сферах власти. Другие, напротив, полагают, что в советские времена Вы поступали порядочно в той мере, в какой это позволяли обстоятельства, и противопоставляют таким образом литературным карьеристам. Как Вы сами оцениваете себя — не в этой молве, а в разговоре с собственной совестью?

— Я не был диссидентом. Наверное, потому, что хотелось писать. Должен сказать, что моя общественная жизнь никогда не увлекала меня и не доставляла мне удовольствия. Я не рвался быть ни секретарем Союза, ни членом Президентского совета. Все это происходило как-то без моего участия. Правда, меня это привлекало чисто по-писательски. Интересно было сидеть на Президентском совете, когда решаются дела в масштабах страны.

— *А желание повлиять на эти решения было?*

— Да. Мы блокировались по некоторым вопросам с Юрием Карякиным и Мариэттой Чудаковой. Но можно и нужно было иногда действовать более резко и рискованно. Ну, что-то я предпринял, например, когда Кушнера стали прорабатывать. Прорабатывали, был у нас такой, Володю Иванова. Надо было, наверное, выступить со статьей в его защиту. Но связываться со всей этой кодлой... И думаешь: ну а почему я должен это делать? Причем сидит ведь кругом много людей, кроме меня. Можно и нужно было какие-то вещи отстаивать. Каких-то писателей, может быть, следовало защитить. Вот Зощенко. Я хлопотал, чтобы Зощенко дали персональную пенсию. Но к кому я ходил? К Маркову, первому секретарю Союза. Марков ни за что не хотел пойти навстречу. Я бы мог, наверное, пробиться в ЦК, к Суслову. Надо было, может быть, потратить на это неделю — другую. Здесь моя совесть не чиста. Не сделал. Сходил к Маркову пару раз, написал письмо и вроде бы успокоил свою совесть.

— *Но ведь Вы были еще и секретарем Союза писателей, то есть Вам приходилось голосовать, и уклониться было невозможно. Например, в случае исключения из Союза писателей Лидии Чуковской, Войновича, Солженицына.*

— Чуковскую и Войновича исключали не при мне. А при голосовании об исключении Солженицына я воздержался. Что потом со мной делали! И если бы хоть кто-нибудь тогда поддержал меня! Так что, конечно, у меня есть счет претензий к самому себе. Я не любитель раздеваться при всех, но счет есть. Хотя можно было бы сказать: зато я сколько сделал! Но это не перекрывает того, что не сделал. Сегодня никто не помнит, что сделано, но все помнят, что не сделано».

Из беседы Д. Гранина с Н. Крыщуком (2002)

«Я никогда не придавал значения своей гражданской деятельности. Никакой деятельности и не было. А были должности, меня куда-то

избирали, зачисляли, давали красные корочки, по которым можно входить во всякие учреждения, бесплатно ездить в транспорте. Сделали меня членом обкома, это когда я был секретарем Союза писателей СССР. Сделали депутатом Ленсовета. Все напрасно. Толку от меня не было. Я не выступал, ничего не предлагал. Думаю, что это вполне устраивало начальство. Был народным депутатом СССР, членом Комитета по Госпремиям и многое другое».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Когда Георгий Иванович Попов был на службе, то есть в Смольном, был он страшным ругателем. Матерщинник, более того, был он хамский человек, людей обижал, оскорблял, сыпал угрозами. Московское начальство эти качества в нем почти ценило. Не явно, но одобряло, поскольку считалось это твердостью, необходимой жесткостью. Сталинский стиль даже после разоблачения культа личности все равно ценился. «Твердая рука!» «Спуску не давать, без этой интеллигентщины обойдемся». Я пребывал в то время секретарем Союза писателей в Питере. Иногда меня вызывали на бюро горкома, разбирали разные писательские выходки. Однажды Георгий Иванович стал кричать на меня, я сказал:

— Если вы сейчас не смените тон, я уйду.

— Попробуй, — сказал он, видно, первое, что ему пришло в голову, — попробуй.

Я пробовать не стал, а просто взял и вышел из зала заседаний.

Он закричал мне вслед:

— Это тебе дорого обойдется.

На следующий день меня вызвали к Толстикову, который был первым секретарем обкома, то есть над Поповым был начальник и, соответственно, находился на третьем этаже, а Попов на втором. Толстиков сказал мне:

— Вот тут пришла жалоба на тебя. От Попова. Напиши объяснение.

Я написал довольно резко о том, что не пристало секретарю ленинградской организации так грубо вести себя, да еще на заседании горкома. Ежели он не извинится, я больше в горком ни на какие приглашения приходить не буду. Написал что-то в этом роде. Толстиков прочел. Сказал:

— Вот и прекрасно.

Я говорю:

— Ну и что дальше?

— А ничего, — сказал он и спрятал обе бумаги в сейф.

А было известно, что оба они не ладили между собой, и, как мне потом объяснили, моя бумага была, очевидно, кстати для Толстикова на тему: «Вот как он обращается с интеллигенцией!».

Д. Гранин. Заговор

«После завершившего важнейший этап в гранинском творчестве романа «Иду на грозу» писатель обращается к ленинской теме. Тема эта, судя по публикациям и репортерским заметкам, занимает его давно, со времен Домбровского. И разрабатывается она в том же, счастливо найденном ключе: всегда ленинские мысли о человеке и человечности определяли исходные позиции и направление работ Гранина. В «Искателях», отчасти в «После свадьбы», «Иду на грозу» мы можем проследить, как шаг за шагом, в результате победы социализма, складывался тип человека интенсивной духовной жизни, творца нового мира. «Азу» научного коммунизма писателями типа Гранина трансформируются в воззрения эстетические. И это весьма существенно в развитии тем живых, общечеловеческих.

Но почему в творческой биографии Гранина возникает киносценарий «Первый посетитель»? Какие нити тянутся от изображения первой в мире социалистической революции к научному поиску? Что это: другая тема или та же, применительно к другим обстоятельствам, иной поре? Думается, что у писателей современной темы возникают новые импульсы обращения к историко-революционному жанру. Они в потребности самому дознаться, что и как завоевывалось? И в чем действие ленинского стиля ныне?

Непосредственно о Ленине в сценарии рассказывается не столь уж много. Он появляется эпизодически, то в водовороте революционных событий, то в изменивших судьбу крестьянина Василия Шубина встречах и разговорах. У Гранина, как я понимаю, был трудный замысел. Он хотел показать, что ощущал Ленин в первый день прихода к власти, как он учился управлять государством.

Киносценарий любопытен не только тем, что в нем показан первый посетитель, пришедший к Ленину по своему, казалось бы, личному вопросу, что, конечно, само по себе представляет огромный интерес. Однако в плане развития Ленинианы роль этого факта, как и фабулы сценария в целом, шире философски, социально, исторически».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Упомяну о сценарии Д. Гранина «Первый посетитель». Здесь, как мне представляется, мало возможностей для создания интересного, яркого фильма. Талантливый писатель, к сожалению, не проявил в этом произведении творческой оригинальности. В памяти встают аналогичные эпизоды и ситуации из фильмов «Ленин в Октябре», «Человек с ружьем», «Выборгская сторона»... Своего, нового в проблематике этого сценария, где сюжет держится на встрече Ленина с крестьянином, у которого несправедливо отняли лошадь, на мой взгляд, крайне мало. Думается, что сценарий не дает широкого простора для режиссерского творчества».

Ал. Дымшиц. Кинолениниана // Огонек, 1966, 7 августа

«Примечания к путеводителю» появились в один год с книгой, загадочно названной «Вахта «Арамиса». Сборник вышел под грифом «В мире фантастики и приключений», и там рядом с романом Станислава Лема «Эдем» оказался рассказ Д. Гранина «Место для памятника»... Гранин лишь один-единственный раз обратился к интеллектуальной фантастике, но это обращение вовсе не случайно. Как раз в год публикации «Места для памятника» Гранин писал в одной из своих статей: «Путешествие в страну будущего никогда не было бесплодным занятием. Великие утопии помогали человечеству вырабатывать идеалы. А это то, в чем сегодня нуждается мир, может, больше, чем прежде».

В. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Заметка была вырезана из газеты наспех, неровно, с краями соседних заметок. Корреспонденция описывала открытие памятника С. Лиденцову, торжественную церемонию, падение покрывала и как перед глазами толпы предстал памятник, своеобразный по своему художественному решению: поскольку он был без пьедестала, фигура ученого висела в воздухе, замысел выражал идею открытия... Осокин пропускал абзацы. Митинг... председатель горсовета, какая-то незнакомая фамилия... «в нашем городе жил и работал»... «мы, земляки»... «слово предоставляется президенту Академии наук», опять совсем неизвестная фамилия... «вписал...

Лиденцов... к славе отечественной науки... преобразователь»... Министр присутствовал и секретарь... и никого из них Осокин не знал. Впервые он читал эти фамилии, никому не известные фамилии. Но это было напечатано в газете, он читал фамилии своими глазами, а газете Осокин привык верить больше, чем любой книге или журналу. На фотографии был памятник, маленькая трибуна, вроде знакомая площадь, лица людей на трибуне — чужие, властные, слишком молодые.

Осокину стало страшно. Правда, Осокин умел не показывать своих чувств. По его лицу никто ни о чем не мог догадаться. Он давно выработал это необходимейшее качество. И напрасно Лиденцов надеялся.
<...>

— Провокация, — сказал он. — За такую аферу вас можно...»

Д. Гранин. Место для памятника

«Если мы хотим знать, что будет с человеком, надо уяснить, как воздействует прогресс техники на человека, на его мироощущение. Атомная угроза повлияла на психику человечества, вероятно, куда сильнее, чем это нам сейчас кажется. Есть события с другим знаком, но они стоят в том же ряду. Я никогда не забуду взрыв восторга в день полета первого космонавта Юрия Гагарина. Стихийный праздник, толпы на улицах, на площадях городов, наспех написанные транспаранты. Чему мы радовались? Не только тому, что первыми в космос вышли советские люди. Радость была и за величие человеческого разума, это была радость, соединяющая человечество, в этой радости была надежда, противостоящая атомным кошмарам...

Очевидно, сеть разнообразных коммуникаций позволит передавать все что угодно, кому угодно. Связь каждого человека со всем человечеством возрастет колоссально — хотя бы в виде средств такой связи. Потoki самой разной взаимной информации будут ограничены лишь способностью усвоения. Миллионы копий — картин, кино, музыки, фото — обеспечат доступ к любым видам искусств. А если прибавить сюда новые возможности транспорта, то есть практически уничтожение расстояний в пределах Земли, то все это в сумме создает значительные центростремительные силы. Они могут не только взломать национальные и прочие перегородки, под большим давлением происходят и сварка и даже изменение структуры.

Процесс наращивания контактов уже происходит, и остановить его

вряд ли кому-либо удастся. Ежедневно производятся транзисторы, магнитофоны, телевизоры, телефоны, телетайпы — количества их нарастают в прогрессии геометрической, сколько-нибудь ценная информация распространяется практически десятками различных каналов.

Мода перенимается сегодня в течение нескольких месяцев. Научные исследования движутся почти вровень в лабораториях Японии, СССР, Англии, США... Попытки существенно обогнать конкурентов ни к чему не приводят. Идеи почти одновременно возникают, одновременно реализуются. Связь людей и, следовательно, их зависимость друг от друга становится порой мучительной, она опережает способность человеческой адаптации. Скорость научно-технического прогресса должна столкнуться со скоростью адаптации человеческого организма. То есть человек не сможет успевать приспособливаться к новым открытиям и преобразованиям... Пока что это тот мыслимый предел, какой можно поставить».

Д. Гранин. И все же (Иностранная литература. 1967. № 1)

«Решение: Утвердить Первым секретарем Ленинградской писательской организации Д. А. Гранина. Заместителем Первого секретаря утвердить О. Н. Шестинского (Единогласно)».

Из протокола заседания правления ЛО СП РСФСР от 15.12.1967 г.

«Гранин был человеком дела. В этом смысле упреки в том, что он действовал часто применительно к подлости, а иногда и на посту своем в качестве писательского секретаря допускал известный конформизм — это норма жизни, потому что для Гранина важно было действовать с минимальными затратами и максимальным результатом, в этом смысле он был прагматик. И, действуя таким образом, лавируя, он достигал максимального результата».

Из лекции Д. Быкова о Гранине на сайте «Эха Москвы» 7.07.2017 г.

«Еще в январе 1965 года я задумал серию рассказов под общим названием «Молодая война». Примерно в то же время я написал повесть «Наш комбат» о том, как нас заставили брать одну безнадежную высоту к дню рождения Сталина и сколько тогда полегло народу зря. Повесть долго не хотели печатать. И тогда мой друг Дима Гусаров, тоже фронтовик, который партизанил в Карелии, а после войны стал редактором петрозаводского журнала «Север», на свой страх и риск поместил в нем мою повесть. За это он схлопотал партийный выговор, а потом по указанию ЦК партии «Молодую войну» было запрещено где бы то ни было перепечатывать. Меня вызвали на бюро обкома и стали прорабатывать».

Из интервью Д. Гранина журналу «Сноб» (№ 12 за 2013 г.)

«Правда» о войне, которую открывает нам лирический герой повести, на самом деле очень далека от истины. Вот как раскрывается иногда «правда очевидца». Комиссары, политруки... Пытаются вести народ за собой, а сами без будущего, без прошлого. Ведь не лучше Рязанцева и два других политработника <...> Очевидец, от лица которого написана повесть, попытался доказать, что на совести армейских пар-тайных работников много напрасных, ничем не оплаченных жертв, что, мол, во имя карьеризма этих горе-коммунистов, политруков, гибли солдаты. Но в этом ли истина?»

*В. Горбачев. Возвращаясь к прошлому// Октябрь. 1969.
№ 6*

«Покушались на нашу навоеванную славу, которая не должна была зависеть от времени, ошибок и пересмотров. Она была навечно замурована в ледяной толще блокадной зимы, там мы оставались всегда молодыми, мы совершали бессмертные прекраснейшие дела нашей жизни, и все наши подвиги принадлежали легендам. Такой, какой была эта война тогда для нас, такой она и должна оставаться. С героическими атаками, с лохмотьями обмороженных щек, с исступленной нашей верой, с клятвами и проклятиями...

Наше прошлое казалось недоступным и надежным, зачем же комбат портил его. Лучший из всех комбатов, умелый, бесстрашный, как Чапай,

герой моего очерка, а выставил себя лопухом, не разобрался, угробил напрасно столько ребят, каких ребят! Совсем по-другому я видел, как мы поднимались под пулями, бежали вперед, проваливались в снег, кричали, подбадривали друг друга. Смелость наша поглупела, мы уже знали, что надо не так, и продолжали переть под автоматные очереди. Мы уже знали про овраг, и комбат знал и по-прежнему вел нас напрямую, в лоб».

Д. Гранин. Наш комбат

«Не разрешена к печати и снята редакцией после наших замечаний рецензия Л. Лазарева «Бой местного значения», написанная на произведение Д. Гранина «Наш комбат» <...> В рецензии дается высокая оценка повести Д. Гранина за постановку проблемы моральной ответственности командиров и политработников, допускаящих непоправимые ошибки в период войны в обстановке культа личности, страха и неуверенности. Повесть Д. Гранина содержит черты дегероизации подвига народа на войне, однако в рецензии Л. Лазарева идейная направленность этого произведения преподносится как нравственная проблема послевоенного времени».

*Из записки Главного управления по охране государственных тайн в печати от 15.07.1969 г.
(Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. М., 2009)*

«По поводу моей повести «Наш комбат» о том, как бессмысленно гибли люди, чтобы взять высоту к дню рождения Сталина, созвали пленум обкома. Меня вытащили на трибуну, требовали, чтобы я покаялся, признал партийную критику. Я не покаялся и не признал. В перерыве мимо меня шли люди, не поворачивая головы, почти не шевеля губами, говорили: «Молодец!».

Д. Гранин. Счастье — это я сейчас // Московские новости. 2003. 23–29 декабря

«В Ленинграде, в институте молодые ребята устроили обсуждение моей повести «Наш комбат» и поплатились за это. Трех выгнали из

института. А я что? А меня хоть и покритиковали, но ведь сошло с рук».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Дом на Фонтанке» — очень сильный и искренний рассказ. Посвящен он не столько проблемам научного творчества, сколько переживаниям, связанным с минувшей войной. Его герой — друг рассказчика по студенческим годам Вадим, погибший на войне. Два его товарища, оставшиеся в живых, исполнены благоговейной памяти о погибшем. Надо сказать, что рассказ написан с редкостной цельностью настроения, колорита, деталей быта и психологии. Вадим был талантливым и добрым парнем. Он с легкостью овладевал науками и всегда готов был помочь товарищу. Рассказчик с нежностью и печалью вспоминает о своем товарище: «Погиб великий физик, и никто не знал об этом». И здесь характерно, что это заключение основано не столько на научных успехах Вадима, сколько на представлении о нравственном облике Вадима, которому не дано было полностью проявиться...

Вадим погиб в первые, самые тяжкие дни отступления. И автор добавляет: «...вся штука в том, что он и не мог уцелеть. Такие, какой, не годились для отступления». И вспоминая себя самого в горькие дни поражений, автор пишет, что Вадим «не мог, не способен был так бежать, спастись, он остался бы в окопах». Мысль автора по-своему ясна. Именно из таких, как Вадим, и выходят великие ученые».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«— Теперь бы он поступил в аспирантуру, — сказала мне Галина Осиповна, когда я зашел после войны.

Я тоже тогда поступал в аспирантуру.

— Язык он сдал бы сразу, — сказала она. — Он обогнал бы вас, он хорошо знал немецкий.

Она высчитывала сроки защиты диссертации. Год за годом она представляла себе его жизнь. Кандидатскую, потом докторскую, рождения его детей, когда они должны были пойти в школу...

Мы дразнили его за вежливое обращение со всеми девочками; за то, что он не умел соврать, не желал материться и писать ругательства на стенах. С трудом мы научили его играть в очко на деньги. Но все

прощалось ему за храбрость. В той большой драке с соседней школой... их было больше, мы отступили во двор, потом побежали кто куда, один Вадим остался, он не умел убегать. Он дрался в одиночку, пока его не повалили. Это и храбростью именовать нельзя, такой у него был характер. Бедный, заикающийся рыцарь в наилегчайшем весе...»

Д. Гранин. Дом на Фонтанке

«До трех моих лет мы были соседями. Я родился и жил в квартире моего дедушки в Ленфильмовском доме 4А по Малой Посадской улице в Питере, а он в доме 8. Потом мы с родителями переехали, и вновь я попал на Малую Посадскую уже в 1969 году в возрасте 10 лет — папа зашел к Гранину по своим литературным делам и почему-то взял меня с собой. Его трехкомнатная квартира показалась мне маленькой по сравнению с нашей бывшей пятикомнатной... Именно так — фотографически — застряла в детской памяти наша первая встреча.

Следующие без малого 50 лет я видел его более или менее регулярно три-четыре раза в год — у нас дома, у него дома, в Комарово или Союзе писателей... В начале перестройки Гранин здорово помог, порекомендовав мой роман журналу «Нева» и «Ленфильму» для экранизации — в одну минуту я стал богатым человеком: в 26 лет заработал литературой на «жигули»...»

К. Тублин. Гроссмейстер равновесия
(<http://limbuspress.ru/page/view.php?newsid=259>)

«Василий Петров — имя малоизвестное. Название очерка — «Размышления перед портретом, которого нет» — как бы опредмечивает эту неизвестность. Портретов Петрова и в самом деле не осталось. Не сохранилось его писем, дневников, личных вещей. Нет воспоминаний о нем. Он умер в 1834 году, а в 50—70-х годах прошлого века и его работы, и его имя были прочно забыты. «Новые поколения русских электротехников ничего не знали о нем». Однажды, забытый уже при жизни, разрешил себе выразить скромную мечту: «Я надеюсь, что просвещенные и беспристрастные физики по крайней мере некогда согласятся отдать трудам моим ту справедливость, которую важность сих последних опытов заслуживает».

Теперь выяснилось, что Россия и физика обязаны ему многим и многим. Русские гимназисты по его учебнику изучали с 1807 года электричество на уровне последнего слова науки. Он в начале века добился того, что «вспыхнула электрическая дуга» и в 1802 году «на набережную Невы упал первый электрический свет». Мало этого, он открыл все три возможных способа электрического освещения, работая все так же в одиночестве, не рассчитывая ни на славу, ни на награды, не имея никакой корысти. «Романтика одинокого исследователя стала историей, красивой и наивной» — так пишет Гранин, как бы подводя итог своим размышлениям. История Петрова в самом деле прекрасна, мужество и благородство русского ученого, его преданность науке, бескорыстие, самоотверженность и сегодня сохраняют свое значение как эталон. Гранин прав: такие люди, как Петров, создают нравственный климат науки, и повесть о Петрове Гранину, судя по всему, было необходимо написать».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Он опередил время, а время, подобно пространству, имеет свои пустыни. Такая пустыня окружала его. Но это ни на минуту не поколебало, не устрасило его. Он мужественно продолжал делать свое дело. Мужественно, потому что он был очень одинок, он даже не имел противников, у него не было возможности бросить вызов, бороться. У него не было соперников, никто не аплодировал его победам, не огорчался его неудачами.

Наука не может состоять из подобных альтруистов. Над ними посмеиваются, а в наше время альтруизмом упрекают. Чистая наука — это звучит подозрительно. Вместо слова «ученый» все чаще слышится — научный работник. Времена Петрова кажутся странными, нечто вроде средневекового рыцарства. Романтика одинокого исследователя стала историей, красивой и наивной».

Д. Гранин. Размышления перед портретом, которого нет

«После Петрова Гранин обратился к Араго. Думается, что писателя прежде всего привлекла их полная противоположность. Одиноким отшельником Петров, чья судьба так бедна событиями, так отделена от

бурного хода истории, не оставил после себя никаких свидетельств своей личной жизни. Напротив, Франсуа Араго широко известен «невероятными похождениями», их бы хватило на большой авантюрный роман... Голодая, подвергаясь смертельной опасности, даже ожидая казни, Араго не расстаётся с грязной связкой бумажных листков, на которых записаны его опыты и измерения. Когда он вернулся во Францию, сохранив свои драгоценные бумаги, ему было 23 года. И он был избран академиком, удостоившись первой аудиенции у французского императора. Через шесть лет они встретятся снова. На этот раз Бонапарт, лишившийся короны, предложит Араго стать его спутником по путешествию в Америку и наставником по научным занятиям. Араго откажется. Он отклонит и предложение русского царя Александра отправиться с ним в Петербург. А прусскому королю Фридриху, который пригласит его в Берлин, он даже не предложит сесть. «Он отказывал монархам быстро и небрежно. Ему было не до них. Он гонял лучи света сквозь всякие пластинки, призмы, вертел его зеркалами, ломал, гасил... Его мучили загадки мерцания звезд. Он чувствовал себя волшебником, хозяином Вселенной. Он чувствовал себя ничтожеством перед неистощимым хитроумием природы...»

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«За антиобщественное поведение, противоречащее целям и задачам Союза писателей СССР, за грубое нарушение основных положений устава СП СССР, исключить литератора Солженицына из членов Союза писателей СССР».

*Из протокола заседания Рязанской организации СП
4.11.1969 г.*

«Если бы Солженицын был здесь, я бы задал прямо ему этот вопрос. Но сейчас мы все эти вопросы задаем в пространство. Я не могу, я не имею возможности спросить этого человека: что же он думает и с чем это для него связано? Я лично его не видел, никогда не видел. Мне кажется, что он мог бы ответить на эти вопросы со всей откровенностью. На каких позициях стоит он, писатель наш, советский?.. Не надо преувеличивать значение Солженицына как писателя, но не надо его и преуменьшать. Мы имеем дело с крупным писателем, интересным писателем, и тем более

трагично то, что происходит с ним... Мне кажется поэтому, что наша торопливость, это наше в общем какое-то опасение, не очень мужественное, встретиться с Солженицыным, задать ему эти вопросы, послушать его ответы, поговорить с ним, нельзя считать правомерным. <... > И я не очень понимаю, почему через несколько часов после вчерашнего его исключения из Союза местной организацией надо санкционировать это исключение... Мы ждали два года и можем, как мне кажется, подождать один-два дня».

*Из выступления Д. Гранина на заседании секретариата
СП РСФСР 5.11.1969 г.*

«Я был единственным, кто на секретариате Союза воздержался при голосовании об исключении Солженицына. На меня стали давить, чтобы я присоединился. Угрожали всячески. Я понял, что себя погублю, а Солженицына не спасу, — и присоединился, и не раскаиваюсь. Есть ситуации, где отступать невозможно: я их для себя определил и в них не отступал. А говорить о святости... святых нет. И это, в общем, опасное заблуждение — что бывают люди, которым не в чем каяться. Я против идеализации, героизации — чужой или собственной. Из завышенных требований к человеку рождаются все массовые убийства».

Из интервью Д. Гранина «Новой газете» 14.02.2014 г.

«Не только работа редсовета, но и творчество самого Гранина нуждалось в пристальном внимании партбюро. Как известно, Гранин — не то в Петрозаводске, не то в Алма-Ате — опубликовал повесть «Наш комбат», которая была справедливо раскритикована. Но дело не только в этой неудаче; она может быть у каждого из нас. Все дело в сложности того духовного надрыва, который, видимо, сейчас переживает Гранин. Кстати: он за последние годы много поездил по заграницам — в народе говорят «потаскался».

(ГОЛОСА: «Надо выбирать выражения!», шум в зале.)

В поездках он, как человек мыслящий, конечно же что-то сравнивал, сопоставлял в жизни своей страны и зарубежных государств. Вероятно, кое-что Гранину стало не нравиться в любезном отечестве, как, впрочем, и его близкому знакомому Солженицыну. Ну, а коли совершилась такая

эволюция, усилились и критические тенденции в творчестве Гранина.

*Из выступления Ю. Помозова на собрании
парторганизации Л ОСП 26.11.1969 г.*

«Сегодня очень острую реакцию коммунистов вызывает уже не само дело Солженицына, во всяком случае, я уверена, что оно получит однозначное справедливое логическое завершение, а коммунистов волнует позиция тов. Гранина. Здесь была реплика с места, что тов. Гранин — член Обкома партии. Я должна сказать, что мы тоже были огорчены, когда узнали, что тов. Гранин не сразу сориентировался и что он воздержался при первоначальном голосовании. <...>

Тов. Гранин здесь умолчал, а вокруг него идет довольно острая борьба. Мы с ним встречались в Обкоме партии, беседовали, его принял первый секретарь Обкома тов. Толстиков. Сначала — звонок: «Прославляем, какой вы герой, что вы воздержались!», а потом — телеграмма, буквально угрожающая по тону: «Ну, что же, мол, продался за место секретаря в Союзе писателей, изменив свои позиции?»

По-моему, у нас с вами задача — бороться за Гранина в этом плане. Он наш советский писатель, он возглавляет Ленинградское отделение Союза советских писателей, и мы должны с вами это очень хорошо понимать».

*Из выступления З. Кругловой на собрании
парторганизации ЛОСП 26.11.1969 г.*

«Я думаю, что у Гранина, как у всякого из нас, есть личные недостатки, у Гранина, вероятно, есть какие-то слабости как у писателя, наконец, я не сомневаюсь, что у Гранина есть пробелы как у секретаря такого сложного писательского организма, как наш Союз. И если бы сегодня выступающие здесь некоторые товарищи, прежде всего Помозов, говорили об этих недостатках, в преодолении которых мы все заинтересованы, потому что это связано с улучшением нашей работы, то, я думаю, никто из нас не имел бы никакого права распространяться на эту тему, это просто законно и к этому, если хотите, обязывает нас долг коммунистов.

Но сегодня здесь был взят курс на уничтожение Гранина и как человека, и как писателя, и как руководителя Союза. И это, разумеется, кроме самого резкого протеста и возмущения, ничего вызвать не может. По

крайней мере, у меня нет даже достаточных слов, чтобы сказать, какой у меня неприятный осадок и какое отвращение вызвало выступление Помозова. Если послушать Помозова, то Гранин — это человек, который «таскается» и бог знает чем питается, каким духом, по заграницам, Гранин — это средоточие групповщины, Гранин подмял под себя партбюро и партийную организацию.

С Даниилом Граниным у меня связываются совершенно другие представления и понятия. Даниил Гранин в моем представлении — это прежде всего танкист, фронтовик. Об этом часто забывают некоторые товарищи, но об этом надо помнить. Гранин был на передовых позициях, и уж если говорить о силе патриотизма, то надо прежде всего говорить о том, кто из нас был на фронте и как воевал в этой войне. Вот где проверялся патриотизм!

(Аплодисменты)

Но самое главное — это человеческие качества. Даниил Гранин — это один из самых наших видных писателей не только Ленинграда, но и вообще советской литературы, это автор популярных романов, в том числе такого романа, как «Иду на грозу», который вызвал очень широкий отклик у читателей. Даниил Гранин — это автор многих, я бы сказал, просто великолепных очерков о загранице (жанр, который, кстати, далеко не легкий, даже очень труден, потому что кто только не пишет на эту тему!). И перо Гранина, его авторскую позицию, уж коли сегодня речь идет об этом, не спутаешь ни с кем другим. У Гранина действительно великолепные очерки. И неужели это ничего не стоит? Нет, простите! Когда речь идет о писателе, у меня, по наивности, прежде всего возникает вопрос: кто что сделал в литературе, кто что написал, а уже потом я думаю, кто как выступил с этой трибуны. И как же можно так компрометировать, так беспощадно бить сплеча Даниила Гранина! Боже мой, не заподозрите меня в каких-то особых приятельских отношениях или симпатиях. Нет, у нас, скорее, отношения оппонентства по отношению друг к другу, но это отнюдь не исключает того, что я не уважаю писательское перо Гранина и не оцениваю ту большую работу, которую он делал и делает в Союзе.

И если говорить о том, какой он председатель нашего Союза, то надо было бы находить и какие-то другие слова, которых он заслуживает своей многолетней работой. А это, ей-богу, товарищи, не такое уж завидное бремя, которое взвалил на себя Гранин или которое взвалили на него. Бывать каждую неделю в Союзе писателей, вести такую ответственную работу. Как же это может не вызывать законного удовлетворения и гордости за нашего товарища?

И вообще я хотел бы, чтобы мы, писатели, были носителями добра прежде всего. Очень хорошо — споры, очень хороша острота, но избави боже, чтобы это переросло в злобу, нетерпимость и групповщину».

Из выступления Ф. Абрамова на собрании парторганизации ЛОСП 26.11.1969 г.

«Учитывая остроту и непримиримость идеологической борьбы на современном этапе, коммунисты писательской организации Ленинграда единодушно одобряют решение Рязанской областной писательской организации и Секретариата Союза писателей РСФСР об исключении А. Солженицына из рядов советских писателей как человека, занявшего откровенно антисоветскую позицию и, таким образом, скатившегося в лагерь врага».

Из постановления партсобрания ЛОСП от 26.11.1969 г.

«Он не говорил это прямо, но «управляющие литературой» чувствовали чужеродность Гранина, его некую обособленность. С другой стороны, к нему испытывали определенное недоверие диссиденты. Гранин не шел на грозу, получил госпремию — пусть и не за лучшую свою повесть («Клавдия Вилор»), избирался народным депутатом и стал Героем Социалистического Труда (это уже при Горбачеве). Тогда об этом мечтали многие деятели культуры.

Едва ли не больше других Гранин раздражал своих литературных собратьев, которые не были общественно активны. Им хотелось, чтобы Гранин бросил вызов властям, чтобы он за других таскал каштаны из огня. Они готовы были допустить его политическое и литературное самоубийство. Его — но не свое. Однажды Даниил Александрович едва не сорвался, воздержавшись при исключении А. И. Солженицына из Союза писателей. Разговор с коммунистом Д. А. Граниным (стаж большой, с военной поры) был суровым. Еще чуть-чуть — и, возможно, мы бы не увидели ни «Зубра», ни «Блокадной книги», написанной вместе с А. Адамовичем. Той осенью на ленинградском телевидении один из руководителей уже сказал своим сотрудникам, что писателя по фамилии Гранин не существует. Но он остался — и в литературе, и в нашей жизни».

А. Рубашкин. В доме Зингера

«В работу над биографиями больших ученых, отмеченных печатью мужества и благородства, неожиданно вклинилось произведение с вымышленным сюжетом и нравственно сомнительными героями. В первом номере журнала «Звезда» за 1970 год появилась повесть «Кто-то должен», в которой Гранин отошел от документа и вернулся к сочинительству...

В трубке раздается «вздрагивающий женский голос», который произносит ласкающие слух честолюбца лестные слова: «Вы один, кто может посоветовать». Так была подготовлена первая встреча преуспевающего кандидата наук Дробышева, только что вернувшегося из Эдинбурга с конгресса электрохимиков, и неудачливого изобретателя Селянина, издерганного отрицательным отношением к его идее.

Сам Селянин объясняет свои неудачи просто: некий Брагин, видный чиновник из главка, навязывал ему свое соавторство. Селянин гордо отказался, и тогда вокруг него возникла стена: «У Брагина всюду связи». Жалобы и протесты Селянина создали ему репутацию склочника и сутяги. Против него возбудили даже судебное дело за злоупотребления — а он ведь не себе брал материалы, «опытный образец хотел сделать». Впоследствии выясняется, что Селянина затравили до такой степени, что сам он попал в психиатрическую больницу, а семью свою — жену и ребенка — обрек на полуголодное существование. И вот теперь супруги Селянины обратились к Дробышеву, возложив на него свои последние надежды».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Селянин встал, руку в бок, вздернул голову:

— Я не политикан! Моя сила в истине! Мне нечего терять. Каждая чинимая мне несправедливость придает мне силы! Я как Феникс...

Древнегреческий герой, трибун, народоволец — черт знает кого он изображал, поза его была невыносима в этой малогабаритной квартире.

Морщась, Дробышев покосился на Клаву. Отогревшись, она сидела, свободно раскинув руки по спинке дивана, глаза ее, оказывается, светло-зеленые, неспелые, замороженно следили за мужем. Ах вот перед кем красовался Селянин — перед ней, больше всего перед ней, — Дробышев начинал кое-что понимать.

Фалды затрепанного пиджака развевались, когда Селянин простирал

свои длинные руки, заношенные до блеска брюки пузырились. Король, облаченный в жалкое рубище. Лишь бы не быть смешным. Что ему остается — разыгрывать мученика прогресса. Перед этой девочкой он бескомпромиссный борец, жертва своих принципов, обличитель пороков, вот он надувает грудь, шариковую ручку наперевес и бесстрашно мчится... Его не прельстишь вашими венгерскими креслами, люстрами, кактусами. Благополучные обыватели, приспособленцы — вот вы кто рядом с облаченным в рубище Селяниным — Рыцарем печального образа. Истекая кровью, он в одиночку сражается за Правду...»

Д. Гранин. Кто-то должен

«Гранин как-то сказал, что он очень поздно пришел к Достоевскому. И это понятно: Гранин — публицист, проповедник, стремившийся к прямолинейному утверждению своих романтических взглядов на человека, — еще не испытывал потребности в следовании традициям Достоевского. Впоследствии он четко сформулирует свое понимание автора «Бесов» и «Братьев Карамазовых»: «Достоевский помогает нам понять непознаваемость человека. Показывает неисчерпаемость его, хаос его чувств, показывает, как много противоречивого, непостижимого таится в человеке». Когда Гранин отходит от своей первоначальной публицистичности, проповеднической ясности и стремится изобразить противоречивость, раздвоение, диалектику человеческой души, он вполне закономерно обращается к урокам Достоевского. И тогда непредвиденная правда оказывается в том, что умница Дробышев, холодный, расчетливый, эгоцентричный, в результате встречи с Клавой и ее счастливым супругом понял, что нет ему возврата к прежнему благоденствию. Главным в его новой жизни стало это непонятное чувство, которое Гранин не пытается определить и точно назвать. Но разве не ясно, разве не красноречиво звучит это сочетание слов: «Кто-то должен»?

Есть одно убедительное свидетельство, что призыв Гранина был услышан. В «Правде» через несколько лет после опубликования повести был напечатан очерк Л. Почивалова под тем же названием. На этот раз речь шла о поступке неординарном, героическом. Студент Ленинградского университета поздно вечером бросился на помощь девушке, которую пытались изнасиловать четверо подонков. Девушке удалось убежать. Ее девятнадцатилетний спаситель остался на асфальте. И потом она услышит, как его мать, преодолев отчаяние, твердым голосом скажет: «Не плачьте,

девочка, кто-то ведь должен». Пройдет какое-то время, и эту фразу повторит ее жених, молодой биолог, который работал с канцерогеном».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«— Почему, почему все так... — сказала она в отчаянии. Мелкий озноб колотил ее. Дробышев виновато пригладил растрепанные ее волосы. От этого прикосновения она заплакала.

— Ну что ты, не надо, — сказал Дробышев. — Кто-то ведь должен.

Клава смолкла, не понимая его слов. Он и сам не мог понять их. Что он имел в виду? Кто-то должен заменить того Селянина? Кто-то должен начать окаянную работу над аккумуляторами? Кто-то должен жертвовать, отказываться, быть черствым, не знать ответа...

Дробышев шагал по мягкой обочине. Болело сердце. Портфель оттягивал руку. Пустынная дорога не предвещала попуток. Он представил себе хлопоты в Костроме, звонки из проходной, смущенную озабоченность своего ученика, питье водки и хитрые разговоры с мастерами, обратный путь поездом, сколько раз ему придется мотаться туда, пока изготовят пластины, и надо еще разместить заказы на измерительные аппараты, добывать реактивы, опять валяться на гостиничных койках, опять упрашивать, доказывать, уклоняться от брагинских интриг...

Вроде ведь никто не заставлял его делать все это? Почему не кто другой, а именно он, Дробышев, обязан? Какого черта он не может бросить, отказаться, вернуться к прежней, спокойной жизни? Казалось бы, чего легче, казалось, все толкает его к тому, а вот не может... Что же, что мешает ему? Как называется это непонятное чувство, откуда оно пришло, и как это оно вдруг стало главным в его жизни?»

Д. Гранин. Кто-то должен

«Решение: Освободить от обязанностей Первого секретаря Ленинградской писательской организации Д. А. Гранина. Утвердить на эту должность О. Н. Шестинского».

*Из протокола заседания правления ЛОСП РСФСР от
12.03.1971 г.*

«Когда у Гранина случались серьезные неприятности (особенно во время исключения из Союза писателей Солженицына, которое Д. А. сначала не поддержал, вернее, воздержался при голосовании), мы все, более молодые, ему сочувствовали. Желающих «перекрыть ему кислород» было предостаточно. Помню верстку так и не появившейся в «Неве» антигранинской статьи Александра Хватова. Точили на него зубы и в тогдашнем Пушкинском Доме. Что выручало Д. А. в трудные дни? Работа. Он как-то сказал по телефону при мне, отвечая на вопрос влиятельного собеседника: «Я тут кое-что настрогал...»

Я помнил, что звонить к нему лучше после пяти. И на даче в Комарово лучше заходить после этого часа. Говорили о многом, но обычно Гранин не упоминал о своих ближайших планах. Сегодня можно было с ним встретиться, а завтра случайно узнать, что он уже в Лондоне или Берлине. Ездил по миру много и весьма результативно. Провел «месяц вверх ногами» в Австралии и примерно столько же, знакомясь с «садом камней», культурой и бытом Японии; бывая в Германии, давал «литературный отчет» человека военной судьбы победившего поколения. Одну из статей, посвященных гранинской эссеистике (она была после «Вопросов литературы» напечатана в берлинском журнале), я назвал «Путешествие вслед за мыслью». Вся литературная жизнь Гранина — такое путешествие».

А. Рубашкин. В доме Зингера

Глава пятая

СВИДАНИЕ С ПРОШЛЫМ (1971–1985)

«Как-то в разговоре со мной Гранин напомнил, что для него в обращении к истории сливаются воедино и верность традициям большой русской литературы, и важная черта мышления современного писателя. Он заметил, что ему хотелось увидеть в прошлом не только великие события, но и повседневное существование частного человека, и обычную государственную деятельность, направленную на жизнеустройство России, на ее духовное и материальное утверждение».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Пушкин надеялся на то, что Николай I будет продолжать петровские традиции. Надежды не оправдались. Напрасны были примеры петровского размаха, мудрости, незлопамятности. Мерка Петра оказалась слишком велика для Николая. «Государь не рыцарь, — убедился Пушкин, — в нем много от прапорщика и немного от Петра Великого». Куда там прапорщик: вскоре оказалось, что на троне фельдфебель, сыщик, который способен тайком, вместе с шефом жандармов, читать письма поэта к жене. Коронованный создатель III отделения уничтожал надежды Пушкина на какой-либо прогресс. Мстительность, жестокость этого лживого правителя окончательно отделили его от дела Петра, от европейского просвещения, от всего начатого, замысленного Петром. Дело Петра изуродовано николаевской монархией и предано. Прекрасный памятник Фальконе — всего лишь одна из принадлежностей мрачного безвременья, ничего общего с Петром не имеющего, но прикрывающегося именем Петра. Николай обожал, чтобы его сравнивали с Петром, считал себя продолжателем петровских дел.

Вера поэта рухнула. Осталось ощущение стыда, позора уступок, понимание, что так нельзя, что все это гнусно. Было несогласие, отрицание и, как всегда в такие эпохи, нежелание более считать себя удобрием, ибо человек живет «не для воплощения идеи... а единственно потому, что родился, и родился... для настоящего», как писал Герцен. «Пока мы

живы... мы все-таки сами, а не куклы, назначенные выстрадать прогресс или воплотить какую-то безумную идею».

Евгений не с историей сводит счеты, не с Петром, не с прогрессом, он восстает на власть, на медную самодержавную власть».

Д. Гранин. Два лика

«Когда Гранин затрагивал вопрос о месте и роли абсолютизма в человеческой жизни, его интересовала не только трактовка двух ликов Петра, но и та реальная коллизия, которая угадывается в «Медном всаднике», — конфликт между Пушкиным и Николаем Первым. Второй лик Петра — это в сущности *нынешний* лик самодержавия и его современное воплощение в образе Николая Палкина. Николай Первый — это абсолютизм, лишенный жизни и творчества, это человек, ставший жестоким и бесчеловечным Молохом. Сам Гранин неоднократно признается, что ему Николай ненавистен был с детства».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«Говорят, что от писателя остаются только его книги. Так ли это? Рядом с книгами незримо пребывает и нравственный облик автора. Высокий или низкий, он так или иначе проникает в книгу. Не только для книги, для всего литературного дела очень важен моральный авторитет писателя. Он всегда сопутствовал книгам. Он, этот авторитет, этот облик, имел самостоятельную ценность. Толстой и Чехов, Горький и Блок, Маяковский и Твардовский высоко подняли звание русского писателя. Но это относится не только к гениям. Вспомнить можно прекрасную жизнь и В. Короленко, и М. Пришвина, и К. Паустовского, и А. Гайдара. Да мало ли? Каждый из них по-своему являл достойное соответствие своему слову, своим героям, своим литературным идеалам. Когда, допустим, Державин писал:

*Я всему предпочитаю
За отечество лить кровь —*

это были не красивые слова, а строки, отражающие его биографию, его

судьбу. Нравственные искания пронизывают судьбы многих русских писателей. «Как должен жить писатель?» — спрашивали себя и Толстой, и Герцен, и Достоевский, и Гончаров. И сегодня читатель ищет в жизни писателя этическую норму, сравнивает его героев с ним самим».

Д. Гранин. Вопросы и ответы (Октябрь. 1981. № 9)

«Гранин расширял жанр путевого очерка, сливал его с лирическим дневником. Гранину стало, пожалуй, наиболее интересно и важно комментировать свои впечатления, а следовательно, не только обнаруживать новые факты, но напряженно думать о них, сопоставлять настоящее с прошлым, искать многообразие ассоциаций. Это перемещение акцента ясно сказалось уже в тонком ироническом названии следующей книги — «Примечания к путеводителю» (1967)...

Очерк об Австралии называется красноречиво: «Месяц вверх ногами». Образ необычен, но там, по другую сторону экватора, он как раз вполне будничен. Как прыгающая мамаша кенгуру, которая носит в сумке своего детеныша. Как страус эму, балетно переставляющий стройные ноги. Как невзрачная птичка кукабарра, способная своим хохотом оглушить человека. Весь очерк построен на распознавании скрытой для поверхностного взгляда, необычной сути австралийской обыденности. Парадоксальность Австралии или, точнее, парадоксальность обычных представлений об Австралии принимается Граниным за отправную точку всех его собственных рассуждений об этой неведомой южной стране».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Впервые я познакомился с творчеством Гранина, прочитав «Примечания к путеводителю» 1967 года. И до, и после я читал много путеводителей и очерков путешественников, но «Примечания...» написаны таким языком, что кажется, будто с тобой беседует близкий товарищ. И он безумно рад, что наконец попал в иной мир, за пределы советской страны, и хочет поделиться всем тем хорошим, что увидел, да и не только хорошим. Больше всего меня привлекли не факты, приводимые им, а именно этот язык — заинтересованного собеседника, который хочет, чтобы ты его услышал и проникся его чувствами».

*О. Басилашвили. Подлинный патриот своей страны
(Известия. 5.07.2017 г.)*

«Парк был пуст. Не очень-то мне хотелось топтать траву, к тому же она была мокрая, но раз уж я попал в Англию, я обязан был ходить по газонам. Во всех путеводителях, во всех путевых очерках говорилось о том, что в Англии ходят по газонам. На всякий случай оглянувшись, я вступил на газон. Для верности я остановился, подождал — никто не засвистел. Трава была скользкой, ноги у меня скоро отсырели, я с удовольствием вернулся бы на асфальт аллеи, но теперь я боялся, как бы меня не шуганули обратно, что-то ведь должно быть запрещено. Либо по аллеям, либо по траве...

Всё оказалось на своих местах. И мраморные арки, и жирные дрозды, и тонкие лебеди на прудах. Я шел, как завхоз, проводящий инвентаризацию, и вскоре печаль, похожая на этот мелкий туман, охватила меня. Я перестал понимать, зачем я сюда приехал. Чтобы проверить, все ли на месте? Кажется, впервые в жизни я потерял вкус к путешествию».

Д. Гранин. Примечания к путеводителю

«Про любую границу задают вполне осмысленные вопросы. Но попробуйте приехать из Австралии. Каждый, кто встречает вас, будь он даже лучший друг, задает один и тот же вопрос:

— Ну как там кенгуру? Видел? Прыгают?

Любой разговор начинается с вопроса о кенгуру. Ни образование, ни возраст, ни должность роли тут не играют. В дальнейшем человек может проявить широту своих интересов, но первый вопрос неизменен. Наиболее чуткие люди, заметив мой тоскливый взгляд, смущаются, и все-таки удержаться от этого вопроса не в силах. Кое-кто пытался извернуться, быть оригинальным. Лучше всех это удалось одному физику, известному своим острым умом и своеобразностью мышления.

— Небось замучили, все спрашивают про кенгуру? — сказал он.

— Точно, угадал, — обрадовался я.

— Пошляки. Ну и что ты им отвечаешь? — И глаза его загорелись».

Д. Гранин. Месяц вверх ногами

«Могут показаться неожиданными на творческом пути Гранина «Австралийские рассказы» («Месяц вверх ногами»). Что в них наиболее примечательно? Многое. И то, что Гранин знакомит нас со своими тонкими и глубокими суждениями о стране, очень далекой от нас не только географически, но и социально, по быту, привычкам, идеологии, и то, что в его наблюдениях находишь то яростный гнев коммуниста против расовой дискриминации, то глубокие, увлекающие нас нежность и уважение к передовым людям Австралии, то подлинную, хорошего вкуса иронию, то весьма интересные мысли и философские рассуждения. Рассказы эти знакомят нас с новым, в чем-то другим Граниным. А это значит, что творческий подъем его не закончен, подлинные высоты еще впереди».

О. Войтинская. Даниил Гранин

«Мы в Австралии. Я собирался ощутить торжественность этой минуты, но тут все завертелось быстро-быстро, как на старой киноленте. Букеты, объятия, улыбки... Вдруг нас куда-то потащили, скорей, скорей, и мы оказались в маленькой комнатке, странно пустой комнатке с диванчиком, нас толкнули на этот диванчик, зажглись юпитеры, на нас покатались сверкающие циклопы телевизионных аппаратов, зажужжала кинокамера, завспыхивали блицы, вокруг нас не осталось никого из тех, кто обнимал, целовал, а появились какие-то молодые люди с блокнотами, с микрофонами, они зажали нас со всех сторон, в маленькую комнатку было не пропихнуться, стало еще жарче, уже совсем жарко.

— Есть ли в СССР свобода печати? — громко спросила меня Оксана.
— Зачем вы приехали в Австралию?

Я смотрел на нее с ужасом. Только что она была здоровой. С неподвижной беззаботной улыбкой она продолжала:

— С кем вы собираетесь тут встретиться? — И, не меняя голоса, она сказала: — Пресс-конференция, — и крепко взяла меня за руку, мешая вскочить, бежать.

— Какая пресс-конференция? Зачем? Не хочу! Пустите меня!

Первое, что пришло мне в голову, — это схватить штатив киноаппарата и, вертя его над головой, пробиваться к выходу.

Я не хотел никакой пресс-конференции, я хотел пить, я хотел курить, хотел вытереть пот, я был грязный, небритый, я хотел под душ, я мечтал отделаться от своего пальто. Я был готов к чему угодно, только не к пресс-конференции...

Со всех сторон нависли занесенные шариковые ручки. Господи, как я ненавидел этих журналистов — чистых, выбритых, в легких рубашках.

Я огрызался, накидывался на них, — ничего не получалось. Они не обиделись и не ушли. Они весело строчили в своих блокнотах, как будто им нравился мой тон.

— Печатаете ли вы несоциалистических реалистов?

— Богатые ли вы люди?

— А можете вы сами напечатать свой роман?

— Что сейчас делает Пастернак?

Пастернак? Сверкнули блицы, фиксируя мои вытупленные от изумления глаза. Я невесело рассмеялся. Каждый из них умел стенографировать, у них были отличные портативные магнитофончики и превосходные фотоаппараты, они были оснащены по последнему слову журналистской техники, — но до чего ж они мало знали, до чего ж нелепы были приготовленные вопросы! Я смеялся над собой и над ними. Я увидел, что передо мной сидят замороченные газетные работяги, мало знающие, мало читающие.

— Кто вам нравится из современных западных писателей?

— Хемингуэй, — сказал я, — Колдуэлл. — Я вспомнил одного нашего критика и в пику ему добавил: — Кафка.

— Кто?

— Кафка, — повторила Оксана.

И по их физиономиям я понял, что никакого Кафку они не знают, первый раз слышат. С таким же успехом я бы мог назвать им Овидия, Бронислава Кежуна, Вольфа Мессинга. Они ни черта не знали, ни западной, ни советской литературы, не знали, что Пастернак умер, а потом выяснилось, что они и своей, австралийской, литературы не знали. Журналистка одной из центральных газет Австралии приехала к Катарине Причард взять у нее интервью по каким-то вопросам женского движения. Она спросила: «Говорят, что вы пишете романы? Вы писательница?»

Мы часто недооцениваем широты собственных знаний, своего образования. Нам все кажется, что они знают больше. Мы и не представляем, как много мы изучили за последние годы».

Д. Гранин. Месяц вверх ногами

«Путешествие на Восток обернулось созданием «Сада камней», путевого очерка, который явно выделяется из всех гранинских

произведений этого жанра наибольшей цельностью и в то же время наибольшей сложностью. Цельность — от единства предмета изображения, от сосредоточения писательских раздумий на центральной проблеме. Поездка в Японию позволяет Гранину воочию увидеть страну, которая стала жертвой самого чудовищного преступления в XX веке да и во всей истории человечества. Горькая память Хиросимы и Нагасаки окрашивает тот образ Японии, который Гранин называет своим, ибо он действительно требует решения вопроса о нравственной ответственности ученых».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«В очерках два рассказчика — журналист Глеб Фокин и крупный физик, доктор наук Николай Сомов. Автор как бы разделил себя самого и стремится взглянуть на Японию с разных точек зрения. Глеб Фокин олицетворяет собой непосредственное эстетическое видение мира. Он стремится разглядеть в Японии ее неповторимую прелесть, то, что в ней ново, то, что вызывает удивление. Николай Сомов выражает собой начало аналитическое. Ему интереснее всего уловить то сходное, что сближает страны, образуя некий общий знаменатель современной цивилизации. Соединение этих двух противоположных начал должно, по мнению автора, воссоздать разносторонний и целостный образ далекой и неведомой страны».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«В Нагасаки, в Музее атомного взрыва, мы встретили группу американских моряков. Рослые красивые парни, скучая, бродили между стендами. Они совершали экскурсию по городу, они уже побывали в храме Софукудзи, в домике мадам Баттерфляй, в католической церкви, и теперь их привезли в музей. Молодые челюсти их неугомонно жевали резинку, глаза лениво скользили по экспонатам. Они жаждали развлечений. От нечего делать они фотографировались, покупали стереооткрытки. Кое-что они, наверное, слышали о трагедии Нагасаки, но это было давным-давно, никого из них еще не было на свете, и к ним это не имело никакого отношения.

Город был испепелен. В центре взрыва он просто испарился, а дальше как бы постепенно появлялись развалины. Они отличались и от развалин

Дрездена, и от всех других развалин разбомбленных городов. Всю стену музея, от края и до края, занимала фотопанорама города. На ней видно было, как постепенно от опустошенной середины появлялись выжженные остовы зданий, впрочем, и слово «выжженные» тут не подходило, потому что не было природного огня, это были следы катастрофы неземной, страшной своей неведомостью...

Макеты развалин, искореженные, остановившиеся часы, оплавленные камни и на них тени спаленных людей, фотографии детей, окруженных, словно нимбом, сиянием радиации, — я давно знал это все по описаниям, однако здесь, в Нагасаки, это выглядело совсем иначе. Глеб ни о чем меня не расспрашивал, поначалу он было пробовал что-то записывать, потом запрягал блокнот. И даже американские матросы постепенно примолкли. Все чаще они застывали перед витринами. Группа распалась. Каждый стал сам по себе. Надписи повсюду были по-японски и по-английски. Только на бомбе, на той самой бомбе, надпись была одна — английская. Первую бомбу, хиросимскую, американцы называли «Малыш», вторую, для Нагасаки, — «Толстяк».

Матрос с золотистыми усиками спросил:

— Кто ж это ее ахнул?

— Вроде наши, — неуверенно сказал кто-то.

— Значит, все-таки мы. Я думал, это пропаганда».

Д. Гранин. Сад камней

«Писатель размышляет о статуе прекрасной Уты, стоящей в Наумбургском соборе и относящейся к XIII веку... Эта скульптура — символ нетленной красоты, символ прекрасного, созданного немецким народом. Но бывший солдат сражался с фашистами под Ленинградом, и видения минувшей войны, тягостные размышления над тем страшным, что произошло, томят его душу. Прежде всего автор хочет понять, что же это за страна, которая принесла в мир столько горя и крови.

Образ Германии соткан в сознании писателя из резких противоречий. Недалеко от статуи прекрасной Уты сохранились мерзкие и мрачные развалины гитлеровского бункера. Эта антиномия — прекрасная Ута и логово людоеда — находит свое разрешение в центральной новелле очеркового цикла. Писатель все время хотел встретиться лицом к лицу с одним из тех, кто бомбил Ленинград. И действительно, они встречаются — советский писатель и фашистский летчик, хладнокровно уничтожавший

город с воздуха».

Л. Плоткин. Даниил Гранин

«— Здравствуйте! — по-русски уверенно.

Он застиг меня врасплох. Я поднялся, крепко держась за спинку стула. Пивная пошла в пике, воздух стал плотным. Не стоило спрашивать, как он нашел меня, и он ведь не стал бы спрашивать, если б я увидел его первый.

— Садитесь.

Ему было за пятьдесят, но он сохранил спортивную форму, без лишнего жира, крепкий, приземистый, способный вполне постоять за себя. Я ощутил тяжесть своих кулаков и тяжесть окружающих вещей — вес железного стула, пластмассовую пустоту столешницы, твердость его большой челюсти.

Он предпочитал говорить сам, не ожидая моих расспросов. Во-первых, он не был нацистом. Он был солдат, профессиональный солдат. Кончив академию Генерального штаба, он начал летчиком. Первая его война была над Францией, затем Норвегия, и затем небо России. А во-вторых, он любил, да, любил свою профессию летчика.

(Ах, ты любил, сука, — я ударил его в челюсть, прямой справа по всем правилам бокса, так что он полетел на мокрый кафель. Занес стул над головой. А ну давайте, подходите вы все...)

— Пожалуйста, еще пару пива, — сказал я».

Д. Гранин. Прекрасная Ута

«Перед моим выступлением показывали фильм о Кёльне. Как союзная авиация бомбила Кёльн. От города осталось меньше трети, все превратилось в дымные развалины. Рядом со мной сидела пожилая немка, она всхлипывала и осторожно прикладывала к глазам кружевной платочек. Я вдруг разозлился на нее, на себя тоже. За то, что расчувствовался от этого фильма, от ее слез. В это время объявили меня. Прожектора ударили мне в лицо, зал открылся как черная яма. У меня была заготовлена первая фраза. Долго я ее искал и лепил, чтобы как-то прицепить к ней мои рассуждения о том, что хорошо, что не только мы помним, но и вы не забываете. А начать я думал так: «Мало не быть соучастником, но в чем-то надо быть еще и участником», что-то в этом роде.

Вместо этого я вдруг, еще злой, мрачный, выпалил:

— Вот сейчас мы смотрели фильм про Кёльн. Тяжело? Да, то, что сделали с Кёльном, это, конечно, ужасно. В тот день я сидел в окопах под Ленинградом. Каждое утро над нами строем пролетали «юнкерсы» бомбить Ленинград. Мы, беспомощно ругаясь, провожали их глазами. Потом слышалась бомбежка. На горизонте за нами поднимались столбы дыма. И так продолжалось изо дня в день не недели, а месяцы. Поэтому, когда мы узнали в 1942 году, что союзная авиация бомбила Кёльн, ничего, кроме радости, мы не испытали! Да, ничего, кроме радости!

Я крикнул это со злостью, разом, это вырвалось у меня, а чего, в самом деле, пусть знают. Все мои благие намерения, опасения, великодушные желания как-то смягчить, все вылетело начисто из головы. Черт с ними, пусть знают!

Я передохнул, в черной яме зала все замерло, я вдруг почувствовал, как что-то натянулось между мной и этой душной тысячеглазой настороженной глубиной. Это был трудный миг. Долгий. Я не знал, что происходит там, в темноте, и что вернется ко мне... И вдруг все взорвалось аплодисментами, они возникли разом в нескольких местах зала, а потом слились воедино.

Они аплодировали не мне, а тому солдату, которым я был в 1942 году, который защищал свой город и воевал против нацизма.

Почему же я сейчас смотрю этот фильм и сочувствую жителям Кёльна и мне так тяжело? Что за расстояние между той мстительной радостью и нынешним сочувствием? Сорок лет и многое другое отделяло меня от того лейтенанта, каким я был. Вряд ли он мог понять меня сегодняшнего, зачем я здесь. А я его понимаю.

Они поднялись передо мной из неразличимой тьмы зала, мои командиры, мои комиссары, о которых я писал, — Медведев, Ермолаев, Коминаров, экипаж моего танка, мои взводные, — никто из них не понимал, зачем я еду сюда в Праздник Победы.

Примерно все это я и сказал в зал. Теперь я говорил только то, что чувствовал, честно, не дипломатичая. Да, я не хотел ехать к вам сюда. Слишком дорог для меня этот праздник. Все мои однополчане удивлялись — на дни Победы к немцам? У них же совсем другие чувства вызывает эта дата, ты там не нужен со своей радостью и со своей печалью. Тебе не с кем там будет вспомнить о погибших товарищах. Но я хочу именно здесь вспомнить моих павших товарищей, здесь, в Нюрнберге... Пусть не все разделяют мои чувства — это тоже надо знать. Я не жалею, что приехал сюда. Для меня было открытием, как вы отмечаете сорок лет разгрома

гитлеровской Германии: серьезно, честно и мужественно.

Это, конечно, им понравилось, но я, стоя под прожекторами, уже не радовался, я думал о том, что все мы привыкли аплодировать словам, а мир более всего ныне нуждается в поступках...»

Д. Гранин. Два вечера (Литературная газета. 1986. 22 января)

«Вспоминать о Булате и больно, и сладко. Почему-то всегда он для меня был старшим. В нашей прерывистой дружбе я, не любитель подчиняться, признавал его превосходство и опеку. Как-то, наверное, было это в шестидесятых, приехав в Москву, был у него и он повез меня знакомить с московской элитой. Образовывал меня, провинциала, вводил в круг. Приехали мы на какую-то вечеруху у Крахмальниковых. Там собрались интеллектуалы-диссиденты, гремучая смесь, звонкая, столично-остроязычная. Я наслаждался их пернатой разноголосицей. С того вечера начались некоторые знакомства, которые, как теперь понимаю, многое мне прояснили, укрепляли душу.

Потом попросили Булата спеть. В те годы он пел на домашних застольях охотно, без всякой принуды. Его пение никак не вязалось с тем политическим укусом, каким мы потчевали друг друга. Не вязалось, но помогло увидеть все наши споры с высоты грусти и прелести скоротечной жизни.

О песнях Окуджавы написано и будет написано еще много. Ныне уж не понять, почему не стихи, не тексты, а именно его песни, его исполнение так нравилось одним и раздражало других.

Начальство особенно. И многих поэтов. Я помню, как резко отзывался о нем Александр Прокофьев, поэт, несомненно, талантливый, не обойденный и славой, и почетом. За ним и другие, и помоложе, и из фронтового поколения. Ревность прикрывали упреками в эстрадной профанации поэзии, мол, заигрывает с публикой, ищет популярности. То были единственные годы нашей истории, когда начальство «знакомилось» со стихами. Поэзия Окуджавы вызывала у идеологов тревогу за то, «как ее поймут?». Они всегда беспокоились за подтекст. Его песни каким-то образом меняли краски жизни, видели на небесах, созвездиях, совершенно иные фигуры.

— Шансонье, шансонетки, — презрительно цедил Прокофьев.

Песни Булата не нуждались в переизданиях, в тиражах, в издательских

планах.

Было впечатление, что Булат ничего и никого не боится. Мне нравилась эта фронтовая бравада, быстро утраченная нами в гражданской жизни.

Как-то в Париже мы с ним отправились в магазин русской книги, кажется Ельчанинова. Нас, конечно, особенно Булата, приняли радушно, провели вниз, в подвалы. Стеллажи были заполнены белоэмигрантской литературой и самиздатом. Тысячи и тысячи книг. Это было пиршество запрещенной у нас русской литературы. Комплекты журналов, издаваемых с двадцатых годов в Европе, в Штатах, мемуары, история, русские философы, наши авторы — от Белинкова, Авторханова, Раскольниково до Замятина, Шмелева, Розанова. Переводы на русский Оруэлла, Каутского, Коэна...

Нам сказали, что мы можем брать сколько угодно и бесплатно. Книги о Ленине, Сталине, сочинения Карсавина, Лосского, Бердяева, Степуна, Леонтьева...

Мы упивались этим богатством. Листали, показывали друг другу, уходили все дальше в глубь книгохранилища. Нас нашел бледный молодой человек, представился — племянник Бориса Зайцева. Понизив голос, предупредил, что в магазине есть сотрудники КГБ, они доложат, какую литературу мы взяли, чтобы мы были готовы к досмотру на границе.

Булата это развеселило. Ни одной книгой из отобранной груды он не поступился. В этой истории мне больше всего понравился интерес Булата к философским работам и к истории, так редко свойственный поэтам. Он готов был рисковать неприятностями ради этих книг.

Тогда, в начале семидесятых, книги, которые мы привезли из Парижа, были для нас сокровищами».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Получив диплом, я решил изменить свою жизнь и стать писателем, как Даниил Александрович. Помню, как я впервые приехал к нему на дачу в писательский поселок в Комарово. Мне хотелось узнать его мнение о моем литературном творчестве. Я не имел ни одной публикации, но уже написал несколько рассказов. И их передал Гранину.

— Почему вы решили показать свои рассказы именно Гранину? Как нашли адрес его дачи?

— В то время были популярны семинары для начинающих писателей. Нас бесплатно привозили в Комарово, с нами занимались известные

литераторы. Среди них был Гранин. И таким образом дорожка к его дому была проложена. В то время молодых писателей холили и лелеяли.

— Вам захотелось личного общения?

— Конечно. Мобильников тогда не было, договориться о встрече не представлялось возможным, и мы с другом отправились в Комарово, полагаясь на удачу. Двери его дома были открыты. Он нас пригласил в дом, к столу. Рассказал: «Я вчера читал ваши рассказы гостям, и всем очень понравилось». Эта фраза определила мою судьбу. Она придала мне уверенность на выбранном пути.

А после беседы за чаем он сделал мне подарок. Даниил Александрович тогда побывал в Австралии и выпустил очень веселую книжку с картинками «Месяц вверх ногами». Это была сенсация в литературе. Вольная, интересная, неформальная. Книгой об Австралии он открыл новое направление в литературе. Он много путешествовал, писал о своих впечатлениях.

С тех самых пор я находился под его влиянием и покровительством. С той встречи мы стали друзьями, и уже 60 лет я знаю, что он всегда рядом. Даже дачи у нас по соседству.

— Каким он был вне официальной обстановки?

— Даниил Александрович был очень общительным человеком. На момент рассвета его карьеры пришелся и рассвет писательского поселка в Комарово. Гранин очень любил это место, всё лето проводил здесь. Здесь был Дом творчества на Кавалерийской улице. Очень душевным местом для встреч была и остается комаровская библиотека. Публика у нас в поселке — удивительная: академики, ученые, писатели, артисты.

Даниил Александрович очень дружил с семьей народного артиста СССР Евгения Лебедева, с Георгием Товстоноговым. У них была такая братская компания. Они любили устраивать застолья, ходили друг к друг в гости, а когда погода располагала — на залив купаться».

*Из интервью Валерия Попова З. Игумновой (Известия.
5.07.2017 г.)*

«Мои сочинения передавались из рук в руки. Классик нашей литературы Гранин тоже их прочел.

Затем пригласил меня на дачу. Мы беседовали возле кухонной плиты.

— Неплохо, — повторял Даниил Александрович, листая мою рукопись, — неплохо...

За стеной раздавались шаги.
Гранин задумался, потом сказал:
— Только все это не для печати.
Я говорю:
— Может быть. Я не знаю, где советские писатели черпают темы. Всё кругом не для печати...
Гранин сказал:
— Вы преувеличиваете. Литератор должен публиковаться. Разумеется, не в ущерб своему таланту. Есть такая щель между совестью и подлостью. В эту щель необходимо проникнуть.
Я набрался храбрости и сказал:
— Мне кажется, рядом с этой щелью волчий капкан установлен.
Наступила тягостная пауза».

С. Довлатов. Ремесло

«В повести «Дождь в чужом городе» Гранин, кажется, впервые подошел к проблеме, о которой в полный голос скажет позднее — в «Картине». Бедность эмоций — не исключительность, не ущербное свойство каких-то отдельных моральных уродов. Дело обстоит гораздо серьезнее, ибо в этой бедности признак времени, его влияние, его отпечаток... Герой повести Степан Чижегов написан отнюдь не как злодей. Он обычный человек, лишенный подлинного эмоционального богатства и сам немало страдающий от этого. Страдающий объективно, ибо душевно мелок и беден. Страдающий субъективно, ибо начинает осознавать бедность, неполноценность, противоречивость своих отношений с женщинами. Вот и в Новгороде, ощутив тоску по Кире, он испытывает странное желание мучить ее, подчинить себе, почувствовать свою власть над ней. Что это — жажда возмездия, уязвленное самолюбие, реванш эгоизма, возмущенного первым проблеском духовности? Наверное, и то, и другое, и третье — все это подпольные, стыдные чувства, которые разумными не назовешь. А единственное светлое, духовное он подавил в себе: «Он слышал, как она задыхалась, и ведь жалел ее, а не останавливался».

А. Старков. Нравственный поиск героев Даниила Гранина

«Так и началось у них. Все произошло со смехом, само собой, как бы нечаянно, и вечером, засыпая, Чижегов подумал о ней, как думают о гуляющих бабах, довольный главным образом собой.

Впоследствии он не раз пытал ее: так ли она вела бы себя, если бы появился не он, а кто другой. Кира все уклонялась, убеждая, что узнала его; в конце концов он добился: она сказала, что женщина она одинокая, свободная и может позволить себе. Странно, что это ее откровенное рассуждение и обидело его, и чем-то понравилось. Он подумал, что так лучше, никаких у него не будет обязательств.

Приезжал Степан Чижегов на лыковский завод примерно раз в два-три месяца отлаживать автоматические регуляторы. Почему они разлаживались, неизвестно, разные были предположения, однако с того раза, как запороли партию готовых деталей из-за неправильного режима, дирекция настояла, чтобы институт регулярно присылал человека для проверки. Летом и осенью командировки эти устраивали Чижегова — из Лыкова он привозил домой яблоки, вяленую рыбу, грибы. Зимой было хуже. Единственное, что как-то примиряло, это Кира. Нравилась она тем, что не докучала и ничего не требовала. Придет Чижегов, и хорошо; что есть, то и праздник. Никаких планов не строила, не загадывала, не было в ней ни прилипчивости, ни бабьего желания обязательно власть забирать.

И постепенно Чижегов доверился ей. Семью свою он ценил и гордился и детьми, и женой, которая вела все хозяйство и успевала работать в ателье. Она была веселой и умной женщиной, и Чижегов старался не доставлять ей никаких огорчений. После армии он, случалось, запивал и погуливал, в последние же годы не то что уgomонился, а стал беречь жену и перед сыновьями не хотел показывать себя плохо.

Отношения свои с Кирой Андреевной Чижегов считал баловством, ничего более. Прошел год с лишним с того июньского дня, и Чижегову казалось, что ничего не изменилось. В Ленинграде он почти не вспоминал о Кире Андреевне. Появлялась она для него, когда он приезжал в Лыково. Уже в поезде, подъезжая, он представлял, как позвонит к ней в контору и она, узнав его голос, притворно деловым голосом условится... И тут он вспоминал, что надо было бы привезти ей что-нибудь, какой-нибудь пустяк: чулки, кофе, шариковую ручку, — было неловко, что опять он забыл, но тут же он успокаивал себя тем, что, может, и ни к чему приучать ее. А может, и ей самой странным показался бы такой подарок».

Д. Гранин. Дождь в чужом городе

«Цельность гранинского творчества с учебной наглядностью подтверждают повести начала 70-х годов. Помимо уже названных в этом ряду встает еще «Однофамилец», произведение с наибольшим, пожалуй, эпическим размахом и в силу этого с более глубоким проникновением в противоречивую сложность жизни.

Композиция повести отлично продумана. Реальное сюжетное время уместилось в несколько часов — от утренней встречи Кузьмина с Алей Лазаревой до вечернего возвращения к семье. Но за этот день читатель вместе с Кузьминым проживает всю его жизнь... Автор в финале отдает Кузьмину очень важную мысль: у каждого человека есть своя нажитая правда. Одно из достоинств гранинской прозы — такие емкие слова-тяжеловесы, которые раскрываются только тем читателям, кто не поленится спуститься в многоярусную шахту подтекста. Когда переживаешь или проживаешь полную событий, волнений, бед и радостей, большую, серьезную жизнь, то от всех перемен, поворотов, падений и подъемов должно остаться нажитое, это твое самое важное, неразменное, доподлинное. Обманы, иллюзии, ошибки — все это рассеялось, испарилось, ушло, а настоящее, нажитое осталось. И это настоящее прежде всего в близости к людям, к жене, сыновьям, к тем самым «трудягам», с которыми были испытаны пусть редкие, но вовек незабвенные минуты духовного единства».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Кузьмин увидел, как проигрывала она перед Алей. С оптическим увеличением проступили тонкие морщины на шее, блески седых волос. Набегал второй подбородок. И ему было больно оттого, что она проигрывала перед Алей. Потому что эти морщины были его морщины, и ее тело, руки — всё это было уже неотделимо от него самого.

«Как моя работа, как прожитая жизнь, или нет — нажитая жизнь. Сменить — значит, наверное — изменить. Как предательски схожи все эти слова...»

Зрение его чудесно обострилось — он увидел мелкие трещины на стене, распухшую больную ногу Нади, синие тромбы на икрах, и в то же время видел мелькающие ее молодые ноги в шиповках над гаревой дорожкой стадиона, он видел следы своих былых поцелуев на ее плечах, на груди, и шрам от грудницы, и следы беременностей и болезней.

Ясновидение это было неприятно. Мучительно было видеть себя на коленях, когда он стоял, охватив ее ноги, и молил прощения, и когда она его простила, он нес ее на руках по упруго-дощатому тротуару под огромными морозными звездами и был так счастлив...

Куда ж это подевалось? За что, за что он ее так давно не целует?

Он чувствовал, как от этого странного видения всё вокруг меняется, и понимал, что жизнь его тоже должна измениться. Это было странно, потому что он-то как раз старался оставить ее неизменной.

Он поднялся, расправив плечи до хруста, потер глаза, словно бы собираясь спать. Ему захотелось подойти к Наде, обнять ее, но подойти вот так, ни с того ни с сего, оказалось невозможно. С удивлением он обнаружил какое-то препятствие. Что-торосло за эти годы. Искося он взглянул на Надю: она точно прислушивалась к недосказанным его словам, беспомощно и встревоженно. Но, странное дело, глядя на нее, Кузьмин думал не о том, от чего он заслонил Надю, а чего он лишил ее, — она и не подозревает, сколько бесплатных даров, какая красивая новая жизнь не досталась ей... В горле у него запершило, он заставил себя разгладить лоб, разжать губы, сделать веселое и сонное лицо, он поднял Надю со стула, притянул к себе, заново чувствуя ее мягкие груди, ее тело, знакомое каждым изгибом, осторожно поцеловал ее в щеку.

— Ты что? — почти испуганно спросила она.

— Да, да, всё правильно, — ответил он невпопад».

Д. Гранин. Однофамилец

«НТР дала возможность человеку не хвататься за ружье при виде животного. Можно не смотреть на куропатку, на белку, на зайца, на медведя как на еду, или как на врага, или как на мех. Стрелять при виде животного сегодня у человека нет нужды. Это спорт или забава. Отношение человека к животному сегодня отражает нравственный уровень человека.

НТР остро поставила вопрос об ответственности человека перед природой и в особенности об ответственности ученого и техника. За последнее время общественное мнение стало винить НТР в тех бедах и ранах, которые нанесены природе. Изменилось в какой-то мере отношение и к науке, и к технике — в них стали видеть виновников. Отравленные воздух и вода, гибель лесов, полей, озер, бедствия птиц, рыб — они происходят не только от жестокости, от хищнических инстинктов человека, но и от необдуманности, безответственности тех или иных проектов,

технических новшеств, порой от самоуверенности нашей науки и техники, привыкших относиться к природе потребительски.

В свое время мне как инженеру приходилось сталкиваться со строительством гидростанций. Я помню примитивность некоторых наших расчетов, помню, как равнодушны и невнимательны мы были при этом к земле, к воде. И признаюсь, с тех пор я испытываю неприязнь к равнинным гидростанциям за тот ущерб, который они нанесли рыбе, лесу, климату. Я привел в пример свое чувство, поскольку через него я понимаю некоторые подобные же настроения в общественном мнении.

Есть немало «болевых точек» в последние десятилетия, когда ученые оказались недальновидными, непредусмотрительными по отношению к природе. Иногда это происходило потому, что всего рассчитать было нельзя, а иногда потому, что не хотели. Экологические проблемы за последние годы быстро изменили умонастроения людей, особенно в нашем, советском обществе. И это — благо. Человек становится ответственным за природу. От психологически унаследованного состояния завоевателя природы, когда человек ее одолевал, боролся с ней — и в этом была своя романтика, — человек приходит к новому состоянию защитника природы.

...Когда речь идет о том, какую личность воспитывать, когда мы размышляем о конкретном наполнении и понимании нравственной личности, сюда обязательно входит вопрос об отношении к природе. На этом вырастает нравственное сознание человека. Воспитывать любовь к природе с детства — значит формировать гуманность человека, делать его лучше. Проблема отношения к природе может стать могучим способом нравственного воспитания людей».

Д. Гранин. О времени и о человеке (Октябрь. 1978. № 9)

«Даниил Гранин написал документальную повесть об энтомологе Александре Александровиче Любищеве, красноречиво названную «Эта странная жизнь». Конечно, выбор героя помогает нам понять духовные заботы автора, тем более что сам Гранин откровенно признается: «Писателю может посчастливиться открыть человека». Познакомившись с Любищевым, Гранин поистине пережил счастливые часы — он открыл и для себя, и для читателя необычного человека, известность которого долгие годы была обратно пропорциональна его значительности. <...>

Жизнь А. А. Любищева в самом деле заслуживает эпитета — странная.

Он написал более пятисот авторских листов разного рода статей и исследований. Отнюдь не только по энтомологии. Его, доктора сельскохозяйственных наук, увлекают философские вопросы естествознания и природа морозных узоров на стекле, математика и мемуары Ллойд-Джорджа, афоризмы Шопенгауэра и значение битвы при Сиракузах в мировой истории. Обо всем А. Любичев пишет с глубочайшим проникновением в материал, свойственным подлинному ученому, и со страстностью, свойственной публицисту. Но в главном книгохранилище страны — Библиотеке имени В. И. Ленина — находилась одна-единственная его книга — «К методике количественного учета и районирования насекомых».

Гранин не мог не написать о Любичеве, потому что в малоизвестной личности провинциального профессора обнаружилось совпадение научных и моральных позиций, обладающее огромной учительной силой. При этом Гранин не забывает упомянуть, что никакой научной школы, даже отдельных учеников у Любичева не было. «Вместо учеников у него были учащиеся, то есть не он их учил, а они учились у него — трудно определить, чему именно, скорее всего, тому, как надо жить и мыслить».

В финале повести откровенно говорится, что «автор... глубоко благодарен своему герою». Для Гранина, весьма сдержанного в прямом выражении своих оценок, эти слова необычны. Как необычно и то, что однажды он сказал о «Странной жизни»: «Это книга полезная. Я очень хотел ее пропагандировать».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Стать героем можно поступком, далеко выходящим за рамки обыденного долга. Совершая подвиг, герой жертвует, рискует всем, вплоть до жизни — во имя истины, во имя Родины. Ничего такого не было у Любичева.

...Была не вспышка, а терпение. Неослабная самопроверка. Из дня в день он повышал норму требований к себе, не давал никаких поблажек. Но это ведь тоже — подвиг. Да еще какой! Подвиг — в усилиях, умноженных на годы. Он нес свой крест, не позволяя себе передохнуть, не ожидая ни славы, ни ореола. Он требовал от себя всего, и чем больше требовал, тем явственней видел свое несовершенство. Это был труднейший подвиг мерности, каждодневности. Каждодневного наращивания самоконтроля, самопроверки...

У нас, наблюдающих издали это непрестанное восхождение, все равно рождается чувство восхищения, и зависти, и преклонения перед возможностями человеческого духа. Подвига не было, но было больше, чем подвиг, — была хорошо прожитая жизнь».

Д. Гранин. Эта странная жизнь

«Гранинская мысль, высказанная в повести о Любичеве, сжато определила содержание его следующего произведения — киноповести «Выбор цели»... В чтении повесть представляется подчас повторной, иллюстративной, многие факты, связанные с созданием атомной бомбы, она излагает в точном соответствии с ранее изданными широко известными источниками, даже популярными книгами. Однако повторное изображение людоедства американских милитаристов типа Гровса и бесчувственной жестокости политического шантажиста Трумэна на этот раз необходимо как фундамент образа Курчатова. Конечно, это фундамент особого рода — по контрасту. Сам Курчатов в повести об этом контрасте напряженно раздумывает: «Знаю — найдутся люди, которые будут считать, что мы и этот Оппенгеймер одним миром мазаны. Осудят нас... Я это не беру в расчет. И даже тех не беру в расчет, кто *еще через годы* поймет всю разницу между американцами и нами».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Изучая материалы для киноповести «Выбор цели», я видел историческую необходимость в создании атомной бомбы. Физики США и наши советские физики начинали эти работы, чтобы создать оружие против гитлеровской Германии. Тем более что и там, у Гитлера, над этой проблемой работали немецкие ученые. Но ныне, спустя годы, мне начинает казаться, что мы попали в западню, созданную прошлой войной, что фашизм как бы пытается мстить за свою гибель».

Д. Гранин. Право на жизнь // Выбор цели. Л., 1986

«— Что выбрано конкретно? — спрашивает Стимсон.

— Хиросима, двести тысяч жителей, двадцать пять тысяч солдат,

армейские склады, порты; Ниигата — порт, двести тысяч жителей, промышленность; Киото, миллион жителей, культурно-промышленный центр...

Стимсон рассматривает фотопанораму Киото с его пагодами, садами, с золотыми павильонами, великолепный замок Нидзе, императорскую виллу Капура, ярко-красный лакированный храм...

— Киото... невозможно, — говорит Стимсон, — немыслимо, это же древняя столица Японии. Я там был. Боже, какие там дивные памятники старины!.. Нет, лучше пусть останется Нагасаки...

— Думаю все же, что наше дело заботиться не о памятниках, — твердо возражает Гровс. — Киото имеет наибольшую площадь, и для меня как для военного человека это лучшая цель».

Д. Гранин. Выбор цели

«Работая над фильмом об истории создания атомной бомбы, мы с Игорем Таланкиным, режиссером этого фильма, обратились к бывшему члену Политбюро, который после войны курировал атомное производство — Первухину. Они ведали этим делом на пару с Берия, как у них там разделялось, не знаю, но поскольку Берия был удален в иной мир, нам остался один Первухин.

Работал он тогда в Госплане. Огромный муравейник. Ходили, спрашивали, где такой-то. Уже многие не знали, кто такой Первухин. Не знали, где находится кабинет бывшего шефа всего этого учреждения. Искали, искали отдел инструментов. С трудом нашли. Огромная приемная, в ней восседал помощник, молодой, вальяжный, из тех, чья специальность не работать, а присматривать. Сам же кабинетик Первухина был крохотный. Во всю стену висела ни много ни мало карта мира. Такая большая, что загибалась, и Америка переходила на другую стену. Похоже, что хозяин не мог перейти на новые масштабы. Взял ее из прежнего своего кремлевского кабинета.

Он поднялся, вышел нам навстречу, высокий, в черном костюме, я узнал его сразу, поскольку носил его портрет на демонстрации. Теперь этот портрет улыбался и протягивал мне руку. Портреты не меняются. Члены Политбюро тоже удивительно долго сохранялись в неповрежденном виде. Никто уже не помнил о Первухине, а он был такой же розовенький, гладкий, ухоженный. Особенно меня поражало долголетие и прочность сталинских приближенных. Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов,

Микоян — им сносу не было.

Мы уселись по бокам ободранного письменного стола, изложили свою просьбу.

— Понимаю, — сказал Первухин, — вам нужна художественная психология Курчатова. Мы с ним много работали. Он был преданный делу человек и пользовался авторитетом и в правительстве, и в партии, и среди ученых.

И далее все шло в том же духе.

— Хотелось бы какие-нибудь подробности, — попросил я.

— Понимаю, — сказал Первухин. — Вы писатели, вам нужны детали. Пожалуйста, вот вам деталь, которую можете использовать. Как известно, Курчатов был человек беспартийный. В результате нашей работы с ним после успешного испытания первой атомной бомбы он подал заявление в партию!

Первухин с торжеством посмотрел на нас, Таланкин тоже посмотрел на него, но со страхом.

— Да, это, конечно, интересная деталь, — поспешно сказал я. — А как Сталин следил за ходом работ?

Внимательнейшим образом. Вот, например, когда мы получили первые граммы плутония, было большое торжество, и решено было доложить об этом товарищу Сталину. Он согласился принять нас с Курчатовым. Мы поехали к нему вдвоем. Я рассказал товарищу Сталину о том, как мы работали над плутонием, как добились результатов. После этого мы показали ему полученный образец. Товарищ Сталин посмотрел его и сказал мне: «А вы уверены, товарищ Первухин, что это действительно плутоний? Ученые не обманывают вас?» Мы заверили его и уехали. Конечно, докладывать коллективу об этих словах мы не стали. Зато, когда бомбу сделали и благополучно испытали, товарищ Сталин меня начал называть на «ты». Он немногих так называл.

Гордость и печаль звучали в его рассказах. Почитание Сталина навсегда вошло в его душу, ничто ее не поколебало».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Одной из вершин документальной прозы о войне оказалась повесть «Клавдия Вилор».

«Она из тех женщин, которые не становятся старухами, сколько бы лет им ни было», — так итожит Гранин свои первоначальные впечатления, вызванные и внешним обликом, и характером Клавдии Денисовны уже на

закате ее невероятной и, хочется повторить другой гранинский эпитет, странной жизни. В самом деле, разве не странная фамилия придумана ею? Вилор — Владимир Ильич Ленин организатор революции. А как необычна для женщины ее армейская профессия — политрук роты! Наконец, необычна и долгая цепь таких мучительных жизненных испытаний, что хватило бы их на многих людей: Клавдия Вилор прошла сквозь ранения, плен, концлагерь, гестапо. Ее избивали, пытали, морили голодом, унижали, топтали сапогами. Трудно поверить, что все она вынесла, не сломалась, нашла в себе силы преодолеть отчаяние, желание покончить с собой. А ведь так хотелось порой, чтобы жизнь ушла из ее «измученного, уже не желающего существовать тела».

Годы войны она постоянно вспоминает. Они врываются и в ее мирную жизнь. «Ров под Сталино, заполненный мертвецами. Машины привозят и сбрасывают погибших военнопленных. Тех, кто умер от ран, от голода. Многие еще живы, они шевелятся, когда немцы аккуратно посыпают ров хлоркой. Клава никак не может проснуться, она все стоит и стоит перед ровом, и к ней из-под белой шипящей известковой коры вылезают, тянутся руки...»

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«В середине июня 1942 года, когда началась подготовка к наступлению немецких войск на Юго-Западном направлении, училище срочно в полном составе было направлено на фронт.

Клава Вилор поехала вместе со своими курсантами, назначенная политруком 5-й роты 2-го батальона. Два месяца она участвовала в боях, защищая подступы к Сталинграду. Она ходила в разведку, стреляла, бросала гранаты, она рыла окопы вместе со своими курсантами, а теперь бойцами, налаживала связь, она делала все то, что делали солдаты и командиры рот и взводов на всех фронтах, от ленинградских болот до Кавказских гор. С одной лишь особенностью: она была *женщина*. В годы войны мне приходилось встречать женщин-снайперов, пулеметчиц, связисток и, разумеется, санитарок. Известны были летчицы, были даже женщины-танкисты. Но женщина-политрук пехотной роты — такое мне не встречалось...

Я и так и этак пытался представить себе, что вместо нашего комиссара полка Капралова, вместо Медведева, или Саши Ермолаева, или Саши Михайлова была бы у нас комиссаром женщина. Стоило вообразить, и

сразу же возникала недоверчивая усмешка. Никак я не мог поставить на место огромного, могучего Саши Ермолаева, с которым мы, лежа на огороде между грядками моркови, обстреливали немецких мотоциклистов, — женщину. Или на место Медведева, который поднимал нас мертво спящих и впихивал в танк, уже заведенный им, разогретый, и потом ехал на башне и все шутил и трепался, свесясь к нам, в открытый люк, пока мы двигались на исходную.

Ну а все же, если бы на его месте была женщина... В конце концов, мастерство литератора, даже талант литератора в том и состоит, чтобы представить себе: «а что, если бы...», видеть то, чего не видел, что кажется невероятным. Я заставлял себя, пересиливал... и не мог, поэтому и захотелось мне узнать как можно больше об этой необычной судьбе».

Д. Гранин. Клавдия Вилор

«Художественное исследование военных событий привело автора «Клавдии Вилор» к союзу с белорусским писателем Алесем Адамовичем, автором «Хатынской повести» и одним из соавторов глубоко волнующего сборника воспоминаний «Я из огненной деревни». Там прозвучали голоса людей, чудом оставшихся в живых, голоса жителей сотен деревень, разделивших трагическую судьбу Хатыни. Как рассказывает Адамович, он почувствовал внутреннюю необходимость вести поиск в Ленинграде, выслушать голоса блокадников, найти соавтора-ленинградца.

Память о блокадниках Гранину и Адамовичу оказалась так безоговорочно нужна, ибо в тех суровых испытаниях можно было черпать и черпать самые убедительные доказательства величия и благородства человека. И авторы «Блокадной книги» уже в самом начале твердо заявляют: «...если все это было на планете — тот блокадный смертельный голод, бесконечные смерти, муки матерей и детей, то память об этом должна служить другим людям и десятилетия, и столетия спустя».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Когда ко мне в семьдесят четвертом году приехал Алесь Адамович и предложил писать книгу о блокаде, записывать рассказы блокадников — я отказался. Считал, что про блокаду все известно. Видел фильм «Балтийское небо», читал какие-то рассказы, книги, стихи. Ну что такое блокада? Ну

голод; ну обстрел; ну бомбежка; ну разрушенные дома. Все это известно, ничего нового для себя я не представлял. Он долго меня уговаривал. Несколько дней шли эти переговоры. Наконец, поскольку у нас были давние дружеские отношения, он уговорил хотя бы поехать послушать рассказ его знакомой блокадницы.

Мы даже, по-моему, не записывали или записали потом, по памяти... Ей было восемнадцать лет... у нее был роман. Любила Федю, своего жениха. Федю взяли в армию, и стояла его часть тоже где-то в районе Шушар. Она пробиралась к нему. Носила сухари, варенье, носила домашние вещи: рукавички, шарф. Но главное — как она пробиралась туда. Я знал: заставы наши, патрули не пропускали штатских, гражданских, это строго-настрого было запрещено. Перебежчики могли быть, могли быть шпионы, осведомители. Тем не менее она несколько раз побывала у него, шла шестнадцать километров, добиралась до их части, упрашивала, умаливала эти патрули. И ее пускали. То был удивительный пример любви. Любовь, которая попала в блокаду. Ее рассказ меня и тронул, и удивил... Я увидел, что существовала во время блокады неизвестная мне внутрисемейная и внутридушевная жизнь людей, она состояла из подробностей, деталей, трогательных и страшных, необычных. В конце концов я дал согласие».

Д. Гранин. История создания «Блокадной книги»

«Он тут же ринулся в работу, увлекая меня; мы понимали, что если делать эту книгу, то делать надо не откладывая, память уходит, и люди уходят.

Поражала смелость, с которой он взялся за совершенно незнакомый ему материал, он не знал города, не знал блокады, не знал людей, он был совершенный новичок в питерской жизни. Его это не смущало. Наоборот, он даже обращал наивность в свое преимущество: да, он приезжий, но хочет рассказать про блокаду, понять ее свежим чувством постороннего человека. Его незнание часто оборачивалось смешными промахами, ему помогал его необидчивый, благодушный (в то время) характер. Он поселился в Ленинграде, снял комнату, мы купили ему магнитофон и разделились, желая скорее охватить больше людей. По вечерам сходились у меня дома, обсуждали трофеи. Сбор длился месяц за месяцем, мы не могли остановиться. Рассказы блокадников не повторялись — каждый имел свое, особенное. Однажды Алесь заболел, слег. Я носил ему книги. Просил он не

развлекательную литературу, а философию: Шестова, Ницше. И потом, когда он выздоровел, он обшарил всю мою библиотеку, выискивая прежде всего запретное — Бердяева, Шопенгауэра, Розанова. 1977 год!

Время от времени он уезжал в Минск, возвращался, и мы вновь пускались в путь из квартиры в квартиру. Мы установили с ним, что из десяти рассказов в среднем бывают три хороших, а один очень хороший, а то и гениальный. Я помню, как он был счастлив, как хвастался, записав рассказ Марии Ивановны, который вошел в книгу отдельной главой: «Эта бессмертная Мария Ивановна». Работать с ним было легко. Мы не разделяли «мое» и «твое», как-то естественно все сразу обобщалось, никто не подсчитывал затраченного труда, кто больше, кто меньше, да и затраты денежные — на машинисток, на кассеты — тоже не разделялись. Он относился к тем людям, с которыми хочется состязаться в щедрости.

Материал накапливался, и пора было начинать сборку книги, найти драматургию. Вот тут-то начались споры и ругань. Поскольку ни у кого идеи не было, постольку мы были непримиримы и вымещали свое безмыслие друг на друге. Нужна была философия книги, то есть, если по Ницше: «Искание всего странного и загадочного, что до сих пор было гонимо моралью». Я вспоминаю не историю написания книги, а историю нашей работы. Спорить с Але-сем было весело. Мы сходились, расходились, никогда не ссорясь. Его белорусский акцент располагал к себе людей, кроме того, он умел находить глубинные вопросы, спрашивать о существенном.

За год с лишним работы над первой частью Алесь заметно «обленинградился». Все же Питер оказывал свое влияние, тем более что общались мы с коренными питерцами, с историками, служителями Эрмитажа, архивистами, инженерами. С той рабочей прослойкой, которая составляет душу города. Мы двигались из семьи в семью, погружаясь в прошедшие годы потерь и неразрешимых нравственных проблем. Мы забирались с ним в такие тупики человеческих низостей и страданий, откуда не было выхода. Истории, которые мы выслушивали, поражали нас невыносимой запредельностью переживаний, о них невозможно было писать. Казалось бы, перед правдой жизни нет никаких преград, мы оба считали себя ее бесстрашными рыцарями: чего нам бояться, и друг перед другом не хотелось робеть, и, тем не менее, мы отступали. Мы поняли, что есть вещи, о которых писатель не должен рассказывать, есть предельность человеческих мук. Нам ее выкладывали, люди старались как бы отделаться от ужасов памяти, но нам написать и тоже отделаться не удавалось. Немудрено, что эта работа измучила нас так, что мы оба болели, нервная

нагрузка становилась непосильной.

Это была великая школа жизни. Я не жалел времени, открывая Алесю доступные мне тайны ленинградской жизни, которая в те годы еще имела свои подполья, свою сокровенность. Временами мы расходились, наша приязнь как бы истощалась. Меня раздражала его провинциальность, его стилевая глухота, его назойливая публицистичность, его раздражала моя питерская заносчивость, медленность моей работы. Ума не приложу, как мы не разошлись; нас, однако, связывала уже не только эта книга, все чаще мы ощущали общность своих гражданских чувств, дружба обретала фронтовую прочность. Круг его друзей и моих друзей соединялся — Карякин, Лазарев, Быков, Дудин, Климов, Оскоцкий...

Каждый писал свою главу, потом мы менялись рукописями, черкали чужой вариант, доказывали, что он никуда не годится, переписывали по-своему».

Д. Гранин. Скрытый смысл

«Когда мы 5 апреля 1975 года делали свою первую запись, приехав к Марии Гурьяновне Степанчук (ул. Шелгунова, д. 8), мы знали про главную боль ее памяти — про погибшую девочку. Но женщина настойчиво и как-то испуганно уходила от этого... И мы не решились настаивать. Потом оказалось, что именно этим причинили человеку еще большее страдание. Сложное это чувство — блокадная память!

— А знаете, что было после вашего ухода? — позвонила нам женщина, от которой мы получили адрес Марии Гурьяновны. — Прибежала ко мне расстроенная, что не рассказала главного: «Я боялась, что расплачусь, если заговорю о девочке, и не смогу дальше рассказывать, и люди зря приезжали, старались».

Затем, растревоженная, объехала всех подруг и знакомых блокадных (из двадцати семи, как сказала нам женщина, осталось их у нее четверо). Сходила на могилу дочери, сходила в церковь. И заболела, слегла.

И, кажется, не только потому, что воспоминания расстроили. Но и от какого-то чувства вины перед своей погибшей дочерью, о которой ничего не рассказала: словно бы она пожертвовала ее памятью, чтобы только «не помешать» нам работать — собирать блокадную быль».

Д. Гранин, А. Адамович. Блокадная книга

«Блокадники передавали нас друг другу. Тогда блокадников было много. Это были семидесятые годы; середина и конец. Мы ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру, выслушивали, записывали на магнитофон рассказы. Сперва мы ходили вместе, потом разделились, чтобы охватить больше людей. Почему нам было нужно больше людей? Да потому, что у каждого есть свой рассказ. У каждого оказалась своя трагедия, своя драма, своя история, свои смерти. Люди и голодали по-разному, и умирали по-разному... Мы набрали сто рассказов, и ничего не повторилось.

Лучше всего рассказывали женщины. Женская память устроена несколько иначе, чем мужская. Ведь мужская память — она глобальная; мужчин общие ситуации больше интересуют. А подробности быта, бытия, что творилось на малом участке — очередь, булочная, квартира, соседи, лестница, кладбище, — это память... женская. Она была более красочная и крепкая».

Д. Гранин. История создания «Блокадной книги»

«...— Вы не видели людей, которые падали от голода; вы не видели, как они умирали; вы не видели груды тел, которые лежали в наших прачечных, в наших подвалах, в наших дворах. Вы не видели голодных детей, а у меня их было трое. Старшей, Лоре, было тринадцать лет, и она лежала в голодном параличе, дистрофия была жуткая. Как видите по фотографии, это не тринадцатилетняя девочка, скорее старуха.

— Вероника Александровна, вот эта слева — Лора?

— Да... Мне было тридцать четыре года, когда я потеряла мужа на фронте. А когда нас потом эвакуировали вместе с моими детьми в Сибирь, там решили, что приехали две сестры — настолько она была страшна, стара и вообще ужасна. А ноги? Это были не ноги, а косточки, обтянутые кожей. Я иногда и сейчас еще смотрю на свои ноги: у меня под коленками появляются какие-то коричнево-зеленые пятна. Это под кожей, видимо, остатки цинготной болезни. Цинга у нас у всех была жуткая, потому что сами понимаете, что сто двадцать пять граммов хлеба, которые мы имели в декабре месяце, это был не хлеб. Если бы вы видели этот кусок хлеба! В музее он уже высох и лежит как что-то нарочно сделанное. А вот тогда его брали в руку, с него текла вода, и он был как глина. И вот такой хлеб — детям... У меня, правда, дети не были приучены просить, но ведь глаза-то просили. Видеть эти глаза! Просто, знаете, это не передать... Гостиный

двор горел больше недели, и его залить было нечем, потому что водопровод был испорчен, воды не было, людей здоровых не было, рук не было, у людей уже просто не было сил. И все-таки из конца в конец брели люди, что-то такое делали, работали. Я не работала, потому что, когда я хотела идти работать, меня не взяли, поскольку у меня был маленький ребенок. И меня постарались при первой возможности вывезти из Ленинграда: ждали более страшных времен. Не знали, что все пойдет так хорошо, начнется прорыв и пойдут наши войска, пойдет все очень хорошо. Нас вывезли в июле месяце сорок второго года».

Д. Гранин, А. Адамович. Блокадная книга

«Композиция «Блокадной книги» тщательно продумана. Первая ее часть — воспоминания многих, вторая — дневники и записи трех основных героев. В результате на фундаменте общих судеб вырастают уникальные портреты Князева, Охепкиной, Юры, но они уже воспринимаются как типическая уникальность, как концентрация судеб и душ. Повторы, пересечения, совпадения — все это вместе создает «ничем не нарушенную подлинность той жизни». Князев однажды заметил: «Пишу о себе не как о субъекте, а как объекте». Адамович и Гранин сумели совместить объективную правду времени и субъективно пережитое, они окрасили прошлое своей гражданской художественной страстью, извлекли в прошлом такие моменты, которые нельзя забыть, потому что в них — непреходящий заряд человеческой силы».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Сейчас тревога. Она уже длится часа два. Нужда, голод заставляют идти в магазины, на мороз, в длинную очередь, в людскую давку... Провести так недели, а затем уже никаких желаний не останется у тебя. Останется тупое, холодное безразличие ко всему происходящему. Недоедаешь, недосыпаешь, холодаешь и еще к тому же — учись. Не могу. Пусть мама решает вопрос: «Как быть?» Не в силах решить — сам попробую за нее. И вечер... что он мне готовит? Приходит мама с Ирой, голодные, замерзшие, усталые... Еле волокут ноги. Еды дома нет, дров для плиты нет... И ругань, уговоры, что вот внизу кто живет, достали крупы и мясо, а я не мог. И в магазинах мясо было, а я не достал его. И мама

разводит руками, делает наивным лицо и говорит как стонет: «Ну а я тоже занята, работаю. Мне не достать». И опять мне в очередь, и безрезультатно. Я понимаю, что я один могу достать еду, возвратить к жизни всех нас троих. Но у меня не хватает сил, энергии на это. О, если бы у меня были валенки! Но у меня их нет... И каждая очередь приближает меня к плевриту, к болезни... Я решил: лучше водянка. Буду пить сколько могу. Сейчас опухшие щеки. Еще неделя, декада, месяц, если к Новому году не погибну от бомбежки — опухну.

Я сижу и плачу... Мне ведь только шестнадцать лет! Сволочи, кто накликал всю эту войну...

Прощай, детские мечты! Никогда вам ко мне не вернуться. Я буду сторониться вас как бешеных, как язвы. Сгинуло бы все прошлое в тартарары, чтобы я не знал, что такое хлеб, что такое колбаса! Чтобы меня не одурманивали мысли о прошлом счастье! Счастье!! Только таким можно было назвать мою прежнюю жизнь... Спокойствие за свое будущее! Какое чувство! Никогда больше не испытать...»

Из дневника Юры Рябинкина («Блокадная книга»)

«Блокада была, наверное, наиболее трагической страницей истории Великой Отечественной войны. Трупы на улицах, трупы в подъездах — вся обстановка блокады была бесчеловечной, невыносимой. Я несколько раз приходил с фронта в город — страшно было. Город, занесенный снегом, и тропинки, которые вели к воде — к Фонтанке, к Мойке, к Неве. Воду надо было брать где-то, водопровод не работал, электричества не было, отопления не было. Разбирали деревянные дома, надо было пилить, это отнимало последние силы. Обстрел артиллерийский из тяжелых орудий, пожары, а тушить нечем — воды нет. Бесконечное количество больших и мелких лишений. Вы знаете, когда мы писали «Блокадную книгу», мы опросили двести человек. Мы спрашивали у всех: «А как вы выжили? Почему вы выжили?» Это были бесчеловечные вопросы, но мы сами хотели понять — что это было?

Блокада ставила очень тяжелые вопросы насчет милосердия, насчет совести. Мальчик Юра Рябинкин, получив хлеб, шел с этим хлебом к матери и сестре, и там обязательно был какой-то довесок, потому что надо было очень точно вешать эти 150, 125 грамм. И по дороге — он пишет это в своем дневнике — каждый раз его мучил этот довесок. Съесть его или не съесть? Они бы не узнали, если бы он съел. Это для него был соблазн,

искушение невыносимое... Это не только он сталкивался с этим. Люди вставали перед мучительным вопросом. Вот дети — двое детей. Двоих не спасти, надо выбрать, кого немножко подкормить за счет другого, или оба умрут. И вот мать кормила дочь, а сын умер. Она положила труп между окон, было холодно, зима — отрезала куски и кормила дочку...»

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«Подавляющее большинство ленинградцев в годы войны, в блокадном городе, были неверующими. Религия в Советском Союзе была вытеснена из жизни. Ленинград в этом отношении считался «передовым» городом. Поведение жителей в условиях голода, обстрелов, пожаров, лишенных тепла и света, словом, в безнадежных условиях тем не менее отличалось, как правило, высокой жертвенностью и состраданием. Люди помогали друг другу из последних сил. Поднимали упавших от голода на улице, вели домой, поили кипятком, делились крохами хлеба. Работая над «Блокадной книгой», мы, с моим соавтором А. Адамовичем, сталкивались со множеством подобных фактов и всякий раз допытывались: нравственное поведение в этих запредельных условиях, — чем оно вызывалось? Не религия, не страх Божий заставляли людей действовать, казалось бы, вопреки интересу самовыживания. Чем диктовался их альтруизм? Оказывается, не всё было дозволено, действовали еще какие-то сокровенные нравственные законы, какие-то требования совести, которые живут в душе человека независимо от его веры или безверия.

Блокадная жизнь сдернула покровы душевных переживаний, сокровенные чувства обнажились. Смерть стала обыденностью, ее было кругом слишком много, страх перед ней притупился, человек как бы свыкся с мыслью о своем умирании, которое происходило с ним постепенно, день ото дня. Он видел, как он умирает, как тончают его руки, обтягивается лицо, слабеют ноги. Но по дороге к смерти вырастали другие страхи, например, потерять карточки, по которым давали хлеб. Страх оставить детей, родителей без помощи — кто пойдет за водой, кто растопит печь. Мы открыли удивительный закон блокадного города: спасались те, кто спасали других. То есть большей частью спасались именно они. Страх за близких заставлял их, умирающих, двигаться, заботиться, и это помогало им держаться. Многие из них тоже умирали, но во всяком случае — умирали не расчеловечиваясь, и жили из последних сил, вопреки всем

законам биоэнергетики».

Д. Гранин. Страх

«Даниил ГРАНИН: Я буду говорить о каких-то конкретных примерах той жизни, которую прошли, испытали блокадники. Женщина старая, которая попросила машину с трупами довести ее до кладбища. Зачем? А затем, что она там ляжет и умрет. Она не хотела доставлять никаких трудностей и забот своим близким, потому что хоронить обычным способом люди во время блокады не могли — сил не было, возможности не было, везли трупы на санках, если это было дело зимой, на колясках, если это было дело осенью и летом, — и вот она решила сама отправиться навстречу смерти. Но это такая особая, совершенно удивительная по своей сердечности, забота о близких, последняя, удивительная помощь, которую мог человек оказать своим близким — не обременять их своими похоронами.

Альберт ЛИХАНОВ: Удивительное самоотречение...

Даниил ГРАНИН: Да. Не доставлять им никаких забот с похоронами. Она там ляжет и умрет на кладбище.

Другой пример. Пример матери. Мать, которую голод довел до полного истощения. А у нее двое детей, их нечем кормить, все, что могла, она им отдавала, и она чувствовала, что умирает. Ощущение смерти во время блокады было безошибочным почти. Люди вообще иногда чувствуют смерть, а когда кругом много смертей, вот это чувство, наверное, обострилось, и она понимала, что умирает. И дети поняли, что она умирает, маленькие дети, им было 4 и 5 лет.

Она лежит, и они подходят к ней и начинают просить ее не умирать. Ну а что она может сделать? Они просят, умоляют, плачут — не умирай. Как же ты умрешь? Как мы? Не умирай. У них ничего нет, у нее ничего нет, никаких средств и возможностей. И происходит странная вещь, которую она никогда не могла нам объяснить... Какие-то уже, наверное, неземные силы пришли ей на помощь, и она продержалась еще два дня. А через два дня — о чудо! — пришла посылка от мужа, который был на фронте. И вот тот момент для нее был совершенно мистический, запредельный, который помог ей выжить.

Вот другая мать, у которой тоже все кончилось, ничего больше нет. Ребенка кормить больше нечем, ребенок умирает у нее на глазах, единственный ребенок. Что она может? И ей приходит в голову мысль

вроде безумная, но спасительная... она надрезает себе вену и поит ребенка своей кровью. Это была последняя пища, которую она могла дать.

Альберт ЛИХАНОВ: По-моему, вот такого прецедента в мировой цивилизации просто нету.

Даниил ГРАНИН: Я не знаю этого.

Альберт ЛИХАНОВ: Не известно это.

Даниил ГРАНИН: Я не знаю, может быть.

Альберт ЛИХАНОВ: А потом ее нашел муж.

Даниил ГРАНИН: Да, потом ее нашел муж.

Альберт ЛИХАНОВ: И снял, как вы рассказывали, шапку перед ней.

Даниил ГРАНИН: Да, да, да. Он ее сначала не узнал, в таком ужасном состоянии она была. Но потом она окрепла, выжила, и когда мы говорили с ней, — спустя там что-то тридцать лет, — она была уже нормальной, здоровой женщиной. И спасла ребенка, спасла.

Альберт ЛИХАНОВ: Своей кровью.

Даниил ГРАНИН: Да. Я хотел бы еще сказать об одной интересной черте, которая нам открылась, странная, может быть. Вот есть выражение такое — «духовная пища». Как ни удивительно, но это выражение вовсе не метафора. Оно имеет под собой действительно чисто физическое основание, мы в этом убедились.

Люди, которые во время блокады, заглушая свой голод, как бы отвлекаясь, писали стихи, дневники, читали книги, — была такая возможность — из разрушенных домов собирать книги, — так вот эти люди, которые читали друг другу какие-то стихи, рассказывали прочитанное, эти люди выживали гораздо дольше и оказывались более стойкими по отношению к голоду и к разрушению физическому, чем те, которые заботились только о добыче пропитания. Вот эта духовная пища действительно была пищей.

Альберт ЛИХАНОВ: И вы сказали как-то, что спаслись лучше всех те, кто спасал других.

Даниил ГРАНИН: Да, это было для нас удивительное открытие — спасались большей частью люди, которые спасали других, которые стояли в очередях за хлебом, которые ходили разбирать деревянные дома для того, чтобы было чем топить буржуйки. Те, кто таскал воду, помогал своим близким физически. Казалось бы, затрачивали калории, драгоценные калории, которые нужны были организму, занимались физической работой для других. Но эти затраты их спасали. Мы говорили с медиками, законы энергетики ведь это серьезные законы, нерушимые, железные законы, казалось бы, и если человек затрачивает калории, он должен возместить.

Если ему нечем возместить, значит, он должен лечь, у него нет больше сил, и он умирает, и всё. И тем не менее люди, которые помогали другим, спасали других, чаще всего спасались сами. Забота, любовь к ближним своим, она делала чудеса.

Альберт ЛИХАНОВ: Вы рассказывали о печнике. Женщина шла, видит, идет человек, несет буржуйку. Она говорит — продай.

Даниил ГРАНИН: Да, она увидела буржуйку. Буржуйки делали, топить-то нечем было, особенно там, где паровое отопление. В некоторых домах сохранялись еще печи и там было легче, а там, где не было печей, приходилось ставить буржуйки, выводить трубы через форточки, и вот таким образом спастись от страшных морозов.

Ну вот, она увидела — несет человек буржуйку. И она сказала ему — продай мне. Ну, разговорились. Продать он ей не продал, а взял ее с детьми к себе домой, туда, где было тепло.

Альберт ЛИХАНОВ: Погреться?

Даниил ГРАНИН: Тепло тоже было частью пищи. Тепло спасало людей, потому что люди вымерзали. Как назло в блокадную зиму 41–42 года — морозы стояли 30–35 градусов. Это ужасно. Я помню, как тяжело было на фронте у нас. И немцам, конечно, доставалось. Но все-таки в землянках мы кое-как отогревались, а в городе люди были беспомощны. И вот они на этом бесплатном подаренном тепле прожили какое-то время и тем самым спаслись.

Я хочу сказать, что в блокадную эту зиму, да и потом, когда уже началась весна, люди были жестоко измучены, в них открылось особое чувство взаимопомощи.

Мы вот сегодня можем пройти мимо человека упавшего, у которого, допустим, схватило сердце. Он сидит бледный и не может двинуться, а прохожие идут спокойно мимо, не обращая внимания. Глянул — и пошел дальше по своим делам, никому нет дела. Человек упал, допустим, подвернул ногу — никому нет дела, все проходим мимо.

Во время блокады этого не было. Вы знаете, возникло особое чувство взаимопомощи, еще и тем объясняемое, что город был как фронт. Он был частью фронта. А на фронте это обязательное было правило — помогать друг другу, выручать друг друга, вытаскивать друг друга. Но это было в городских условиях Ленинграда и соблюдалось гражданскими людьми. <...>

У меня часто бывают разговоры с участниками войны, с участниками блокады... Говорим, жалуемся — боже мой, да как не стыдно, да... такая пенсия, да никто... с квартирой так и не помогли, да в санатории никогда не

отправляют, и так далее, масса обид. Но потом всегда разговор этот кончается одним и тем же — но ведь мы же воевали не ради этого. Мы же страдали не ради санаториев, не ради хорошей пенсии, и мы защищали наш Ленинград тоже не ради этого. Бог с ним, главное, что отстояли город, главное, что остались людьми. Главное, что эта и война, и блокада — не стыдные страницы в моей жизни. А даже чем-то прекрасные. Каждый так говорит. Ольга Берггольц об этом очень хорошо писала.

Альберт ЛИХАНОВ: Это страницы чести, и чести, которая стала честью и достоинством державы. Много в ней было всякого, но это была страница чести и достоинства. Согласны, Даниил Александрович? А вам великая благодарность, я думаю, от новых поколений. Они еще не осознают, может быть, этого, но обязательно скажут вам слова благодарности, прочитав «Блокадную книгу». Ведь этот ваш литературный подвиг, литературный памятник страдавшим ленинградцам теперь уже не может быть превзойден. Уже некому этого сделать. Уже не найдется авторов, которые все это знали, видели, наконец, просто слышали. Писателей таких нет и больше не будет, а свидетелей все меньше и меньше. Поэтому честь вам и хвала за эту вашу замечательную книгу. Я не хочу сказать, что она выдается из всего вашего творчества. Но это бесспорный памятник эпохе и поколениям, который вызывает глубокое уважение. Спасибо вам.

Даниил ГРАНИН: Спасибо и вам за эти слова».

*Из беседы Д. Гранина с писателем Альбертом
Лихановым (2006)*

«Надо было иллюстрировать книгу фотографиями. Мы отправились в архив ТАСС, для того чтобы найти фотографии заводов и фабрик времен блокады. Мы знали, что это было: разбитые снарядами цехи, измученные, еле стоявшие у станков люди, подвязывавшие себя, чтобы не упасть. Мы перебрали тысячи фотографий, сделанных репортерами в те годы. Что мы видели? Мы видели за станками людей — рабочих, мужчин и женщин, суровых или улыбающихся, но неизменно бодрых. И никаких примет голода, мук, блокадной обстановки, хоть сейчас печатай их в газете. Не нашлось буквально ни одного снимка, который показал бы, что творилось тогда на фабриках и заводах, как трудно было тогда работать, как тяжелы были условия.

Вначале нас это возмутило: украшательство, фальсификация. Но,

расспросив фотокорреспондентов тех лет, мы убедились, что тут происходило иное: это была та боевая задача, которую они выполняли в сорок втором — сорок третьем годах, считая своим долгом показать, как, несмотря на блокаду, голод, холод, обстрелы, люди продолжают работать и выполнять свой долг. Со своей задачей фотожурналисты блокадного города справились и оставили нам такое наследство. Они были журналисты, а не фотохудожники, художники — те думали бы тогда о том, чтобы заснять для истории драгоценные кадры быта, героики ленинградцев, продолжавших работать, несмотря на смертный голод, артобстрелы и бомбежки».

Д. Гранин. Вопросы и ответы

«Поскольку вместе мы писать не привыкли, Адамович писал — присылал мне. Я все перечеркивал и писал ему, что написано отвратительно и никуда не годится. Присылал ему свой вариант, он тоже говорил: куда это? Что это? Кому это? Совсем не то, что мы хотели. И вот так, с руганью, с раздираньем этих рукописей, с выбрасыванием, ссорами... постепенно начали продвигаться к окончательному варианту. Эта работа продолжалась долго — года три, может, и больше. Не помню точно, потому что он в это время своими делами занимался, я тоже свое писал. Тем не менее книга постепенно нас захватывала все больше, и в конце концов мы полностью включились в эту работу. Когда кончили первую часть, мы попытались напечатать в ленинградских журналах. Нам сразу же вернули ее. Даже и объяснять не стали. Мы поняли, что в Ленинграде напечатать это невозможно. Ни одно издательство не брало по идеологическим соображениям. Поехали в Москву, решили обратиться в лучший журнал того времени, да и сейчас он, возможно, остается одним из лучших — в «Новый мир». Нам помогло то, что главный редактор Сергей Наровчатов был фронтовик и воевал на Ленинградском фронте. Диана Тевекелян ведала прозой. Они прочли и решили взять это, прекрасно понимая, как трудно будет.

Номер с первой частью попал в цензуру, цензура сразу попросила всю рукопись и выдала нам 65 изъятий, замечаний, требований. Были некоторые абсурдные, на наш взгляд, требования. Что не устраивало цензуру? Во-первых, малейшее упоминание о людоедстве. О мародерстве. О каких-то злоупотреблениях с карточками. О том, что в голоде был отчасти виновен... виновны власти. О Жданове наши нелицеприятные высказывания. Ну, было, например, такое, о чем сразу донесли Суслову:

«Баня». Где-то в феврале в Питере открылась первая баня. По-моему, на Мытнинской. И по этому поводу мы записали несколько рассказов людей, которые попали в баню. Топлива не было, и топили только одно отделение, где мылись мужчины и женщины вместе. Но это были не мужчины и не женщины. Это были просто скелеты, которые помогали друг другу, потому что поднять шайку с водой не могли. Глава была запрещена категорически как порнография. Хотя то был пример истинно целомудренных, трогательных отношений людей».

Д. Гранин. История создания «Блокадной книги»

«Разговор с Григорием Романовым был коротким: Ленинградская блокада — героическая эпопея, а вы изобразили не подвиг народа, а страдание и ужасы голода, все к этому свели; получается, что вы развенчиваете историю великой заслуги, стойкости людей, как они сумели отстоять город; вам интересно, как люди мучились. Это чуждая нам идеология.

Примерно такую отповедь мы получили в обкоме партии, когда публикация «Блокадной книги» была запрещена. Второй раз то же самое выслушал Иосиф Ефимович Хейфиц, знаменитый кинорежиссер, лауреат всяких премий, когда ему запретили ставить фильм о блокаде по нашей книге.

Между тем в его сценарии были замечательные герои помимо нашего Юры Рябинкина, там действовала молодая девушка, расклейщица афиш в городе; она возникала на улице, расклеивала плакаты, обращения к жителям с призывами держаться, помогать друг другу, расклеивала объявления об организации похорон, о выдаче кипятка; ни снаряды, ни бомбежки не могли убить ее, она воплощала душу этого города, его стойкость.

Для «Блокадной книги» мы с Адамовичем прежде всего искали дневники блокадников — они были дороже, чем личные свидетельства. Блокадники, которых мы записывали, вспоминали свою жизнь спустя тридцать с лишним лет. Особенность любого дневника — достоверность; обычно автор излагает не прошлое, а сегодняшнее, он не столько вспоминает, сколько делится своими воспоминаниями, сообщает новости, рассказывает то, что произошло сегодня.

Большой террор, репрессии отучили питерцев вести дневники. Занятие стало слишком опасным. В блокаду эта естественная потребность

вернулась с неожиданной силой, люди почувствовали себя не столько событиями, сколько участниками истории, им захотелось сохранить, записать неповторимость происходящего. Но было еще одно обстоятельство — появилось сокровенное ощущение духовной пищи; удивительно, но дневник помогал выживать. Странное, призрачное чувство; умственная работа, духовное осмысление поддерживало. После публикации «Блокадной книги» нам стали приносить дневники, и чем дальше, тем больше; вдруг оказалось, что, несмотря на все ужасы, страдания, люди записывали себя».

Д. Гранин. Как жили в блокаду (Звезда. 2014. № 1)

«В «Блокадной книге» мы с Адамовичем написали цифру погибших в блокадном Ленинграде — «около миллиона человек». Цензура вычеркнула. Нам предложили шестьсот пятьдесят тысяч — количество, которое дано было министром Павловым, оно оглашено было на Нюрнбергском процессе. Шестьсот пятьдесят, и никаких разночтений! Мы посоветовались с историками. Валентин Михайлович Ковальчук и его группа, изучив документы, определили — восемьсот пятьдесят тысяч. Жуков в своих мемуарах считал, что погибло «около миллиона». Дело дошло до главного идеолога партии М. А. Суслова. После многих разборок в обкоме партии, горкоме подтвердили указание: шестьсот пятьдесят тысяч, «не больше». Утверждали люди, которые не воевали, не были блокадниками, у них имелись свои соображения. Павлов заботился о своей репутации, он «обеспечивал» город в блокаду продуктами. Суслов хотел всячески сокращать потери войны, дабы не «сгущать краски». Когда война кончилась, они стали секретить потери, накладывали румяна. Победа должна выглядеть счастливой. В войну потери никого не интересовали. После войны Сталин и его подручные выдали для истории победы цифру потерь — семь миллионов. Что сюда входило, не раскрывали. Как бы и фронтовые потери, и на оккупированных землях. В Энциклопедии Великой Отечественной войны вообще слова «потери» нет. Не было потерь и всё.

Затем в 1965 году, во времена Брежнева, цифра потерь скакнула до четырнадцати миллионов. Еще несколько лет, и разрешили опубликовать двадцать миллионов. Следующую цифру военные историки выпустили уже спустя четверть века — двадцать семь миллионов. Опять же обходя всякие расшифровки.

Ныне говорят о тридцати миллионах.

Пример Ленинградской блокады характерен. Даже добросовестные историки не учитывают погибших на Дороге жизни, в автобусах, что уходили под лед, и тех, кто погибал уже по ту сторону блокады от последствий дистрофии, и те десятки, сотни тысяч, что в июле, августе бежали из пригородов в Ленинград и здесь вскоре умирали от голода, от бомбежек «неучтенными». Не потери обесценивают подвиг ленинградцев, а идеология руководителей: человеческая жизнь для них ничего не значила. Будь то горожане-блокадники, будь то солдаты на фронте, «невыгодные» потери, будь то сотни тысяч, можно и не учитывать.

Главная у нас могила — Неизвестному Солдату».

Д. Гранин. Заговор

«20 ноября 1975 г.

Вот и похоронили Ольгу, Ольгу Федоровну Берггольц. Умерла она в четверг вечером. Народ ничего не знал, на похороны многие не пришли именно потому, что не знали. Газету-то читают, придя с работы. Могли ведь дать хотя бы траурную рамку, то есть просто объявление: где, когда и где похороны, дать можно было еще в субботу. Нет, не пожелали. Скопления народа не хотели. Романовский обком наконец-то мог отыгаться за все неприятности, какие доставляла ему Ольга. Нагнали милиции: и к Дому писателей, и на Волково кладбище. Добились своего — народу пришло немного. А как речей боялись, боялись, чтобы не проговорились — что эта великая дочь русского народа была «врагом народа», была арестована, сидела, у нее вытоптали ребенка, ее исключили из партии, поносили... На самом деле она была врагом этого позорного режима. Никто, конечно, и слова об этом не сказал. Не проговорились. Только Федя Абрамов намекнул на трагедию ее жизни, и то начальство заволновалось. Я в своем слове ничего не сказал. Хотел попрощаться, сказать, за что любил ее, а с этими шакалами счета у гроба сводить — мелко перед горем ее ухода, заплакал, задохнулся, слишком много нас связывало. Потом, когда шел с кладбища, даже на следующий день заподозрил себя — может, все же боялся? Неужели даже над ее гробом лжем, робеем.

Зато начальство было довольно. Похоронили на Волховом, в ряду классиков, присоединили, упрятали в нечто академическое. Так спокойнее. И, вроде бы, почетно. Рядом Блок, Ваганова и пр. Чего еще надо? А надо было похоронить на Пискаревском, ведь просила — с блокадниками. Но где кому лежать, решает сам Романов. Спорить с ним никто не посмел. А он

решает все во имя своих интересов, а интерес у него главный был — наверх, в Москву, чтобы ничего этому не помешало!»

Из дневниковых записей Д. Гранина

«Один из интереснейших советских кинорежиссеров Иосиф Хейфиц загорелся идеей поставить фильм о ленинградской блокаде по материалам «Блокадной книги». В основе должен был быть дневник Юры Рябинкина, школьника, мы с Адамовичем почти полностью привели его в книгу.

Заявку на фильм московское начальство приняло. Мы знали, что питерский обком настроен против «Блокадной книги», но полагали, что все же Москва тоже что-то значит.

Сценарий складывался, появились интересные придумки. Например, мы придумали «расклейщицу плакатов». У нее только ведро и кисть. Она идет по заснеженному, замерзшему городу, обмотанная алым шарфом, душа Петербурга, ее не берут ни снаряды, ни бомбы. Худая от голода, «лицо ее — лик». Она олицетворяет призыв, пафос, стойкость.

«Весь эмоциональный рисунок актера перевернут, алогичен, безумен, — писал Хейфиц, — и это норма для борющейся души. Умер близкий человек — нет стресса, а только забота, как похоронить».

Дальше такая запись:

«Вчера ленинградский руководитель Романов окончательно распорядился судьбой «Дневника». «В книге Гранина и Адамовича, — изрек он, — нет широкой панорамы блокады, а взяты отдельные частные случаи. Цель страданий не ясна, а само страдание... зачем его показывать».

Боже мой! Какие Митрофанушки, отрицающие все выходящее из ряда банальностей и общих мест... Одно успокоение: история, время накажут их, да жалко, я уже этого не увижу, не обрадуюсь этому».

И. Хейфиц, замечательный режиссер, до этого не дожил, впрочем, и я тоже не сумел реализовать наш замысел. А мог бы быть наверняка хороший фильм, достойный памятник блокаде, я сужу по тому, с какой горячностью Хейфиц готовился к этой картине.

«Цель страданий не ясна...» — какая может быть у страдания цель? Погибает близкий человек, ребенок, может ли быть цель у рыдающей матери? Абсурд, характерный для партийного робота, лишенного души, совести и просто понимания того, что творилось в блокаду... Взамен была поставлена эпопея по роману А. Чаковского «Блокада».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Шел спектакль Малого театра «Святая святых» Иона Друцэ.

Пожаловал со своей свитой Г. В. Романов, первый секретарь Ленинградского обкома, был такой. В театрах бывал редко, однако спектакль привезли из столицы, там он пользовался большим успехом. К тому же приезжие народные артисты персонально пригласили.

Идет действие. Актер в роли Льва Толстого в каком-то месте, по пьесе расстроенный, огорченный, произносит: «Русские — дураки!»

И тут на весь зал раздается хмельной начальственный окрик Романова: «Нет, русские — не дураки!» Шумно встает, выходит из ложи, за ним все его мюриды.

Одернул Льва Николаевича, не хуже Владимира Ильича, который тоже Льва Толстого ставил на место в своих статьях.

Как член Верховного Совета Романов награждал орденами. Однажды на церемонию пригласили меня. Вручение происходило в Малом зале Смольного. Первым был вызван я. Рукопожатие. Романов нацепил орден. Я произнес «Спасибо» и ничего более. «Что, не доволен? — сказал Романов. — Мало дали?» «А я и не просил», — ответил я, вернулся на место. Следующему вручали художнику А. А. Мыльникову. Тот тоже «Спасибо», но уже горячо, и прочувствованно преподнес монографию о своем творчестве. Романов повертел ее, нахмурился: «Это на каком языке?» «На английском», — гордо пояснил Мыльников. Романов с размаха швырнул ее на пол.

На обратном пути я не преминул подколоть Мыльникова: «На английском! Думал, его потрясет? А он тебе преподавал патриотизм».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Блокадная книга» собиралась и писалась несколько лет, а параллельно шла работа над романом «Картина» — первой публикацией Гранина в 80-е годы. И опять читатель увидел нового Гранина. Прежде всего необычны были основные герои — советские работники разных рангов: районные, областные, столичные. Необычен был угол зрения на НТР — сюжет строился на том, как строительство завода вычислительных машин может разрушить красоту природы и памятники прошлого. Такой поворот потребовал постановки и решения не только нравственных, но и

эстетических проблем — они оказались накрепко завязаны в один узел.

Мастерски продумана завязка романа. Председатель исполкома города Лыкова Сергей Степанович Лосев, спасаясь от дождя, совершенно случайно оказался на выставке вовсе неизвестного ему живописца Астахова. Равнодушно рассматривая малоинтересные «изображения обыкновенных стариков» и «множество мелких картин в простых крашенных рамах», он внезапно почувствовал какой-то «смутный призыв». Его «неожиданно что-то словно дернуло». «Исходило это от одной картины, чем-то она останавливала». Приглядевшись, Лосев обнаружил, что пейзаж «У реки» напомнил хорошо знакомый лыковцам дом лесопромышленника Кислых и все его окружение. Подумать об этом с уверенностью Лосев не решался. Было непонятно, «откуда запущенное место, которое видно из окон его кабинета, могло иметь такую красоту, как на полотне?». Этим сомнением Лосева начинается уже не событийный, а проблемно-эстетический сюжет романа».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«Дом Кислых все хорошо помнили и доказывали Лосеву, что спутать его невозможно, второго такого — с медной крышей, с полукруглыми окнами — быть не могло.

— Это тебе, Степаныч, не коробочки, какие ты ставишь, — сказал Фомин огромным своим голосом. — Дом Кислых — уникум. Индивидуальный проект. А знаешь, почему крыша у него медная?

Лосев пил коньяк и слушал известную ему историю про женитьбу лесопромышленника Кислых на француженке, дочери фабриканта духовых инструментов, который разорился и дал в приданое медные листы и трубы для духового оркестра. С тех пор Кислых и организовал городской оркестр, тот, что играл в парке по воскресеньям. Выяснилось, что отец у Седовой играл в том оркестре на тарелках. А в революцию оркестр отправился в губернский город на поддержку пролетариата. А в доме Кислых расположился комитет бедноты. Позже там были курсы ликбеза. А потом, это уже на памяти Седовой было, там коммуна жила, коммунары. А рядом, вспоминал Фомин, стояла лавка Городилова, это при нэпе, там торговали живой рыбой в садках, а дальше тянулись яблоневые сады и там часовня святого Пантелеймона, где бандиты расстреляли партизана Мошкова...

Нескончаемый этот поток воспоминаний обычно огорчал Лосева — нынешним городом его земляки интересовались куда меньше, чем тем

Лыковым, что сохранился в их воображении; они вежливо выслушивали лосевские заботы о новом роддоме или пристани, помогали чем могли, но разговор всегда каким-то образом сносило к прежним временам, когда на рынок съезжались гончары и бондари с кадучками, кувшинами, горшками, свистульками, когда перед гостиным двором устраивали смотрины невест, а на майские праздники карусели и ярмарки.

Прошрое выглядело у них милым, интересным, даже грязно-белые козы на улицах и двухэтажные дома «бывших» горожан, которых, оказывается, тоже раскулачивали и выселяли, и чайные, и пожарная каланча — все умиляло их и погружало в приятную грусть.

А то, что новый универмаг с таким трудом достроили на месте разрушенной в войну петровской башни, что провели канализацию, — это их не занимало.

— Башня придавала по крайней мере облик, — говорил Фомин, — а универмаги — они всюду. Ты, Степаныч, не фырчи, ты хоть и мэр, а не в состоянии создать физиономию городу. Ты своим стандартом только уничтожать можешь. Да я тебя не виню. Известно, тебе не разрешают. Но ты тоже пойми, что при стандарте Лыкову не угнаться за новыми городами. Был Лыков на всю Россию один. Цветные открытки выпускали с видами. Теперь он — рядовой райцентр. Таких сотни. Теперь ты открытки выпустить не можешь, на этих открытках изображать-то нечего».

Д. Гранин. Картина

«По мере приближения к финалу усиливаются драматические краски в изображении Лосева. Есть здесь немалая правда: мы чувствуем, как устал Лосев, чего стоила ему борьба. Именно в свете этого и надо воспринимать отказ его идти на высокую должность в область: нервные, моральные издержки столь велики, что и одержанная победа не смогла их пока что искупить. И вместе с тем последние страницы романа отмечены некоторой искусственностью. Впечатление такое, что драматичность подчас нагнетается — возможно, и как некий «противовес» простому, в общем-то, исходу лыковской эпопеи (дело в конечном счете решает своевременная и справедливая статья в центральной прессе). И уже явная, по-моему, искусственность есть в заключительной главе, по существу, эпилоге. Судьба героя окружена здесь атмосферой странной недоговоренности. Лосев бесследно исчез из города, имя его забыто, никто, похоже, не знает и знать не хочет, что сделал он для Лыкова.

Впрочем, автор «Картины» оставляет, кажется, нам некоторые надежды «Полагаю, что он вернется. Потому что обстоятельства именно такого человека потребуют!» Примечательно, однако, от кого исходит это пророчество — от Матвея, местного философа, а проще говоря забулдыги. Больше о Лосеве говорить в городе некому.

И потом что значит — «потребуют»? Отчего будущее время? Обстоятельства требуют, настоятельно требуют Сергея Лосева. Дел для него неупорот».

М. Синельников. Человек не со стороны (Литературная газета. 1980. 2 апреля)

«— Дядя Матвей, тут товарищ интересуется Лосевым, вы знали его? Матвей привстал, осмотрел их разомлевшими светлыми глазами.

— Про Сергея Степановича?

— Они из Москвы, реставраторы.

— Реставрировать — это у нас могут, — сказал Матвей. — Делать не умеют, а реставрировать могут. Было б что.

— Диоген, — сказал реставратор. — Главный философ города!

Матвей зевнул, прислонился к стенке.

— Обиделся? Хотя ты и реставратор, но не имеешь подхода. Нетерпелив. Я про Лосева все могу. У нас с ним сколько разных дискуссий было. Он меня признавал. Самостоятельный был начальник.

— Что же с ним стало? — спросил Бадин.

— Человек из легенды! Вот он кто! От своей должности добровольно отказался. Повышение ему предлагали. Не принял. Такую власть давали — не взял!

— Это почему?

— То-то и оно! Значит, произошел у него переворот событий. А если все взвесить — загадка. Задуматься надо бы, да некому.

— А теперь где он?

— Филиал строил. Потом уехал. Исчез с поля зрения. Но я полагаю, что он вернется.

— Почему же?

Матвей прищурился на солнце и сказал с загадочностью:

— Ситуация жизни потребует такой личности!»

Д. Гранин. Картина

«В процессе работы над романом «Картина», начиная Поливанова как человека догматичного, ограниченного, человека, который предъявлял самые что ни на есть вульгарные требования к замечательному художнику Астахову, я убеждался, что у этого Поливанова была своя историческая необходимость, и убедительная. В чем-то я стал ему сочувствовать, чем-то он меня привлек на свою сторону. Я увидел трагедию этого человека. Увидеть свою правду в отрицательных явлениях жизни — значит показать, в чем их сила и живучесть.

Самое драгоценное для меня — в той литературе, где совершается открытие характера, обстоятельств исторических, жизненных. Такого рода открытия могут происходить лишь на пути к правде, когда не уклоняешься от самых острых проблем бытия. Наверное, надо даже идти на них. Стремление идти на самые острые конфликты времени, искать истину в ее острейших столкновениях приносило успех нашей литературе. Смелость — одно из самых привлекательных качеств писательского дарования. Нужна смелость, чтобы перешагнуть сегодня через каноны и штампы мышления, каких-то вульгарных схематических представлений — нет, не о жизни, а о том, что полезно и что вредно. До сих пор есть критики, которые считают, что советской литературе не пристало, а советскому читателю «не полезно» трагическое, трагичность обстоятельств. А ведь жизнь трагична так же, как и была во времена Пушкина и Толстого, трагична потому, что никто и ничто пока не снимает проблем неудач, несчастий, смерти, одиночества. Все лучшее в литературе большей частью было связано с трагическим мироощущением.

Не стараемся ли мы обойти это? Не ищем ли прежде всего победителей? Почему мы признаем преодоление страданий, а сами страдания нам кажутся ненужными, малозначащими?

Я вспоминаю, как много сил пришлось потратить, отстаивая необходимость рассказывать о страданиях непреодоленных, о муках человеческих в «Блокадной книге». От нас ждали прежде всего героизма, а герои — это, как известно, люди, которые умеют одолевая страдания.

Может быть, еще более сложной и насущной потребностью литературы являются трагедии не войны, а сегодняшнего дня, в условиях нормальной жизни, где неслышные страхи, горе, разочарование открывают сложность и полноту человеческого существования».

Д. Гранин. Вопросы и ответы (Октябрь. 1981. № 9)

«Гранин — не такой человек, который может безразлично относиться к тому, что он видит, или к тому, что его окружает. Обладая острым, парадоксальным складом ума, он всегда реагирует неожиданно и очень точно на различные явления и проблемы.

Я вспоминаю, как мы с ним давали интервью для одной из газет ГДР. Он немного запаздывал, и корреспондент решил сначала проинтервьюировать меня, а затем задать те же вопросы Гранину. Я, как мне казалось, довольно гладко и правильно ответил на вопросы, касавшиеся воспитания творческой молодежи. Корреспондент был также вполне удовлетворен моими ответами. Затем пришел Гранин, и на те же вопросы корреспондента он ответил не только иначе, что вполне естественно, но так неожиданно, а иногда и абсолютно вразрез с моими «правильными» ответами. Это было сделано так убедительно, что нельзя было с ним не согласиться. К сожалению, в газете были опубликованы оба интервью. К счастью, моя фамилия была несколько искажена...»

Г. Ястребенецкий. Не только о скульптуре (СПб., 2008)

«Было это в 1980-х годах, заседала Топонимическая комиссия при Ленсовете. Среди вопросов было переименование Пушкинской улицы. Партком и дирекция Электротехнического института предлагали переименовать ее в улицу имени профессора Богородицкого. Ректор института, депутат, заслуженный профессор, кажется, еще и лауреат и пр., и пр. Ордена, звания... Недавно умер, надо почтить его память. Возражений нет?

Вел заседание какой-то зам и председатель Ленсовета, тоже известный тогда, а ныне, хоть убей, не вспомнить фамилии. Я поднял руку — против. Этот начальник поморщился — почему вы против? Я говорю — старинное название, со времен Петра, жили пушкари, словом, всякие исторические доводы. Разумеется, никого они не тронули. Народ-то не питерский, все пришлые, из провинции. Думаю — плохо дело.

Секретарь парткома ЛЭТИ: Мы-то думали, что вы, товарищ Гранин, нас поддержите, вы певец ученых, это ваши герои, что же вы против?

Председатель: Давайте, Даниил Александрович, не будем нарушать традиции, мы всегда решаем единогласно.

Гранин: Так ведь я о ваших интересах думаю.

Председатель: Это как понять?

Гранин: Как, по-вашему, будут называть эту улицу?

Председатель: (Пожимает плечами.)

Гранин: Богородицкая, не так ли? Никто не вспомнит о профессоре. Появится Богородицкая — типично церковное название. По решению, между прочим, коммуниста такого-то, одного из руководителей Ленсовета.

Наступило молчание.

Председатель: Да-а-а. Неудачная фамилия. (Задумался.)

Гранин: А нельзя ли внутри института назвать какую-нибудь лабораторию именем профессора Богородицкого?

Председатель: Действительно, товарищи из ЛЭТИ. Хорошее предложение. Кто за?.. Единогласно. Отлично».

Д. Гранин. Заговор

«Все письма, какие я получал из заграницы, приходили вскрытыми. Изредка на конвертах стоял бледный лиловый штамп: «Получено в поврежденном виде». Остальные были надорваны, вскрыты без объяснений. Пропагандистам города на инструктажах сообщали, что Гранин — один из самых богатых людей в СССР. В памятках агитаторам опубликовали цифру моего гонорара «в феврале, например, он получил столько-то тысяч». Это был гонорар за три года работы над «Блокадной книгой».

Бессмысленно было жаловаться партийным начальникам на их подручных. Люди, как правило, малокультурные, лживые, они терпеть не могли интеллигенцию. Может, и попадались среди них порядочные, например, в горкоме работал Виктор Лопатников — исключение, белая ворона. Секретарь обкома Борис Андреев, в войну он был награжден двумя орденами Славы. Такую награду заработать было нелегко. Партработа лишила его смелости, стал приспосабливаться, повторять чужие слова, стал мне однажды доказывать, что «Зубр» на самом деле книга не про Тимофеева-Ресовского, а про Сахарова, так я тайком прославляю этого антисоветчика. Он не позволял ничего самостоятельного, сразу бы вылетел за пьянство, держали, потому что был управляем.

Федя Абрамов советовал — сходи к первому, попроси себе, допустим, машину, они любят, когда их просят, потом благоволят к тем, кому оказали услугу, он вот попросил себе квартиру — и получил. Мне не хотелось, я был «не их». Понятие неопределимое — «свой», «не свой». Я был всем им чужой. Феде тоже не совсем свой, но и не совсем чужой. А вот Лихачев,

Товстоногов, Кушнер, Горбовский, или Твардовский, Панова, Берггольц — для них «не наши». Граница не анкетная, но четкая. Не оппозиционность, тут другое — чужой, интеллигент, внутреннее неприятие, оно уходит в родословную — он из раскулаченных, из репрессированных, из «врагов народа». Власти наши, слава богу, наготовили себе и обиженных, и ненавистников».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Я хорошо знал академика Сахарова, мы с женой были у него в гостях: маленькая квартира, две комнатки и кухня, где были кухонные беседы. Скромность жизни — это удивительно, притом что он имел возможность жить совершенно иначе. Он щеголял этой скромностью. Великолепный ученый, который прославился как создатель водородной бомбы, но он активно участвовал и создавал оппозицию для многих судебных процессов над диссидентами. Когда где-то начинался такой процесс, Сахаров приезжал, его не пускали, и он стоял перед зданием суда, и люди видели и собирались вокруг него. А после, когда наконец пускали и он выходил снова на улицу к своей машине, обнаруживал, что проколоты все четыре шины. Он не ругался, не бранился, но постепенно заработал в этом смысле такой авторитет как ученый и как человек, который может служить призывом. Все наши устные призывы, выступления, публицистические статьи не так действовали, как человеческий пример. Люди понимали, что можно добиться многого, когда видели, как настойчиво действует Сахаров».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«Говоря об успехах сельской темы в нашей литературе, нельзя не отметить: многое тут идет от того, что в ней, этой теме, есть преимущество печали, гнева и любви. В так называемой городской литературе — в ней недостает боли и злости на то, как плохо мы работаем, гнева, который обуревают сегодня каждого честного труженика, когда он встречается с бесхозяйственностью, с воровством, с очковтирательством, равнодушием, ложью. Одного гнева здесь, конечно, недостаточно, одно обличение — это еще не искусство. Искусство требует, очевидно, еще и печали, и любви, в

том числе и любви к городу, любви к заводу, к красоте и энергии заводской трудовой жизни.

Сила «Прощания с Матерой» Распутина в том, что любовь к земле предков и красоте родных мест порождает печаль и страдание от того, что они гибнут и уходят. Нечто подобное, разумеется, иное, но столь же трагичное, противоречивое существует и в городской жизни, и всегда было, и так чутко улавливалось русской литературой со времен Гоголя.

Противоречие научно-технической революции состоит в том, что она высвобождает человеку время для отдыха, облегчает труд, но она незаметно приучает человека к прагматизму и делает его излишне расчетливым, рациональным. А нравственность далеко не всегда требует мотивации.

Техника окружающая изменяется быстро и все быстрее, а человек изменяется медленно. Он становится образованнее, он умеет обращаться с более сложными машинами. Формируется рабочий нового типа, имеющий среднее образование, широкий профиль. Не завод готовит для себя рабочего, а государство готовит рабочего для промышленности. И вместе с тем это часто тот же подросток, с его незащищенностью, неумением жить, чувствующий несоответствие между могучей техникой, которая его окружает, и миром своих страстей.

Интенсификация производства, а вместе с тем и жизни создает некий духовный вакуум. Появляется дефицит искусства — человек чувствует нехватку красоты, нравственности, и люди пытаются как-то уравновесить искусством недостающую духовность. Всегда ли может современное искусство выполнить это требование? Конечно, оно стремится к этому. Отсюда в нашей прозе сегодня тяга к нравственным проблемам, к героям, исполненным внутренней жизни, к героям добра и мысли...

Чем дальше будет развиваться научно-технический прогресс, тем больше, я уверен, будет нужда в искусстве. Может, сегодня книгу теснят телевидение, кино, легкая музыка, но все равно ничто не заменит человеку книгу. И чем далее, тем больше общество наше будет нуждаться в искусстве, в поэзии, в прозе с их тайной, с их чудом воздействия, часто необъяснимым и единственным (*аплудисменты*)».

Из выступления Д. Гранина на V съезде писателей РСФСР (Литературная газета. 1980. 17 декабря)

«Романов Г. В. — снят. Горе счастливых граждан Ленинграда не

поддавалось описанию. Звонят друг другу, поздравляют, на работе все улыбаются, похлопывают друг друга. Типично, у нас не бывает, чтобы горевали из-за снятия начальника.

За что сняли — не сказано. Поэтому слухам нет конца. От самых романтических («Выяснилось, что он потомок Романовых, тех самых», «Сошелся с певицей С., жену упрятал в сумасшедший дом») до самых прозаичных («Напился в Финляндии. Финны сняли фильм о его пьяных выходах, показали по телевидению после того, как у нас началась продовольственная кампания», «Взял на свадьбу дочери сервиз из Эрмитажа и расколотил его», «Выступил на Политбюро против Горбачева, истерику устроил»).

Слухов много, радость единодушна. Решение нового руководства вызвало одобрение. «Хорошо начали!» — сказал С. Алексеев, мой приятель по Ленэнерго.

Затем последовали другие смещения. Сняли Кунаева, узбекскую мафию погнали, в Молдавии убирают вождей, идет суд в Москве над «Мосторгом». Начались самоубийства: Щелоков, министр внутренних дел, его жена, сняли Епишева — Скалозуб из Политуправления армии и пошло-поехало.

Так кончается эпоха Брежнева.

Дочь, пьяница, пользовалась властью для воровства, муж ее из милицейского лейтенанта был назначен первым замминистра внутренних дел Щелокова. Каждый родственник Брежнева обзавелся удостоверением «Родственник Л. И. Брежнева». Было много идиотского, все окружение старалось, несмотря на маразм генсека, продлить его существование на престоле, оно всех устраивало. Между тем сам Брежнев в первые годы своего правления был разумен, по натуре человек добрый, он старался по возможности избегать зла. Мне о нем хорошо рассказывал Аркадий Райкин, да и другие».

Из дневниковых записей Д. Гранина, июль 1985 г.

«Собирая факты, слухи, всякие байки, автор из них старательно складывал образ своего героя. Делал он это сообразно тем чувствам страха и уныния, которые царили среди горожан. Пустоты он заполнял домыслом, домысливали тогда все, анализировали, придумывали, искали мотивы, причины... Сейчас же, когда он увидел и услышал Романа Авдеевича воочию, размеры не сошлись. Сочиненный им образ был слишком

внушительен и грозен. Живой Роман Авдеевич выглядел напыщенно, глупо, нес какую-то ерунду, из этого ничтожества, из этого мусора немыслимо было собрать недавнего претендента на престол. Было стыдно и скучно. Но тут автор вдруг рассмеялся. И продолжал смеяться, хотя Роман Авдеевич побагровел, что-то прикрикнув, угрозил. Автору все стало безразлично, он понял, что нет великих злодеев. Не бывает. Дайте возможность любому пакостнику, подонку получить безнаказанную власть, и он развернется не хуже Ричарда Третьего. Должность всего лишь меняет масштабы.

...По возвращении в наш город автора закидали вопросами. Рассказам его не поверили. Никто не мог представить Романа Авдеевича пигмеем. Насчет роскошной дачи, беседок, аллей верили, а вот про глупого, жалкого гномика не понимали. Как же он мог добраться до самого верха, ведь что-то наверное имелось! Какая-то идея нужна.

Примерно тогда автор стал замечать, что люди воспринимают эпоху Романа Авдеевича с некоторым смущением, не желая признаваться в том, что они были свидетелями всего того, что творилось. Как будто они отсутствовали, как будто они чужеземцы. Некоторые даже изумлялись — неужели это все было? Особенно молодежь. Они уверены, что весь этот абсурд — преувеличение старших, что нормальный человек не мог бы согласиться на такую жизнь...»

Д. Гранин. Наш дорогой Роман Авдеевич

«Хотя мы называем семидесятые годы, вплоть до 1982 года, периодом застоя, название это отражает, скорее, рутинность в экономике, внешнее впечатление глади, в обыденном же сознании людей происходили изменения крутые.

Когда я впервые году в шестьдесят восьмом узнал, что хирург в больнице «берет» за операцию — не поверил. И все кругом не верили. Значит, этот врач урод, монстр.

Потом оказалось, что «берут» и в других больницах. Процесс шел постепенно. Узнавал, что берут при приеме в институт, берут за дипломы. Берут учителя, берут в райжилотделах за ордер, за обмен, берут за путевку в санатории... Люди приспособлялись к этим порядкам мучительно. И не привыкли, не хотели мириться, они знали от рождения, что медицина у нас бесплатная, это завоевание, которое свято блюлось врачами, что обучение у нас бесплатное, что мы должны «учиться, учиться и учиться», жилье почти бесплатное, никто не может нарушить великих завоеваний революции...

Менялось отношение к богатству. Становилось престижным иметь шикарную мебель, бриллианты, машину лучшей марки, дачу, словом, быть богатым. Одеваться не просто модно, а быть в «фирме». Прежнее небрежение к быту, коммунальщина, все уходило в прошлое, выглядело неудачливостью. Хорошо жить, жирно жить, богато жить, не обращая внимания, каким путем это приобретено... Социальная психология перестраивалась. Исчезала былая «пролетарская гордость», аскетизм, обыденное сознание ориентировалось на иные ценности. Приобретательство, роскошь хотя и осуждались пропагандой, но фактически этим занимались те, кто пропагандировал, и те, кто произносил обличительные речи, и те, кто возглавлял борьбу с хищениями, взятками.

Угодники и льстецы делали карьеры. Чем больше воровали в своих краях, министерствах, тем больше льстили. Льстили не от страха, льстили, не уважая, ради того, чтобы продвинуться, заработать себе право на безнаказанность. И выдвигались. Это поощрялось. Соревновались, изошрялись в подарках, сооружали к приезду высокого гостя триумфальные арки, выстраивали вдоль дорог шеренги счастливого населения. Додумались до переносных клумб, которые переносили вдоль очередной трассы. Чуть ли не траву красили. В расходах не стеснялись. Все меньше думали о нуждах людей, о нехватке больниц, жилья. Строительство учреждений культуры не велось. Зато были построены сауны, тысячи больших и малых саун во всех областях, при комбинатах, управлениях для ублажения большого и малого начальства. Сауна — типичное сооружение периода застоя. И типичное времяпровождение — потеть, окунаться, попивать чаек, водочку...

А страна беднела и тощала. Начальники же доказывали, что потребление мяса, фруктов, масла, рыбы растет, все дело в том, что больше стали есть дорогих продуктов.

На цветной вкладке «Огонька» напечатали портрет новоиспеченного маршала Брежнева, главным там был тщательно выписанный голубоватый мундир со всеми звездами, медалями, орденами» отечественными и иностранными. Мундир, завешанный донизу, выглядел чудовищно. Но редактор знал, что делал. Холуйство было в цене».

Д. Гранин. Человек не отсюда

Глава шестая

ВЕТРЫ НАДЕЖД И ТРЕВОГ (1985–1992)

«Помните, много лет в ходу было выражение «книжный бум»? Теперь он сходит на нет, а в печати мелькнуло новообразование: «газетный бум». Газеты сегодня интереснее книг. Еще недавно казалось, что я успевал следить и за тем, и за другим. Но как успевал? Газету пробегал наскоро, по заголовкам, лишь на отдельных материалах чуть задерживая внимание. Теперь читаю «от корки до корки». А времени не хватает, и толстые книги терпеливо ждут своей очереди. Журналистика, которую мы ругали, которой мы подчас «пугали» писателей («сбивается на журналистику», «уходит в очерковую скороговорку»), за короткое время — какие-нибудь год-полтора! — сделала решительный шаг вперед, откликается на требования жизни не только оперативнее, но и во многом глубже, чем литература. Возьмите публикацию в «Правде» — «У последней черты» — о том, как в одном из городов Украины должностные лица преследовали корреспондента журнала «Советский шахтер». Разве не примечательно, что герой публикации — журналист?! Мы, грешным делом, прежде и про журнал-то такой не слыхивали. А ныне его корреспондент — фигура, оказавшаяся в эпицентре страстей, в самой гуще борьбы, завязавшейся вокруг перестройки нашей жизни. А материал в «Литературке» о похоронах в Ростове? О том, как публично, с помпой, на глазах у всего города погребли заведомого жулика, преступника, осужденного законом! Это же была открытая демонстрация, вызов, брошенный всем нам теми, кто представляет собою вчерашний день нашей жизни. Оглушающий материал! А ведь есть еще «Огонек», «Известия», «Советская культура», за газетой «Московские новости» у нас в Ленинграде выстраивается очередь...»

Из беседы Д. Гранина с И. Фоняковым (Литературное обозрение. 1987. № 52)

«Искусство прощения — это труднейшее искусство, труднейшее нравственное испытание человека. Вот я сталкиваюсь сейчас с вопросом: люди требуют наказания тех, кто вершил репрессии в годы культа

личности. Но ведь при этом нужна какая-то мера. Одно дело предъявлять вину, другое — требовать обязательного наказания этих людей. Проблема прощения и наказания, проблема суда и оправдания — для нашей истории достаточно сложная проблема. Я не берусь ее решать. Решать ее надо сообща. Такой разговор надо вести не абстрактно, а на примерах конкретных человеческих судеб. Нельзя же снова переходить к массовым репрессиям. Именно — массовым, мы ведь все хотя и в разной степени, но соучастники. Были доносчики, были несправедливые судьи, были садисты-следователи, были те, кто помалкивал, соглашался, голосовал за смертную казнь, исключал, славил порядки произвола и беззакония. В этом смысле виноватых очень много. Осознать эту свою вину необходимо великому множеству людей, иначе не очиститься».

Из интервью Д. Гранина АПН 16.12.1987 г.

«Объективно у Вас получается попытка спасти от справедливого наказания тех, кто совершал самые ужасные преступления за всю историю Советского государства, тех, чьи руки осквернены кровью невинных людей. Кого Вы, Даниил Александрович, призываете прощать? Какими моральными соображениями руководствуетесь?.. Осуждаемые Вами люди, одержимые правдой, считают, что преступления таких масштабов забвению не подлежат, для них нет срока давности. Это оскорбление светлой памяти погибших — призывать к прощению преступников. Мне не доводилось слышать, чтобы кто-то из них раскаялся. Зато я слышал рассуждения о том, что наказание виновных вызовет какие-то негативные явления и нанесет ущерб нашему обществу. Такие аргументы — от тех, кому интересно, чтобы все закончилось общими рассуждениями. Если мы не воздадим должное преступникам, то отголоски 30-х годов обязательно скажутся... Простая логика заставляет многих делать вывод, что если не наказываются даже чудовищные преступления, то бессмысленно бороться с более мелкими».

*Из письма Д. Гранину Ю. Козлова из Ярославля
(декабрь 1987 г.)*

«Иногда нашему поколению огорчительно, что молодежь судит старших скоро и неправильно, не стремясь разобраться в том, кто и что из

нас сделал. Я это на своей шкуре испытал, когда мне говорили: «А что вы делали при Брежневе? А что вы делали при Сталине? Почему вы молчали? Почему вы позволили все это?» Уж к себе-то, казалось бы, я эти упреки-обвинения никак не могу отнести, потому что знаю, как мне доставалось. Ну, при Сталине-то я еще не печатался, я начал сразу после Сталина печататься, — нет-нет, и при Сталине немножко захватил кусок, и помню, как мне доставалось и при Хрущеве, и при Брежневе за рассказ «Собственное мнение», и за повесть «Наш комбат», и за другие вещи. Лишали возможности печататься, на несколько лет я был выброшен за пределы публикации и все прочее... Но я не обижаюсь на такую судьбу. Я понимаю, что молодые не хотят, не желают, не могут и даже не должны разбираться в том, что сделал этот человек, а тот мог сделать, а другой пытался сделать, но не сделал, — они чохом судят все наше поколение, и правильно судят. Некоторые из нас, конечно, чувствуют эту несправедливость в личностном плане, но по отношению к поколению этот суд справедлив...»

*Из беседы Д. Гранина с А. Самойловым (Аврора. 1989.
№ 1)*

«Те, кто читал «Блокадную книгу», помнят, быть может, рассказанную в ней историю о спасении картин замечательного советского художника Павла Николаевича Филонова. Он погиб в Ленинграде от голода в декабре 1941 года. Его сестра Евдокия Николаевна Глебова сумела в разгар блокады передать картины Филонова на хранение в Русский музей. Это был истинно героический поступок, один из подвигов ленинградцев того страшного времени. Еле державшаяся на ногах, она волокла по замерзшим улицам города пакет — огромную тяжесть! — с 379 работами и рукописями брата, 21 полотно на валу нес ее родственник. Более 40 лет прошло с военной поры. Работы художника, признанного ныне всемирно, так и хранятся в Русском музее, частично в Третьяковской галерее, несколько картин в других музеях страны. Сделанное и покойной Е. Н. Глебовой, и людьми, занимавшимися наследием П. Н. Филонова, не пропало, не кануло в Лету. И в то же время — кануло, ибо уже не одно поколение лишено радости видеть эту чудесную живопись. Картины так и не выставлены, они лежат в запасниках. В чем же дело?

Предпринималось немало попыток устроить выставки Филонова, рассказать о его творчестве, выпустить монографии о нем, и всякий раз эти

попытки наталкивались на какое-то непонятное сопротивление... Несколько раз я пытался напечатать воспоминания Е. Н. Глебовой о брате. Упросил, буквально заставил ее их написать, поскольку она одна могла рассказать о детстве и юности художника. Мы с главным редактором «Невы» пытались опубликовать воспоминания в журнале, приложив несколько филоновских литографий. Не вышло. Я даже записал диалог по этому случаю:

— Да вы знаете, Даниил Александрович, не стоит, подождем.

— А чего «подождем»?

— Даниил Александрович, вы сами должны понимать.

— А я не понимаю.

И я действительно не понимал — ведь речь шла не об идейных изъяснах, а о субъективном отношении к манере живописи.

— Ну как вы не понимаете? — тонкая улыбка авгура — как тайный знак соумышленнику.

Идет разговор, полный намеков, которые вроде бы должны что-то пояснять. Но ничего они не поясняют, кроме желания отпихнуть от себя дело, может, чем-то рискованное, уйти от личной ответственности...

Книга лучших стихов Владимира Высоцкого увидела свет, когда его самого уже на свете не было. Не найдешь сейчас, с кого спросить. А ведь, не преданные гласности, эти явления не становятся уроком, они уходят, уплывают, течение жизни относит их в прошлое.

Представьте себе, что готовый к пуску завод, призванный давать нужную продукцию, вдруг закрывают только потому, что какой-то начальник скажет: «Не по душе мне этот завод». Абсурд? Если даже нечто подобное произойдет, то виновные за это понесут строжайшее наказание. Но ведь поэт, художник, режиссер — тоже завод, «вырабатывающий счастье», как говорил Маяковский. Почему же такие заводы можно закрывать безнаказанно? Почему за многолетний простой таких заводов, за недоданное ими никто не несет ответственности?»

*Д. Гранин. Ответственность подлинная и мнимая
(Литературная газета. 1986. 12 февраля)*

«Д. Г. Помню, как снимали первого секретаря Ленинградского обкома партии Юрия Соловьева. Я тогда был членом обкома. Приехал Горбачев, снял Соловьева и поставил Бориса Гидаспова. И все проголосовали, дружно, единогласно, хотя многие даже не знали, кто такой Гидаспов.

Пленум закончился, я — это вышло непроизвольно — поднимаю руку: «Прошу слова». И говорю: «Хочу сказать спасибо Соловьеву за то, что он проработал столько лет, и во время его работы обстановка была более или менее нормальная, жили без скандалов. Юрий Филиппович, спасибо вам». А Горбачев спрашивает с досадой, потому что я ведь нарушаю ритуал: «От чьего имени вы говорите спасибо?» — «От своего имени, члена обкома». И пленум заплодировал.

А. М. А Горбачев потом не припоминал вам этого?

Д. Г. Нет, он не злопамятный человек...»

*Из беседы Д. Гранина с А. Мелиховым (Октябрь. 2010.
№ 6)*

«Тепло поддерживающей руки Гранина мне довелось ощутить и самому. Когда рукопись «Белых одежд» лежала в «Новом мире», я однажды в разговоре с членом редколлегии журнала услышал: звонил из Ленинграда Гранин, спрашивал, как там у нас дела с новым романом Дудинцева. Вопрос этот тогда оставил след, легкий, в моей памяти. Позже «Новый мир» расторг со мной договор. Любому писателю ясно, какой это был для меня удар. От таких ударов мы седем, бодем, получаем инфаркты... И вот не успел я пожить сутки или двое наедине с этой неприятностью, как приезжает из Ленинграда Борис Николаевич Никольский, главный редактор «Невы». Оказывается, Гранин, член редколлегии журнала, сообщил им, что у Дудинцева есть такой-то роман, «Новый мир» его только что отклонил, самое время с автором заключить договор. Редколлегия приняла решение, и Никольский был командирован ко мне.

Такое дорогого стоит. В условиях только что начавшейся перестройки, когда многие люди стояли одной, а то и двумя ногами в прошлом, как, в частности, тогдашняя редколлегия «Нового мира», я вдруг увидел, что в борьбе за публикацию романа я не одинок! Где-то далеко, за семьсот километров от Москвы, был Гранин, который держал мою судьбу под неослабным наблюдением и в нужную минуту сыграл свою роль».

*В. Дудинцев. Идущий на грозу // Литературная газета.
1989. 4 января*

«За последние 50 лет я общался с Даниилом Граниным очень много

раз. Я увидел его вплотную в конце 1960-х годов, когда хорошая компания в составе Юлии Друниной, Виталия Тендрякова, Алексея Каплера, Даниила Александровича и вашего покорного слуги ездила на Колыму, в страшные места, где погибала интеллигенция высшего разбора. Старшие коллеги, которые имели на это права больше, чем я, говорили обо всем совершенно открыто. Потом мы ездили однажды в Америку, и там он совершенно честно и очень интересно говорил, что ему нравится и что нет.

Гранин не бунтовал против власти, не принадлежал к диссидентам. Он оставался на грани, простите за каламбур. Но был неимоверно опасен для врунов тем, что всегда говорил честно.

Когда началась перестройка, я стал редактировать «Огонек». Хороших материалов всегда не хватает. А до того я очень много наслушался от коллег (не стану называть фамилии), что вот цензоры, такие-сякие, не дают писать. Начал звонить и говорить: все, цензуру отменили, давай сокровенные рукописи. И оказалось, что все это было болтовней, ни у кого ничего не было. Я увидел, каким несчастьем оказалась отмена цензуры для болтунов. Но только не для Гранина, который мне дал отрывки нового романа «Зубр».

В. Коротич. Памяти Даниила Гранина
(<https://www.bbc.com/russian/features-40510922>)

«В 1987 году в журнале «Новый мир» появилась повесть «Зубр». И вновь история науки подсказала Гранину фамилию и биографию необходимого ему будущего героя. Гранина увлекла удивительная, уникальная фигура Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, Зубра. Жизнь его была, пожалуй, еще более странной, чем жизнь Любищева. Но повесть «Эта странная жизнь» уже существовала. И Гранин нашел другое название, не столь определенное, но зато вызывающее самые широкие ассоциации — с исчезающей стариной, незаурядной силой, исключительностью характера и судьбы. Николай Тимофеев-Ресовский был действительным членом академии немецкой, почетным членом — американской, итальянского общества биологов, менделеевского общества в Швеции, генетического общества Британии, научного общества имени Макса Планка в ФРГ. В 1965 году его наградили Кимберовской медалью «За замечательные работы в области мутации». Эта медаль по своему престижу у биологов равносильна Нобелевской премии. <...>

Жизнь Тимофеева-Ресовского пересекали самые грандиозные события

XX века. Совсем юным он был вовлечен в битвы гражданской войны. Его научная зрелость пришлась на то время, когда в Германии свирепствовал гитлеризм, а в СССР начались трагические репрессии 1937 года. Ученый же работал в Германии, отказавшись вернуться в Москву под влиянием дурных вестей с родины — там был арестован даже Николай Иванович Вавилов. Ему становилось тошно: «Дома бьют, долбают единомышленников, а он отсиживается у фашистов за пазухой». Выбор, сделанный Зубром, вызвал тяжелые последствия: старший сын погибает в фашистской тюрьме, его самого после Дня Победы бросают в тюрьму советскую. Но сквозь все катастрофы, испытания и беды Тимофеев-Ресовский пронесет свою преданность науке, свою жажду работы во славу России».

Л. Финк. Необходимость Дон-Кихота

«В том дальнем углу в кресле сидел Зубр. Могучая его голова была набычена, маленькие глазки сверкали исподлобья колюче и зорко. К нему подходили, кланялись, осторожно пожимали руку. Оттопырив нижнюю губу, он пофыркивал, рычал то одобрительно, то возмущенно. Густая седая грива его лохматилась. Он был, конечно, стар, но годы не источили его, а скорее задубили. Он был тяжел и тверд, как мореный дуб.

Женщина, худенькая, немолодая, обняла его, расцеловала. Женщина была та самая Шарлотта Ауэрбах, чьи книги недавно вышли в переводе на русский, вызвали интерес, ее уже знали в лицо, в то время как Зубра в лицо не знали. Большинство подходили именно затем, чтобы взглянуть на него хотя бы издали. Шарлотта приехала из Англии. Когда-то она бежала туда из гитлеровской Германии. Зубр помог ей устроиться в Англии. Это было давно, в 1933 году, возможно, он забыл об этом, но она помнила малейшие подробности. Легкие женские слезы радости катились по ее щекам. Кроме радости была еще и печаль долгой разлуки. Сорок пять лет прошло с того дня, как они расстались. Миновали эпохи, весь мир изменился, а Зубр оставался для нее прежним, все таким же старшим, хотя они были одногодки. <...>

Молодые теснились поодаль, с любопытством разглядывая и самого Зубра, и этот не предусмотренный программой церемониал — парад знаменитостей, которые подходили к Зубру засвидетельствовать свое почтение. Сам Зубр принимал этот неожиданный парад как должное. Похоже было, что ему нравилась роль маршала или патриарха, он

милостиво кивал, выслушивал людей, которые занимались несомненно наилучшей, самой прекрасной и доброй из всех наук — они изучали Природу: как и что растет на земле, все, что движется, летает, ползает, почему все это живое живет и множится, почему развивается, меняется или не меняется, сохраняя свои формы. Поколение за поколением эти люди старались понять то таинственное начало, которое отличает живое от неживого. Как никто другой постигали они душу, что вложена в каждого червяка, в каждую муху, хотя, разумеется, вместо этого ненаучного названия они употребляли длинные труднопроизносимые термины, но тот из них, кто забирался глубоко, невольно замирал перед чудом совершенства ничтожнейших организмов. Даже на уровне клетки, простейшего устройства, оставалась непостижимая сложность поведения, нечто одушевленное. Прикосновение к трепетной этой материи невольно объединяло всю эту разноязычную, разновозрастную, разноликую публику».

Д. Гранин. Зубр

«Задумав писать о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском, Даниил Александрович очутился перед тяжелой задачей сбора материалов о нем, и, главное, зная его судьбу, изложить ее так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, а главное, не была бы нарушена правда истории.

Мы были знакомы и, я даже смею сказать, дружили с Еленой Александровной и Николаем Владимировичем с середины 60-х годов, когда он впервые, свободный, приехал в Ленинградский университет с чтением лекций. Мы полюбили их. Мы были сравнительно молодые, а такие уникалы попадались впервые. Они были естественные люди — без наигранности и фальши...

Жили они в Обнинске скромно. Маленькая квартира и никаких лишних вещей.

В 1970 году наша дочка вышла замуж и в виде свадебного путешествия поехала в командировку в Обнинск и в Москву. В Обнинске гостиница была занята спортсменами, и им некуда было идти, и они жили в квартире Тимофеевых, которые в это время куда-то уехали.

Когда они приезжали в Ленинград, мы зазывали к нам наших друзей, чтобы познакомить их с Н. В. и Еленой Александровной. Елена Александровна любила театр и концерты, а Н. В. был счастлив, если мог не пойти. Все годы они вдвоем ездили на пароходе по рекам России, и по

Сибири, и по Волге, и по Северу. Всегда заезжали в Ленинград, и опять мы встречались, и Н. В. с болью говорил о реках, затянутых ряской, и о мертвой рыбе. Д. А. несколько раз записывал Н. В. на пленку, его рассказы, начиная с ранних лет. Но все же Д. А. тогда полностью не понимал, с каким редким человеком свела его судьба. Только последние годы он стал записывать подряд все, что Н. В. говорил.

В 1983 году Николай Владимирович умер. Не знаю, почему мы не поехали на похороны. Теперь жалею. А Д. А. вообще боится и избегает похорон. Сейчас, наверное, тоже жалеет, я не спрашивала. <...>

Когда Д. А. закончил повесть и отдал ее в журнал «Новый мир», ее читала редколлегия, и было назначено печатанье в номерах № 1 и № 2 за 1987 год».

Из дневниковых записей жены Гранина Риммы Михайловны, 1987 г.

«В годы работы над «Зубром» автор погрузился в сообщество биологов, своеобразное, не похожее на сообщества физиков, химиков, историков и прочих научных корпораций. Там существуют свои порядки, все так или иначе знакомы, одни лично, другие по работам, конгрессам, симпозиумам, да мало ли. Сообщество биологов же в 60-е — 70-е годы было расколото на два лагеря: лысенковцы и антилысенковцы, те, кто преуспели в годы лысенковщины и кто пострадал и был изгнан, смещен, выслан, арестован, а то и погиб. Были и нейтралы, которые как-то сумели укрыться. Большую же часть биологов трагедия лысенковщины резко размежевала. Генетики, ботаники, зоологи, академики, профессора, агрономы, специалисты по сурепице, картофелю, червякам... Коля Воронцов, эволюционист, который питал тайную страсть к летучим мышам, все эти специалисты по разным земным козявкам и мастодонтам, они-то и восхищали меня своей образованностью, своей начитанностью, а главное, общением с живой природой. Это не то что физики, жившие в непредставимом мире. А биологи, генетики, эти люди, общались с существами, не менее интересными, чем они сами».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Зубр оставил не только яркий свет в науке: особое нравственное

свечение исходило от его личности. Второе интересует писателя прежде всего. Д. Гранин давно всматривается в мир науки и поверяет его моральными законами человеческого общежития... Он мечтает о гармоничном сближении науки и искусства на общей гуманитарной основе, они для него — два крыла современной культуры, благодаря которым человек может обрести полноту жизни. В самом Гранине живут и противоборствуют два начала — исследователя и художника, аналитика и беллетриста. В его произведениях схвачен неповторимый воздух истории, и есть свои открытия — человеческого характера (роман «Картина»), реальной трудной судьбы («Клавдия Вилор»), а то и целого материка быта и духа («Блокадная книга»).

На мой взгляд, «Зубр» — одна из лучших гранинских книг. «В сборе материала для этой повести, — пишет автор, — участвовали люди из разных стран, все считали себя обязанными помочь мне. Люди откладывали свои дела, разыскивали свидетелей, знакомых Зубра, записывали их воспоминания. Одним хотелось восстановить справедливость, другие считали себя обязанными Зубру, третьи понимали, что это История. Встреча с Зубром оказывалась для большинства самым ярким событием их жизни»...

Образ автора и образ героя (как уже было в другой документальной гранинской повести «Эта странная жизнь») вступают в сложные взаимоотношения. В них вовлекается и читатель, которому предстоит самому, без подсказки и дидактического перста, разобраться в идейных и нравственных коллизиях повести. Художественный метод Гранина ориентирован на высокую степень доверия к читателю, его внутреннюю свободу и право на самостоятельный духовный отклик. И это доверие не может не вызывать ответную благодарную реакцию».

Е. Сидоров. Повесть об уникальном человеке //
Необходимость поэзии. М., 2005

«Некоторые из ученых вызывали у Зубра недоумение. Они покорно соглашались с варварскими проектами, мало того, давали одобрительные заключения строить губительные предприятия на озерах, вырубать леса, возводить плотины, рыть каналы... Другие копошились в своих углах, избегая всяких конфликтов. Наука помогала человеку покомфортнее устроиться за счет природы. Мелиорация, атомная техника, химикаты — повсюду происходили непредвиденные последствия, тяжелые ошибки,

наука теряла престиж. Порой она выглядела угодливой служанкой».

Д. Гранин. Зубр

«— Читатели и критики уже обратили внимание на своеобразную переключку публикаций — «Белых одежд» в «Неве» и вашего «Зубра» в «Новом мире». Два писателя одновременно обратились к одной теме!

— Ну, во-первых, не так уж одновременно. «Белые одежды» писались давно и закончены были, как я слышал, тоже не вчера — им пришлось ждать своего часа. А «Зубру» повезло больше — он пошел в печать, можно сказать, прямо со стола. Хотя, когда я начинал свою работу, мне пророчили: «Не пройдет!» Задачу я ставил себе более конкретную, узкую, чем Дудинцев, — просто рассказать о человеке, которого я знал и любил, восстановить его доброе имя — ведь об антифашистской деятельности Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского в самом сердце гитлеровской Германии тогда никто не знал, он сам не любил об этом распространяться, сведения пришлось собирать по крохам... А что касается научной ценности его трудов, то как раз на днях мне переслали оттиск статьи из английского журнала «Нэйчер» («Природа»). Автор ее, лауреат Нобелевской премии М. Перутц, доказывает, что всемирно известная книга Э. Шредингера «Что такое жизнь» есть, по существу, популярное изложение ранних работ Н. В. Тимофеева-Ресовского и его сотрудников. Так что перед нами — действительно великий ученый».

Из беседы Д. Гранина с И. Фоняковым (Литературное обозрение. 1987. № 52)

«Вновь и вновь не дает мне покоя история, которую я уже после книги «Зубр» узнал от Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

Узнал, что в 1942 году не кто-то, а профессор Халерфорден, гистолог, приехал к нему в Бух из Далема и вел переговоры насчет его сына Фомы. Сын сидел в концлагере. Приезжий предлагал Николаю Владимировичу провести исследования о цыганах, расовые исследования, то есть некоторые опыты над ними. Если Николай Владимирович согласится, это может облегчить участь Фомы. Николай Владимирович сутки обдумывал предложение, он не нашел в себе силы сразу отказаться, ему надо было посоветоваться с Еленой Александровной. Сутки они не спали, ни с кем не

виделись, сидели друг перед другом, думали. Но через сутки Николай Владимирович все же отказал. Много лет спустя Елена Александровна рассказала об этом Кузнецовой, рассказала, как они сидели за столом и говорили, что же скажет Фома, если его освободят и он узнает, какой ценой, что он скажет, как они будут потом жить с Фомой, как будет Фома жить потом? Фома погиб. Всю жизнь Елена Александровна и он мучили себя за эту гибель, за свое решение, считая себя виноватыми. Их мучило, что они оставили себя как бы чистенькими, но какая же это чистота, если из-за них погиб сын. Это те безвыходные ситуации, которых всячески избегает литература».

Д. Гранин. Заговор

«Глубокоуважаемый Даниил Александрович!

Понимаю, что в потоке суждений о «Зубре», который, уверен, на Вас уже катится, мое мнение серьезной цены не имеет. И все же не могу удержаться. Давно уже никакое чтение не доставляло мне такого удовольствия (кажется, после романов англичанина Джона Фаулза). Впрочем, слово «удовольствие» — не то слово. Я читал «Зубра» в состоянии какого-то нервного нетерпения, глотая страницы, как глотаешь их в первом классном приключенческом романе (думаю, сравнение Вас не обидит, ибо помню Ваше отношение к «Трем мушкетерам»).

Судьба Тимофеева-Ресовского поразительна. В ней сошлись, переплелись все те немислимости и парадоксы, через которые проглядывает наша отечественная история — если не вся, так та, что творится в последние семьдесят лет. Но еще поразительнее то, что Вы с «эмпирической» этой судьбой сделали, на что ее повернули. Не знаю, были ли Николай Владимирович совершенно таким, каким Вы его показали. Важно не что было, а что вышло: великая утопия Человека, Личности, которая не умеет быть ничем иным, кроме себя самой, не умеет считаться с обстоятельствами.

Ваш Д. В. Затосский, г. Киев».

«Я хорошо знал двух замечательных биологов — А. А. Любищева и Н. В. Тимофеева-Ресовского. Оба люди европейской культуры, образованы они были блестяще, отнюдь не замыкаясь в своей специальности, знали и

математику, и физику, и химию на уровне нынешнем. И оба по-разному были верующими. Были привержены религии. Тимофеев-Ресовский много общался с Александром Менем, с отцом Александром Борисовым, причастился перед смертью. Согласно его воле, служили панихиду, хоронили его по церковному обычаю. Нет, это не дань традициям, это была искренняя вера. Она поддерживалась, как мне кажется, его научной работой, его проникновением в тайны генетики, его благоговением перед совершенством природы.

Н. В. Тимофеев-Ресовский отвергал физико-химические теории происхождения жизни. Для него, как и для многих больших ученых, жизнь не сводится к материальным процессам. Тысячи лет тайна живого не разгадана, и, по-видимому, не случайно. Успехи биологии несколько не продвинули науку к разгадке. Крупнейший наш цитолог В. Я. Александров всегда считал, что у клетки есть душа.

Существует немало безответных вопросов в нашей духовной жизни — что есть совесть? Откуда она, зачем она человеку, от нее ведь никакой же пользы, ни помощи.

Несомненно, существует проблема наличия души у человека, проблема добра.

Как только мы обращаемся к внутреннему миру человека, наука смущенно отступает».

Из письма Д. Гранина академику В. Гинзбургу (1999 г.)

«Публикация «Зубра» в «Новом мире» вызвала в Снежинске — месте действия романа — настоящий ажиотаж. Ветераны лаборатории «Б», где работал Н. В. Тимофеев-Ресовский, вышли на ленинградский адрес писателя, а горком КПСС прислал ему приглашение. Разместили Даниила Александровича в гостевом домике при въезде в Снежинск, который в то время был номерным закрытым городом. Директор предприятия Г. П. Воминский при встрече с писателем подарил ему личное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского и он же договорился с Южно-Уральским книжным издательством о выпуске «Зубра» в следующем 1988 году 30-тысячным тиражом. Хотя по сложившейся в те годы практике книга могла появиться в печати не раньше, чем через три года после ее включения в план и выделения государством дефицитной тогда бумаги. Воминский благодаря своим связям решил проблему самостоятельно. Обо всем этом мне рассказал сопровождающий Д. А. Гранина в поездке в Челябинск

заведующий отделом пропаганды и агитации горкома КПСС Челябинска-70 (так в то время именовался Снежинск) Валерий Михайлович Воркунов. Кроме посещения издательства Даниил Александрович захотел побывать на ЧТЗ, где в 1943 году он получал для фронта знаменитые танки «ИС».

— Это было возвращение в юность, — рассказывал он. — Я ушел на войну, сначала в народное ополчение с Кировского завода. Его рабочие, специалисты, конструкторы потом эвакуировались в Челябинск. Так что здесь в сорок третьем я встретил своих, ленинградцев. В Челябинске я пробыл тогда около трех недель — собирали машины, потом на челябинских танках воевал в Первой танковой дивизии на Втором Прибалтийском фронте. Дошел до Кенигсберга. С тех пор я танки ненавижу».

Ю. Никитин. Вспоминая Гранина и «Зубра» (Вечерний Челябинск. 6.12.1999 г.)

— Выступая на съезде писателей, вы сказали, что борьба, которая разворачивается сегодня, укрупнила и чувства, и характеры. В единоборстве с добром зло, которому незачем перестраиваться, предстало куда более сильным и опасным, чем нам казалось. Сейчас, когда прошел еще год и перестройка стала реальностью, что, на ваш взгляд, изменилось, а точнее — обнажилось?

— Обнажились вот эти силы противодействия, которые не так просто сломить. Обнаружилось болото, которое выжидает, полное опасений и тревог: одни боятся за свою репутацию, за свои нажитые привилегии, другие не хотят связывать себя какими-то решительными действиями, третьи выжидают — что получится, где получится. И определились активные силы, которые горячо поддерживают перестройку, новую систему мышления, действуют энергично. Те успехи, которые мы сейчас имеем, благодаря им достигнуты. Вообще, как ни странно, во всяких сложных ситуациях решает меньшинство. В науке решает меньшинство, в искусстве — тоже меньшинство. Талантливых и гениальных людей всегда меньше. Думаю, что и в политике люди убежденные, понимающие ситуацию и выдвигающие какие-то новые идеи, тоже действуют поначалу в меньшинстве, и лишь потом им удастся привлечь на свою сторону большинство.

— Тогда же вы говорили о нескольких талантливых романах, написанных во имя непреложных требований совести и боли и, к

сожалению, обреченных на многолетние мытарства... Вы имели в виду увидевшие наконец свет «Новое назначение» Александра Бека и «Белые одежды» Владимира Дудинцева или какие-то другие?

— Я имел в виду эти романы и еще «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, и «Ночевала тучка золотая...» Анатолия Приставкина. Все они сейчас напечатаны. Но появляются новые вещи, которые достаточно отлежались и приходят сейчас к читателю. Я думаю, что читателю все равно, были они написаны год или десять лет назад: художественная литература — не газетная статья, настоящая литература не стареет. В шестом номере «Нового мира» напечатан «Котлован» Андрея Платонова — это благо. Поэтому разговоры о том, зачем мы сейчас печатаем так много повестей ушедших наших писателей, считаю несостоятельными. Что же, опять закрывать от людей того же Платонова во имя каких-нибудь новых бездарных, серых посредственностей? А речь идет по сути дела о том, что страницы журнала заняты новыми талантливыми публикациями, а посредственным вещам места не хватает. И это прекрасно! В этом смысле сегодняшнее положение в литературе, в литературно-художественной периодике я считаю совершенно разумным, правильным. Наступило время, которое мы ждали много лет».

Из беседы Д. Гранина с В. Мастеровым (Гудок. 1987. 9 октября)

«Разговор о порядочности — разговор сегодня насущный, хотя вести его не просто, понятия о порядочности разошлись. Человек пишет диссертацию директору института, никто его за это не осуждает, все знают — он старается, чтобы получить квартиру, иначе ему не выбраться из коммуналки. Знакомый мой рыбак браконьерствует на Свири, он возмущен тем, что приходится прятаться от рыбнадзора, хотя у плотины станции гибнут косяки рыб, рыбоходы не действуют, никому дела нет до гибели тысяч рыб, «а инспектора гоняются за нами». Обсуждают одного «несуна», что попался в проходной, выносил детали карбюратора для своей машины. В магазинах нет, а с рук дорого. Товарищи его осуждают не за то, что он нарушил, а за то, что по-глупому влип.

Абсурд бесхозяйственности, расточительности, головотяпства путает все критерии честности. В Ленинграде ставят на капитальный ремонт целые кварталы. Так технологически выгоднее. И вышибают подряд перегородки, стены... Раньше это делали вручную, можно было сохранять

камины, решетки, двери, сейчас все крошится. Смотреть жалко, как гибнет лепнина, украшения, ценности. Появились люди, которые обирают дома, поставленные на капремонт. Увозят изразец от печей, медные ручки, те же решетки, всякую ценную всячину. Кто они? Воры? Расхитители казенного добра? Но ведь слава богу, что находятся такие расхитители. Хочется их приветствовать и не хочется думать, что при этом человек вынужден преступать. Он берет чужое, он нарушает. А мы его искренне амнистируем, защищаем».

Д. Гранин. Кого мы прячем? Зачем? // Иного не дано (М., 1988)

«Случилось это в январе 1987 года. Было часов семь вечера, я шел по проспекту, усталый, после своего рабочего дня. Это был длинный день напряженной писательской работы и других обязанностей, коих у меня в ту пору было достаточно много. Шел я из дома, направляясь к жене (она лежала в больнице). Задумался о чем-то. Мимо проходило свободное такси, я очнулся, рванул, подняв руку, чтобы его остановить, за что-то зацепился ногой и полетел наземь. Со всего размаха ударился лицом об угол поребрика. Ощутил страшную боль в плече, еле поднялся, из носа хлестала кровь, нос был разбит, челюсть тоже, рука повисла. Я не мог ею пошевелить, понял, что у меня вывихнуто плечо. Левой рукой старался унять кровь, подошел к стене дома, прислонился, чтобы как-то прийти в себя. Мысли от боли путались, носовой платок был весь в крови, я пытался ее унять и не мог. Зажимая нос, повернул назад, решил добраться до дому. Вид у меня, наверное, был ужасный. Навстречу мне двигался вечерний поток людей — одни шли с работы, другие прогуливались. При виде меня усмехались, пожимали плечами, отворачивались. На лицах встречных появлялось любопытство или брезгливость. Наверняка думали, что я пьяный или с кем-то подрался...

Я понимал, что если упаду, никто не подымет, не поможет. Я был в пустыне в центре города, переполненном людьми, среди своих питерцев, земляков, с которыми прожил всю жизнь. Город, где меня хорошо знали. И так, шатаясь, держась за стены домов, иногда останавливаясь, чтобы перевести дух, потому как чувствовал, что сознание мутится, я прошел до своего дома, с трудом поднялся, открыл дверь, но дома никого не было. Я позвонил к соседям и лег на пол, уже плохо понимая, что творится... Приехала «скорая помощь», соседи помогли вынести меня, положили в

машину <...>

Выйдя из больницы, я стал по-иному видеть окружающих людей и нашу повседневность. Я увидел, в каком ужасном состоянии находятся не только городские больницы, но и дома для престарелых. Как там грязно, как плохо кормят и плохо обращаются со стариками. Как трудно жить инвалидам... Обо всем этом я написал в своей статье. Отдал ее в «Литературную газету», и, несколько сократив, газета ее напечатала. Статья называлась «Милосердие». Я никак не ожидал, что она вызовет такой взрыв читательского интереса, столько откликов. Буквально в течение двух-трех недель редакция получила сотни, может, и тысячи писем (я их не подсчитывал). Большинство из них были одобряющими, сочувствующими мне, от людей, которые приветствовали возвращение в нашу жизнь забытого и отвергнутого понятия «милосердие». Я, что называется, попал в самое яблочко, в больное место. Проблема, очевидно, назрела. <...>

Я решил обратиться к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Созвонился с его помощником и попросил, чтобы Горбачев меня принял. Разговор в Центральном Комитете партии продолжался полтора часа. Горбачев одобрил идею Общества милосердия и как бы благословил меня на это дело. Держался открыто, искренне, и знаменитое его обаяние проявилось во всей силе...

Нам подыскиали помещение на Гороховой, на первом этаже, без ступенек, чтобы могли въезжать инвалиды. Шесть комнат, небольшая зала. Мы все распланировали — где что у нас будет, сговорились с рабочими, и без всяких проектов начался ремонт. Надо сказать, что и строители, и электрики, все работяги помогали иначе, чем обычно — без своих долгих перекуров, сами добывали материалы, понимали необычность нашего учреждения и по-своему помогали, участвовали.

В конце 1988 года в центре города, на Гороховой улице, появилась вывеска «Общество Милосердие. Ленинград».

Д. Гранин. Интеллегенды

«В 1986 году Гранин стал основателем движения «Милосердие». Как это вышло? Он упал на улице, сломал ключицу, повредил лицо, и его принимали за пьяного, его не узнавали, никто не мог ему помочь. У него, кстати говоря, была, невзирая на все его патриаршество, довольно заурядная внешность, он никогда не пытался выглядеть пророком, никогда не заботился о своей внешности. Ну старичок и старичок, ну упал где-то, а

может, пьяненький. И вот только одна женщина увидела его, отвела к себе домой, позвонила, вызвала врача, отвезла его в больницу. И вот тогда он заговорил о милосердии.

Он всегда, в общем, был все-таки сторонником гуманизма, и никогда не был сталинистом, и не случайно его слава началась на волне оттепели. Но вот именно о милосердии, о важности душевной мягкости, эмпатии он заговорил в 1986-м. Я очень хорошо помню большой вечер ленинградских писателей в Домжуре — потрясающий был состав звездный, был переполненный зал. И вот там неожиданно для всех холодный и рациональный Гранин заговорил о том, что главной ценностью является сострадание и что сейчас нам в обществе нужно добиваться только одной перемены — чтобы люди стали друг другу не безразличны. Мы успеем сказать всю правду, мы успеем разоблачить, но сейчас важно не разоблачать, а сейчас важно проявить друг к другу сострадание. Вот это понимание было для него очень важной темой».

*Из лекции Д. Быкова о Гранине на сайте «Эха Москвы»
7.07.2017 г.*

«В первый год своего существования общество «Милосердие» быстро выросло: начав с двух сотен человек, достигло четырех тысяч. Потом начало уменьшаться, сокращаться и к моменту распада дошло до четырехсот человек. Оформленного членства не было, цифры эти примерные, они отражают лишь порядок и динамику про жесса. Да мы и не гнались за количеством. Начальство, которое наезжало к нам, не понимало, как можно работать без отчетов, без планов, без списков. Ни одно ленинградское учреждение так не работало. «Кому вы подчиняетесь?» — спрашивали они. «Никому», — отвечали мы. «Так не бывает». Я упоминаю об этом, чтобы показать, насколько тогда, в 1990 году, подобная организация была в новинку. Нас показывали не без хвастовства — какая новая достопримечательность появилась в Ленинграде! Вот вам «дитя» перестройки. И мы, соответственно, пользовались этим. Добивались у таможенников беспрошленного получения грузов, сумели получить из США и Германии две партии инвалидных колясок, бесплатно раздать инвалидам и частично передать музеям города.

Нужда в инвалидных колясках была большая. Через фонд Сороса в США удалось получить технологию их изготовления и первичные материалы. Взялось за это одно небольшое производство. Но вскоре

выяснилось, что коляски они продают в какие-то республики за большие деньги. Наше условие — передавать коляски ленинградским инвалидам — не выполнялось.

История с инвалидными колясками показала, что некоторыми нашими инициативами ради наживы пользуются разного рода организации. Общество «Милосердие» было удобной ширмой, благородной вывеской, которой прикрывались жулики. <...>

Нахлынуло такое отвращение, что не было даже желания хлопнуть дверью. Я ушел, не давая никаких объяснений журналистам. Ушел, не желая больше ничего слышать и знать про общество. Потерять два года своей жизни, литературной работы, и — все насмарку. В итоге грязь, горечь, разочарование в людях, в работе общества. Не мое это дело, тут нужны крепкие менеджеры».

Д. Гранин. Интелегенды

— *К Вам наверняка обращаются с личными просьбами: одолжить денег на лекарство больному ребенку, на билет?.. Как реагируете?*

— Если двести — триста рублей — могу дать. Если больше... Знаете, литератор сегодня в материальном плане — совсем не то, что в советское время, когда мои книги выходили миллионными тиражами. Нынешний писатель, издающийся тиражом в три-пять тысяч экземпляров, жить на литературный заработок почти не может. Мне помогает пенсия. А пенсионер как меценат — это не фигура.

— *А нищим подаете в подземных переходах?*

— Раньше всегда подавал, меня отец к этому приучил. Он никогда не проходил мимо нищего, чтобы не дать ему какую-то мелочь. Особенно в маленьких городах, где прошло мое детство, — Старая Русса, Пестово, Боровичи, Анциферово, — там это было принято, и нищих-то было немного, — обычно они на церковной паперти стояли. А здесь, в Питере, к сожалению, жизнь отучила давать милостыню. Наша пресса так долго и успешно разоблачала городских попрошайек, показывая, как эта организованная система зарабатывает на жалости людей, что доверие к нищим было подорвано. Вы им верите?

— *Очень выборочно.*

— Наверное, потому, что невозможно отличить действительно нищего от жулика. Я думаю, то, что делает наш фонд организованным порядком, эффективнее. Мы ведем научно-исследовательские и просветительские

программы, опекаем Дом призрения для девочек-подростков, Покровскую общину, больницы, госпиталь. Это реальные люди, которым нужна помощь, — и мы ее оказываем.

— *Насколько милосердие связано с религией?*

— На это я тоже пока не могу ответить. Мне кажется, трудное дело милосердия легче дается людям, верящим, что Господь видит их усилия. Неверующим сложнее: о том, — что они делают без огласки, известно только их совести. Точно знаю одно: когда помогаешь другим, самому становится легче.

С философской точки зрения жизнь человеческая не имеет смысла. Какой, в самом деле, смысл, если все неизбежно кончается смертью? Как писал Державин, «река времен в своем теченье уносит все дела людей...» Небольшой, частный смысл жизни можно найти в том, чтобы помогать другим. Любить их, сочувствовать им — в этом все-таки назначение человека. Ничего другого не остается».

Д. Гранин. Непереводимое слово (2005)

«В конце 1987 — начале 1988 года у меня было несколько выступлений в больших аудиториях — в Политехническом музее, в Центральном доме работников искусств — в Москве, в Центральном лектории, в Доме ученых, в Концертном зале — в Ленинграде, еще в некоторых институтах. Вечера прозаиков — это вечера вопросов и ответов. Довольно-таки сложное нынче занятие, потому как вопросы сейчас задают не только литературные, даже, признаюсь, не столько литературные, сколько нравственно-политические, про нынешнюю нашу взбудораженную жизнь с ее надеждами, опасениями. Круг этих вопросов безмерно широк. Тут история и экономика, перестройка и суд, журналы и экология... В конце концов, однажды я, рассердясь, сказал в зал: почему бы вам не пригласить лектора — специалиста по праву или, допустим, по экономике, по внутренней политике, они лучше меня ответят, я же писатель. Из зала мне крикнули в ответ: «А мы им не верим!»

И тогда я обратил внимание на характер записок-вопросов: «Ваше мнение о перестройке, не кончится ли она, подобно другим компаниям?», «Считаете ли вы моральным установление государственного догмата атеизма?» и т. д., то есть от меня требовали не сведений, не фактов, не информации, а мнения, интересовало, что я думаю по таким-то вопросам. Откуда такой интерес? Полагаю, что литература вдруг оказалась на главном

перекрестке событий. Никто другой не философствует — ни история, ни экономика, а литература. Вернее писатели. Произошло это, мне кажется, после того, как писатели первыми столь активно вступились за наши реки, за охрану природы. И выиграли хотя бы частично этот бой. Кроме того, выяснилось и то, что литература наша все эти годы довольно мужественно рассказывала о вещах, которые ныне раскрылись во всей неприглядности».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«За годы пребывания в партии (а вступил я в партию в 1942 году на фронте) я привык к тому, что мое мнение ничего не значит для вышестоящих и вышесидящих. Мой голос никогда не влиял на выбор секретаря райкома, тем более обкома партии, никто из партийных начальников от меня, рядового члена партии, не зависел. Их судьбы, их решения, их репутации — все определялось сверху, потому и смотрели они туда, вверх, а не на нас, бесполезных для них людей. Я к этому привык, так же как и все вокруг меня, другого порядка мы не знали.

Впервые на XIX партконференции я обнаружил, что могу решать, могу проголосовать «за» или «против», от этого многое в нашей жизни определится, значит, надо думать. Надо быть политиком, мы становимся политиками.

<...>

Когда меня спрашивают, почему я верю в перестройку, я говорю не о том, что у нас нет иной альтернативы. Кто ее знает, может, где-то она и есть: иные темпы, иная решимость? Нет, для меня перестройка, демократия, намеченные реформы имеют одно решающее качество — они возвращают нас к здравому смыслу. В этом их отличие от всего того, что было. Они ставят с головы на ноги, они убирают абсурдность нашей жизни. Разве не абсурдно было, когда предприятия работали не на потребителя, а на министерства. Когда руководителя колхоза, совхоза не радует хороший урожай, не радует хорошая погода. Когда лучше запахать неубранные помидоры или огурцы, чем раздать их людям. Когда в магазинах продавцы встречают нас не с радостью, а с досадой, так же как и врач в поликлинике, и администратор в гостинице. Потребитель, покупатель, пассажир просто никому не нужны. Не нужны его деньги. Он улыбается и кланяется, а не ему. Нигде его не ждут, никто ему не рад.

Перестройка — путь к здравому смыслу. Мы привыкли стоять на голове. Нам как-то странно видеть мир не перевернутым. Но зато, увидев

его естественным, разумным, понятным каждому, мы никогда, что бы там ни было, не откажемся от этого видения».

Д. Гранин. Дорога к здравому смыслу // Нева. 1988. № 11

«Где они, истинные виновники решения о вводе наших войск в Афганистан? Они укрыты упорным молчанием... Нет виноватых в трагедии Арала, в тяжелой судьбе каракалпакского народа. Безнаказанно прошла история с Байкалом. Министр Минводхоза, обласканный, благополучно ушел на пенсию, хотя его министерство причинило земле нашей бедствия, которые не причинял ни один преступник. Заводы искусственного белка привели к болезням и гибели детей в Киришах, пострадали от них и другие регионы. Министерство медбиопромышленности не желало считаться со здоровьем людей. Министерству, министру важно другое — план, поощрения. Ради этого можно пренебречь чем угодно. Простят так же, как ради валюты сейчас вырубает Карельский перешеек под Ленинградом лесозаготовители. Простят. Валюта нужна.

Министры не боятся ответственности перед народом. У нас начальство находится в мертвой зоне безнаказанности. Даже если забаллотирует Верховный Совет. Отставка, которая им грозит в худшем случае, всячески смягчена, украшена пенсионным почетом, личным покоем.

Ленинградцы мучаются от строительства дамбы, затеянной Г. В. Романовым вопреки всем протестам. И будут мучиться долго. Финский залив, устье Невы доведены до экологически угрожающего состояния. Виновник же этого кризиса благоденствует как ни в чем не бывало.

Никто не жаждет репрессий, новых процессов, но печально видеть, как укрепляются традиции безнаказанности».

*Д. Гранин. Обретение власти // Советская культура.
12.08.1989 г.*

«С одной стороны, гласность и демократия, все вздохнули свободнее — и это прекрасно, но, с другой стороны, моральная обстановка стала довольно тяжелой, мрачной, и, естественно, люди, особенно молодые, хотят ее как-то смягчить, разрядить...

Я не оправдываю ожесточение сердец, хотя понимаю, откуда все это

пошло. Наши высокие слова вошли в противоречие с тем, что мы видим вокруг. Мы вдруг увидели то, на что раньше закрывали глаза. Все общество играло в жмурки. И вдруг увидели, что у нас миллионы людей живут на пенсию меньше пятидесяти рублей. Как можно жить на такую пенсию? Значит, у нас есть бедные люди. А сколько оказалось заброшенных людей, одиноких? Человек умирает в коммунальной квартире и несколько дней лежит в своей комнате, никто об этом не знает. Сколько у нас блокадников в Ленинграде — мы вот ходили к ним домой, в страшных углах живут, никому не нужны, старые, инвалиды. Инвалиды — еще одна наша общая боль, наш стыд. У нас же инвалиду на коляске не проехать нигде (иногда он и коляски достать не может), он ни в один музей не может попасть, потому что у нас в музеях нет пандусов, предусмотренных для инвалидов. По этой же причине он ни в одно присутственное место не может попасть. Для пожилых людей у нас место предусмотрено в автобусе, а им не влезть в этот автобус, потому что у него высокие ступеньки. Так же и в электричку трудно влезть и сойти с нее. Никто у нас об этом не думает. Наше общество создано как бы только для здоровых и счастливых людей.

Дома престарелых находятся в ужасном состоянии. Даже крупнейшие наши производственные объединения, фирмы, заводы не заботятся о людях, которые отдали им свою жизнь, проработали у них десятки лет. Вышел человек на пенсию, подарили ему электрический самовар, распрощались — и все, дальше встречаются с ним только на похоронах... У нас нет хороших домов для престарелых, которые построили бы предприятия для своих рабочих-ветеранов. А между прочим, эти рабочие и служащие создавали огромные ценности, они вполне заработали себе право на ухоженную старость в хорошем доме призрания. Пользуемся же мы до сих пор домом для ветеранов сцены, созданным еще до революции. А что, разве, к примеру, «Электросила» не может создать образцовый дом для престарелых?.. Но нет, и в голову не приходит этим заниматься. Получается, что старый человек уже и не человек, ибо он бесполезен...

Мы ругаем капитализм, а сами-то так же прагматичны, как капиталисты, только более глупо прагматичны. Мы не понимаем, что люди, которые сейчас работают на производстве, заранее знают, что и о них не будут заботиться, когда отправят с самоваром на пенсию...»

*Из беседы Д. Гранина с А. Мартыновым (Аврора. 1989.
№ 1)*

«Когда я стал перечитывать свое «наследие», оказалось, что все это выглядит до удивления робко, наивно. То, что когда-то выглядело, по крайней мере так мне самому казалось, смелым, новым, сегодня предстало банальным, устаревшим. Непонятно, почему так трудно было «пробивать» эти статьи и что в них было такого недозволенного. Наоборот, многие из них читаются как довольно рутинные. Они меня сильно разочаровали, вряд ли такие выступления заслуживают сегодня быть представленными в сборнике. Ничего особо интересного в них не оказалось, нельзя же сопровождать их пояснением, почему в 1962 году или 1973-м они читались иначе. Поразительно быстро, за какие-нибудь последние три-четыре года, мысль настолько раскрепостилась, наше понимание действительности углубилось и расширилось, общество проделало такой путь, что прошлые достижения публицистики, да и литературы вообще видятся иначе. Мы часто не можем оценить, как изменилось наше сознание, наше понимание жизни. Перечитав материалы, написанные в конце 70-х — начале 80-х, которые и вошли в эту книгу, я словно бы встретился с самим собою, каким был пять, семь, десять лет назад, и был весьма огорчен.

Утешением могло служить разве лишь то, что среди моих давних работ не было ни одной восхваляющей, допустим, Л. И. Брежнева или порядки того времени. Не оправдывал беззаконий, не воспевал великие стройки, атомные станции, гидросооружения, очередные почины и кампании. Этого, конечно, маловато. Повести и рассказы — это отдельный разговор, а вот публицистика в значительной мере лишилась остроты и новизны. Почему? Вероятно, потому, что в сознании нашем было больше официального, общепринятого, чем личного, индивидуального. И только теперь, в столкновении мнений, в потоке новой информации стала формироваться собственная позиция, открываться душа, ее сокровенные боли. Появилась такая долгожданная точка опоры. Свое собственное, выстраданное суждение».

*Гранин. Из предисловия к сборнику «Точка опоры»
(1989)*

«Депутаты Съезда народных депутатов СССР, избранные по спискам Коммунистической партии Советского Союза: <...> Гранин Даниил Александрович».

Известия. 28.03.1989 г.

«На этом съезде, признаюсь, впервые открылся передо мною облик страны, какой я ее не знал, да и она сама себя не знала. Была сброшена маска — накумариная, с нарисованной улыбкой счастливого преуспевающего, самодовольства, гордого своим передовым сознанием и наилучшим строем. И вдруг предстало иссеченное шрамами, страдающее, порой ожесточенное, искаженное болью умное и прекрасное лицо. Сколько обнаружилось политически зрелых молодых, смелых лидеров, талантов государственности. Было непонятно, как могли они вызреть, прорасти сквозь трясину застоя, причем не то чтобы в центре, а в дальних окраинах, в глухомани <...>

Наверное, важнейший результат первого Съезда, что он стал не просто зрелищем, он вовлек в работу души и ума почти всю страну, весь народ, который старательно и долго отучали думать. Вроде бы и отучили, а вот как жадно, с живым соучастием рванулись в гущу съездовских страстей и предложений люди разные вплоть до домашних хозяек. Заговорили, заобсуждали, забросали телеграммами своих депутатов, требуя, напоминая, подбадривая, упрекая...

Коробило и печалило излишество злости. Очень уж много скопилось ее. Ну ладно на беды наши всеобщие, на кооперацию, на бюрократов, на бездорожье, так ведь выплескивалась злость и друг на друга. Некоторые персональные выводы удручали бестактностью. То же самое можно было высказать корректно, ведь важнее установить истину, а не унижить оппонента. Наиболее неловкое впечатление оставили оскорбительные нападки в адрес А. Сахарова. <...>

Если отсечь экстремистские призывы, то тяжкие обстоятельства нашей жизни пока что заставляют двигаться влево. Желание перестроить наше общество действует ныне всюду, как действует сила тяжести. Задача в том, чтобы не отклоняться от общественного мнения, от всенародного, я бы сказал, даже от международного этого желания.

При всех своих промахах Съезд смело вступил в эру демократического правления страны. Характер власти с этого момента резко изменился. Власть вернулась к народу хотя бы в грубом приближении. Осознать свою власть дело непростое. Власть-то новенькая, не опробованная. Пользоваться ею надо осторожно... Сегодня все спрашивают друг друга — что дальше? Как, куда пойдут события? Но, думаю, какие бы трудности ни возникли на пути обновления нашей жизни, Съезд этот был событием решающим, благотворным, смысл которого еще будет осознаваться».

*Д. Гранин. Обретение власти // Советская культура.
12.08.1989 г.*

«Выступил от комсомола воин-афганец, секретарь горкома комсомола одного украинского города, он же инвалид афганской войны. Говорил горячо, обвиняя всех (Горбачева за то, что не дал политической оценки афганской войны, а «старших товарищей» за то, что не оставили молодежи «хоть каких-нибудь приличных идеалов»), больше всего досталось А. Д. Сахарову как противнику афганской войны.

Пафос его, нарочито агрессивный, вызвал горячие аплодисменты. Еще бы, покушаются на святая святых, героическую нашу Советскую Армию! И кто, Сахаров — человек невнятных взглядов, с репутацией не то диссидента, не то инакомыслящего — верит вражеским радиопередачам. Нравилось, что он не стесняется поносить академика, великого ученого — смельчак. «На каком основании Сахаров дал интервью канадской газете о том, что будто в Афганистане наши летчики расстреливали попавших в окружение своих советских солдат, чтобы они не могли сдаться в плен?» Вместо того чтобы опровергнуть это утверждение, он возмущенно говорил про унижение чести, достоинства героев Советского Союза, которые до конца выполнили воинский долг.

Заодно он сетовал на то, что воинам-афганцам не дают детских колясок без очереди, не дают мебели и квартир.

Слушая это, я думал о том, какая все же разница между ветеранами Великой Отечественной войны и «афганцами». 45 послевоенных лет живут, доживают век бывшие мои однополчане, так и не дождались хороших протезов, доживают в коммуналках, в инвалидных домах, топали на деревяшках, безногие катались на самодельных тележках. Ругались, жаловались, но понимали, что не ради льгот мы воевали.

Рок — штука неразгаданная, вроде совести. Почему-то совесть не бывает ложной. Если она грызет, то будьте уверены — за дело».

Д. Гранин. Скрытый смысл

«Впервые страна приобщилась к настоящей политике: толпы сограждан встречали нас у Спасских ворот, — ждали, когда мы пойдем с заседания, чтобы что-нибудь рассказать, посоветовать — и мы узнали страну в лицо. На этом съезде было немало хорошего, и я благодарен

судьбе за то, что мог это видеть, слышать и присутствовать при тех событиях. Лично я ни разу на съезде не выступил, но не жалею об этом. На трибуну не рвался — просто не хотел становиться в очередь к микрофону».

Из интервью Д. Гранина украинскому журналисту Д. Гордону 6.07.2010 г.

«Мы с Граниным познакомились на первом Съезде народных депутатов СССР. Как многие ученые (я работал тогда физиком-электронщиком), я читал его книги, относился к нему с большим уважением. Думаю, он тоже почувствовал ко мне симпатию, некое родство душ, поскольку скоро пригласил к себе домой. Первым, что бросилось в глаза, были гимнастические кольца в прихожей, запечатленные на известной фотографии Юрия Роста. На кольцах этих Даниил Александрович регулярно подтягивался, хотя ему уже исполнилось семьдесят...

На Съезде кипели страсти, я тоже активно окунулся в работу над новыми законами. Многие представители интеллигенции внезапно ощутили вкус к политике, к публичным выступлениям — хорошо помню неистового Ролана Быкова... Гранин вел себя иначе: ни разу не выступал с трибуны, почти не участвовал в прениях. Сказывалась его всегдашняя осторожность, нежелание рубить сплеча, опасение, что неправильно поймут. При этом он живо интересовался всем происходящим на Съезде, всеми перипетиями политической борьбы. Не будучи членом Верховного Совета, а потому и не участвуя в ежедневной работе, он всякий раз расспрашивал меня о том, что случилось за день. Симпатизировал реформаторам, сторонникам новых подходов, но и тут предлагал действовать осторожно, постепенно, боясь именно того, что случилось потом — обвального распада государства...

После того как Советского Союза не стало, депутатский корпус в 1992 году был распущен. Возникла идея сформировать из бывших депутатов СССР Конгресс интеллигенции, общественную организацию, которая давала бы советы новой российской власти. Гранин эту идею поддержал, но так сложилось, что кроме первого организационного заседания Конгресс больше не собирался. Мы долго обсуждали вопрос о том, что же такое интеллигенция, и здесь Даниил Александрович был достаточно активен. Хотя он, может быть, раньше других понял — никакого влияния на происходящее в сложившейся обстановке Конгресс иметь не будет».

Из воспоминаний В. С. Петропавловского

«У ворот Кремля и у гостиницы «Россия» стояли группы попеременно с плакатами «Долой КПСС!», «Долой депутатов СССР!», «Защитим Горбачева!», «Верховный совет в отставку!».

На другой день — «Долой Горбачева!», «Долой центральное правительство!», «Защитим КПСС!», «В отставку!» — кричали нам при выходе у Спасской башни. Толпа большая, человек в триста. Депутаты боялись выходить. Им свистели, улюлюкали. А на следующий день кричали: «Не поддавайтесь!» В большинстве бабы, явно нанятые. Кто-то им давал флаги, лозунги, кто-то дирижировал».

Д. Гранин. Заговор

«Не так давно на партактиве одного из подразделений КГБ под гром аплодисментов осуждали Рыбакова, Шатрова, Гранина как отщепенцев, превозносящих предателей и ползучую контрреволюцию».

Из газеты «Московские новости» за 24.06.1990 г.

«Мы ехали с Николаем Губенко (тогда он был министром культуры СССР) на концерт памяти Моцарта. По дороге он сетует: на юбилее Грановитой палаты не было ни Горбачева — отказался, не в настроении, — ни Ельцина — уехал на охоту. Не было их и на концертах под управлением великого Абадо. Оркестр и дирижера прислали нам в подарок немцы, чтобы чем-то порадовать бедных русских. Подарок, конечно, хорош. Губенко рассказывает и одновременно пытается из машины дозвониться до канцелярии Горбачева, потом еще до кого-то, потом до своих замов, которые ждут его распоряжений. Вот так решаются какие-то судьбы культурной жизни. Роскошные машины, спецсвязь, власть, и в то же время понимаешь, что никому дела нет до культуры. Сколько их перебывало на его месте — хороших и разных, ни у кого не получалось не потому, что неспособные, а потому, что до нее никому нет дела, ни до Абадо, ни до Грановитой палаты».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Его можно было назвать Михаил-отступник. Это почти предательство. Мягкое, безмолвное... Так было с партией. Генеральный секретарь, он, когда стало совсем опасно и раздался грозный запрет Ельцина, когда престиж партии упал в России, затем на Украине, в Грузии, когда массовый выход из партии привел к параличу райкомов, невнятно пробормотав об отставке, исчез. Он как бы растворился. Президент остался, а генсека не стало. Миллионы ушли из партии, но миллионы оставались. И среди них убежденные коммунисты. Руководители их бросили. Одни сбежали, другие перешли к победителям, третьи сели в тюрьму как путчисты. Но оставался Генеральный. От него ждали слова. Что он скажет им всем, продолжающим верить, готовым стоять до конца гвардейцам партии? Не было слова. Оратор, мастер слов, обещаний, увещеваний скрылся с черного хода. <...>

Давно уже симпатии к Горбачеву померкли. Все больше фактов двусмысленной его уклончивости, не мужского поведения ложились на ту, другую чашу весов.

Исторические заслуги, наверное, остались и останутся. Но тем обиднее последки. Начало трудное, а конец мудрен, как говорится, конец дело венчает, а конец-то получается жалкий.

Написал огромную книгу воспоминаний — и там увильнул, ни в чем не признался».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«— Даниил Александрович, чем вам больше всего запомнился август 1991 года?

— Тем, как держал себя Анатолий Собчак! Особенно когда положение еще не определилось, когда было не ясно, сколько ГКЧП пробудет у власти, что будет с Горбачевым. На второй день путча он собрал многотысячный митинг на Дворцовой площади, на котором назвал ГКЧП совершенно незаконным образованием. Его действия были настолько категоричны и решительны, а убежденность была такая, что заражала всех. Это во многом определило позицию, которую заняли жители нашего города в те дни. По моему мнению, все это — исключительно заслуга Анатолия Александровича.

<...> Собчак нравился мне как очень горячий и экспрессивный человек! Но больше всего меня в нем привлекало качество, которого не

было у бывших градоначальников нашего города. Собчак в отличие от них искренне любил культуру и искусство. Лидеры же советской эпохи ни в театр, ни в филармонию, ни на выставки никогда не заглядывали.

— Вы обсуждали с Анатолием Александровичем вопрос о переименовании северной столицы России?

— Да, конечно, и не один раз. Я, кстати, считал, что город наш надо было назвать Петроградом, однако вопрос о переименовании в Петербург был уже решен. Собчак меня позже спрашивал, почему переименовывать стоило в Петроград. «Как почему?! — отвечаю. — Ведь так город на Неве называл Пушкин! Помните: «Над омраченным Петроградом дышал ноябрь осенним хладом!» — «Почему же вы мне раньше не сказали?» — расстроился Собчак. А я решил его «подколоть». Я, говорю, думал, что вы знаете, Анатолий Александрович».

Из интервью Д. Гранина газете «Смена» 21.08.2007 г.

«Что-то в этом знакомом здании на Старой площади показалось мне необычным. Был солнечный будничный день. Много прохожих, все как всегда, не было только длинного блестящего ряда черных «Волг» напротив этого дома. Опустошенность, и серое здание это показалось мрачным.

Привычный подъезд, здесь я бывал у моего друга в отделе культуры Игоря Черноуцана, у Александра Николаевича Яковлева... Решение пришло внезапно — я зашел. Охране показал свое депутатское удостоверение. В здании никого нет, предупредили охранники. Они были в штатском. Тем более, сказал я, интересно посмотреть, просто так, писательское любопытство, бывший наш храм. Они усмехнулись. Это были дни безвластия. Рядом на площади снесли памятник Дзержинскому. Лубянка притихла.

Лифты работали. Отдел культуры, тот самый коридор. Полутемь. Тихо. Безлюдно. Кое-где еще на дверях белеют надписи, фамилии недавних хозяев. Открываю дверь за дверью. Никого. Не вышли, а ушли. Насовсем. Ощущение покинутости. Кабинет Беляева. Большой был начальник. Ковровая дорожка. Приносили чай, а то и кофе с бутербродом. Попасть к нему трудно. Я ходил к нему, добиваясь открыть в Питере литературный журнал. Напрасно. Он ничего не решал. Уклонялся. Употреблял он один и тот же прием. Только я приступаю к делу, он останавливает меня с милой улыбкой, приглашает послушать запись какой-то сонаты, песни, сочиненной молодым композитором, нужно, видите ли, мое мнение.

Запускал музыкальный комбайн, блаженно прикрывал глаза, прослушав, спрашивал как понравилось, озабоченно взглядывал на часы, на этом аудиенция заканчивалась. А я ведь специально приезжал к этому увертышу из Питера. Ныне кабинет его был открыт. Нет музыкального комбайна, шкаф с книгами, пластинками — пуст. <...>

«Штаб ленинской гвардии», «Наш родной ЦК», а чаще всего со значением, с угрозой — «Старая площадь» — остался мрачный, замусоренный. Безмолвные телефоны. Развалины империи, великой империи, символ ее абсолютной власти, он стал символом катастрофы, вдруг она предстала передо мной явственно, я увидел ее останки, труп.

Никогда не думал, что доживу до этого».

Д. Гранин. Причуды моей памяти

«Собираться как бы уже и не тянет. И на кухнях не засиживаются, где пусть уродливое, придушенное, но все же изготавлялось общественное мнение. Некогда оно поддержало Твардовского, редактора «Нового мира», и неприязненно отнеслось к Кочетову, редактору журнала «Октябрь». В последние годы общественное сочувствие привлекает новый редактор «Октября» А. Ананьев и, наоборот, осуждение вызвала мракобесная злоба «Нашего современника».

Теперь-то мы видим, что общественное мнение годами противостояло партийной пропаганде. Оно расставляло свои оценки, создавало свои репутации. Одних определяло как порядочных людей, других считало подхалимами, черносотенцами. Такое впечатление, что сейчас составлять это мнение как бы некому. Люди реже собираются, часто жизнь замыкается в семейной раковине, разобщенность снимает часть ответственности. Интеллигентность нуждается в среде, среда же интеллигентная тает, рынок вымывает ее, разносит по ларькам, лавкам, биржам, банкам, набирая себе людей с безжалостной хваткой. Духовность и прочие качества как бы отодвинуты (могу оговориться — пока что отодвинуты). Превращение идет быстро. Посмотришь, и там, где были благородные, светлые, а может, исполненные печалью и раздумьями лица, торчат свиные рыла».

Д. Гранин. Интеллигенция в отсутствие Аполлона и райкома

Глава седьмая

ОСМЫСЛЯЯ ПЕРЕЖИТОЕ

(1992–2017)

«В 90-е, когда, казалось, были разорваны все прежние связи писателей с читателями, Гранин не ушел в тень. Он рассказал о «Бегстве в Россию», явлении далеко не ординарном. Герои романа во имя ложной идеи ломают свои судьбы и встречаются с отрезвляющей действительностью. Рассказ о тех, кто бежит из мира свободы в царство несвободы, позволяет дать картину перевернутого мира — с его идеологизированностью, советской биографией, государственным антисемитизмом. Это плод давних размышлений Гранина, он не мог не написать такую книгу».

А. Рубашкин. В доме Зингера

«Интеллигенция, по крайней мере та ее часть, что видела неизбежность радикальных преобразований, необходимость решительного отказа от прежнего наследия, включилась в работу. В ядро межрегиональной депутатской группы Верховного Совета вошел и писатель Даниил Гранин. Там и было положено начало нашему с ним сотрудничеству. С ним я связываю один из наиболее плодотворных этапов своего нахождения во власти. В ходе нашего с ним общения рождались идеи, предложения, которые затем удавалось внести в конкретные документы и далее продвигать, осуществлять на деле. Тогда наши с ним усилия увенчались успехом в особенно важном. Было положено начало проведению представительных собраний передовой общественности — Конгрессов интеллигенции. Первый такой Конгресс состоялся в 1992 году в Москве. Его целью было обсуждение мер, которые необходимо направить на создание в обществе атмосферы согласия, на содействие миротворческим усилиям в горячих точках».

Из воспоминаний С. А. Филатова

«Статья Даниила Гранина «Великий город с областной судьбой» в

газете «Ленинградская правда» стала своего рода детонатором общественного мнения, вызвала болезненное раздражение в Смольном... В статье речь велась о том, что в советское время Ленинград постепенно утрачивал достоинства северной столицы, происходило скатывание его к разряду областных центров. Перевод в Москву прежде находившихся здесь министерств, ведомств, убийство Кирова, охлаждение Сталина к городу, снижение уровня его финансирования существенно повлияли на статус города на Неве... Его проблемы особенно усугубились в блокадные годы, последствия которых не удавалось преодолеть и к середине семидесятых: обветшание, запустение, разруха.

Исторический центр, состояние общественных зданий, проспектов, улиц, дворов производили удручающее впечатление. И в СМИ, и в общественных кругах развернулась дискуссия. В гражданах, до той поры, воспринимавших городские реальности, как данность, наступило прозрение.

Были и во власти те, кто пытался доказывать — величие города заключено в его истории, в расположенных здесь памятниках архитектуры, театрах, музеях. Его называют культурной столицей еще и потому, что здесь проживают известные в стране и в мире деятели искусства, писатели, ученые. Многие из них выступили в поддержку Гранина — академики Алферов, Лихачев, Спасский, народные художники Аникушин, Моисеенко, Мыльников, режиссер Товстоногов, дирижер Темирканов, композиторы Андрей Петров и Валерий Гаврилин.

При этом указывали на первопричину, которая состояла в нежелании питерских властных верхов беспокоить руководящий Центр. Тогда тема областной судьбы города переросла в общественное движение за возвращение городу его исторического названия, подхваченное затем входящими в политику молодыми лидерами новой демократической волны».

Из воспоминаний О. С. Кузина

«В Москве время московское, в Ленинграде — «Невское время». Так говорили журналисты по поводу выхода в свет новой газеты. Суть была не столько в названии, сколько в ее направленности. Это был первый печатный орган, который стал последовательно выступать в поддержку избранного тогда на пост мэра Анатолия Собчака. С его приходом вопрос о власти перешел в новую плоскость. Кем заполнить кабинет опустевшего

Смольного? Насколько подобранная им команда способна успешно действовать? Кто способен теперь не на словах, а на деле управлять огромным мегаполисом? Первопроходцами, запускавшими механизм исполнительной власти, стали Алексей Кудрин, Владимир Путин, Валерий Малышев, Алексей Большаков, Михаил Маневич, Владимир Яковлев (большой), Владимир Яковлев (маленький), Олег Харченко, Виталий Мутко...

Это была пора продвижения новых управленческих идей, как и выдвижения новых людей, которым предстояло двигать дело. Тем временем проблемы, которые унаследовало реформаторское руководство Питера, еще более обострились. Острая нехватка всего, порой самого насущного — продовольствия, энергетических ресурсов, — расстройство коммунального хозяйства, бытовая преступность, конфликты в сообществе «новых русских», вмешательство теневых, криминальных структур...

«Плюрализм», расхожий термин политического лексикона тех лет, по существу отображал разногласия, сумятицу в головах. Перед журналистским сообществом ставилась задача донести до общества, в противовес слухам и домыслам, смысл и необходимость радикальных преобразовательных мер. К информационной поддержке усилий власти, помимо газеты «Невское время», тогда присоединились радио «Балтика», газета «Санкт-Петербургские ведомости», местное телевидение.

Тогда в органах СМИ и вокруг них складывалась непростая обстановка. Стоял вопрос, как консолидировать общество, избавившееся от прежних идейных установок и их проводников. Кто в состоянии взять на себя эту работу и быть при этом услышанным? Велика была роль в этом таких видных представителей интеллигенции, как Олег Басилашвили, Белла Куркова, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Но кто был особенно востребован, так это Даниил Гранин. Он, как правило, находился там, где был особенно нужен. Его присутствие умиротворяло горячие головы, настраивало дискуссии на предметный разговор.

Речь тогда среди прочего велась о нехватке политической культуры, ущербной нравственной среде, о развитии и продвижении демократических традиций. В ту пору еще только выстраивалось то, что впоследствии стали называть информационным сообществом, выявлялись его лидеры, способные консолидировать и направлять творческие ресурсы журналистов, выстраивать информационную политику. Тогда же обозначилась тенденция к объединению органов СМИ в творческие сообщества, действующие в русле определенных идейно-политических программ. В состав «Балтийской медиагруппы», которую основал и

возглавил известный питерский журналист Олег Руднов, вошли его единомышленники, талантливые журналисты, работавшие на телевидении и радио, в газетах.

Формирование целостной информационной политики, определение актуальных тем и проблем, стоявших перед руководством медиагруппы, обсуждалось на общественном совете. К его созданию, как и к идеям и предложениям, которые там обсуждались, тоже приложил свою руку Даниил Александрович Гранин».

Из воспоминаний А. Ю. Маниловой

«Я знал Клауса Фукса, одного из самых знаменитых шпионов второй мировой войны. На самом деле его не следовало бы называть шпионом. Он был хорошим немецким физиком, происходил из известной семьи немецких теологов. Отец его, кажется, был профессором теологии. Когда нацисты пришли к власти, настоящим немецким интеллигентам многое не нравилось в их действиях. Чем дальше, тем больше. Клаус этого не скрывал. Однажды у него произошла стычка со штурмовиками, и его крепко избили. Европейцы такое переносят плохо. Они не желают послушно сносить, когда их бьют по физиономии. Фукс бежал во Францию, затем в Англию. А когда в США развернулись работы по созданию атомной бомбы, его пригласили в Лос-Аламос к Оппенгеймеру...

Встретились мы с ним в Дрездене. Он прибыл туда из английской тюрьмы, приговоренный к пожизненному заключению. Через несколько лет его обменяли на ихнего шпиона. Он стал работать как физик в одном из институтов и жил довольно замкнуто, женат он был, кстати, на русской.

Я представлял себе Клауса Фукса типичным ученым, малопрактичным, поглощенным своими занятиями, так оно, наверное, и было, но шпионская работа тоже наложила свой отпечаток. Он держался весьма светски и в то же время настороже, в ресторане садился так, чтобы видеть зал и чтобы его не видели. Когда мы ехали в машине, а вел он машину мастерски, Фукс все время следил в зеркальце, кто следует за нами. Я спросил — зачем, он признался, что привык остерегаться; это была одна из приобретенных на всю жизнь привычек.

О Клаусе Фуксе следовало бы написать интереснейшее исследование. Сюжет его жизни отличается не только бескорыстием, но и научный склад мышления, исследовательский подход к шпионской работе. Самоучка, он в одиночку, без всяких раций, шифров, явок осуществлял передачу ценных

материалов. Ученый-шпион. Причем крупный физик и крупный шпион. Ученый-герой. Герой не мысли, а действия.

Одно время меня привлекала и судьба известного физика Бруно Понтекорво, бежавшего к нам, бывшего соратника Энрико Ферми. Великолепный экспериментатор, он по достоинству стал действительным членом Академии наук СССР. То, что он мне рассказывал, достаточно серьезно. Не для шпионского романа, а про то, как возникают и гибнут иллюзии.

Может, эти две судьбы своеобразно отозвались в образе моего героя. Вернее, моих героев, которые почти неразделимы, как сиамские близнецы».

Д. Гранин. Бегство в Россию

«Я по-прежнему боюсь белого листа. А как же! Твардовский как-то мне сказал, что тоже боится чистого листа и поэтому пишет на бумаге, обратная сторона которой исписана. Интересное предложение, да? Я к нему прислушался. С тех пор как стал членом президентского совета, мне стали присылать всевозможные бумаги — аннотации, информацию. После того как я все это просмотрю, раскрепляю скрепки, держащие бумаги. И можно писать.

Почерк у меня неважный, но жена разбирает. Она у меня вроде секретаря. Я пробовал работать на компьютере, но он мне немного мешал. Когда я пишу от руки, то чувствую слово. Я как-то был в доме Пушкина в Михайловском, и директор музея Гейченко дал мне пописать гусиным пером. О, это особое состояние! Когда ты страстен, получается жирный шрифт. Когда испытываешь другое настроение, он получается тонким. Поэтому, читая Пушкина, легко понять, в каком состоянии пребывал поэт. Если, например, написано жирным шрифтом, я сразу понимаю, что в тот момент в нем все клокотало.

Существует ли вдохновение или все решает трудолюбие? Бывает повсюду. Но чаще всего приходится просто вкалывать. У Толстого, когда он писал «Воскресение», существовало 20 вариантов внешности Катюши Масловой. 40 страниц! У Хемингуэя в «Прощай, оружие!» было больше 20 вариантов конца. А я убедился, что сам смогу переписать свои работы только 6 раз. Не потому, что у меня не хватит работоспособности. А потому, что я больше не вижу вариантов...»

Из беседы Д. Гранина с писателем Игорем Оболенским

«Из трех книг, которые вышли у меня в девяностые годы, — лирическая проза «Чудеса любви», публицистика «Тайный знак Петербурга» — «Вечера с Петром Великим» — самая трудная. Роман писал лет 10–12. Бросал, снова принимался за него. Хотел рассказать о Петре не как о великом государе, полководце, воине, созидателе, ученом, а как о личности. Чем больше я занимался Петром, тем загадочнее он становился. Вообще добраться до разгадки, связанной с главным героем, — самое интересное. «Человек — это тайна», — говорил Достоевский. В самом деле, стоило найти какое-то объяснение поведению Петра, как следующим поступком он опровергал себя же. В его жизни начиная с момента рождения немало странного. Откуда вдруг в душной атмосфере сонного Московского Кремля появился этот сгусток энергии, устремленности, исключительной воли и любознательности? Что сформировало этот ум, этот характер? Александра Македонского обучал в детстве Аристотель, у Петра подобных учителей не было. Откуда такая тяга к просвещению? Или отказ от царской роскоши? Откуда?

Современники спрашивали, зачем Петру самому нужно было строить корабли, поручил бы кому-нибудь, а сам занимался бы государственными делами. Но кому поручить? Некому было в России. Иностранца выписывать? Нет, надо было самим учиться. Учились и за границей, и в России. Петр тоже учился, чтобы освободиться от зависимости, ему хотелось дознаться до всего, освоил голландский опыт, отправился к английским судостроителям, его желание научить свой народ совпадало с собственным призванием естествоиспытателя, инженера. Он понимал, что нужно пройти школу самостоятельности. Учился на заграничных верфях как частное лицо, а не как царь, как Петр Михайлов, а не как Петр Первый.

Конечно, все равно приходилось призывать иностранных мастеров, но теперь он мог их проверять, поправлять, требовать как хозяин, которого не проведешь».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«О Петре написано много и многими. Пушкин, Мережковский, Алексей Толстой... И десятки других историков, писателей то подступали к нему, то отступали. Написанное другими меня не удовлетворяло. Не потому что плохо, а потому что не мое. Я заставлял себя искать, вынашивал свой подход к Петру и его эпохе.

История — всегда версия. Тем более для писателя. Ведь она не просто населена людьми — одушевлена ими. Их психологическими состояниями, настроениями, взглядами, моралью, нравственностью. Клубок противоречий, острых, зачастую драматичных. Потому и литература о Петре настолько противоречива. Я убедился: у каждого свой Петр, и совместить их всех, свести в нечто единое попросту невозможно. Поэтому и я не могу становиться на чью-то одну точку зрения, не обретя своей. Среди разных граней — военной, дипломатической, государственной — я нашел свое, отдельное, и, как мне казалось, то, что составляло главное качество петровской личности: он — ученый, естествоиспытатель, инженер, знаток корабельного, строительного, токарного и множества других дел, человек технической сметки и хватки. Это по-новому определяло многие поступки Петра, мотивы его поведения.

Еще один важный момент. Петр существует в нашем сознании как-то одиноко. Но он жил и действовал в живом окружении людей. Екатерина, Меншиков, Шереметев... Без них мы представляем себе Петра не таким, каким он был, и не так полно, как в реальной жизни. Его среда — близкие и чужие ему люди, соратники, сподвижники и недруги, противники знакомы нам меньше и хуже. Они помогают судить о Петре по законам *того времени*, а это для нас нынешних — самое главное. Стало быть, дойти до этих законов, понять, постичь их — вот задача, трудная и сложная, но важнейшая».

Из интервью Д. Гранина журналу «Вопросы литературы» 15.05.2005 г.

«Петр хочет сделать новую столицу прекрасной. Он приглашает из Европы зодчих, садовников, резчиков, архитекторов, бронзовщиков. Каким-то образом получилось, что почти все они оказались мастерами своего дела. Шлютер, Леблон, Растрелли — и отец, и, разумеется, сын, Трезини, Микетти, Филипп Пильман. Вряд ли таланты собрались в таком количестве случайно. Петровские замыслы увлекали художников своей грандиозностью. Он умел ставить им чисто художественные задачи. По мере завершения военных усилий в нем росла потребность украсить бедную на искусства российскую жизнь. Теперь, когда страна получила победоносный флот, артиллерию, кавалерию, стало видно, что этого мало. Страх, который Россия внушает, еще не возвеличивает ее. Ей нужна красота...

Когда-то Лейбниц рассказывал Петру, как страдает брошенное в землю зерно, прежде чем произвести плод. Страдание зерна — это запомнилось. Так он выстрадал Петербург, да и Петергоф тоже. Но зато какие плоды, какая красота выросли на этих болотах».

Д. Гранин. Вечера с Петром Великим

«— По расхожему стереотипу, Петр только тем и занимался, что рвал связь времен, ломал отечественную историю через колено, переиначивал все русское на чужое, иностранное. А вот в «Вечерах» есть такой эпизод. Царь повелевает начать изготовление изразцов по новой голландской технологии, но рисунки на них приказывает наносить русские. В Вашей трактовке, по-моему, Петр задумывается над тем, как, обрубая старые ветви, открывая путь новым, не повредить все же и корни. И это особенно важно усвоить во времена, когда мы беспечно, бездумно роняем эстафетную палочку нравственных законов, обычаев, традиций, передаваемых от поколения к поколению. Правильно ли я Вас понял?

— Тезис о том, что Петр рвал связь времен, стриг бороды, заставлял одеваться на заграничный манер, вводил принудительные ассамблеи — все это нельзя рассматривать вне контекста тогдашнего выхода России как новой мировой державы на европейскую арену. Бороды-то он стриг принудительно. Но ведь потом, после его смерти, никто не стал их снова отращивать. Петровские новинки прижились. Да, он заставил дворян одеваться в более удобное, чем дедовские кафтаны, европейское платье. Но никто потом не полез назад в кафтаны. Он, опять же силой, послал молодых людей учиться в Европу. Кто-то учиться не стал и вернулся домой Митрофанушка-Митрофанушкой. Но кто-то — и, пожалуй, таких большинство — учился на совесть и составил потом интеллектуальную элиту новой, молодой России.

Не все сопротивлялись петровским реформам. Молодому дворянскому поколению они импонировали. Так что реформы эти не были насилием над русской жизнью. Они отвечали назревшим новым ее потребностям. Петр не насиловал Россию, нет! Он лишь толкал ее в европейское просвещение. И это совпало с потребностью времени.

Это не исключает и не оправдывает, конечно, ту жестокость, с которой петровские реформы проводились. Однако у этой черты в характере первого русского императора были свои личные мотивировки. Петр начал с того, что рубил головы стрельцам. Но эти стрельцы когда-то на его, тогда

еще мальчика, глазах растерзали его родню. И что вы думаете, в европейской истории было меньше тогда жестокости и крови? Не Европе упрекать нас в жестокостях Петра!»

*Из беседы Д. Гранина с К. Смирновым (Новая газета.
8.07.2011 г.)*

«Мы с Даниилом Александровичем познакомились в 1996 году, когда я был председателем комитета Госдумы по международным делам. Он пришел ко мне с вопросом, готов ли я содействовать захоронению тех, кто погиб на российской территории в годы Великой Отечественной. Не только наших солдат и офицеров, но и немецких, что в те времена звучало довольно экзотично. Я сказал, что готов помочь, мы несколько раз встречались, писали на эту тему Ельцину и какой-то процесс начался. Я увидел тогда симпатичного, умного, неброского человека, чьи предложения мне понравились, но особо близких отношений между нами не сложилось.

Более тесно мы познакомились два года спустя в Праге, в дни 30-летия вторжения советских войск в Чехословакию. По этому случаю туда пригласили нескольких людей, чья реакция на это событие была необычной для того времени — можно сказать, несоветской. Я в 1968 году работал в пражской редакции журнала «Проблемы мира и социализма» и выразил несогласие с вводом войск, за что меня оттуда и убрали. Тогдашний президент Чехии Вацлав Гавел пригласил меня, Гранина и Беллу Ахмадулину с ее мужем Борисом Мессерером; мы встречались с людьми и объясняли, что в Советском Союзе не всё было однозначно, не все поддерживали вторжение. Даниил Александрович в этой поездке являл собой, как всегда, независимость, ум и конструктивизм без эпатажа. Он блестяще владел аудиторией и был центром объединения нашей разношерстной команды. С тех пор мы с ним сдружились, он стал очень важным для меня человеком. Мы виделись и в Москве, куда он иногда приезжал, но чаще в Петербурге, где-нибудь в ресторации или у него дома, обсуждая самые разные вопросы».

Из воспоминаний В. П. Лукина

«В жизни мне повезло быть близко знакомым с тремя людьми, которых я считаю моральными авторитетами моей Родины — это Патриарх Алексей

II, Даниил Александрович Гранин и академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. В памяти наиболее остро остались несколько встреч с ними.

В начале 2000-х вышла в свет книга о А. Яковлеве — бывшем члене Политбюро ЦК КПСС, соратнике М. С. Горбачева, участнике Великой Отечественной войны. Одну из статей о нем написал и я. Мы были лично знакомы. Неожиданно позвонил Гранин и спросил: «Это Вы писали или кто-то за Вас?» Спрашивать он умел прямо, без обиняков. Я сначала даже растерялся и после паузы ответил — да, я. Даниил Александрович сказал, что хотел бы встретиться и поговорить. Мы встретились на презентации книги в Домжуре. Это был удивительный разговор о мире и войне, о правде и конъюнктуре, о политике и нравственности в ней. Многие его высказывания были мне близки по жизни и службе, когда, побывав в начале 80-х во всех «горячих точках» с курсантами своего училища, я увидел всю глубину трагедии моей страны, которая рушилась на глазах. А нам в газетах и по ТВ врали и врали. Это и сподвигло меня пойти в большую политику.

Я теперь понял, почему немцы встречали его в бундестаге стоя и с овациями. И какие письма писала Даниилу Александровичу канцлер Ангела Меркель. Нравственность, правда, совесть, сопереживание — всё это было в нем».

Сергей Степашин, президент Российского книжного союза

«Триста лет Петербургу впервые отмечались не просто очередной юбилейной датой, праздник этот обрел особый вызывающий характер. Впервые с дореволюционных лет город ощутил свою столичность, свое возвращение к статусу великого и любимого города России.

27 мая 2003 года был днем официального трехсотлетия. Я бродил с утра и до поздней ночи по улицам и площадям. Открытие памятного знака в Петропавловке, карнавал, вечернее гуляние. Никогда еще, даже в день Победы 1945 года, я не видел столько людей на улице. Густые толпы заполнили Невский проспект, Литейный, Владимирский, площади перед Исаакием, набережные, Дворцовую, Каменноостровский. Весь город вышел на улицы. Протискиваясь сквозь эти плотные массы, я ни разу не слышал ругательств. Не было пьяных. Толпа была непривычно добродушной, терпеливой, а главное — веселой. Исчезла обычная питерская замкнутость, хмурая сдержанность. Эта белая ночь, этот

долгожданный юбилей вдруг открыл, как еще никогда на моей памяти, красоту Невы с ее каналами, притоками, белесый блеск воды, гранит набережных, как будто протерли запыленную картину, и город заблистал».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Некие начальственные круги решили обозначить 300-летие города, соорудив памятник «трехсотлетию». С самого начала эта затея показалась мне надуманной. Была устроена выставка проектов памятников, посмотрев ее, я, как многие зрители, убедился, что проекты беспомощны, а то и бессмысленны. Скорее всего, они были таковыми потому, что сама идея подобного памятника была бессодержательна и провинциальна. На мой отзыв сильно обиделись и скульпторы, и организаторы. Я предложил вместо памятника трехсотлетию поставить знаковый камень там, где был «город заложен». Уточнил место: Государев бастион в Петропавловской крепости, по легендам, именно отсюда началось строительство города. Надо отдать должное начальству, на этот раз оно согласилось, что не стоит продолжать настаивать, к тому же неизвестно, что получится и во сколько это обойдется. В результате установили скромное, довольно изящное сооружение из гранита в виде набегающей волны. И 27 мая состоялось открытие.

Петербург для меня — город неразгаданный. Таинственно, например, очарование его белых ночей. Меня давно озадачивали рисунки М. В. Добужинского к повести Достоевского «Белые ночи». На черно-белых сюжетных гравюрах — белая ночь, которая совершенно ясно ощущается. Долго я не мог разгадать секрет художника, пока наконец открыл, что светло, но дома, люди лишены теней. На гравюрах нет теней, как и в самом городе во время белых ночей. Это — очень странное ощущение: город как привидение.

Мне никогда не хотелось уехать из этого города, хотя были времена, когда партийное начальство прорабатывало меня и запрещало печатать. Может быть, если бы я переехал в Москву, то работать там было бы легче. Она — более демократична, в ней проще затеряться, в ней писателю и художнику легче. Но с Петербургом у меня связана вся жизнь. А переезд — это очень серьезная перемена, которая не всегда заканчивается хорошо для творческого человека».

Д. Гранин. Сильно прибыло красоты (2003)

«В том, что Сестрорецк с окрестностями с некоторых пор стал именоваться Курортным районом Санкт-Петербурга, была своя закономерность. Территория, примыкающая к городу со стороны Финского залива с его природным ландшафтом, с давних пор была для питерских жителей излюбленным местом не только воскресного отдыха, но и проживания в течение всего дачного сезона. Особенно известен поселок Комарово, где издавна летом и осенью проживали многие известные литераторы и деятели искусства.

Мне довелось возглавлять администрацию Курортного района в по-особому сложный период. Близилась крупная историческая дата — 300-летие Санкт-Петербурга. Для всех и каждого, кто был включен в управленческие структуры, наступила особенно напряженная пора. Предстояло в весьма сжатые сроки «расширить узкие места», решить ворох накопившихся проблем. Курортный район, его экономика, производственный потенциал, существенно уступал другим градообразующим районам, но требования были одинаково строгими для всех. Остаточный принцип финансирования, нехватка строительных мощностей и трудовых ресурсов ставили под угрозу решение самых насущных проблем. К примеру, обеспечение всем необходимым населения, численность и состав которого радикально изменялись от сезона к сезону. Едва ли не половина населения Питера летом переселялась сюда, поближе к Финскому заливу. Да только ли это?

Хорошо помню самое начало своей работы в Сестрорецке в середине 1999 года. Первым делом, согласно установившемуся порядку, предстояло пообщаться с активом, но я посчитал для себя важным прежде встретиться со старожилом поселка Комарово — Даниилом Александровичем Граниным. Наша долгая беседа состоялась у него на даче. Поговорили о многом, о наболевшем — о проблемах, стоявших у порога и далее... При расставании писатель попросил обратить внимание на содержание расположенного неподалеку кладбища, особенно на состояние надгробий Анны Ахматовой, Михаила Зощенко, других выдающихся людей. Условились в ближайшее время сходить туда с ним вместе. Эта встреча и последовавшие за ней оснастили меня многим таким, что мог дать только он, мудрый и глубоко знающий жизнь человек. Общение с ним — особенно ценная, поучительная страница в моей судьбе. Я по-особому рад и горд тому факту, что 300-летие Питера мы встретили, стоя рядом на трибуне Дворцовой площади».

*Из воспоминаний А. Д. Беглова, исполняющего
обязанности губернатора Санкт-Петербурга*

«— Вас сегодня очень возлюбила власть, причем с той же последовательностью, с какой раньше не любила. Как вам ампула оракула при власти?

— Я не оракул, и не при власти. Я распрощался с властью, когда кончилось мое членство в Совете народных депутатов СССР. Тогда лавина художников, режиссеров и писателей была вовлечена в политику и власть самим временем. Мы работали в Совете народных депутатов с Алесем Адамовичем, Борисом Васильевым, Евгением Евтушенко... Сейчас действительно так случилось, что власть во мне... заинтересована, что ли. Моя точка зрения иногда принимается во внимание, возможно, как раз потому, что я от сильных мира всегда дистанцировался — этим не отравлен. Во всяком случае, надеюсь. И я использую этот интерес, иногда, не часто, выступая с разных трибун, чтобы кого-то защитить, кого-то убедить. После чего вновь отхожу на должную дистанцию. Меня это не тяготит, тем более что любовь власти не навязчива.

— А если вам что-то не нравится в действиях власти?

— Тогда я говорю об этом. Так, в частности, закончились мои отношения с бывшим губернатором Петербурга, нынешним вице-премьером Владимиром Яковлевым. Мне категорически не нравились некоторые аспекты его деятельности — от установки этих бездарных памятничков по всему городу и заигрывания с Церетели до ситуации с блокадниками, о которых так много популистски говорили, но ничего не сделали. По поводу блокадников я устроил просто скандал. Ну, хватит перечислять, а то какой-то список заслуг получается...»

*Из беседы Д. Гранина с Юлией Кантор (Известия. 3
января 2004 г.)*

«После продолжительной болезни скончалась супруга известного писателя, почетного гражданина Санкт-Петербурга Д. А. Гранина Римма Михайловна Майорова».

Газета «24 часа», 24.04.2004 г.

«Смерть жены после многолетнего брака — это потрясение. Считаются все устои, все привычки. Прежде всего обнаруживается пустота. Пустое место за ужином. Кресло, где она сидела — пустое. Ни в одной комнате ее нет. По привычке торопился домой, она там одна-одинешенька, ждет. Вошел, понимание, что никто не ждет. Несу домой новость, не терпится рассказать, никого нет. Каждый раз забываю, что ее нет.

Платяной шкаф. Там всегда было тесно от ее кофточек, блузок, юбок. Мы их раздали. Покачиваются пустые плечики. Мне надо узнать, когда к нам приезжал Роберт Фрост, какие стихи он читал. Спросить не у кого, она была единственная, кто помнил. Все больше и больше вещей, которые она знала, а я не знаю, не помню и уже не узнать».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Вдруг я обнаружил, что моя дочь куда умнее меня, куда более толкова, дальновидна. Наверное, это уже было давно, не замечал, потому как привык считать ее маленькой. Со школьных лет она стала бороться за свою личность. Ей не нравилось, что ее считали дочерью известного писателя. Учительница (дура) сказала ей: «Что ты себе позволяешь, а еще дочь инженера человеческих душ». Она выбиралась из моей тени разными способами. Например — не читала моих книг. Никогда не обсуждала со мной мои статьи, выступления. Это не было отчуждением. Чуть что — она яростно защищала меня, в ее любви я не сомневался, но ей надо было стать Мариной Герман, потом Мариной Чернышевой, иметь свою, отдельную репутацию, свой облик. Всего добивалась своими силами, своим умом. Показывала себе, мне и всем, чего она сама стоит. Моим именем старалась не пользоваться. Узнавали, что она дочь Гранина, случайно. Не от нее. Наверное, я не столько помогал ей, сколько мешал, но она никогда не жаловалась. Примерно тот же путь прошел и внук. Мы понятия не имеем, как тяжело нашим детям добывать себя».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Уважаемый Даниил Александрович!

Спасибо за выступление в «С.-Петербургских ведомостях». Ваш голос прорвался сквозь оголтелый одобрителный визг, под который уничтожают наше поколение. Я не блокадница, не участница, не «жительница», я просто ветеран труда, уроженка Петербурга, отдавшая этому городу 44 года работы, все силы, знания, здоровье. Не буду отнимать Ваше время подробностями моей биографии. Коротко: родители-врачи, война, мобилизованы, дети эвакуированы с детским домом, найдены матерью в Свердловской области, после войны — полуголодное детство, коммуналка. При этом: школа с медалью, абонементы в Эрмитаж на нищенские родительские зарплаты участковых врачей, галерка в театре, хоры в филармонии, серьезный вуз. Затем: инженер высшей категории, 38 лет в приборостроении, трудовая книжка — полная благодарностей. Сейчас: старость, нездоровье и... монетизация, так сказать, заключительный аккорд. Целое поколение «кинули», как сейчас выражается не только шпана, но и представители власти. 9 поездок по городу в месяц и угроза расстаться с телефоном, плату за который бесконечно повышают. Общение сводится на нет, нам предназначено гетто — изобретение фашизма применяется демократической властью весьма успешно, только у них гетто служило для других народов, а у нас — для своего.

10 рублей выделяется ветерану труда в месяц для оплаты пригородных поездок — только до крематория, в одну сторону. Одна поездка на участок 6 соток, выделенных на болоте и превращенных собственными усилиями в мини-огород, обходится в 110 руб. Выход один: расставаться, хотя многим этот участок помогает выживать. На этой неделе возвращаюсь на автобусе из пригорода, большая часть пассажиров — мои ровесники, с тележками, сумками, рюкзаками, тянут на себе... Разговор на одну тему — монетизация, обман, безнадёжность. Самое страшное: «столько пережили, страдали, спасали город. Наверное, зря». Как нужно обидеть, оскорбить, унижить терпеливое, добросовестное, доброе поколение, чтобы оно пришло к такому выводу. Наплевали нам в морщины, а потом подтерли десятью рублями.

Месяц назад моя подруга уехала в Германию, хочет дожить прилично, по ее словам. Сказала: «Хуже, чем здесь, не будет никогда». Спасаться от благодеяний демократической власти она ринулась в страну, которую с боями прошел ее отец-генерал.

Может быть, и Зубру не стоило возвращаться?

Суровых Кира Яковлевна,

1937 г. р., петербурженка».

Письмо, присланное Д. Гранину в октябре 2004 г.

«— Богатая интеллигенция — это странное понятие. Это совершенно нерусское понятие. Интеллигентность включает понятие совести, каких-то духовных ценностей. XX век прежде всего дал нам двух человек, которые являются предметом гордости нашей интеллигенции, — это Сахаров и Лихачев. Я был знаком с ними обоими. Как жил Сахаров и как жил Лихачев? Не могу сказать бедно, это неправильно, но очень скромно. Я думаю, это была принципиальная скромность. Они не хотели позволить себе жить богато. Потому что это неприлично. Я не хочу никого осуждать. Но считаю, что если человек использует свое богатство для того, чтобы преподнести президенту катер, то он должен подумать о том, что есть более насущные вещи, которые человек должен оставить после себя или на что он должен употребить деньги. Построить больницу, приют для беспризорных ребят — без конца тут можно перечислять. Вот на Западе, при его «бездуховности», люди выступают с конкретными вещами, например, против противопехотных мин. Это конкретно. И этим можно заниматься. Для меня это более понятно, чем «создание гражданского общества».

— *Должен ли интеллигент сотрудничать с властью или все же его роль — всегда быть в оппозиции?*

— Нет, я не считаю, что в любом случае надо быть в оппозиции. Есть разумные вещи, которые делает власть. В этом надо с ней сотрудничать. Когда власть хочет строить дороги — ну и слава богу.

— *Какие-то пределы — чем можно поступиться, а чем нельзя — все же существуют?*

— Человек не может жить бескомпромиссно. Мера — это совесть, понятие очень туманное, может быть, расплывчатое, но тем не менее единственное. Есть совесть обостренная, есть приглушенная».

Из беседы Д. Гранина с С. Гликман («МК», 2005)

«Постановлением Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 19.05.2005 г. звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга присвоено писателю Гранину (Герману) Даниилу Александровичу. Он стал 22-м обладателем этого звания, восстановленного в 1993 г. по инициативе мэра А. А. Собчака. В соответствии со статьей 9 главы 1 Устава Санкт-

Петербурга и Законом Санкт-Петербурга «О звании «Почетный гражданин Санкт-Петербурга» звание «Почетный гражданин Санкт-Петербурга» присваивается гражданам Российской Федерации, внесшим выдающийся вклад в развитие Санкт-Петербурга, повышение его роли и авторитета в России и на международной арене; в укрепление демократии и защиты прав человека; в науку, искусство, духовное и нравственное развитие общества».

Невское время. 20 мая 2005 г.

«Я много лет знала Даниила Александровича, мы часто встречались. Каждая встреча с ним, безусловно, была возможностью сверить мысли, дела с этим мудрым, взвешенным человеком, которого я бесконечно уважала. Я сейчас вспоминаю 2003 год, когда передо мной стоял тяжелый выбор — идти на выборы губернатора Петербурга или нет. Первым человеком, к кому я пошла посоветоваться, был Даниил Гранин. Мы встретились с ним на Петроградской стороне, в кафе, долго говорили. И он сказал: «Нужно идти на выборы, я вас поддержу». Для меня это была огромная моральная поддержка».

*Из выступления председателя Совета Федерации РФ
В. И. Матвиенко на прощании с Д. Граниным 8 июля
2017 г.*

«Он проявлял уникальное для нашего общества чувство меры — у нас ведь принято или ненавидеть государство и прославлять борцов с ним, или, наоборот, проклинать всех революционеров и просто критиков власти. Даниил Александрович был одним из немногих людей, пытавшихся найти баланс, то, что Гегель называл единством противоположностей. Он видел, что у каждого есть свои резоны, своя правда, и в этом перекликался с Самойловым, который писал: «Но я им, впрочем, не судья... У нас цари, цареубийцы не знают меж собой границы и мрут от одного питья». Его главная человеческая заслуга — стремление в любой ситуации искать и находить баланс между разными позициями, разными политическими взглядами, что особенно непросто в России с ее трагической историей. Он пытался не танцевать лезгинку на политической трибуне, а спокойно склеивать то, что в нашей стране склеивается с большим трудом —

соединять пеструю панораму мнений, интересов, страстей в единое целое российского общества, российской государственности. До него это пробовал делать академик Лихачев, но других подобных по масштабу фигур с тех пор, пожалуй, так и не появилось».

Из воспоминаний В. П. Лукина

«Регулярно общаясь с Граниным более 20 лет, я не мог не обратить внимания на особую роль Лихачева в гранинских размышлениях о самых разных аспектах бытия. Касается ли это совести, порядочности, ценностей и идеалов человеческой жизни или черт нашего повседневного быта, «мелочей», составляющих атмосферу эпохи. Хорошо заметно, что самые значимые из своих исканий и размышлений Гранин поверяет Лихачевым.

Несомненно, что Гранин вслед за Лихачевым стал выразителем дум и чаяний петербургско-ленинградской интеллигенции, носителем ее культурно-исторического кода. А затем стал и ее символом. В итоге и Лихачев, и Гранин оказались в одном ряду — фигур, олицетворяющих простоту и величие русской культуры своего времени».

Ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий.

Из предисловия к книге Д. Гранина «Интелегенды»

«Фонд Лихачева был создан в 2001 году, через два года после кончины замечательного ученого. Инициаторами его создания выступили представители творческой интеллигенции Санкт-Петербурга, среди которых были писатели Даниил Гранин, Яков Гордин, дочь академика Лихачева — Людмила Дмитриевна. К сожалению, ныне уже покойная. Все эти люди вошли в состав Правления Фонда. Чуть позже я был назначен его директором. Бессменным председателем Правления Фонда в течение пятнадцати лет является писатель Даниил Гранин. Меня всегда поражало и даже трогало, как живо он вникает во все начинания и проекты, которые мы реализуем, сколько сам предлагает новых идей и направлений работы. С самого начала наш фонд претендовал на общекультурный уровень. Хотя мемориальные программы, популяризация научного и культурного наследия Лихачева занимали в нашей работе важное место. Мы создали сайт, на котором собрана полная библиография его трудов, множество фотографий, другие материалы. Издаем труды ученого, подготовили

несколько документальных фильмов. Если Вы помните, в 2006 году отмечалось столетие со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. Нам удалось добиться того, что Президент России Владимир Путин подписал указ, которым объявил весь 2006 год Годом академика Лихачева. Подобного прецедента наша страна до этого не знала, да и потом, кажется, такого не было. Мы выступили инициаторами присвоения имени Лихачева безымянной площади напротив Пушкинского Дома, у съезда с Биржевого моста. Там установлена памятная стела с барельефным портретом ученого. В том же 2006 году была учреждена Премия академика Лихачева за сохранение культурного наследия России, которая с тех пор вручается ежегодно».

Из интервью директора фонда Д. С. Лихачева А. В. Кобака 17 декабря 2016 г.

«Теперь, задним умом, когда кризис наступил, понимаешь, что с чего началось. То были отдельные эпизоды удивления, которые стали происходить в последние годы то там, то тут. Вышел, например, в Ленинграде сборник срамных частушек. Поражает в нем не лексика, слава богу, ругань нашему уху вещь привычная, да и проза последних лет хорошо потрудились на поле брани. Поражает смакование похабщины. Эти частушки не имеют отношения к фольклору, не имеют ни озорства, ни словесной игры, ничего того, что свойственно русской частушке. Сборник этот — самоделка густой матерщины, в угоду подлому вкусу, во имя рыночного успеха. Ну вышла и вышла, мало ли пакостей сейчас печатают. Но внимание мое привлекла фамилия составителя. Известный мне, недавно активист-демократ, зычноголосый участник митингов и собраний, как он топтал тоталитарный режим, коммунистическую идеологию, как ратовал за демократические свободы и роль интеллигенции! Боролся что было сил, победил, взошел на некоторое кресло и, сидя на нем, получил возможность не столько печататься, сколько печатать, что, оказывается, его больше всего прельщало. И вот понес беспрепятственно свою культуру в массы. Если бы ради идеи, а то ведь чисто корысти ради. Подзаработать на матерщине, пока есть спрос».

Д. Гранин. Интелегенды

«— Скоро вам предстоит определять лауреатов премии «Большая книга». Верите вы в особую миссию литературы?

— Трудно ответить. Я, конечно, верю, что смысл ее существования проявляется лишь тогда, когда она что-то исповедует, чего-то хочет, что-то может раскрыть в человеке, о чем-то сказать, поделиться болью, недоумением, непониманием. То, что сегодня творится с массовой культурой, не ново. Это всегда было, но сегодня она проглотила читателя. Мой читатель ушел. Денег у него на книги нет, наука, которой занимались мои герои, сегодня низведена на положение никому не нужного предмета. Но я все-таки верю, что литература вернется, должна вернуться. Книга обладает особым преимуществом. Это преимущество — интимность. История не бывает плохой или хорошей. То, что происходит сегодня с книгой, тоже часть истории культуры. Книга останется, я сужу по тому, как она живет за рубежом. Живет.

— Какова сегодня роль интеллигенции? Она отошла от участия в развитии общества. Что ей осталось?

— В конце 80-х — начале 90-х была дань романтике, романтическому периоду истории, когда казалось, что интеллигенции что-то может сделать. Не жалею об этом периоде, многое не удалось, но это было красиво. Интеллигенция — замечательное российское сословие. Она очень много сделала хорошего, а те, кто кричит против интеллигенции, кто они такие? Ленин говорил, что интеллигенция — это говно. А кто он был?

— *Интеллигент. Худо-бедно.*

— Интеллигенция — принадлежность тоталитарного режима. Сейчас она как функция кончилась, но интеллигенция всегда была неким музыкальным ключом, струной. Какова ее роль сегодня? Мы не знаем, куда идем, что строим. Говорят, не обязательно иметь цель в жизни, надо просто жить. Но мы привыкли что-то строить, куда-то идти. Я не знаю, на какое будущее мы рассчитываем. Знаю, что надо избавить людей от коммунальных квартир, от нищенского жалованья. Но этого мало. Когда мы говорим о культуре, мы вынуждены констатировать очень неприятное явление. Культуру могут потреблять только богатые люди. Чтобы посмотреть с семьей памятники культуры или пойти на премьеру, нужны немалые деньги. Это ненормально, неправильно.

— *Придется ждать, когда страна разбогатеет, нефти будет еще больше, воровать не будем.*

— Вот это ужасная фраза. Ею пользуются все наши чиновники. Когда люди получают квартиры, мы займемся культурой. А культура — вещь непрерывная, а не фазовая. Разве в советское время страна была богаче —

ответьте мне? Почему же она давала возможность студенту бывать в филармонии, в театре, ездить запросто в Петергоф? Почему я тогда мог покупать книги? А сейчас мы богатые, продаем столько нефти, а я никуда не могу поехать. Для кого это богатство? Если это дурная культурная политика, как вы говорите, то эта дурная страна».

Из беседы Д. Гранина с О. Мартыненко (Московские новости, май 2006 г.)

«2008 год, Санкт-Петербург, у нас на Петроградской стороне вместо рынка, вместо обычных продуктовых магазинов открылись: «Полушка», «Пятерочка», «Копейка», «Находка» — магазины, где якобы все подешевле, но продукты если не просроченные, то вот-вот. Но главное, привлечь хотя бы названиями — для вас, бедняков. Не замечают унижительность. Пусть подешевле, ради бога, одни пошикарнее, другие люкс, а эти скромнее, со скидкой, но зачем подчеркивать, полушка — меньше монеты не бывает, нищим такую уже не подают, это дно жизни. Приучают, и смирились, большего мы не достойны, нам «полушка», четыре на копейку. Хоть бы назвали по-другому, не «Пятерочка», а «На пять», «Пятерка»...

Будь я моложе, я бы стал изучать связь русского языка с историей, как изменялось слово в зависимости от событий, от того, что происходило в России. У каждого слова своя история, свое происхождение. Этим занята семантика, но есть или должна быть еще наука о взаимодействии слова и страны. Вот та же сеть магазинов «Полушка». В 90-х годах XX века такие названия были невозможны, не было такого расслоения общества на богатых и бедных. К 2005–2008 годам оно произошло, и лавочники извлекли забытое слово «полушка» как рекламу для бедняков. Общество перестало стесняться, бедные, вот для вас магазинчики — тесные, грязные, дешевые — налетайте. В супермаркеты ехать надо на машине, а «полушки» в спецунивермагах не нуждаются».

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Я принес на помойку мусор. У контейнера стояли два мешка. Возле них валялись книги. Я заглянул в мешки. Они были набиты книгами. Новенькими и старыми. Там было собрание сочинений Гладкова. В синих переплетах — Новиков-Прибой. Страницы слиплись. Попробовал листать.

Видно было, что книгу никогда не читали. Так они простояли десятки лет. Кажется, этот писатель писал что-то морское. У Гладкова я читал роман «Цемент». Наверно, про строителей. Или завод? Когда-то известный автор.

Мужик из соседнего дома швырнул свой мусор в зеленую пасть контейнера.

— Книги стали выбрасывать. Новенькие, — сказал он.

Мы разговорились. Он тоже потихоньку избавлялся от книг. Зачем они? У него есть интернет, вполне заменяет, даже словари. Букинисты старье не покупают. Да и где они, букинисты, в нашем районе? Я не мог ему подсказать. Действительно, букинистов не стало. Личные библиотеки исчезают. Какой смысл приобретать, собирать редкости, если редкость перестала быть редкостью. Любую редкость можно скачать за несколько минут. В цвете, с картинками. Любое собрание сочинений умещается в крохотном чипе. У меня три полки занимает энциклопедия Брокгауза и Ефрона, 80 томов. Интернет ее обесценил. Не надо больше ставить лестницу, лезть к полкам, искать том, искать там слово, отщелкал несколько кнопок — и через три секунды экран моего компьютера заполнен.

Книги тихо покидают нашу жизнь. Освобождают книжные шкафы. В квартирах, в библиотеках. А Министерство культуры вообще обрадовалось. Министерство, очевидно, вполне устраивает блестящая идея — стоит постепенно закрывать библиотеки в поселках, малых городах. Сразу как гора с плеч, сколько жалоб на низкие зарплаты, на бедность, на скудное пополнение новой литературой. Уговорили. И началось избавление. Пошло успешно, никакое другое решение так гладко не выполнялось. Культура в России была подвижницей только при царе».

Д. Гранин. Человек не отсюда

«Зная, что я неплохо разбираюсь в поэзии, Даниил Александрович неожиданно предложил мне выступить с чтением стихов в знаменитой «Бродячей собаке», недавно восстановленном литературном кафе Серебряного века. Я, конечно, отбивался как мог, но от него было не так просто отбиться — он настоял на своем и сидел рядом все время, пока я читал. Он любил стихи — особенно Пушкина, Лермонтова, Блока. Из современников — Давида Самойлова, хоть однажды и поссорился с ним в Доме литераторов. Как он рассказал мне, они разошлись во мнениях по какому-то вопросу, Самойлов стал грубить, проявил агрессивность и дело чуть не дошло до рукоприкладства. Но в итоге всё кончилось мирно, и они

остались хорошими знакомыми».

Из воспоминаний В. П. Лукина

«Что особенно запомнилось, так это купания в озере Красавица. С нами были тогда Гранин, академик Лихачев, скульптор Ястребенецкий. Там при озере две достопримечательности: дюна, высокая, золотым песком ниспадающая к воде, и туалет типа сортир — его, чтобы не губить поляну, соорудили писатели, живущие в Комарове. Судьба его многострадальна. Туристы-дикари время от времени разбирали на костер для шашлыка, местная интеллигенция возводила вновь, наконец обшили жестью. Узнал я это от Гранина, с кем столкнулся у входа, если так можно сказать, туалета. Я разглядывал похабные надписи на его дверях. «Да, — произнес я, — вот приметы культурной столицы». Писателя, вижу, покорило. Помолчав, говорит: «Не вырубешь топором... Но взглядишь — здесь между похабенью кое-что есть. Смотри: партия, дай порулить... далее приписка — заведешь в болото. Кумарин-барин... приписка: ночной директор... приписка: бандит. Собчак — пижон-Питер пропит... Страна дураков... приписка: еще каких... Ваучер в жопу... приписка: не лезет...» Писатель далее мне и говорит: «Вдумайтесь, где здесь правда, что истина. Перед нами Будка гласности». Потом нам обоим стало неловко за этот неуместный разговор. Отводили глаза...»

*Из письма автору его школьного друга, художника
Рубена Хаджибагиянца (август 1995 г.)*

«Дорогой Даниил Александрович!

Ночью вернулся из Петербурга, а сейчас, утром, сел за стол, чтобы написать Вам письмо, даже, пожалуй, исповедь, и, прежде всего, выразить признательность за все, чем одарили меня не только и не столько Университет профсоюзов, дав мантию и оказав честь, сколько — Вы...

Всю обратную дорогу листал и перечитывал Вашу книгу с чудесным названием «Интелегенды». Вот уж неологизм, заостренный до уровня иглы, колющей в самую душу. Легенд много, смысла мало! А я еще люблю фразу из старого фильма, но фразу вечную: «Говорителей много, делателей мало!»

Дорогой Даниил Александрович, и зачем же я все это Вам именно

пишу? Да только затем, что мне хочется и Вас в ответ хоть малость ободрить тоже. Вы на 5 лет моложе моей мамы, и на 10 — отца, которых нет, и я испытываю к Вам, хотя сам далеко не молод, какое-то необъяснимое сыновнее чувство. Вы о себе и своем поколении сказали очень многое своими книгами. Может, Вам кажется — все сказали. Но одного не сказали просто по природе вещей, наверное. Вы были — и есть — поколением, вынесшим войну, и поколением, шедшим перед нами. Понимаете? Это, конечно, всегда так: одно, старшее племя, живет впереди младшего, понятное дело. Но — вы были нашей защитой, мы прожили — и живем — за вашими спинами, если хотите, но коли новые генерации это не очень признают, отдаваясь этой самой природе вещей, то *мое племя, наше поколение* — детей войны — буквально физически это на себе ощутило.

Вы — перед нами. Вы нас защитили физически и духовно, а это-то посложней. Словом — вы впереди, и мы долгое время выглядывали из-за ваших спин и вы нас прикрывали, вот что я хочу заметить.

Однако если говорить о поколении, вы давно-давно нуждаетесь в особом к себе отношении, в любви особого порядка, однако этого не происходит. Глубокая историческая ошибка, что во главе страны в свое время не стал кто-нибудь из поколения детей войны, из тех, кто «за вами», из тех, что смог бы истинно, без фальши и «социальных проектов» *обеспечить всерьез* жизнь тех, кто жил и выжил. Перескок через поколение чреват. Формально такие — Горбачев и Ельцин — были, но головки у них слишком малы оказались, не о том и не так они думали и не про то пеклись. А теперешние, пусть и образованные, но не сердечные, может и обученные работать, да не чувствовать, принимать решения — но не страдать, — от этих я чудес не жду.

Словом, Даниил Александрович, я Вас нежно и душевно благодарю, а обнимая Вас, обнимаю все Ваше поколение, родное, близкое мне, мною понимаемое и любимое, и меня, как одного из детей своих, любящее и жалеющее. Именно так я понял — в их глубине — Ваши добрые слова на церемонии.

Однако есть еще одна подробность — какого-то чудесного обновления и наполнения новым чувством нашего старого знакомства. Случилось что-то пока мне до конца не понятное, но крайне приятное и дорогое. Я никогда не забуду, как года полтора назад на приеме в «Европе», когда я стоял, склоняясь к какому-то блюду у «шведского» стола, Вы мне постучали рукой в спину, как в дверь, и сказали: «Альберт, а я ведь сразу и не понял, что это ты!»

Дверь тотчас растворилась, и я всей душой — с тех слов! — повернут

к Вам, и Вам внимаю. Мне очень приятно, что всякий раз, когда я звоню, Вы меня всегда встречаете приветливой фразой: «Я очень рад, что ты мне позвонил». Я благодарен Вам за понимание Лихачевского «Заветного», явного обновления Дмитрия Сергеевича, возвращение его новым поколениям, может быть, даже просто явление его им, потому что старые детгизовские «Письма о добром и прекрасном», составленные им самим, по понятным причинам, среди которых его скромность, не позволили ему явиться к детям в его мудрой детскости, откровенности и открытости. Я рад, что Вы безоговорочно поддержали этот проект, который ведь и на меня-то упал откуда-то сверху, враз, в одну ночь, а теперь «во весь экран» стоит идея — надо бы создать целую серию книг для школы с одним названием «Заветное», но авторов разных — чтобы возник золотой ресурс развития и воспитания: понятное детям — *главная соль*, сказанного тем или иным замечательным мастером. Русская культура и мысль у нас велика, но разбросана — по собраниям сочинений, взрослым изданиям, статьям в периодике, даже дневникам и записным книжкам, детям недоступным. Кто-то должен все это вывести в *общий знаменатель* и дать новым людям.

Даниил Александрович, знайте, что в Москве у Вас есть один человек — не соратник, не почитатель, хотя и то, и другое тоже — но Ваш старый сын или очень младший брат. Поклон Вам. Если Вам будет нужно, только скажите. Я чту Вас как член восточной семьи — у семей западных почтение носит внешний характер или вообще выродилось. Простите за длинную исповедь. Храни Вас Господь».

Письмо А. Лиханова Д. Гранину от 26 мая 2007 г.

«Был рад твоему письму, это ныне такая редкость — непосредственность чувств, полная распахнутость. Чего мы всегда стесняемся, боимся предстать слабыми, одинокими, так же, как боимся сказать, что счастливы, довольны, что благодарны судьбе.

Вот ты справедливо пишешь о неблагодарности. Это наше свойство, унаследованное от советской жизни. Однажды на юбилее известного биолога Юрия Полянского после всех похвал в его адрес выступил юбиляр. Он сказал, что принято благодарить партию и правительство за всё, он тоже, вроде, должен был бы, хотя и та и другая организации причиняли ему, в основном, неприятности. Нет, всем хорошим он обязан своим родителям, отцу и матери.

Помню, как эти простые, естественные слова поразили меня.

Смелостью. Очевидностью. В самом деле, мы ждем благодарности, требуем ее, а приносим ее тем, кто не заслуживает, так, на всякий случай.

Душа хочет благодарности. Покойная жена научила меня — после гостей, если было тебе приятно, позвони, поблагодари. Действительно, это так легко, и так дорого ценится, люди старались, готовили, позвони назавтра, скажи доброе слово. Существует культура благодарности. У нас заменяют ее медалями, орденами. Вешают их с казенной улыбкой, суют положенную гвоздику и привет.

Никто мне ни разу не выразил благодарность за создание первого в России Общества Милосердия. Никто — это я о начальниках. Сколько раз я твердил себе — не нуждаюсь, не ради них старался. Приводил себе в пример Итальянское Общество Милосердия, где помощь больным, бедным, несчастным членам общества оказывают в масках, анонимность — их правило: «Знает только Господь о моих заслугах». Много аргументов есть, и все равно хочется, чтобы тебе сказали спасибо. Религиозным людям в этом смысле легче.

Есть еще одна, может более серьезная сторона этой темы — участники войны. Все шестьдесят лет после Победы они (вернее — мы) испытывали всё растущую горечь от неблагодарности власти. Мой комбат, он кончил войну полковником, ни разу (!) не получил приглашения на праздник Победы. До самой смерти никто, кроме нас, однополчан, не сказал ему доброго слова, не спросил, в чем он нуждается, чем помочь. Я говорил ему, да и себе, мы воевали не ради квартир, больших пенсий, санаториев, всё так, но хочется, чтобы кто-то под конец жизни сказал тебе — не зря, брат, ты претерпел столько. Получаем отпечатанные миллионным тиражом приветствия президента. Наконец-то. Но боже, как это холодно, казенно.

Ты двадцать лет занимаешься Детским Фондом. За счет своего главного призвания, за счет многих радостей жизни и заслужил всеобщую признательность. Но, честно говоря, для меня куда дороже бывает личное, сердечное. Подобное твоему письму. К. «всеобщему» я отношусь с недоверием. На днях меня в Таврическом дворце (!) наградили медалью, кажется, что вроде Всероссийского Олимпа. Телевидение, музыка. Кроме меня, Чазова и Плющенко, остальные были бизнесмены. Как потом мне рассказали, каждому из них предложили заплатить за такую медаль 50 000 долларов. Такова нынче цена славы. Для меня твое письмо важнее. Мы слишком скупы на письма, тем более на признания. Стесняемся. Откладываем...

Если мои слова тогда, в Университете, чем-то помогли тебе, то и твое письмо много значит для меня.

Желаю тебе любви и здоровья.
Твой Гранин».

Письмо Д. Гранина А. Лиханову от 18 июня 2007 г.

«Гранин стоял в стороне от овладевшего обществом, включая виднейших деятелей науки и культуры, стремления что-то схватить и присвоить. Хапают далеко за рамками реальной необходимости — квартиры, дачи, яхты, катера, даже отдых в экзотичных местах и т. п. Гранин это всё осуждал и на словах, и на деле. Знаю о его позиции не по слухам — сам многократно бывал у него на квартире в Петербурге и на даче в Комарово, знаю его машину. И квартира, и участок под дачу были получены еще в далекие пятидесятые прошлого века. Их практически не коснулась эпоха Евроремонта. Сейчас тяга к улучшению быта застала глаза множеству видных интеллигентов, и толпа известнейших деятелей культуры спокойно плюет на неостывшие трупы своих вчерашних принципов и взглядов, ставших просто невыгодными. Сейчас, к примеру, виднейшая актриса не понимает, что не дворец должен украшать ее день рождения, а она есть украшение любого дворца в любой день. Без этого понимания она попадает в зависимость от дающего ей этот дворец внаем.

В эту эпоху торжества меркантильности Гранин был вызывающим у меня глубокое уважение исключением. В нем были заинтересованы, он имел огромное влияние в верхних эшелонах власти, был многие годы членом президентского совета — уж точно, в годы президентства Б. Ельцина. Но при этом он не «брал» и не «входил в долю». Ему предлагали сменить свою старую квартиру, совсем небольшую по сегодняшним привластным аппетитам, но он отказывался. При мне как-то звонил ему лидер одной из главных партий РФ и просил, и я это сам слышал: «Вступите к нам, ничего более от вас не требуется, и пятикомнатные апартаменты в лучшем месте этого города — ваши!» А он продолжал жить там, где жил многие десятилетия, на улице Братьев Васильевых.

Замечу, что в начале 90-х, когда Е. Гайдар начал свои реформы и имевшиеся накопления обесценились, Гранин и его семья испытывали нужду даже в нормальной еде. Я это к тому, что он воистину жил вместе с народом своей страны. Мы разошлись в оценке реформ Гайдара — я видел в них начало беды, а Гранин — возлагал большие надежды. Жаль, что я оказался прав.

...Меня Гранин просто поражал своим интересом к самым разным

проявлениям жизни. Помню, как-то раз рассказывал, что в музее «Михайловское» писал гусиным пером Пушкина, ища специфику этого пера. В другой раз сказал, что пытался, следуя примеру Л. Толстого, переписывать свой текст двадцать раз. Но уже после 5–6 раз заметил, что не видит дальнейших улучшений, отнеся это к отсутствию тончайшего литературного слуха, который проявлялся у Толстого при создании его шедевров. Когда пришел в себя после операции на открытом сердце, Гранин спросил у врача, натолкнулись ли они там на душу. Врач шутки не поддержала и сухо ответила, что сердце — всего лишь насос, вокруг которого накручено слишком много эмоций. Знаю, что ответ этот пациента не убедил.

Не скрою — я надеялся, что он доживет до столетия. Для такой надежды были основания. Гранин старел красиво, без следов дряхлости и потухающих глаз. Он оставался интересным рассказчиком и потрясающим слушателем, по-прежнему впитывая, как губка, новости современной физики, интересовался политикой.

Даниил Александрович последние годы испытывал нарастающие трудности с ходьбой, но не испытывал ни малейших трудностей с думаньем, да и писанием. Я ждал его столетия, рассчитывал сам дожить до этой даты и думал, что он с Мариной пригласят нас с женой отпраздновать юбилей, как это было и на девяностолетие».

М. Амосья. На пределе возможного (сайт <http://club.berkovich-zametki.com/?p=31108&cpage=1>)

«Первого января этого года в Вене состоялся традиционный новогодний концерт. Каждый год там выбирают лучшего дирижера мира и предлагают ему выступить на этом концерте в Вене, которую считают музыкальной столицей мира. В этом году эта честь досталась нашему соотечественнику Марису Янсонсу... Когда я вошел в зал Венской филармонии, я ахнул: зал превращен в сад, всюду цветы, живые цветы, которые привезли из Италии. Фантастическое зрелище. Концерт состоял из венской музыки династии Штраусов. Казалось бы, легкая музыка, но мне потом Марис рассказывал, что для того, чтобы подготовиться, он пересматривал все сочинения Штраусов, а это больше восьмисот произведений. Это было непросто, но он эту огромную работу проделал.

Традиция этих венских новогодних концертов существует уже чуть ли не сорок лет. Большинство великих дирижеров мира становились за этот

пульт. И вот впервые там оказался наш российский дирижер. Конечно, он выступает по всему миру, он человек очень востребованный, но он был и остается российским гражданином, петербуржцем...

Почему меня все это так взволновало? Дело в том, что после этого громкого европейского признания, после овации, которую устроила Вена, после того, как все СМИ мира рассказывали об этом концерте и о Марисе Янсонсе, я полагал, что и у нас будет что-то подобное, что здесь его тоже будут чествовать. Ведь это же такое культурное событие!

Но молчание нашей прессы поражало. Надо отдать должное лишь каналу «Культура», который дважды транслировал этот концерт. Почему же молчала наша пресса? Почему прошли мимо этого события? Почему так происходит? У нас много знаменательных событий в спорте, в политической жизни. Вот всемирных событий в культурной жизни — это куда реже, казалось бы...

Конечно, сейчас у нас четыре приоритетных направления социальной политики. Культура туда не входит и никак не рассматривается как приоритет. Можно объяснять это разными причинами. Может, и уважительными. Только ведь культура была и есть больше, чем просто приоритет. Она остается необходимой частью жизни страны. Без культуры все остальное безжизненно. На это один влиятельный чиновник усомнился: «Не знаю, не знаю. Чего вы, собственно, волнуетесь? — он устало хмыкнул. — Слава богу, вас становится все меньше». В этом он был прав».

*Из беседы Д. Гранина с Н. Донсковым (Новая газета.
28.08.2006 г.)*

«Сегодня в цене не человеческие качества, а толщина кошелька. Конечно, наши люди за предыдущие десятилетия бедноты стосковались по благоустроенной личной жизни. Всем хочется иметь квартиру, машину, дачу, хочется поехать в путешествие. В этом нет ничего плохого. Это естественное желание. Но есть грань между жизнью скромной и роскошной. Границу эту наносит духовность человека. Чем меньше культуры, тем больше интерес к ресторанам, нарядам, машинам.

В нашей стране не хватает нравственных примеров, не к кому прислониться душой. От этого неоправданная убогость понятия о красивой жизни. Телевидение на всех каналах заботится не столько о просвещении и воспитании, сколько о рекламе, то есть о рейтингах ради своих доходов. Иногда кажется, что наше телевидение — это заговор, заговор с целью

превратить народ в зомбированную массу, у которой никаких других интересов, кроме детективов, секса и жратвы. Я не люблю слово «заговор», но слишком уж единодушны все телевизионные каналы, слишком единодушны газеты. Все время одно и то же: кто с кем, когда, сколько раз...

Что же будет держать и держит нашего человека в России? Держала во многом и может держать нашего человека культура, ощущение той великой культуры, в которой мы все формируемся и растем, — поэзия, театр, музыка, все то, что составляет и составляло прелесть и душу русского народа. И если эта культура становится второстепенной, мало поддерживаемой и мало нужной, то спрашивается: чем мы можем сохранить Россию?»

*Из выступления Д. Гранина на Лихачевских чтениях
14.05.2009 г.*

«Даниила Александровича волновала судьба каждого в России и России в целом, поэтому он всегда пытался добраться до сердца читателя или слушателя: открыто, не стремясь уклониться от прямого ответа, выражая всё то, что накопилось в нем, что он считал необходимым сказать. Гранин был подлинным патриотом своей страны. Патриотом, любившим Родину и защищавшим ее своим телом во время Великой Отечественной войны, видевшим всё прекрасное, что есть в нашей стране, и все те язвы, которые ее разъедали.

Даже для тех, кто считал его высказывания антипатриотическими, кто не соглашался с ними. Даниил Александрович был живым человеком со свойственными человеку противоречиями, а не истуканом, состоящим только из положительных качеств. Лично мне всегда было интересно с ним разговаривать, каждая наша беседа в каком-то смысле становилась для меня уроком, потому что передо мной был думающий и искренний человек».

*О. Басилашвили. Подлинный патриот своей страны
(Известия. 5.07.2017 г.)*

«В 2007 году ко мне обратились студенты Инженерно-экономического университета, где я был ректором, с просьбой организовать встречу с Даниилом Граниным. Это событие, в возможность которого мало кто в

ректорате верил, действительно произошло. До сих пор память хранит многое. Прежде всего атмосфера, какая установилась с первых слов писателя — доверительная, откровенная, без пафоса. Отвечая на вопросы, он как бы размышлял вслух, призывая слушателей мыслить.

Беседа продолжалась более двух часов и прошла в очень душевной обстановке. Студенты были поражены потрясающей памяти, четкости речи и бодрости в голосе писателя. Задавали вопросы о его участии в Великой Отечественной войне, о жизненных ситуациях, о круге его общения, о семье и, конечно, о писательском труде. Как появляется идея, откуда берутся герои, как собирается материал. Даниил Александрович был рад, что студенчество знает его книги и проявляет большой интерес к его творчеству. Он был удивлен, что поколение XXI века знает его романы «Иду на грозу», «После свадьбы», «Зубр». С большим интересом студенты слушали о его зарубежных поездках, о впечатлениях от пребывания в ГДР, Франции, на Кубе, в Австралии, Англии и других странах, что интересно и познавательно было им описано в очерках, рассказах и повестях. Живой разговор получился при обсуждении сегодняшнего положения в нашей стране, роли молодежи в развитии общества, отношения писателя к происходящим в стране процессам. Многие ответы Даниила Александровича сопровождались аплодисментами.

Эта встреча в институте имела свое продолжение. Среди моих друзей был известный дирижер Марис Янсонс, в доме которого мы много лет узкой компанией отмечали приход Нового года. Атмосфера праздничной вечеринки при всей ее импровизационной суеде включала три неизменных протокольных момента. Дело в том, что трое из тех, кто был среди нас, сподобились родиться почти в одно и то же время: Виктор Лопатников (31 декабря), Новый год и Даниил Гранин (1 января). Поскольку у каждого из тостуемых имелась своя харизма, каждому воздавалось отдельно — по большому и малому счету, в шутку и всерьез...

Теперь, когда писателя нет с нами, когда отходят вдаль воспоминания о часах и минутах нашего общения, я с досадой думаю о том, насколько нас захлестывал праздничный азарт, поток сиюминутного. И как нам лишь потом, расставаясь, приходилось сожалеть о моментах, которые следовало бы запечатлеть на камеру. А ведь писатель говорил нам: «Что касается жизни как таковой, то самое дорогое в ней — это сегодня. Вчера прошло. Завтра неведомо. Следует дорожить именно этим, дарованным тебе днем, вмещая в него то, что уже никогда не повторится». Эти его слова остаются нам заветом на всю оставшуюся жизнь».

Из воспоминаний А. И. Михайлушкина

«Гранин — удивительный человек. Голова его всегда полна всяческих идей. Если он не работает над книгой, то делает на редкость умные и интересные документальные фильмы, где выступает как ведущий, а во многих случаях — как очевидец, и все это тонко, совсем с новых позиций и зачастую неожиданно.

А мысли у него возникают не тривиальные. Там, где у многих вообще не возникает мыслей, он вдруг увидит что-то новое и найдет совершенно парадоксальное решение.

Сколько по его инициативе было создано благотворительных фондов! Некоторые он возглавляет до сих пор. Фонд милосердия (это пришло ему в голову, когда он зимой лежал на снегу со сломанной ключицей, а люди безразлично проходили мимо)... Фонд блокадников, Фонд Сороса, Фонд Лихачева, Фонд Меншикова... А скольким людям он оказал и оказывает помощь и сколько известных теперь писателей должны быть ему благодарны за то, что он их заметил и что благодаря ему они стали мастерами! Недавно он сказал мне: «Я хочу добиться того, чтобы город Петербург улыбался! Улыбка исчезла из города. Надо, чтобы люди нашего города улыбались».

Тут же он организовал круглый стол на эту тему и очень огорчился, когда его не поддержали.

Это ему принадлежит идея установки памятного знака на Заячьем острове, на месте основания Санкт-Петербурга, и создания Триумфальной арки в честь победы в Великой Отечественной войне.

Он нужен всем. Все с ним советуются, у него берут бесконечные интервью. Он был советником Ельцина, Путин приглашал его на обед, чтобы узнать его мысли. Он был советником у Собчака, Яковлева, теперь Матвиенко тоже советуется с ним. Говорят, что нельзя быть таким всеядным. Можно! Можно потому, что он советует не то, как вести себя Собчаку или Яковлеву, а советует, как сделать город лучше.

У Гранина есть правило, к которому я никак не могу привыкнуть. Возвращаясь из-за рубежа или из Москвы, он звонит мне по телефону и говорит:

— Ну расскажи, что было нового?

Я начинаю подробно излагать мелкие события, которые произошли за время его отсутствия.

— А что делается в городе?

Я начинаю пересказывать ему содержание некоторых статей в газетах, которые я прочитал за это время.

И тут я начинаю возмущаться:

— Слушай! Ты только что встречался на обеде с Путиным или выступал на какой-то международной конференции. У тебя было в тысячу раз больше впечатлений, чем у меня, а ты сам ничего не рассказываешь и требуешь, чтобы я рассказывал какую-то чепуху.

Он мне как-то признался, что очень любит расспрашивать людей. Возможно, он отсюда черпает материалы для своих работ, а может быть, ему это просто интересно».

Г. Ястребенецкий. Не только о скульптуре (СПб., 2008)

«Расскажу об одной любопытной особенности творческого метода Гранина. Общаясь с ним систематически на протяжении двух десятилетий, я заметил, что Даниил Александрович обсуждает, проговаривает интересующую его фактуру жизни в своем кругу. Причем иногда по несколько раз с разными людьми. Наблюдает за реакцией, обсуждает. Потом пишет. Или не пишет. Ему интересна жизнь во множестве ее проявлений. И каждый раз, отталкиваясь от деталей, казалось бы мелочей, он стремительно взлетает до вершин философского взгляда на мир.

Вот небольшое эссе, которое прозвучало в ходе нашей обычной беседы, за обедом. Как бы между делом. Я его потом записал и в 2010 году опубликовал в качестве доклада, когда Даниил Александрович заболел и не смог выступить лично на Лихачевских чтениях: «У меня дома есть железная коробка, где я храню различные награды. Когда я положил в нее свой немецкий орден, там поднялся невообразимый шум. Больше всех шумели мои фронтовые ордена. Они хотели выбросить немца. Участвовать в этом скандале не хотелось, и я ушел, решив, что сами разберутся. Так и случилось. Прошло время, шум утих. Видимо, что-то позволило им теперь быть вместе...»

Одно из самых его необычных свойств — способность удивляться тому, чего другие вовсе не замечают. Вот Венеция: для одних — уголок романтики, для других — мистическое место, где грань жизни и смерти размыта и неуловима, для третьих — город искусства и истории. Даниил Александрович приводит свои впечатления: «Чудно живут. Ни машин, ни светофоров, ни супермаркетов. И никто никуда не бежит...» И тут же добавляет: «Жизнь — это чудо, и надо, чтобы человек ощущал это чудо».

Ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий. Из предисловия к книге Д. Гранина «Интелегенды»

«Уважаемая и дорогая Валентина Ивановна!

Многие годы я храню в своем сердце глубокое почитание Даниила Александровича Гранина — признанного классика, мудрого и достойнейшего человека и гражданина. 1 января 2009 года ему исполнится 90 лет.

Полагаю справедливым долгом оказать ему все возможные почести. Понимая, что грядущее событие требует подготовки, хочу высказать на этот счет несколько предложений.

Мне кажется, было бы целесообразно:

— Создать комитет (комиссию, общественный совет) по празднованию во главе с Вами, придав ему общероссийский статус и включив в него людей из Москвы и других регионов (я бы не публиковал этот список).

— Представить Даниила Александровича к награждению одной из высших Государственных наград (орден Андрея Первозванного или «За заслуги перед Отечеством» I степени).

— Принять решение об издании его наиболее полного Собрания сочинений. Насколько мне известно, издательство «Терра» в качестве приложения к «Огоньку» выпустило его Собрание в 4 томах, но, мне кажется, это недостаточно — написано гораздо больше, в том числе блестящей публицистики. Эта позиция мне представляется наиболее существенной. (В свое время В. П. Астафьев очень хотел выпустить свое прижизненное 15-томное Собрание сочинений с собственными комментариями; я пытался помочь ему, привлекая возможности бизнеса — обещаний было достаточно, но они не решали проблемы, тогда поддержку оказал лично Президент (тогдашний). Почему бы подобное решение не принять сейчас.)

— Принять решение о каких-то формах празднования не только в С.-Петербурге, но и Москве и в других регионах (встречи с читателями, например, в Российской государственной библиотеке), «волна» выставок и конференций по всей стране без участия автора (силы его надо поберечь), но с участием властей и интеллигенции.

— Изучить возможность представления Даниила Александровича к награждению орденами иностранных государств.

Этот перечень и можно, и нужно продолжить.

Дорогая Валентина Ивановна!

Вы, наверное, знаете, что Даниил Александрович — человек, полный чувства достоинства и скромности. Я бы предпочел, чтобы он не знал об этом моем обращении к Вам. Наверное, не стоит афишировать и всю подготовительную работу. Однако я уверен, что похлопотать о его чествовании люди, почитающие его, просто обязаны.

Сам я готов участвовать в этих хлопотах на любом уровне, без всяких на что бы то ни было притязаний, с одним желанием и чувством — снять шляпу и глубоко поклониться одному из блестящих мастеров русской литературы, которая проходит сейчас глубокие и не всегда благотворные перемены.

Д. А. Гранин — классик, мастер, гражданин, достойный самого высокого признания государства и общества.

С наилучшими пожеланиями,
Альберт Лиханов».

*Письмо А. А. Лиханова губернатору Санкт-Петербурга
В. И. Матвиенко от 7 февраля 2008 г.*

Уважаемый Альберт Анатольевич!

Полностью разделяю Ваше мнение о том, что классик отечественной литературы, почетный гражданин Санкт-Петербурга Даниил Александрович Гранин достоин самого высокого признания со стороны государства и общества. Благодарю Вас за весьма интересные предложения.

В Санкт-Петербурге планируется проведение целого ряда мероприятий в связи с предстоящим юбилеем. В настоящее время подготовлен проект постановления Правительства Санкт-Петербурга о создании организационного комитета по подготовке и проведению празднования этой даты.

Учитывая особое значение 90-летия Гранина Д. А. для российской культуры, одобряю и поддерживаю идею придания этому событию масштабного, общероссийского статуса. В этой связи я намерена обратиться с инициативным письмом к Президенту Российской Федерации Путину В. В.

Среди планируемых к юбилею мероприятий уже намечен ряд позиций, во многом совпадающих с Вашими предложениями. Комитету по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга дано поручение проработать вопрос о выпуске

юбилейного собрания сочинений Гранина Д. А. В 2007 году в издательстве «Вагриус» вышло 5-томное собрание, включившее основные крупные произведения писателя. Предполагается, что в новом издании должна быть в максимальном объеме представлена и публицистика, особенно произведения последних лет.

Ответное письмо В. И. Матвиенко А. А. Лиханову от 2 апреля 2008 г.

«Имя Даниила Гранина в год его 90-летия присвоено научной библиотеке Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Сегодня там прошла торжественная церемония при участии писателя, а также представителей творческой интеллигенции города, студентов и педагогов вуза.

В библиотеке открылась фотовыставка, посвященная разным вехам жизни и творчества одного из самых именитых петербуржцев. Даниил Александрович поблагодарил руководство университета за оказанную ему честь. Народный художник России Григорий Ястребенецкий преподнес в дар Научной библиотеке бюст писателя.

Почетный доктор университета Даниил Гранин накануне своего юбилея встретился с коллективом этого учебного заведения. Он представил свои новые книги, в том числе восьмитомное собрание своих сочинений. От вуза юбиляр получил в подарок еще одну новинку — сборник, включающий более трех десятков его выступлений перед студентами.

Многие свои книги Даниил Александрович передал в дар библиотеке университета. Кроме того, он является президентом Общества друзей Российской национальной библиотеки, где в декабре также прошла встреча писателя с читателями и представление его новой книги «Причуды моей памяти».

Информация телеканала «Культура» от 13.01.2009 г.

«Президент России Дмитрий Медведев в Санкт-Петербурге вручил известному писателю Даниилу Гранину орден Святого апостола Андрея Первозванного, являющегося высшей российской государственной наградой.

Церемония награждения прошла в Овальном зале Константиновского

дворца.

Медведев находится в Санкт-Петербурге на праздновании 65-летия снятия блокады Ленинграда.

На церемонии присутствовали дочь писателя Марина Чернышева, племянница Людмила Володина и внук Данила Гранин. Поздравить писателя в Константиновский дворец приехали также полпред президента в Северо-Западном федеральном округе Илья Клебанов, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, член Совета Федерации Виктор Лопатников, народный артист СССР Олег Басилашвили, исполнительный директор фонда им. Дмитрия Лихачева, который в настоящее время возглавляет Гранин, Александр Кобак, директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский, народный художник России, скульптор Григорий Ястребенецкий.

Гранин стал пятнадцатым обладателем ордена Святого апостола Андрея Первозванного в Российской Федерации.

Писатель удостоен награды за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы, многолетнюю творческую и общественную деятельность.

Указ о награждении Гранина, который 1 января отметил 90-летний юбилей, был подписан президентом РФ в декабре 2008 года.

На церемонии награждения Медведев подчеркнул, что для него является большой радостью вручить высшую награду России такому знаменитому писателю.

«Я не буду говорить пространных слов, скажу очевидную вещь: эта награда — это оценка труда, которым Вы занимались всю свою жизнь. Я сейчас пока летел сюда, в Петербург, вспоминал, когда я впервые познакомился с Вашими книгами впервые. Это давным-давно уже было. Так вот, это две книги — «Искатели» и «Иду на грозу», — сказал Медведев, поздравляя юбиляра с наградой.

Глава государства добавил, что всегда читал книги Гранина и получал от них огромное удовольствие.

«То, чем Вы сейчас занимаетесь, заслуживает уважения — это продвижение крупных культурных нравственных программ, которые так нужны нашей стране», — добавил Медведев.

Он пожелал писателю здоровья и дальнейших творческих успехов.

В свою очередь Гранин поблагодарил президента за высшую российскую госнаграду.

«Я действительно рад этой награде. Считаю ее исключительной наградой и отношу не только к литературной работе, но и к тому делу,

которое начал Лихачев — это защита культуры», — сказал Гранин.

Писатель в настоящее время возглавляет фонд имени Лихачева и является вдохновителем известных общероссийских программ, нацеленных на возрождение культурных и нравственных традиций, в числе которых «Культура русского зарубежья», «Благотворительность в России».

Гранин рассказал главе государства, что фонд «находит по всей России успешные и выдающиеся проекты и оказывает им поддержку», в частности, ежегодно вручает премии в размере 1 тысячи долларов.

Писатель показал Медведеву журнал по истории Петербурга тиражом 5 тысяч экземпляров, заметив, что, «конечно, таким изданиям очень трудно выжить».

Президент пообещал рассмотреть вопрос помощи фонду и расширить его уставной капитал с тем, чтобы сам фонд мог спонсировать такие уникальные проекты.

Гранин отметил, что по мере своих сил и дальше будет продолжать помогать музеям и библиотекам, историческим памятникам, издательскому делу всем, чем может».

Информация РИА «Новости» от 26.01.2009 г.

«1 января, 2009

Сегодня 90 лет Д. А. Гранину, и я позвонил ему дважды: первый раз поздравил, как мог, ласковее, и он был добр и тёпл ко мне, а во второй раз — узнав о том, что его наградили высшим орденом Андрея Первозванного. И тут он меня удивил, произнеся довольно пространную речь, что вот раньше, в далекие времена к орденам давали земли. Что могут дать сейчас — деньги, так это брэнно, а вот давали бы, мол, землицу, соток 6—12, даже назвал сколько. Признаться, я был растерян, хотел сразу возражать, дескать, какая же вокруг наград этих начнется торговая свистопляска — со взятками, шахермахерством, препятствиями, клановостью и прочим, что сопровождает корыстный интерес, — но удержался, промычал что-то невнятное. Положил трубку, удивленный: зачем ему все это? Ведь лично-то ему земля не нужна. Но о ком же он тогда печется? Правда, он сказал верную вещь, что за труд теперь наград не дают. Это так. Нет теперь у нас ни рабочих, ни крестьян, ни инженеров в наградных списках. Только элита, получающая за жизнь и деятельность».

Из дневника писателя Альберта Лиханова

«Поехал я на эти чтения вынужденно. Ректор университета все же уговорил. Это были ежегодные чтения, посвященные Д. С. Лихачеву. На сей раз темой была глобалистика. Ее проблемы. До которых, честно говоря, мне не было дела. На Лихачевские чтения ректор собирал цвет российской интеллигенции, вернее тех, кто числился, вернее тех, кого он числил, — министров, академиков, редакторов, всякую ученую публику «с именами», звездных интеллектуалов, приглашал заграничных. В этом году съезд был еще пышнее. Много столичных штучек, короче, без меня ему, ректору, было никак. Тем более я был почетным доктором университета, тем более накануне пришлось попросить его службы отремонтировать у нас на даче водопровод. Так что у обоих были свои интересы.

Самолюбия ради я позволил себе опоздать. На полчаса. Думал отсидеться в зале. Не вышло. Провели в президиум. Зал был переполнен. Посол Мексики, Испании, академик N, и NN, и членкор, полужнакомые лица. Ныне для меня они те, кто мелькают по TV. Не появился на экране — не существуешь. Газетные имена, журнальные имена — это прошлый век.

Подошел ректор, попросил выступить. Обязательно. Пожалуйста. Хотя чуть-чуть. Поскольку я представляю. Лицо университета. Уровень и т. п. Да я ж ничего про глобалистику, ни одна мысль о ней никогда не посещала... «И не важно, — шептал он, — что-нибудь, о чем-нибудь». Он был хороший ректор и хороший мужик, а тут еще и водопровод обещал починить на даче.

Тут же попросив следующих подготовиться к выступлению, он объявил меня. Поприветствовать, сказать, как все важно, интересно. Обычный набор.

Восемь шагов от стола президиума до трибуны. Ничего другого не придумать. Да никто здесь и не ждет ничего особенного.

Все они прекрасно понимают, зачем меня вытащили. Гранин. Когда-то что-то читали. Писатель. Не Маринина, не Акунин, это из бывших, серьезных... Пока я шел, я наговорил себе много уничижающего, чтоб не заносился. Но затем я обиделся. Какого черта, чем я хуже этих умников, в конце концов, почему не высказаться, такое сборище бывает не каждый день, если уж вылез, давай что-нибудь им такое. Какое «такое»? Свое, собственное, никакой глобалистики, провалилась она. На все эти размышления ушли пять шагов, не меньше.

Зал, все эти сотни голов — седые, лысые, увенчанные нимбами званий, заслуг, — скрытой усмешкой ждал очередную порцию банальностей, что еще можно ждать от дилетанта, кроме общих слов. Я вдруг увидел их — благополучных, уверенных в том, что они могут что-то

изменить, предугадать, куда повернет крот истории, которого они в глаза не видели. Найти бы незащищенное место и выдать. Где оно?

Когда я очутился на трибуне, признаюсь, ни одной мысли, о чем сказать, с чего начать, не было...

— Когда советская жизнь стала уходить, — вдруг сказал я, — Дмитрий Шостакович произнес удивительные слова: «Слава богу, теперь можно плакать». Долгие годы мы все были обязательно счастливы — «Эх, хорошо в стране советской жить!», «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и т. п. Никаких слез, чему сострадать, когда все так прекрасно. Шостакович обрадовался, но похоже, что мы уже разучились сострадать. Нам ныне не до чужой горести, чужого одиночества, страха, не до чужих грехов, что нам до кающегося за свое трусливое малодушие Петра, до его стыда, отчаяния? Сострадание — с какой стати, что с этого можно получить?

Слезы сострадания — это и есть культура, высшая культура чувств, не знаю, способны ли со всей нашей ученостью, нашими трудами пролить те слезы, что пролили чеховские бабы. Боюсь, что у нас все высохло внутри и навсегда.

На этом я кончил. Было молчание, вот это молчание, перед тем как хлопнуть, было у меня самое дорогое.

Объявили перерыв, я решил уйти, меня остановил знакомый профессор, сказал, что так нам и надо, подошел другой, сказал, что зря я обидел многих.

Я поспешил уйти. По дороге я не переставал удивляться тому, что ничего ведь не было и откуда-то вдруг вырвалось. Но потом я вспомнил, как несколько раз я пытался понять, почему все же из своих замечательных рассказов Чехов любовался этим. Может, то было озарение или предупреждение? Если мы перестали плакать, если слезы сочувствия невозможны, нелепы, глупы, то плохо наше дело».

Д. Гранин. Заговор

«23–24 июня, 2009

Но вот — Гранин. Поехал к нему на дачу в Комарово. Поразила бедность, граничащая с нищетой. Кабинет — голый, неудобный, простой — доска и ножки — стол, на котором несколько листков и книга. Он говорит, всегда тут так было, а домик купила когда-то покойная жена. Во дворе постройки 50-х, наверное, годов. Наверное, он просто ничего не хочет

менять, это понять можно. Помахал мне с крылечка рукой. А когда встречал — протянул навстречу руки. Человеку 91-й год! И слава ему уже только за это».

Из дневника Альберта Лиханова

«Оглянулся я и обнаружил, что нигде и никто не собирается отмечать юбилей Елизаветы. 300 лет — не шуточки. Дочь Петра. Красавица. Как же так? Спросил в мэрии, спросил у губернаторши нашей В. И. Матвиенко. «Какая Елизавета? Что за юбилей? Никаких указаний нет. Чего это будем выпендриваться? Нет, ни в коем случае».

А давайте мы сами. Без указаний. Подговорил Николая Бурова, директора Смольного, Исаакиевского и прочих соборов. Человек легкий, заводной. Согласился. И 18 декабря 2009 года в Смольном соборе состоялось. Вступительное слово — Н. Буров. Затем хор собора исполнил кантату XVIII века. Какую, не знаю, но пели хорошо. После них была прочитана ода Сумарокова, обращенная к императрице Елизавете Петровне. Между прочим, поэтически весьма даже. Выступил и я. Смольный собор внутри чисто белый, никаких росписей. Без алтаря, иконостасов. Строгая белизна делает его воздушно-легким. Я говорил не о Елизавете Петровне, а о нашей памяти, о благодарности, о том, как мы охотно забываем плохое и хорошее без особого различия. Когда-то я думал, что хорошее, доброе забыть нельзя, поэтому оно прочно остается в нашей душе. Ничего подобного, и оно подвержено забвению.

Нас было совсем немного в соборе. Слушало человек тридцать. Но это никого не смущало. Наоборот. Царило какое-то возвышенное чувство доброты — мы единственные в России собрались здесь, кто вспомнил Елизавету Петровну, поклонился ее памяти. Просто так, во имя человечности. Без телевизионных камер, казенных венков, казенного ритуала.

Это было необычно. Думаю, для всех. Для меня тоже.

Потом выпили по бокалу шампанского, и все. Разошлись. Довольные как никогда этой сорокаминутной церемонией».

Д. Гранин. Заговор

«В Петербурге учреждается институт Петра Великого. Он создается по

инициативе писателя, почетного гражданина Санкт-Петербурга Даниила Гранина в рамках программы «Путь Петра Великого», утвержденной постановлением правительства Санкт-Петербурга. Институт Петра Великого — научно-просветительское учреждение. Его задача — изучение и продвижение в сферах культуры, образования, гуманитарных наук наследия Петра Великого, воплотившегося в результатах его государственной, военной и культурной деятельности. Важной частью деятельности Института является содействие культурной интеграции петровских городов России — городов, основанных Петром или связанных с его деятельностью, а также развитие контактов с петровскими городами Европы, которые Петр посещал во время своих европейских путешествий.

В планах Института — проведение ежегодных тематических конгрессов петровских городов, создание Свода музейных, мемориальных и исторических памятников России и Европы, связанных с деятельностью Петра Великого и его сподвижников, реализация международной программы «По следам Великого посольства», подготовка энциклопедии «Петр Великий» и других научных и популярных изданий.

Программа института будет представлена 24 февраля в Большом (Ассамблейном) зале Меншиковского дворца с участием самого Даниила Гранина, директора Эрмитажа Михаила Пиотровского и вице-губернатора Санкт-Петербурга Аллы Маниловой. Научным руководителем Института стал проф. Евгений Викторович Анисимов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН».

Информация газеты «Час пик». 20.02.2010 г.

«Режиссер Владимир Бортко, известный по экранизациям «Идиота» и «Мастера и Маргариты», на этот раз взялся за прозу «живого классика». В мае телеканал «Россия» покажет 4-серийный фильм «Петр Первый. Завещание» по роману Даниила Гранина. В основу сюжета легла история любви первого российского императора и Марии Кантемир наряду с сюжетными линиями об одиночестве гения, становлении империи, отношениях великого государственного деятеля с его сподвижниками. Главные роли в фильме исполнили Елизавета Боярская и Александр Балуев. По признанию режиссера, Даниил Гранин принимал живейшее участие в создании картины, прежде всего своими энциклопедическими знаниями и пониманием духа эпохи. Писатель признался, что картины

целиком еще не видел, хотя по отснятому материалу может судить, что «многое удалось и сказано по-новому». Впрочем, он тут же отметил, что его произведения экранизировались много раз, но «счастливых не было».

Информация «Российской газеты». 15.04.2011 г.

«Кинорежиссер В. Бортко спросил, почему мне не понравился его фильм «Тарас Бульба». Я сказал, что мне и повесть Гоголя не нравится.

— Почему?

— Слишком просто. Убить сына — я это не могу представить.

— Вот вы воевали. Если бы ваш сын оказался на стороне немцев, как бы вы поступили?

— Не знаю, — сказал я.

— Ну все же.

— Я бы не мог его убить.

— Но он предал Родину.

— Все же для меня жизнь сына дороже Родины.

Мы помолчали.

— Я мог бы переехать в другую страну и там жить. Многие мои друзья переехали и наладили свою жизнь. А убив сына, я бы никогда не мог вернуться к нормальной жизни».

Д. Гранин. Заговор

«Я просто обожаю жить. Считаю, что жизнь — это чудо, и то, что я еще землю топчу, — чудо. Меня часто спрашивают: «Какое у вас главное правило?», а я отвечаю: «К сегодняшнему дню надо относиться как к самому счастливому в жизни».

Недавно у меня была встреча с молодежью, и там возник вопрос: «Что такое счастье?» Одна девушка лет 20-ти встала и произнесла фразу, которая меня привела в восторг: «Счастье, — сказала она, — это я сейчас». Замечательно сформулировано! Я сейчас! — живущая, чувствующая, способная все понимать, смеяться, любить, плакать...»

Из интервью Д. Гранина украинскому журналисту Д. Гордону 6.07.2010 г.

«Когда Даниилу Александровичу исполнилось 90 лет, он пригласил несколько человек, мы были в каком-то ресторанчике или в кафе. И Даниил Александрович говорит нам шестерым: «Скажите, пожалуйста, все-таки пусть каждый сформулирует, что главное в жизни». Все очень серьезно отнеслись, и каждый из шестерых участников этого ужина что-то свое сказал. Даниил Александрович хитро так, как обычно, улыбаясь немножко, все-таки день рождения, всех выслушал. И когда все закончили, я говорю: «Даниил Александрович, а вы-то что думаете по этому поводу? Что главное в жизни?»»

Он чуть-чуть помолчал, выдержал паузу и сказал: «Когда мне было 80 лет, я бы по-другому ответил на этот вопрос. И когда мне было 85 лет — по-другому. Но сейчас, когда мне 90, я знаю настоящий ответ на этот вопрос. Самое главное в жизни — это любовь».

*Из выступления председателя Союза журналистов
Санкт-Петербурга Л. Д. Фомичевой на конференции
«Наследие Гранина» 31 мая 2018 г.*

«Я думаю, что у нас сегодня нет людей или образов, или героев, которых страна может любить. Мы никого не любим. Мы живем на развалинах бывших кумиров. Вы говорите о том, что только искусство может создать героев, любимых народом. Не совсем так. Америка создала Форда. Он придумал конвейерную систему и прочее. Он долгое время был героем. Вот человек, который придумал такую разумную промышленную систему, при которой он имел право и заслуженно стал миллиардером. Где у нас миллиардер, богач, про которого мы знаем, что он придумал, что он сделал и мог бы служить примером для всех остальных? Америка таким образом стала страной безграничных возможностей, которые существуют для каждого человека, и в конце концов она добилась того, что негр стал президентом. У нас нет никаких возможностей стать миллиардером честным нормальным путем. Если что-то изобрести, придумать, организовать и т. д. Может быть, и есть такая возможность, но мы не знаем. Никто из наших миллиардеров не предстал перед нами со своей историей, с рассказом, как он этого добился. Это темно. Это скрыто. Это заставляет нас думать, что в общем это были пути бесчестные. Это не дает обществу какой-то здоровой надежды на то, что это та страна, в которой можно добиться всего, чего хочешь. Казалось бы, какие-то мы приобрели свободы,

возможности, больше, чем было раньше, а в то же время мы потеряли всякие примеры, которые могут нас воодушевлять. Мы потеряли даже то, что было в царской России, где был Ломоносов. Сын крестьянина, рыбака, который послужил для тысяч русских примером того, что из народа можно выйти в академики, если захочешь. А где такие примеры сегодня? Теоретически можно стать миллиардером, можно добиться, но это не существует в обиходе.

Я считаю, что советская система поощрений, все эти медали, которые давали, значки, грамоты, все, что хранится у старых людей только как воспоминание, — это была очень важная система поощрений. Получали мало, зарплата была маленькая, несоразмерная трудовым усилиям, но была моральная компенсация, которой сейчас нет. Все перешло в систему рубля. А эта система ядовитая, отравляющая нравственное состояние человека».

Из беседы Д. Гранина с А. Мелиховым (Российская газета. 13.01.2009 г.)

«— Даниил Александрович! Удастся ли нам вернуться к нормальному человеческому бытию, где не все будет определять диктатура денег? Видите Вы для этого точки опоры, если не в настоящем, то хотя бы в прошлом или будущем?

— Для меня это довольно трудный вопрос. Конечно, утешение можно всегда отыскать в будущем. Оно ведь полно утешительных надежд. Хотя есть там и обратная сторона медали. Темная, пессимистическая...

К сожалению, наша жизнь в течение многих лет была заполнена обещаниями. Да и сейчас такой остается. Все правители у нас — футуристы. Любят говорить о благоденствии в грядущем. Но не очень-то любят вспоминать потом, что они не выполнили из обещанного. Так что настоящее их не интересует — только будущее, в котором располагаются все прелести, не состоявшиеся в нашей сегодняшней жизни. При этом оно, будущее, в их обещаниях всегда оказывается более правильным, гуманным, человеческим.

И вот вы меня приглашаете опять в будущее, о котором можно наговорить все, что вам хочется. И мне хочется. И нашим правителям. Словом — хочется всем. А жизнь меня учит: не надо в своем самоуспокоении опираться на него, на будущее. Не надо тем более искать утешение — что еще труднее — в прошлом. Надо иметь мужество опираться на настоящее.

...Я сам в сорок первом пошел добровольцем в народное ополчение. Провел всю войну с первых ее месяцев почти до самой Победы на передовой. За то, как вел себя на фронте, не стыдно перед своей совестью. Но сегодня... Действительно непонятно, за что сегодня воевать, что защищать. Нет для этого объединяющей идеи, цели. Идеи защиты Отечества нет.

В СМИ называется цифра: в последние годы страну покинул 1 миллион 300 тысяч ученых и инженеров. Положим, надо еще выяснить, какая часть из них навеки разочаровалась в родине, а какая уехала с надеждой вернуться, когда полегчает и в стране, и в их частной жизни. Куда более репрезентативны данные «срезов» Левада-центра: 28 процентов опрошенных молодых горожан ответили, что хотели бы уехать из России навсегда.

Но в обоих случаях — вопрос: почему? По разным, конечно, причинам. Однако не последняя из них: потому что патриотизму у нас нечем сегодня питаться. Слишком много сделано в последние годы для выхолащивания подлинного патриотизма из умов, из душ молодых. Отняли даже возможность глубоко изучать в школах отечественную литературу. Мы плохо, гораздо хуже, чем молодое поколение 1941 года, знаем свою поэзию, музыку, живопись. Даже песни поем старые, советские — равноценных нет.

Совершенно отвратителен, постыден и уж, конечно, не располагает к патриотизму контраст между тем, как живут наши У1Ры и обыкновенные люди».

*Из беседы Д. Гранина с К. Смирновым (Новая газета.
8.07.2011 г.)*

«Мы отказались от труда, избавились от трудовой жизни. Перешли на так называемую рыночную экономику, где главное — не сделать, не изготовить, а исхитриться продать. А продать — это почти то же стало, что всучить. Я еще в первые свои приезды за границу заметил, что заграничный рынок блистает упаковкой. Красотой упаковки. При этой системе ты не знаешь, что тебе всучивают. И вот эта «всучка» совершенно искажает стоимость труда...

И еще одно: разве сегодня мы готовим людей труда? Мы готовим школьников для поступления в институт. Не для того, чтобы они получили специальность, профессию, а для того, чтобы получили высшее

образование. А систему профессионального образования — ФЗУ, ремесленные училища, техникумы — мы ликвидировали. И что получается? Человек, может быть, не хочет быть инженером, ну не хочет — и все! Он хочет быть мастером, ему нравится работать руками, а не за компьютером сидеть! А ему заявляют: мало ли что тебе нравится, нет, ты давай иди в институт. Работать руками несовременно, а вот суперкомпьютеры, Интернет, информатика — это современно! Человеку, предположим, нравится ковыряться в металле, в дереве, он хочет строгать, сверлить, какую-то машинку делать или неполадки исправлять. Но ему говорят: нам такие не нужны...

Я слишком давно ушел с завода (до войны работал на Кировском заводе, а после — в Ленэнерго) и, может быть, какие-то процессы сегодняшние неправильно оцениваю. Скажу одно: удовольствие и полноту ощущения физического труда у сегодняшнего человека отняли. А как может складываться личность человека — творца и созидателя, — если он лишен творческого труда? Ведь если руки ни при чем, то и голова не работает. В мое время люди имели возможность выбрать себе профессию, сменить ее. Нас три-четыре года обучали, но у нас была профессия в руках, а мы были хозяева своих рук. А какой я хозяин при компьютере, какой создатель? Машина сама стала основным создателем».

*Из беседы Д. Гранина с А. Мелиховым (Октябрь. 2010.
№ 6)*

«— Вы сказали, что были атеистом. Изменилось ли это?

— Ты про Бога? Нарушаешь частное пространство?! Вопрос интимный. Но я отвечу. Я давно наслаждаюсь невероятной разумностью и красотой мироустройства. Мир устроен с такой неисчерпаемой гармонией, что я не могу себе представить, что это только благодаря Дарвину. Я много писал об ученых, рациональных, высокоорганизованных естествоиспытателях. Тимофеев-Ресовский верил в Бога и на вопрос, откуда произошел человек, отвечал: это не нашего ума дело! Павел Светлов, известный эмбриолог, был убежден, что когда в эмбрион, будто ее вдохнули, входит душа, происходит чудо. Цитолог Александров мне говорил: да, у человека есть душа, но душа еще есть и у клетки! Все они начинали сомневаться в своих знаниях, когда доходило до непознаваемого. А Бог — в сфере непознаваемого».

*Из беседы Д. Гранина с М. Токаревой (Новая газета.
24.08.2013)*

«Мораль в обществе зависит от политики власти. Сейчас она ориентирована на барыш. Барыш в больнице, в школе, в суде. Куда ни ткнишь — всюду царит рубль. И это на фоне огромной, мучительной разницы между бедными и богатыми. При таком режиме невозможно оставаться честным человеком: его выталкивают из жизни, особенно наверху. Система отторгает само понятие честности. Как так: все берут взятки, а он отказывается! Все воруют, а он нет?!

Вот вы говорите: нельзя навязать... Но алчность и цинизм нам никто не навязывал. Олигархи, вспоминая о приватизации, говорят: «Мы очутились в нужное время в нужном месте, и поэтому нам повезло». А я вот не смог. И подавляющее большинство наших людей тоже. Успели только очень немногие. Это что, их заслуга? Результат их трудовых усилий или того, что они изобрели что-то полезное для всех? Нет. Это ловкость, хищность, беззастенчивость, несоблюдение правил морали и заповедей... Нельзя рвать цепь времен. Существует преемственность жизни. А мы ее нарушили уже дважды: в 1917-м порвали с царской Россией, а в лихие 90-е — с советской жизнью, в которой было много плохого, но много и хорошего».

*Из интервью Д. Гранина газете «Аргументы и факты»
19.10.2011 г.*

«Одна из самых волнующих гражданское общество тем — взаимоотношения художника и власти, интеллигента и власти. По Гранину, власть всегда плоха и всегда необходима. «Власть отвратительна, как руки брадобреля», — вспоминает он мандельштамовские строки в разговоре со мной. И поясняет: на заре нашего времени люди брились опасными бритвами. Чисто выбриться было непросто, и парикмахеры, стремясь добротнo выполнить свою работу, вытягивали и оттопыривали щеки клиентов, иногда забираясь пальцами в рот страдальцам ради их же пользы. Естественно, было это неприятно. Но терпели.

А в разговоре с моими коллегами по Университету продолжает: власть бывает когда-то лучше, когда-то хуже. Но это врожденное свойство любой власти — быть неприятной. Вопрос только — как человеку себя с ней

вести: «Гёте был тайным советником в Веймаре, при маленьком дворе. У Эккермана в «Разговорах с Гёте» есть замечательная сцена: идут Гёте и Бетховен, беседуют. Навстречу им императорская фамилия. Гёте отошел в сторону и поклонился, а Бетховен двинулся в самую гущу сановной толпы. Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее. Но у Гёте была своя правда. Он старался что-то сделать и многого добился. Так что у меня отношение к власти такое: с властью приходится считаться, власть иногда хочется и убеждать, и в чем-то поправлять. Это редко дает результаты, но все-таки иногда дает... Я не конфликтный человек, я писатель, а это главное. Либо надо конфликтовать, превратиться в диссидента, либо писать и работать. Но душа все-таки не может мириться с глупостями, безобразием, гадостями, с враньем, иногда душа возмущается».

Ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий. Из предисловия к книге Д. Гранина «Интелегенды»

«Я ни на одной фотографии с Граниным не фигурирую, но, действительно, последние 15 лет Даниил Александрович частенько меня звал для разговоров о науке и о всяком другом. Мы гуляли с ним по любимой ему Петроградской стороне. Иногда заходили даже в какие-то кафе. Так что, действительно, я был его, так сказать, тайным советником и информатором о состоянии академической науки после начала новой России.

Начну с конца: кем не стал Даниил Александрович? Совершенно случайно, юн не стал почетным членом Физико-технического института имени Иоффе. Тема эта возникла таким образом. На ученом совете возник вопрос, что Даниилу Александровичу 95 лет, и он оказал огромное влияние на умы людей, которые приходят в науку. Поэтому давайте его изберем почетным членом нашего института. Мне было поручено привести его на ученый совет, мы показали Даниила Александровича, а потом уже без него было заседание у ученого совета, который разошелся во мнениях, потому что это был первый случай, когда человека писателя выбирали в почетные члены Физтеха, где были целиком одни ученые. И в результате его незначительным количеством голосов забаллотировали, и он не стал членом. Я об этом не рассказывал Даниилу Александровичу, просто боясь, что ему это может оказаться обидным».

Из выступления академика Е. Б. Александрова на

конференции «Наследие Гранина» 31 мая 2018 г.

«В последние годы мы с Даниилом Александровичем виделись нечасто — неловко было отнимать у него время, он много делал для Петербурга, для сохранения памяти об исторических событиях. Его стараниями был поставлен памятник великому математику Леонарду Эйлеру на Песочной набережной, восстановлена к 70-летию Победы триумфальная арка в Красном Селе, сооруженная после войны... 1 января я обязательно поздравлял его с днем рождения и заодно с Новым годом. Он обижался: «Вы только по торжественным датам звоните!» Изредка я навещал его дома и всякий раз получал новую книгу с автографом — несмотря на его возраст, они выходили чуть ли не чаще, чем в молодые годы. Все время возвращаюсь памятью к тому, что он написал в одной из последних книг: «Человечеству остро не хватает не знаний, а прежде всего доброты». Об этом он размышлял давно, еще когда создавал в 1980-е фонд «Милосердие», и с годами эта его мысль становится все более актуальной».

*Из воспоминаний В. С. Петропавловского,
общественного деятеля, народного депутата СССР в
1989–1992 гг.*

«Иногда общественные идеи Гранина принимали какой-то даже парадоксальный характер. Однажды он пришел в фонд Лихачева и говорит: «Александр Валерьевич, а кто такие старейшие жители нашего города?» Я, пораженный неожиданным вопросом, подумал: «Может, черепаха в зоопарке или какой-нибудь крокодил. Я не знаю, кто долго живет. Ну, не человек явно». Он говорит: «Это все неправильно. Старейшие жители нашего города — это деревья. Давайте соберем сведения о самых старых деревьях нашего города и будем их лечить. Соберем деньги, попробуем, чтобы они не засыхали, подрезать. Есть специальные способы лечения». Эта программа так и называлась, она существовала года три, «Старейшие жители нашего города». Я не буду о ней рассказывать. Это довольно все интересно. В основном это дубы, конечно. Но также мы стали выделять вообще памятные мемориальные деревья. Оказалось, что в Англии есть полный каталог памятных и мемориальных деревьев. Там, где сидел Робин Гуд с луком — это всё у них каталогизировано. У нас ничего нет. Вот идея Даниила Александровича, представляете?»

Из выступления директора фонда Д. С. Лихачева А. В. Кобака на конференции «Наследие Гранина» 31 мая 2018 г.

«Главное, что сделал Даниил Александрович — это даже не его общественные поступки, это не то, что под его руководством сделал фонд Лихачева, а его книги. Даниил Александрович, что удивительно для его преклонного возраста, сохранил свежесть своего дарования. Более того, оно приобрело новое качество. И я думаю, главное, что произошло — это выход его книги «Мой лейтенант». Это такой пример умения и желания сказать правду. Правду о войне и периоде после войны. Правду о том, что происходит с человеком в трагических и тяжелых условиях, как общая трагедия калечит человека».

Яков Гордин о Д. Гранине (сайт «Эхо Москвы в Петербурге», 5.07.2017)

«Не так давно в одной школе проходило обсуждение этой же книги — «Мой лейтенант», и школьница спросила меня: «Сколько людей вы убили?» Впервые я услышал, что убивал людей. Потому что я не людей убивал — я убивал немцев, противника. Врага убивал. А она спросила про людей. Да, мы перешли «рубикон». Мы не могли его не перейти. Это была жесткая, тяжелейшая необходимость. Без этого воевать мы не могли. Без этого не воюют».

Из выступления Д. Гранина в Центре современной культуры 25 мая 2013 г.

«Обладателем национальной литературной премии «Большая книга» стал Даниил Гранин за роман «Мой лейтенант». «Мне впервые понравилось то, что я написал», — признался писатель, получая награду. Гранину также вручена премия «За честь и достоинство». Лауреат сказал, что ему неловко получать такой приз. «Это слишком пафосные слова — «честь и достоинство», это не ко мне, а я всего лишь исполнил долг перед однополчанами», — признался писатель».

Информация газеты «Ведомости» от 27.11.2012 г.

«У меня было много разных премий. Но эта для меня имеет свою радость. Дело в том, что я по-настоящему никогда не писал про свою войну. Откладывал — у нас и без меня была хорошая военная литература, и я не стал конкурировать. Но годы шли, а я так и не написал про свою войну. С годами мне становилось всё горше перед моими однополчанами. Они уходили из жизни большей частью в первые полтора года войны, когда мы несли большие потери, когда положение Ленинграда было почти безнадежным. Ушли, так и не узнав, сумели ли мы отстоять город или нет. У меня странное было чувство, как будто я своей книгой мог им дать этот ответ: «Да, ребята, город наш!».

*Из выступления Д. Гранина на вручении премии
«Большая книга» (Аргументы и факты. 26.12.2012 г.)*

«Есть большая и интересная литература о войне (мастеров «лейтенантской прозы» Курочкина, Бондарева, Бакланова, Астафьева). Но моя война осталась нетронутой. У меня на Ленинградском фронте была своя особенная война, совершенно непохожая на то, что была на других фронтах. Почти два с половиной года непрерывной окопной жизни... И еще у этих авторов нет той войны, которая продолжалась после Победы. А она продолжалась — прежде всего, во мне. То, что мы выжили, было чудом. И мы вернулись с мечтой о счастливой послевоенной жизни...

Когда я начал писать эту книгу, поначалу у меня никак не получалось, а все потому, что я имел дело с двумя людьми. Один пытался рассказать мне о том, кем я был тогда, а я его слушал, не понимая. Один уже малопонятный мне, молодой, мечтатель, восторгавшийся советской жизнью, и второй, который понимает, что многое в те годы было неправдой. И я сначала подумал: какой же лейтенант Д. был примитивный человек! А потом понял: нет, он был интересный человек, он был во многом лучше меня, разочарованного действительностью. И я до сих пор не могу решить, кто же из нас двоих жил более правильной жизнью...»

Из беседы Д. Гранина с С. Глезеровым (Санкт-Петербургские ведомости, 2012, 20 марта)

«Мне подумалось, что, кроме всего прочего, мы сохранили город белых ночей. Многое мы сохранили, да вот людей не сохранили. Они уходили, почти все ушли, кто куда. Среди них я вдруг увидел моего лейтенанта. Он тоже уходил вместе с Женей Левашовым, Володи Лаврентьевым. Совсем молодой, тоненький, перетянутый ремнем, густая шевелюра торчала из-под лихо сдвинутой фуражки. Сбоку болталась планшетка. Он мне нравился. Хотя, честно говоря, порядком надоел. Надоела его наивность, доверчивость, он никак не мог понять, что со мной произошло. Конечно, жаль, что мы расстаемся, но пора жить без него, без его мечтаний и упреков...»

Д. Гранин. Мой лейтенант

«Свидетельство роста популярности Гранина: каждая новая его книга раскупается всё быстрее. «Моего лейтенанта» в свое время купил в «Библиоглобусе» свободно. А вот теперь, когда тот же «Мой лейтенант» отмечен престижной премией Большая Книга, узнаю о выходе «Человека не отсюда» (куда, кстати, он включил последнюю нашу с ним беседу). Звоню в «Библиоглобус». В ответ: «Уже распродана». Обзваниваю еще несколько книжных магазинов. Ответ тот же. Пока, наконец, не слышу: «Остался последний экземпляр. Если придете сейчас, отложим». Откуда это в век интернета и ТВ, когда, по всеобщему убеждению (или предубеждению?), люди уже не читают печатных книг? Отгадок много. От бесспорных художественных достоинств и выхода на «болевы́е точки» сегодняшнего человека и его окрестного мира до особого интереса читателя к сплаву образного начала и мемуарной документалистики, которым отмечены последние гранинские книги.

Но у меня есть и свой ответ. Дело в нынешнем дефиците на личность, не уходящую с передовой. Герой его книги «Мой лейтенант», в которой так явственно, почти один к одному, проступает автобиография автора, ушел в добровольцы с первых дней войны. Судьба потом не раз предоставляла возможность выйти из огненной мясорубки. И когда его просили вернуться на завод, где «доводился до ума» танк Т-34. И когда предложили остаться в Ульяновском танковом училище, чтобы учить других. Он каждый раз отказывался и возвращался на передовую. И пробыл там почти до Победы. И потом остался навсегда».

*Из дневника журналиста «Новой газеты» Кима
Смирнова за 10.09.2014 г.*

«На нашем фронте главной обязанностью было убивать. У нас работали снайперы, и у немцев они работали. Мы знали их время обеда, завтрака и палили туда из минометов и прочего оружия. В оптический прицел иногда попадало лицо немца. Он не знал, что угодил в перекрестье и сейчас в него полетит пуля. Однажды я увидел старого немца с бородой. Не положенной ни у них, ни у нас. Я не стал стрелять в него. Мы иногда толком не знали, попали или нет, убили, ранили, промахнулись. Немец исчезал в окопе, примерно как в тире падают фигурки. Крики к нам почти не доносились. Однако происходило знакомство. Мы узнавали — они перешли на зимнюю форму, они поют песни — чего-то они празднуют. Бывало, ветер приносил запах жареного мяса. Мы знали, куда они ходят за водой. Летом они нахально вешали сушиться над окопами выстиранные трусы и подштанники...

— Вам пришлось стрелять в немцев в упор?

— Вы убивали на войне, так — лицом к лицу?

— Были у вас рукопашные схватки?

Всем хотелось про ту войну, которую показывали в кино, как она на самом деле. За все послевоенные годы я ни разу не рассказал об этой сцене в деревне Петровке, кажется, так она звалась. Не вникал. Откуда был тот ужас? Ведь я воевал уже два месяца. Стрелял много, след был на плече, из пулемета и миномета стрелял. Рассказывал об этом преспокойно, не отказывался, на то и война, чтобы стрелять. И в Германии, на встречах с немцами, не отказывался».

Д. Гранин. Мой лейтенант

«В декабре 2013-го я получил письмо от председателя бундестага. Оно меня приятно удивило сердечностью и тоном дружеского гостеприимства. Он приглашал меня приехать в Германию и выступить в бундестаге. О чем? О войне, блокаде. Был обозначен и регламент выступления — 20–30 минут...

И вот наступил этот день. Я прихожу в бундестаг, немецкие руководители меня ободряют. Вначале со вступительным словом выступает председатель бундестага, довольно продолжительно говорит о Германии,

войне, Советском Союзе, России и т. д. Затем выступает струнный оркестр, исполняет первую часть сочинения Шостаковича. Затем слово предоставляется мне.

Я говорил, что блокаду устроило немецкое командование, которое сознательно по приказу Гитлера не вводило войска в город, потому что они считали, что войти в город — значит понести огромные потери от уличных боев: ленинградцы сдаваться не будут. Проще удушить город голодом, за них будет воевать голод, он заставит ленинградцев капитулировать. Это было простое, бесчеловечное, очень страшное решение. Оно начало воплощаться в жизнь с конца сентября — начала октября 1941 года. В дневниках люди писали: «...дожить бы до травы». Зеленая трава представлялась спасением...

Пока говорил и когда закончил, стояла удивительная тишина, я ее не сразу заметил. Ничего похожего на большие аудитории, где всегда стоит невольный шум. А тут была тишина, которую я не сразу заметил, — никто никак не реагировал. И вдруг раздались аплодисменты, и бундестаг встал. Корреспонденты отмечают, что аплодисменты длились семь минут».

Д. Гранин. Русский солдат в бундестаге

«Я, будучи на переднем крае начиная с 41 и часть 42-го года, честно признаюсь, возненавидел немцев не только как противника, солдат вермахта, но и как тех, кто вопреки всем законам воинской чести, солдатского достоинства, офицерских традиций и тому подобного уничтожали людей, горожан самым мучительным, бесчеловечным способом, воевали уже не оружием, а с помощью голода, дальнбойной артиллерии, бомбежек. Уничтожали кого? Мирных граждан, беззащитных, не могущих участвовать в поединке. Это был нацизм в самом отвратительном виде, потому что они позволяли себе это делать, считая русских недочеловеками, считая нас чуть ли не дикарями и приматами, с которыми можно поступать как угодно.

За эти годы я стал другим. У меня появились в Германии друзья. Здесь переводили и издавали много моих книг. Процесс примирения был не прост. Ненависть — чувство тупиковое, в нем нет будущего. Надо уметь прощать, но надо уметь и помнить. Вспоминать про годы войны тяжело, любая война — это кровь и грязь. Но память о погибших миллионах, десятках миллионов наших солдат необходима. Я только недавно решился написать про свою войну. Зачем? Затем, что в войну погибли почти все мои

однопольчане и друзья, они уходили из жизни, не зная, сумеет ли мы отстаить страну, выстоит ли Ленинград, многие уходили с чувством поражения. Я как бы хотел им передать, что все же мы победили и что они погибли не зря. В конечном счете всегда торжествует не сила, а справедливость и правда».

Из выступления Д. Гранина в бундестаге 27.01.2014 г.

«В бундестаге он говорил о теме своей жизни, о блокаде Ленинграда, о том, как Гитлер хотел не только захватить этот город, не только разрушить его, но и заставить медленно умирать от голода. «В декабре 1941 года умерли от голода 40 тысяч человек, а в феврале умирали ежедневно три с половиной тысячи». Гранин смотрит на три букета белых цветов, за ними Ангела Меркель (внимательно слушает), Йоахим Гаук (в ужасе), а в зале очень разные лица, любознательные, но и с чувством стыда, ибо история блокады Ленинграда известна намного меньше, чем история Освенцима или Кеннерберри, один депутат зевает, видимо, от усталости. Русский солдат Гранин говорит ясным языком, но он также и писатель, и его речь наполнена ужасной поэзией: «Смерть начала, молча и тихо, участвовать в войне».

«Одна мать потеряла своего трехлетнего сына», — сообщает Гранин. Таких судеб он знает больше, чем бы ему хотелось, для своей документальной «Блокадной книги» он беседовал в 1970-х годах со многими выжившими. «Мать кладет труп между оконными рамами, на улице зима, и она отрезает...» — здесь Гранин прерывает одна из сотрудниц бундестага, она подходит к трибуне и предлагает ему шепотом по-русски стул — «... нет, нет, спасибо», — говорит Гранин, он предпочитает стоять, «она отрезает от трупа каждый день по куску, чтобы дать своей дочери хоть что-то поесть. Чтобы, по крайней мере, спасти свою дочь».

Гранин говорит, что тогда под войной он понимал борьбу солдат против солдат и что он долго не мог простить «немцам»: этого «ожидания капитуляции, ожидания нашей голодной смерти». Он не говорит, простил ли он немцев и когда».

*Т. Нежитов. Старый солдат с ясной головой
(Siiddeutsche Zeitung, 6.07.2017 г.)*

«Гранин далек от чудачеств в духе Льва Толстого или мессианства Солженицына, не воюет с властью и не льнет к ней, не играет в загадочность, не рассказывает, что пишет под диктовку Бога, не «пиарится», не алчет денег, не рвется в президиумы и не требует почестей. Подыграй он Западу самую малость — стал бы нобелевским лауреатом. Всего-то трудов — сказать пару гадостей про российское начальство. И получи на блюдечке приятно зеленеющий миллион от шведского комитета. Но Гранин предпочитает подняться на трибуну Бундестага в простом звании русского солдата, не склонившего головы ни перед самыми страшными, смертельными опасностями этого мира, ни перед его самыми сладкими соблазнами. И не случайно в слове «Гранин» нам сегодня видятся не только грани. Граней ведь не бывает у чего-либо аморфного. Грани присущи только твердому, очень прочному, настоящему явлению — такому, как русский характер».

Ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий. Из предисловия к книге Д. Гранина «Интелегенды»

«— Вы сильно изменились с возрастом?

— Значительно, да. Я стал слабее... и лучше. Это трудно понять, но попробую сформулировать. Слабее в том смысле, что я меньше могу сопротивляться жизни. В молодости я был злее, упрямее, старался сопротивляться тому, что жизнь из меня делает... Сейчас не сопротивляюсь. И, разумеется, меньше боюсь. И лучше понимаю, что главной ценностью в жизни была и остается любовь, прежде всего любовь семьи... Я покойную жену довольно много огорчал, и жили мы сложно. А вспоминается наша жизнь как самое большое счастье. Пока тебя любят — все переносимо, мудрей этой мудрости никто никогда не выдумает».

Из интервью Д. Гранина «Новой газете» 14.02.2014 г.

«Судьба подарила мне долголетие. Как я использовал это? В конце жизни, подводя итоги — недоволен. А почему? Наверное, довлеет арифметика — мало написал, главного не написал и т. п. Но ведь кроме письменного стола была еще жизнь, с дружбой, Любовями, путешествиями. Конечно, можно было написать и больше и, может, лучше.

Но за счет солнца, моря, смеха...»

Д. Гранин. Всё было не совсем так

«Несколько лет назад я позвонил Даниилу Александровичу и зашел по старой памяти. Просто так. Он был похож на себя. С седой головой и доброжелательной, но хитрой ухмылочкой. Синий пиджак, голубая рубашка, письменный стол с книгами и рукописными листами. Поговорили.

Я наснимал пристойных, но ожидаемых карточек, и уже вышел в прихожую прощаться, когда увидел гимнастические кольца, подвешенные к потолку, и белый шар плафона, испускающего молочный свет прежней жизни, освещающий старую, хотя и послевоенную квартиру в писательском доме на улице Братьев Васильевых, никогда братьями и не бывших.

Гранин, провожая меня, уперся руками в границы проема двери, составив некий крест, и я понял, что это и есть кадр, который мне хотелось снять.

— Не двигайтесь, Даниил Александрович!

Кто-то из знакомых, посетив Гранина, вспомнил, что он говорил, будто я забыл у него кепку, но передавать ее не станет, а пусть я сам за ней приеду. Побеседуем.

Я не хотел докучать, но в канун его девяностопятилетия приехал из Москвы к нему в гости. Мы сидели в креслах в его кабинете. Пили чай. Даниил Александрович был доброжелателен и бодр. Конечно, надо было захватить магнитофон, было бы полнее представление, о чем шел разговор. Но кое-что осталось в памяти.

— Знаешь, Юра, меня уже не было. Две недели. Сознание отсутствовало... Это была смерть. Придя в себя, я собрал в ресторане врачей, желая их поблагодарить. Возник разговор, почему я выздоровел, на каком основании? Я не имел никакого права возвращаться к жизни.

И тут один из них — хороший доктор, говорит: «Я думаю, мы здесь ни при чем. У него есть Ангел-хранитель. Посудите сами: он уцелел на войне, хотя воевал четыре года. Это противоестественно. Он вернулся в Город и уцелел в Ленинградском деле. Это тоже противоестественно. История с этой болезнью и выздоровлением тоже противоестественна. Такая цепь совпадений нереальна».

Как выглядит Ангел, не знает никто. А узнавать мы их должны. Может

быть, внутри себя. Там, где и находится весь мир человека. И большой мир, и неизмеримый космос — все находится внутри человека. Когда он уходит, он уносит все с собой. И хотя мы говорим, что, пока мы живы, ушедший от нас — все равно с нами, в нашей памяти, — это неправда. Умер и унес! Весь свой мир. А то, что мы помним о нем, это уже наша жизнь и наш мир...»

Ю. Рост. Гранин (Новая газета. 7.07.2017) зю

«Выздоровев и придя в себя, помаленьку начал ходить и решил собрать моих врачей, с одной больницы, со второй, поблагодарить их. Не подарками, это они не взяли бы, не потому, что они такие святые, а потому, что они все-таки меня лечили по совести, с каким-то чувством, которое исключает всякую материальную благодарность. Я принял решение, типичное для России, — посидеть, выпить, закусить, потрепаться. Не дома, а в ресторане, не просто в ресторане, а пошикарнее. Пригласил главных врачей и просто врачей, не главных, но очень существенных при моей болезни, а еще для украшения — моих друзей. Набралось человек двенадцать. Все прошло как нельзя лучше, под конец вечера разбились по своим интересам, и группа врачей занялась своими профессиональными разговорами...

И тут главный врач одной из моих больниц вдруг сказал совершенно серьезно, как будто ставил диагноз: «Я могу это объяснить только одним — у него есть ангел-хранитель». Как ни странно, ему никто не возражал, все замолчали, моему приятелю показалось, что эти слова были приняты всерьез. Услышать такое от врачей было, по меньшей мере, странно, вот эту странность он мне преподнес, ожидая, что я буду с ней делать. А что я мог с ней делать? Где-то в недрах своей души я давно подозревал вмешательство, то ли опеку, то ли интерес, а может быть, и какое-то назначение, которое я получил для своей жизни. Я не хотел вникать в эту планиду, не старался понять, что бы это могло быть, но перестал считать это рядом счастливых совпадений. Хотелось думать, что это не случайности, а вмешательство. Кого именно, для чего? На войне мне виделось это вмешательством любви. Мольба Риммы. Но шли годы, и случайности уже не убеждали, похоже, существовало что-то понадежней. А почему бы нет? Стоит ли противиться? Что мы знаем о том, что мы не знаем? Какие силы существуют в этом мире, неведомые нам, ведь неизвестного больше, чем известного. Стоит ли противиться и сомневаться

в их заботе. Может быть, лучше поблагодарить?»

Д. Гранин. Человек не отсюда

«В последние годы жизни Гранина мы виделись редко, поскольку его возможности передвигаться были ограничены. Но однажды он зазвал меня в ресторан и героически поднялся на второй этаж на своих костылях-подпорках. Он вел себя очень мужественно, хотя каждый человек, понимая, что жизнь уходит, испытывает, конечно, особые чувства. Он был уникальным, очень русским человеком — героем, лишенным героической атрибутики. Немногословным, не превозносящим своих заслуг, а даже будто стыдящимся их. Еще одно его свойство — нелюбовь к громким речам, к выступлениям с трибуны, даже если речь шла об очень важных вопросах. Он хорошо знал, что такие вопросы никогда не решаются на митингах. Как говорит кавказская пословица, только мелкие реки бурливы, а Даниила Александровича никак нельзя назвать мелкой рекой».

Из воспоминаний В. П. Лукина

«Гранин был настоящим ленинградским петербургским интеллигентом: прекрасным писателем и активно живущим человеком, который умел говорить об очень острых вопросах. Вот возьмите все его книги. Даже начальные — про науку, интеллигенцию, власть — и перечитайте их. Нам всем снова стали важны эти вещи и острейшие проблемы. Он умел делать острое таким, чтобы оно почти никого никогда не обижало. Секрет в его доброжелательности — это то, что и есть главное свойство интеллигента, помимо готовности обсуждать и рассуждать. Когда Гранин говорит, что русские люди должны примириться с немцами, не на уровне государства, а на уровне человечности, это серьезно, убедительно, и все его слушают. Тут никаких других разговоров быть не может. Этот моральный авторитет создан его биографией, человеческим умением, безумной увлеченностью жизнью. А еще он все замечал, и улыбка у него всегда была и очень добрая, но пронзительная.

Даниил Александрович — это образец петербуржца. Очень важно, как мы будем хранить память о нем, как сумеем. Это все очень непросто, неуловимо. Он оставил нам примеры того, как надо хранить память, чтобы она была живой».

*Из выступления М. Б. Пиотровского в Эрмитаже 14
июля 2018 г.*

«Иль разве меж моих друзей двух, трех великих нет людей?» — эти пушкинские строки я вспоминаю, думая о Данииле Гранине. Автор прекрасной прозы, он мне дорог еще потому, что эта проза не эпическая, а, я бы сказал, лирическая, интересует его не человечество в его неразличимой массе, а отдельный, конкретный человек с его любовью, страданием, радостью и горем — на фоне мировых событий, страны, войны, истории и сегодняшнего дня.

Советская идеология, советская критика призывали создавать эпохальные полотна, похожие на батальные полотна в живописи: чем больше действующих лиц, чем больше общего воодушевления и крови, тем лучше. А Гранин видит человека на маленьком клочке земли, сидящего в окопе или блиндаже, его мужество и готовность пожертвовать собой без громких слов. Или в лаборатории. Или в чужом городе под дождем...

Судьба подарила мне знакомство с Даниилом Александровичем — и я благодарен ей за это. Приходить к нему на улицу Братьев Васильевых и говорить с ним о жизни, книгах, стихах — какое это удовольствие! Он из тех редких прозаиков, кто воистину умеет слушать стихи и понимать их. «Ну прочтите что-нибудь лирическое, — говорит он, — что-нибудь про любовь». «Еще заметен след» — так называется одна из его повестей, а ведь название это взято им из стихов Баратынского! И прекрасное эссе «Два лика» посвящено пушкинскому «Медному всаднику»...»

А. С. Кушнер о Д. Гранине
(<http://smena.ru/news/2014/01/13/22926>)

«1 января Даниилу Гранину исполнилось 95 лет. Гранин не просто писатель, чьи книги выходили и выходят миллионными тиражами. Он — *настоящий летописец эпохи*... Любопытно, что сам писатель многие годы прожил на улице, которая в начале прошлого века называлась улицей Милосердия. «Чувство, свойственное всему живому» Гранин не только старается пробудить на страницах своих книг — он создал первое в России Общество милосердия, стал трибуном и глашатаем этого движения...

7 января президент России Владимир Путин навестил писателя Даниила Гранина в его новом рабочем кабинете на Васильевском острове и

лично вручил высокую правительственную награду — орден Александра Невского. Глава государства приехал в минувший вторник к Даниилу Гранину — в новый рабочий кабинет на Васильевском острове, который почетному гражданину Петербурга подарили в честь юбилея его коллеги по Общественному совету Балтийской медиагруппы. Здесь, в доме у площади Собчака, президент России Владимир Путин вручил писателю орден.

— Позвольте поздравить вас и с Новым годом, и с Рождеством, и с днем рождения, — сказал Путин юбиляру. — Хочу вручить вам государственную награду — орден Александра Невского — и поблагодарить вас за ваш труд, за вашу работу.

Президент также подарил Даниилу Гранину картину с зимним пейзажем. Полотно украсило кабинет писателя, где Гранин принял своих друзей, пришедших поздравить его с днем рождения. Маэстро Марис Янсонс, в частности, преподнес писателю именную дирижерскую палочку.

Получив уникальную возможность лично пообщаться с главой государства, Даниил Гранин не стал распространяться по многим темам: писатель заговорил о необходимости поддерживать сельские библиотеки и библиотеки в маленьких городах. И связано это не столько с желанием Гранина приучить молодежь к чтению — читают, по его мнению, достаточно, — сколько с возможностью дать человеку больше живого, непосредственного общения, которое естественно в библиотеке.

Обессиливающее одиночество — одна из главных тем последних книг Гранина «Причуды моей памяти» и «Всё было не совсем так», которые вышли в 2009 и 2010 годах соответственно. «Серьезная болезнь нашего общества — одиночество. Люди страдают от одиночества. И оно тоже бывает разное. Есть одиночество толпы. Есть одиночество в семье... Каждый человек — Вселенная, планета, и можно себя чувствовать всюду одиноким, а можно — нет», — рассуждал Даниил Гранин в своих предыдущих интервью. Общение в библиотеке, особенно в сельской местности, может решить эту проблему, потому что библиотека — это то место, куда можно прийти, где встретишь единомышленников.

«Библиотеки в сельской местности и в маленьких городах — это единственный центр культуры, — убежден писатель. — Надо поднять престиж библиотек, на библиотеки покушаются, чтобы забрать помещение, бесплатное помещение для районных нужд».

Л. Андреева. Человек с улицы Милосердия (интернет-ресурс «Смена» <http://smena.ru/news/2014/01/13/22926>)

«Состояние писателя Даниила Гранина, который в конце марта был госпитализирован в Центр имени Алмазова с переломом шейки бедра, значительно улучшилось, сообщил в среду РИА Новости коллега писателя, соредактор петербургского журнала «Звезда» Яков Гордин. «Даниил Александрович еще не выписан, но ему стало значительно лучше, он уже принимает людей. Я скоро тоже к нему собираюсь», — сказал Гордин, добавив, что писатель «интеллектуально очень активен».

Сообщение РИА «Новости». 15 апреля 2015 г.

«15–16 октября 2015 г.

«Из «Европы» я поехал к Д. А. Гранину, заскочив в систему «Дикси», чтобы купить что-нибудь в виде продовольственного подношения. Едва скототив сумочку, передал дочке Гранина Марине, переступив порог, и был готов извиниться, а она принялась благодарить и довольно искренне, чем ввела меня в некую смуту...

Гранин сломал шейку бедра еще в марте, ходит с двумя палками наподобие тростей, говорит, правда, что гуляет и по улице — и дай-то Бог, ему же 97!

Голова — седа, мудра, остра по-молодому, и хотя мы перебрали великое множество тем, в том числе по поводу положения детства, состоялся в этой встрече некий дуэтный контрапункт.

Гранин: Ты знаешь, я, конечно, испорчен эпохой атеизма, но в последнее время довольно часто разговариваю с разными молодыми священниками, конечно, большинство из них озабочено хозяйственными делами — надо построить что-то, отремонтировать и так далее. Но есть среди них люди истовые, верящие глубоко. И вот, ты знаешь, у меня был хороший друг, биолог Светлов, он специализировался на развитии человеческого эмбриона. И он сказал мне однажды: «Я все время искал, когда же кусочек плоти обратится в существо и ясно станет, что это человек. Как это происходит? В какой-то динамике — в какой именно, когда именно? Или в какой-то миг? И я понял, что Пушкин был провидцем, написав о том, что Господь вдохнул в глиняную фигурку человека его жизнь. И верю, что начало жизни — не в динамике, не в развитии, а в мгновении — это происходит разом! И потом, на протяжении жизни, нас кто-то, кто-то уберегает. Вот я — прошел войну, потом Ленинградское дело и немало было положений, когда подступали угрозы. Но кто-то уберегал

меня всякий раз — отводил эти угрозы».

Он умолк. А я рассказал:

— В 29 лет я заболел, жене сказали, — небрежно так! — что это онкология. Она убежала из больницы в слезах, потом пришла ко мне, меня оперировали, и я 15 лет ничего об этом даже не подозревал — работал в журнале, писал, в общем, жил. Много лет спустя совершенно случайно, в ССОДе оказался рядом с академиком Савельевым, который меня оперировал — там избирали народных депутатов СССР (весна 1989 г.). Он спросил меня: «Сколько лет прошло?» — «Пятнадцать». — «Ну ты знаешь, что у тебя было?» — Я назвал известный мне диагноз. — «Да нет, у тебя был рак, но раз уже прошло столько лет, значит, все хорошо, забудь об этом». Я полетел домой, встал перед женой на колени и спросил ее: «Как же ты жила?» Мы плакали (скорее, она), мы долго говорили. А потом я понял, что меня обнесло, потому что чувствовал — мне уготовлено предназначение. Детский фонд был уже создан.

Гранин ответил:

— Ты думаешь правильно.

А потом я поехал в отель и, лишь выходя из машины, сунул руку в карман и обнаружил чужие ключи. Был я в каком-то отрешении, и только тут увидел, что надел чужое, гранинское, пальто — лишь посмотревшись в зеркало: оно было короче моего.

Позвонил водителю. Его звали Сергей Васильевич, он выглядел стариком, машину (от Герценовского университета) вел как-то неловко, не уверенно, и вот я позвонил ему, попросил вернуться, хотя было жаль его стариковства (оказалось, ему 63 года и у него дочь третьекурсница по *основам безопасности жизни*). Он тут же вернулся, я, позвонив Марине Граниной, попросил произвести обмен пальтецами, что и совершилось в течение часа.

А у меня перед глазами образы двух незнакомых между собой старцев — Гранина, дожившего почти до края, и вдруг заговорившего со мной на крайне деликатную тему — седой, однако полный смысла и мысли, другой старик, водитель голубого «шевроле-880», а между ними я — тоже старик, и каждый из нас мыслит, страдает, обрastaет хотя бы с этими — в данный миг, этим мигом и Богом — данными людьми.

Удивительно тонко, странно, неясно, что значит. И все же восхитительно!»

Из дневника Альберта Лиханова

«Та литература, которая была в Советской стране — очень хорошая литература. Она понимала, зачем она нужна, она боролась по-своему. У нас, писателей, было понимание того, что такое справедливость, мы стремились жить в справедливом, честном обществе. Сейчас я уже не знаю, с кем бороться, что мы строим, почему мы считаем себя особенной страной, великой державой. По территории? Мы неблагодарные люди в России. Большей частью мы живем за счет советской жизни. Железные дороги, металлургия, электростанции — это все построено советскими людьми. Но мы продолжаем считать, что там было плохо, а у нас лучше. А что мы построили? Конечно, советская история тоже потерпела катастрофу, все надо было переоценить, и мы этой переоценкой до сих пор занимаемся».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«Среди молодого поколения распространен такой термин — «совок». Пренебрежительное, презрительное слово «совок», в которое втиснуто все постыдное и плохое, что было в советской жизни. Но позвольте вас спросить: а кто же сделал страну? Кто сделал нашу науку, сделал наши города, сделал нашу страну грамотной, сделал нашу великую советскую поэзию, кто сделал нашу советскую литературу? Мне она ближе и, как мне кажется, она более великая, чем наша нынешняя литература. Где был и Солженицын, и Твардовский, и Шолохов, и Бродский — вся прелесть нашей поэзии, нашей драматургии, наших песен, нашей музыки. Мы же все пользуемся этим. Мы живем этим и гордимся не меньше, чем Толстым, Чайковским, мы гордимся и Шостаковичем, и Хренниковым, и Дунаевским. Это все «совки»? Да. «Совок» достоин уважения, он жил в коммуналке, жил в обстановке большого террора, репрессий, лжи, клеветы. И он всегда оставался человеком с достоинством, с честностью своей, которая выше, чем нынешняя. Я не знаю, как его назвать, какой у него псевдоним. Признаюсь вам: нынешний человек для меня хуже, чем тот, который был советским человеком. Мы в последние годы развратили народ, мы его сделали недостойным России».

*Из выступления Д. Гранина в СПбГУП 9 февраля 2016
г.*

«В. Куницын, студент юридического факультета, 4 курс:

— В одном из своих интервью Вы сказали, что мы имеем негодную страну и негодный народ. Вы не могли бы как-то прокомментировать это свое суждение?

Д. А. Гранин:

— Да, грубовато сказано. «Негодная страна», поскольку очень слабая власть, поскольку страна не умеет пользоваться всем тем, чем ее наделила природа. Россия самая богатая, огромная, а мы самые бедные, нищие. Что значит «негодный народ»? Другого народа у нас нет, и думаю, мы сами виноваты во всем. Мы виноваты в том, что у нас были такие правители, что допустили такие ошибки, мы виноваты в том, что нас вели туда, куда мы не хотели и где были только несчастья, страшные потери и миллионные жертвы. Можно винить сталинский, хрущевский, брежневский, ельцинский режимы, но страна, правительство — это то, что мы сами создавали. И наша привычка говорить: «это они виноваты» — губительна. Каждый считает, что он тут ни при чем, но мы тут все «при чем»: и наши родители, и дедушки, и бабушки, и мы сами: мы все и есть народ».

Из выступления Д. Гранина в СПбГУП 9 февраля 2016 г.

«В коридоре Университета профсоюзов перед встречей я увидел его тяжелую поступь, смотрел до неприличия прямо, не отводя глаз, как он опирается всем телом на две свои палки-ходули. Сердце не может не сжаться от этого зрелища. Но он упорно идет и идет. Со встречи на встречу. От людей к людям. От одних к другим... Его везде ждут, и он это знает. Не может не знать. А еще он знает, что ему нельзя останавливаться. Гранин теперь каждый день подтверждает не новую, а довольно избитую максиму: «Движение — это жизнь». И это — не о пользе физических нагрузок. Это — о пользе думать, творить, переживать... Но главное — о пользе сопереживать.

Почти физически чувствую, как ему нелегко. Но чему я не перестаю удивляться, так это тому, что совсем не ощущаю тяжести его мысли. Читая новый сборник его статей под остроумнейшим названием «Интелегенды», я слышу его свежий и бодрый разум, интересный поворот мысли и движение молодой души... Он и в самом деле *интелегенда* — легендарный интеллигент, интеллигентная легенда... Я бесконечно благодарен Даниилу

Александровичу за то, что он так долго живет, наполняя смыслом бессмысленность лет потребления и вранья. И только маленькая червоточинка честолубия мешает окончательно воспрянуть духом — незаслуженная, но отчетливая гордость за то, что ты современник *такого* человека».

Из выступления телеведущего В. Н. Татарова на встрече с Д. Граниным в СПбГУП 9 февраля 2016 г.

«У России и Германии — причудливые отношения. Здесь есть и любовь, и ненависть, и злость, и симпатия, и уважение... Наверное, ни с одним другим народом нас не связывают такие сложные и сокровенные чувства. Я их испытал впервые еще тогда, когда началась война. Когда народ, который я знал через Гете, Шиллера, прекрасную музыку, вдруг развязал войну с моим народом. Из-за чего? Да, не из-за чего! Я до сих пор не знаю: зачем? По какой причине? Восстановление наших отношений после Второй мировой войны — трагическая и мучительная история. Вернуться к нормальным человеческим отношениям было трудно, но необходимо. Когда я впервые после войны попал в Берлин — я там представлял одну из своих книг, меня спросили: «Что вы чувствуете?» Я ответил: я чувствую, что это встреча промахнувшихся. Я промахнулся. Немцы стреляли в меня, и они промахнулись. Но надо избавляться от этих чувств, от этого прошлого, потому что ненависть никуда не ведет. Я навсегда запомнил надпись, которую прочел на стене в Музее сопротивления в Париже: «Простим, но не забудем». Злость — безнадежное и тупиковое чувство. Только добро — чувство, у которого есть будущее».

Из речи Д. Гранина на вручении ему премии доктора Фридриха Гааза 29 июня 2016 г.

«С его подачи мы вернули в наш город книжный фестиваль-ярмарку. Сегодня фестиваль — одно из знаковых событий в Санкт-Петербурге. Практически во всех фестивалях участвовал и Даниил Александрович. Особенно мне запомнилось его, увы, последнее участие в фестивале в мае 2017 года. Он уже плохо ходил, поэтому мы разместились на быстро принесенных стульях у Манежа. Разговор шел о его новом двухтомнике, в

который он включил произведения, посвященные инженерной профессии — «Иду на грозу» и др. Он подчеркнул, что сегодня для нашей страны, как никогда важна именно инженерная специальность, как это было в 60-е годы. Эту же мысль он высказал Владимиру Путину во время вручения Государственной премии в Константиновском дворце летом того же года.

После получения премии я позвонил Даниилу Александровичу и поздравил его. Поинтересовался, над чем он сейчас работает. Он мне ответил, что пишет книгу о чудесах, и, видимо поняв мое недоумение, сказал — разве не чудо, что, пройдя все испытания в жизни, в свои 98 лет я жив, работаю, пишу книги? Надо сказать, что Даниил Александрович до последних дней возглавлял Фонд Д. Лихачева, который оказывал большую гуманитарную помощь. Так вот, он неожиданно сказал мне, что хочет взять у меня интервью. «Ведь у тебя в жизни тоже было много чудес и испытаний», — сказал мне Даниил Александрович (по моей просьбе он называл меня по имени и на «ты»). Увы, но с интервью мы так и не успели...»

Из воспоминаний С. В. Степашина

«Писатель Даниил Гранин обратился к премьер-министру РФ Дмитрию Медведеву с просьбой сохранить музейный статус Исаакиевского собора. Подписано соответствующее письмо-обращение.

Гранин также рассказал представителям СМИ, что, по его мнению, в настоящее время Исаакиевский собор нуждается в сохранении того статус-кво, которое сложилось за последние десятилетия и которое полностью оправдывает себя. Проблема, связанная с передачей собора, обсуждалась с Георгием Полтавченко, но у Гранина сложилось мнение, что инициатива с передачей собора принадлежит не губернатору.

Писатель обратился к руководству страны еще с одной просьбой: сохранить самостоятельность Российской (Публичной) национальной библиотеки и «не превращать ее в кооперацию с московской Ленинской». По мнению Гранина, каждая из этих библиотек имеет свою историю основания, свои особенности структуры и комплектования фондов, свой круг читателей. Писатель также отметил, что «Публичка» считается священным местом для жителей и гостей Ленинграда-Петербурга».

Информация газеты «Час пик». 7.03.2017 г.

«К нему бесконечно ходили люди. Просили помощи. Он переживал за любимый город, который в войне отстоял. Многое предложил, организовал. Например, создал благотворительный фонд имени Лихачева, который занимался просветительской деятельностью. Организовал конгрессы Петра Великого, нашел много городов по России, к основанию которых имел отношение Петр. И в этом году петровский конгресс прошел даже в Париже, потому что Петр туда ездил, брал что-то полезное для России, что можно было внедрить. Даниил Александрович очень хотел «раскрутить» и следующую фигуру — Екатерину Вторую... Так что у него было множество идей, и большинство из них претворились в жизнь. Например, построили арку Победы в Красносельском районе Санкт-Петербурга... Когда закончилась война, и войска входили в город, то стояли временные, фанерные арки Победы; а так в городе были арки прошлых войн — Московские ворота, Нарвские триумфальные ворота, а вот арки в честь Великой Отечественной войны не было, и тогда Гранин обратился к губернатору, а тот его поддержал. И в Красносельском районе сделали шикарную монументальную Арку Победы, мы с ним ездили на ее открытие два года назад. <...>

Он только что закончил книжку «Она и всё остальное». Издали. Его интересовала не просто тема войны, но волновали судьбы, люди, — это любовная история, но очень нравственная. Речь идет про наше время, когда один инженер-энергетик поехал на командировку на конференцию и там познакомился с немкой. Сначала он не обратил на нее внимания, она повела его на какую-то выставку... позже у них возникли чувства друг к другу. А потом оказалось, что мать этой немки изнасиловал российский солдат в Берлине... она — такое нежеланное дитя, но она выросла, у нее особое отношение к русским... Еще он собирался и следующую книгу писать. Говорил — «Какое это счастье, Люда, вот я сижу, работаю, и получаю от этого удовольствие».

Из интервью Л. Фомичевой о Д. Гранине (сайт <http://www.mk.ru> за 5.07.2017 г.)

«То, что они должны были разойтись, — это было неодолимо, он не мог уехать, она не могла остаться. Ей кажется, что в России еще слишком много памяти о войне. Не понимает. Они в Германии стараются забыть ее, остались вдовы, сироты. Она увидела коммуналки, эти бесчеловечные

остатки советского быта, увидела бедность, питерские рынки, грязь, запущенность, облупленные дома, немытые окна, хмурые лица. «Как мало у вас улыбок, — повторяла она, — почему все такие раздраженные?»

А на Пискаревском кладбище постояла перед могилами, на которых лежали конфеты, пачки сигарет, сухари (это вместо цветов и венков), увидела и зарыдала...

Побывала в больнице, там расстроила ее бедность, больные лежали в коридоре, не хватало мест, простыней, лекарств.

Восторги, жалость, удивление — всё открывалось ей вперемешку. Много хамства, плохие сосиски, дивная архитектура модерн, но перевешивали и плохое, и хорошее минуты их счастья. Странные, несвойственные ему, когда они молча сидели, взявшись за руки, и это было достаточно. Вселенские часы останавливались...

Она не сразу распознала прелесть их молчаливой близости. Потом научилась выключаться и отпускать свои мысли на свободу.

Она не хотела жить в России, он не хотел в Германии, почему он не хотел, она не понимала, ведь его возмущает всё то, что происходит здесь с энергетикой. В России догоняют Запад, никак не решаются перегнать.

Через фирму «Сименс» она могла устроить ему хорошую работу в Германии, он не соглашался. «В гостях хорошо, а дома лучше», чем лучше, она не понимала.

Чужая? Она плакала на Пискаревке, в аэропорту чужие не плачут, чужие не прирастают».

Д. Гранин. Она и все остальное

«Присудить Государственную премию Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности 2016 года и присвоить почетное звание лауреата Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности Герману (Гранину) Даниилу Александровичу, писателю, общественному деятелю».

Указ Президента Российской Федерации от 2.06.2017 г.

«Президент России Владимир Путин наградил писателя Даниила Гранина Государственной премией за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности. Церемония вручения премии состоялась в Константиновском дворце.

Даниил Гранин является признанным классиком русской литературы.

Печататься начал с 1949 года. Среди его работ — романы «Искатели», «Иду на грозу», «Картина», повести и рассказы «Собственное мнение», «Место для памятника», «Неизвестный человек».

Зал стоя приветствовал писателя аплодисментами. Вручая премию, Путин напомнил, что Гранин был инициатором создания первого в СССР Общества милосердия в Ленинграде. «А сейчас в этом движении участвуют десятки тысяч человек», — сказал президент.

В своих произведениях, по словам Пугина, Гранин много размышлял о нравственном и моральном развитии общества, обращая самое пристальное внимание на такие качества человека, как честность и порядочность.

«За выдающиеся достижения вам присуждается государственная премия России. Спасибо вам большое за все! Поздравляю», — сказал Путин.

«Одна из фраз — ключевых, как я считаю — звучит примерно так: совесть — это малое представительство Бога. Это действительно магистральная мысль, которая всегда напоминает о том, что в основе нашей жизни, бытия должны лежать ценности», — добавил Путин».

Информация РИА «Новости» от 5.06.2017 г.

«Зал встал, когда вошел 98-летний Даниил Гранин, и приветствовал его стоя. Глава государства вручил Гранину награду. Ответное слово лауреат говорил тихо, и даже фотокорреспонденты перестали щелкать затворами своих камер, чтобы можно было расслышать его слова.

«Человек, который нашел себя, он счастливый человек. Это не всегда удается, но сами поиски себя уже доставляют удовлетворение, и ты становишься другим», — подчеркнул ветеран.

Речь зал встретил овациями. Вернувшись на свое место, писатель вместе с президентом поднял бокал шампанского».

*К. Латухина. Оркестр для одного // Российская газета.
4.06.2017 г.*

«Я дважды присутствовал в Константиновском дворце на торжественных церемониях его награждения.

Первый раз — когда Дмитрий Медведев, который был тогда

президентом, награждал его орденом Андрея Первозванного. Сам орден после награждения под охраной сейчас же повезли в Эрмитаж, а ему вдели в петлицу маленькую голубую розетку. После вручения Медведев сказал Гранину: «Даниил Александрович, пойдёмте посекретничаем» — и увел его в другую комнату.

А во второй раз — когда Путин привез в Петербург Государственную премию для вручения Гранину, поскольку он уже себя плохо чувствовал и не мог приехать в Москву. После награждения премией он себя так плохо чувствовал, что на обратном пути в город рядом ехала машина скорой помощи.

Ночью он позвонил мне.

— Мне было так плохо, — сказал он, — что я даже не помню, что я говорил. Не говорил ли я какой-то чепухи?

— Ты говорил, как всегда, очень хорошо, — сказал я.

И это было абсолютной правдой. Это было его последнее выступление.

Вскоре после этого он попал в больницу и из нее уже не вышел.

...Я много раз лепил его портреты в разные годы. Они находятся сейчас в разных местах, связанных с его именем, и в Русском музее. Каждые пять лет я дарил ему шуточные скульптуры, которые стоят у него дома. А у меня дома на полках стоят все его произведения, и на каждой книге — его автограф. И эти автографы представляют собой небольшие литературные произведения.

А сейчас я работаю над проектом памятника Гранину, который по решению правительства должен быть установлен в Петербурге в 2019 году — в год его столетия. Неважно, кто выиграет конкурс — важно, чтобы это был памятник, достойный этого замечательного человека».

Из воспоминаний Г. Д. Ястребенецкого

«С Даниилом Александровичем мы познакомились в середине 90-х годов. В 1997 году он стал почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Это звание не было для писателя чем-то формальным: он несколько раз в год бывал в СПбГУП, общался с профессурой и студентами. К столетию своего почетного доктора университет подготовил книгу его выступлений — более 60 текстов, посвященных волнующим автора проблемам.

Помимо публичного общения, нас связывали с Даниилом

Александровичем и добрые личные отношения. Один-два раза в месяц мы обедали вместе, говорили о насущном. Я быстро понял, что подобные беседы являются одной из особенностей его творческого метода. Гранин обсуждал, проговаривал интересующую его фактуру жизни в своем кругу — иногда по несколько раз, с разными людьми. Наблюдал за реакцией, что-то для себя уточнял. Потом писал или не писал. «Я писатель больше слушающий, чем говорящий» — так он говорил о себе. Ему была интересна жизнь во множестве ее проявлений. И каждый раз, отталкиваясь от деталей, казалось бы, мелочей, он стремительно взлетал в понимании реальности до вершин философского взгляда на мир.

Свежа в памяти наша последняя встреча, 14 мая 2017 года. Патриарх передвигается с трудом, но мыслит замечательно: «В раю диссидентов не бывает. Всех все устраивает». Такие высказывания побуждают к диалогу. Спрашиваю: вот диссиденты — они в раю вынуждены замолчать, или это такие неисправимые склочники, что их туда не пускают, чтобы не мешали приличным людям? Хитрый Гранин этот мой вопрос оставляет без ответа, что за обеденным столом несложно. Просто улыбается.

Ему очень нравится речь Трампа в Конгрессе («Его волнует в первую очередь благополучие жителей своей страны. Так и нужно себя вести»), интересуется общественная дискуссия об уроках Октябрьской революции 1917 года («Надо организовать обсуждение в СПбГУП»), не нравится передача Исаакиевского собора РПЦ (даже цитировать не буду, ужасно не нравится...).

Даниил Александрович продолжает: «Раньше и в сознании людей, и в литературе присутствовала масса нечисти. Бесы и прочее. Теперь нечисть осталась без работы и исчезла. Не выдержала конкуренции с той, что расплодилась в жизни». Главные бесы в нынешней жизни, по Гранину, пожалуй, чиновники. Вот об одном из очень больших начальников: «Система превратила (называет имя) в противного человека. Смотреть на них невозможно. А ведь были приличными людьми, честными. Вот зачем они уничтожают науку? Хотят командовать учеными. Встроить в вертикаль власти. Хотят контролировать закон Ома. Чтобы электроны двигались под их руководством. Они понимают, что электроны им подчиняться не будут? Понимают. Но ученые должны делать вид, что закон Ома подвластен чиновникам».

«В стране происходит внутреннее бегство. Люди не уезжают по разным причинам, но не хотят иметь с этой публикой никакого дела», — и все это Даниил Александрович говорит с удивительной иронией, насмешкой над злом.

Злости нет. Есть сожаление...

Буквально перед этой встречей смотрел старинный фильм по его роману и сценарию — «Иду на грозу». Делюсь восторгом: молодые Лановой и Белявский в главных ролях. Теперь таких актеров уже не бывает (нынешние в основном типичные ребята из пивбара). А там оба — поразительной, неземной энергетики и благородной красоты ученые-полубоги. Невероятная по нынешним временам драматургия конфликта, борьбы между добром и злом. Битва за идеалы науки против приспособленцев, проходимцев. Низость и величие человека.

Говорю автору с восхищением, что оторваться от экрана было невозможно. Теперь таких фильмов просто не делают, никто не может. А Даниил Александрович отвечает: «Сейчас искусство лишилось смысла. Не знает, о чем говорить с людьми. Хочет получать деньги. Но это не может быть смыслом разговора...» Понятно, что мой собеседник не собирается грести всех под одну гребенку, но суть общей тенденции формулирует четко.

...А закончил Даниил Александрович эту встречу пушкинской цитатой: «Самостоянье человека — залог величия его».

Из воспоминаний А. С. Запесоцкого

«3 июня президент Путин вручал Гранину Государственную премию в Константиновском дворце в Стрельне. 4–5 июня писатель лежал с температурой. На вопрос: «как Вы?» отвечал:

— Если честно, неважно, Нина, я устал... Я устал от всего, от всех. Все хотят от меня чего-то, о чем-то просят, подпишите, защитите, заступитесь, я устал, ты веришь? Мне тяжело...

...Он хотел в Комарово на дачу. Хотел еще писать.

Осенью 2016 года мы задумали диалоги для «Новой» — «Дома у Гранина». Экономисты, академики, металлурги, писатели — я к каждой беседе готовилась и придумывала десятки вопросов. Приходила заранее. Гранин просил показать мои заготовки. Брал рукописи. Пробегал глазами. Переспрашивал. Уточнял. Иногда возвращал бумажки. Иногда рвал и выбрасывал в урну возле кресла. Меня трясло: всё, конец! Полное фиаско! А гость на пороге...

Но Гранин, даже если больной полудремал в кресле, открывал в себе 115-е дыхание и затевал разговор, и вел его, и я почти не вмешивалась.

...Он — образца 1919 года — в Бога не верил. Его слова: «Я родился,

вырос и рос при Советской власти. Был убежденным атеистом. В первый раз усомнился в своем атеизме после войны. У меня никого в живых не осталось из одноклассников, одноклассников, однополчан. А я выжил. Почему? Зачем? Кому это было нужно? Потом я недавно тяжело болел, лежал без сознания неделю, врачи поставили на мне крест, и друзья приходили со мной попрощаться. Я был обречен. Почему я выздоровел? Не знаю. И врачи не понимают. Они мне сказали: «Даниил Александрович, Вы нарушаете все законы медицины». Но так случилось. Я благодарен за это. Богу? Небу? Судьбе? Называйте — как хотите».

Н. Петлянова. Последний поклон (Новая газета. 6.07.2017)

«Если вы спрашиваете, верю ли я, допустим, в Бога, я могу вам сказать. Хотя это некорректный вопрос — спрашивать у человека, во что он верит. Но я могу сказать: временами я верю в бога. В то, что что-то есть, есть какой-то всевышний, творец, ангел-хранитель. Мне медики сказали, что у меня есть ангел-хранитель. Можете у них спросить. У нас есть такой замечательный врач Шляхто. Он мне несколько раз спасал жизнь, потому что его врачи говорили, что я должен был умереть. А потом, когда я выздоравливал, они разводили руками и говорили: «Мы ни при чем — это ангел-хранитель».

Если верить, что мир сотворен Богом, то надо жить по закону любви: помогать ближнему и даже жертвовать собой ради любви к ближнему. А если верить, что наш мир возник в результате долгой эволюции, то надо жить по дарвиновскому закону естественного отбора — приспособляться, бороться за жизнь, и если потребуется, ради сохранения своей жизни пойти на любое преступление.

Но если жизнь есть борьба за существование, то зачем людям дано такое качество, как сострадание? Какой в этом смысл?»

*Из интервью Д. Гранину журналистке Венере Галеевой
(сайт <https://www.fontanka.ru/2017/07/05/027>)*

«Рай существует не где-то, а здесь, на Земле. Я его часто вижу. Я уезжаю на дачу к себе, хожу в лес, слышу, как птицы поют, разговаривают между собой. Зимой падает снег, и я вижу, что каждая снежинка устроена

как кристалл, и каждый кристалл отличается от другого. Это же все чудеса нашей жизни. Не хочется хвалить нашу жизнь, в ней слишком много темного. Но прежде чем ругать темноту, надо зажечь свою свечку».

*Из интервью Д. Гранина корреспонденту канала НТВ
Сергею Холошевскому (июнь 2014 г.)*

«Писатель, почетный житель Петербурга Даниил Гранин скончался на 99-м году жизни, сообщил «Интерфаксу» источник в медицинских кругах города. По словам источника, Гранин последние несколько дней находился в реанимационном отделении одного из городских стационаров. Незадолго до кончины он был подключен к аппарату искусственной вентиляции легких. «Даниил Александрович скончался в ночь на среду», — сказал собеседник агентства. Информации о дате прощания и похоронах пока нет».

Сообщение агентства «Интерфакс» 5.07.2017 г.

«Церемония прощания с писателем, почетным гражданином Санкт-Петербурга Даниилом Граниным, который скончался 4 июля на 99-м году жизни, пройдет в субботу в Таврическом дворце. Гранин будет похоронен на кладбище в писательском поселке Комарово под Петербургом.

«Прощание состоится с 12 до 14 часов в Таврическом дворце, его откроют для всех желающих проститься. Похороны пройдут в этот же день на Комаровском кладбище в 15 часов», — сообщил пресс-секретарь губернатора Петербурга Андрей Кибитов.

Как рассказала ТАСС дочь Гранина Марина Чернышева, «отпевания в церкви не будет, поскольку Даниил Александрович никогда не был верующим человеком».

Санкт-Петербург взял на себя организацию похорон Гранина в соответствии с законом о почетных гражданах. Церемонию разработала специально созданная комиссия под руководством губернатора Георгия Полтавченко по согласованию с родственниками и близкими писателя.

В гражданской панихиде по Гранину планируют принять участие члены правительства Санкт-Петербурга, известные деятели культуры, ученые, политики, общественные деятели и горожане. Петербургская полиция будет обеспечивать безопасность участников церемонии прощания

с писателем.

Местом погребения Гранина его родственники выбрали Комаровское кладбище. Пригородный поселок Комарово знаменит тем, что там располагаются дачи писателей, композиторов, музыкантов и художников. Комаровское кладбище возникло в начале XX века, на нем похоронены видные деятели культуры и науки, военного дела и медицины. Там находится могила Анны Ахматовой, недалеко от нее похоронена супруга Даниила Гранина Римма Майорова».

Сообщение ТАСС 8.07.2017 г.

«Церемония прощания с писателем-фронтовиком, почетным гражданином Санкт-Петербурга Даниилом Граниным собрала около 700 петербуржцев на литераторском кладбище в Комарово, в 40 км от города.

Траурный кортеж из 18 автомобилей и шести автобусов доставил из Таврического дворца жителей Петербурга, пожелавших проводить писателя в последний путь. В Комарово к церемонии присоединились местные жители. Для многих из них Гранин был соседом и приятным собеседником во время прогулок.

На кладбище был выставлен почетный караул. Возле свежей могилы — десятки венков: из красных роз и гвоздик, венки от президента России Владимира Путина, венки от премьер-министра Дмитрия Медведева, полпредства президента в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО), правительства Петербурга, Федерального собрания, Законодательного собрания Петербурга, Союза театральных деятелей...

«Это целая планета, целый мир. Самая лучшая память — читайте Гранина. Он всегда будет для нас живой», — сказала председатель Союза журналистов Петербурга и Ленобласти Людмила Фомичева, дружившая с писателем 17 лет.

С теплыми словами благодарности к писателю и словами соболезнования к его дочери Марине, родным и близким обратились и жители Комарово, вспомнив о «добре и свете, который излучали книги писателя, его стремлении сделать людей лучше».

После церемонии прощания у открытого гроба прозвучали три залпа стрелкового салюта. Под звуки гимна России гроб с телом писателя опустили в обитую бордовым шелком могилу. Каждый из участников церемонии бросил горсть земли из установленных по обеим сторонам могилы вазонов.

Среди участников траурной церемонии были генеральный директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, историк, главный редактор журнала «Звезда» Яков Гордин, писатель Андрей Аствацатуров с семьей, режиссер Александр Сокуров, народный артист СССР Олег Басилашвили, президент Российской академии образования Людмила Вербицкая, деятели культуры и искусства».

Сообщение ТАСС 8.07.2017 г.

«Подписан указ о праздновании в 2019 году юбилея российского писателя Даниила Гранина, сообщил в четверг президент РФ Владимир Путин. «В 2019 году исполнилось бы 100 лет писателю, мыслителю, настоящему подвижнику Даниилу Александровичу Гранину. Он когда-то сказал очень точные слова: культурой нельзя руководить, ее надо понимать и нести в себе. Подписан указ о праздновании в 2019 году юбилея Даниила Александровича Гранина, увековечении его памяти», — сказал Путин на заседании Совета по культуре и искусству. Важно, чтобы это событие стало объединяющим для общества, чтобы наследие писателя послужило будущему развитию культуры, подчеркнул президент».

Сообщение РИА «Новости» 21.12.2017 г.

«Безымянный сквер в центре Санкт-Петербурга недалеко от музея обороны и блокады Ленинграда получит имя писателя-фронтовика, почетного гражданина города Даниила Гранина. Такое решение приняла в среду городская топонимическая комиссия под руководством вице-губернатора Владимира Кириллова, сообщили ТАСС в его пресс-службе. «Топонимическая комиссия поддержала предложение о присвоении безымянному скверу на Гангутской улице между Гагаринской улицей и Соляным переулком имени Даниила Гранина», — сообщили в пресс-службе.

При принятии решения члены комиссии учли мнение дочери писателя и связь места с его биографией. В частности, рядом на Моховой улице расположены школа, в которой учился Гранин, и Фонд имени Д. С. Лихачева, где он работал. Кроме того, в Соляном переулке находится мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, за судьбу которого очень переживал писатель-фронтовик.

Накануне советом по мемориальным доскам при правительстве Санкт-Петербурга принято единогласное решение об установке мемориальной доски на фасаде дома 8 по Малой Посадской улице, где проживал писатель».

Сообщение ТАСС 25.04.2018 г.

...Из песенных баллад Булата Окуджавы писатель особенно любил романс, первые два куплета которого таковы:

*Виноградную косточку в теплую землю зарою,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову, на любовь свое сердце настрою...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?*

*Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье,
говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву.
Царь небесный пошлет мне прощенье за прегрешенья.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?*

Гранин поистине собрал нас. Он «угостил» нас гроздьями мудрости, раздвинул наши представления о достоинствах личности и ценностях бытия, одарил радостью общения, настроил наши сердца на любовь. Теперь, когда его нет с нами, мы думаем о нем с высоты грусти и прелести скоротечной жизни...

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Абрамов Федор Александрович — писатель, ветеран Великой Отечественной войны.

Адамович Александр (Алесь) Михайлович — белорусский писатель и публицист, соавтор Д. А. Гранина по «Блокадной книге».

Амусья Мирон Янкелевич — физик, доктор наук, с 2008 года живет в Израиле.

Басилашвили Олег Валерианович — актер театра и кино, народный артист СССР.

Беглов Александр Дмитриевич — глава администрации Курортного района Санкт-Петербурга (1999–2002), в 2018 году назначен исполняющим обязанности губернатора Санкт-Петербурга.

Бродский Иосиф Александрович — поэт, с 1972 года жил в США, лауреат Нобелевской премии по литературе (1987).

Быков Дмитрий Львович — писатель, поэт, публицист, телеведущий, историк литературы.

Войтинская Ольга Сергеевна — литературный критик, автор первой работы о творчестве Д. А. Гранина.

Герман Александр Данилович — отец Д. А. Гранина, лесной техник.

Герман Анна Захарьевна — мать Д. А. Гранина, портниха.

Гинзбург Виталий Лазаревич — физик-теоретик, академик РАН.

Гордин Яков Аркадьевич — писатель, историк, публицист, с 1991 года главный редактор журнала «Звезда».

Довлатов Сергей Донатович — писатель, с 1978 года жил в США.

Дудин Михаил Николаевич — поэт, глава Ленинградского отделения СП РСФСР (1965–1967).

Дудинцев Владимир Дмитриевич — писатель, публицист.

Запесоцкий Александр Сергеевич — культуролог, член-корреспондент РАН, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (с 1991 года).

Кобак Александр Валерьевич — культуролог, исполнительный директор Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева.

Коротич Виталий Алексеевич — писатель, поэт, журналист, главный редактор журнала «Огонек» (1986–1991).

Кузин Олег Сергеевич — журналист, главный редактор газет «Ленинградская правда» (1990–1991) и «Санкт-Петербургские ведомости» (1991–2002).

Кушнер Александр Семенович — поэт.

Лиханов Альберт Анатольевич — писатель, общественный деятель, председатель Российского детского фонда.

Лукин Владимир Петрович — политик, председатель комитета по международным делам Верховного Совета РСФСР (1990–1992), уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (2004–2014).

Майорова Римма Михайловна — супруга Д. А. Гранина.

Манилова Алла Юрьевна — главный редактор газеты «Невское время» (1994–2003), с 2012 года заместитель министра культуры Российской Федерации.

Матвиенко Валентина Ивановна — губернатор Санкт-Петербурга в 2003–2011 годах, председатель Совета Федерации с 2011 года.

Мелихов Александр Мотелевич — писатель и публицист.

Михайлушкин Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Новоселов Николай Дмитриевич — писатель, ветеран Великой Отечественной войны, автор воспоминаний.

Оболенский Игорь Викторович — писатель, журналист.

Петропавловский Валерий Сергеевич — председатель Международной конфедерации обществ потребителей, в 1989–1991 годах народный депутат СССР.

Пиотровский Михаил Борисович — историк-востоковед, академик РАН, с 1992 года директор Государственного Эрмитажа.

Писаревский Эдуард Владимирович — военный инженер, ветеран Великой Отечественной войны, автор воспоминаний.

Плоткин Лев Абрамович — литературовед, автор книги о творчестве Д. А. Гранина.

Полтавченко Георгий Сергеевич — губернатор Санкт-Петербурга в 2011–2018 годах.

Попов Валерий Георгиевич — писатель.

Прокофьев Александр Андреевич — поэт, публицист, глава Ленинградского отделения СП РСФСР (1955–1965).

Романов Григорий Васильевич — партийный деятель, секретарь Ленинградского обкома КПСС (1970–1983).

Рост Юрий Михайлович — журналист, фотограф, писатель.

Рубашкин Александр Ильич — литературный критик, журналист,

автор воспоминаний.

Собчак Анатолий Александрович — политик, мэр Санкт-Петербурга в 1991–1996 годах.

Старков Анатолий Николаевич — литературовед, критик, автор книги о творчестве Д. А. Гранина.

Степашин Сергей Вадимович — государственный деятель, председатель Правительства Российской Федерации (1999), председатель Счетной палаты (2000–2013), президент Российского книжного союза.

Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович — биолог, генетик, в 1925–1945 годах жил в Германии, герой романа Д. А. Гранина «Зубр».

Толстиков Василий Сергеевич — секретарь Ленинградского обкома КПСС (1962–1970).

Тублин Константин Валентинович — бизнесмен, издатель, писатель.

Филатов Сергей Александрович — политик, в 1991 году секретарь Верховного Совета РСФСР, в 1993–1996 годах глава Администрации Президента Российской Федерации.

Финк Лев Адольфович — литературный критик, журналист, автор работ о творчестве Д. А. Гранина.

Фомичева Людмила Дмитриевна — журналист, президент ЗАО «Интерфакс — Северо-Запад» (с 2003 года), председатель Союза журналистов Санкт-Петербурга (с 2011 года). Много лет дружила с Д. А. Граниным.

Хаджибагиянц Рубен Рафаэлевич — художник, архитектор. Чернышев Даниил Николаевич — внук Д. А. Гранина.

Чернышева (Гранина) Марина Даниловна — дочь Д. А. Гранина.

Шестинский Олег Николаевич — поэт, глава Ленинградского отделения СП РСФСР (1971–1973).

Эткинд Ефим Григорьевич — филолог, переводчик, с 1974 года жил во Франции.

Янсонс Марис Арвидович — дирижер, народный артист РСФСР.

Ястребенецкий Григорий Данилович — скульптор, народный художник СССР, ветеран Великой Отечественной войны.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Д. А. ГРАНИНА

1919, 1 января — родился в селе Волынка Курской губернии в семье лесного техника Александра Даниловича Германа и его жены Анны Захарьевны.

1920–1926 — жил с семьей в деревнях Петроградской и Новгородской губерний, где отец работал в лесных хозяйствах. 1926 — переехал с матерью в Ленинград, пошел в школу.

1935 — после окончания школы поступил в Ленинградский электротехнический институт на специальность «электрические станции».

1937 — опубликовал в журнале «Резец» первые произведения — рассказы «Возвращение Рульяка» и «Родина», посвященные Парижской коммуне и вошедшие позже в повесть «Ярослав Домбровский».

1938 — перевелся на четвертый курс Ленинградского индустриального (с 1940 года Политехнического) института.

1940, июнь — получил диплом, устроился на Кировский завод старшим инженером электросилового цеха. Был заместителем секретаря комитета комсомола, печатался в заводской газете.

1941, июль — записался добровольцем в 1-ю Ленинградскую стрелковую дивизию народного ополчения. Перед уходом на фронт женился на Римме Михайловне Майоровой.

Июль — август — участвовал в боях с немцами в Псковской и Новгородской областях.

Сентябрь — после тяжелых боев на подступах к Ленинграду вместе с отступающими войсками вернулся в город. Назначен комбатом в артиллерийский батальон под Шушары.

1941, октябрь — 1942, февраль — воевал на Лужском рубеже в составе 292-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, был дважды ранен.

1942, март — назначен комиссаром 2-го ремонтно-восстановительного батальона 42-й армии.

Ноябрь — награжден орденом Красной Звезды.

1943 — прошел обучение в Ульяновском танковом училище. Направлен в Горький, потом в Челябинск, где готовил танки к отправке на

фронт.

1944 — участвовал в освобождении Прибалтики. Закончил войну в Восточной Пруссии командиром роты тяжелых танков. Демобилизован и отправлен в Ленинград на восстановление электроснабжения города.

14 июля — рождение дочери Марины.

1945 — получил должность начальника районной кабельной сети «Ленэнерго».

1949 — перешел на работу в НИИ, поступил в аспирантуру Ленинградского политехнического института. Опубликовал в журнале «Звезда» рассказ «Вариант второй» и повесть «Спор через океан». По просьбе работавшего в журнале однофамильца Юрия Германа взял псевдоним «Гранин».

1950 — в издательстве «Советский писатель» вышла первая книга «Победа инженера Корсакова», изданная в том же году в библиотеке журнала «Огонек» под названием «Спор через океан». Уволившись с работы, целиком посвятил себе литературе.

1951 — вышла повесть «Ярослав Домбровский», переизданная позже под названием «Генерал Коммуны».

1952 — вышел сборник очерков о строителях Куйбышевской ГЭС «Новые друзья».

1954 — участвовал в работе Второго Всесоюзного съезда писателей.

1955 — вышел роман «Искатели» о молодых ученых, принесший Гранину всесоюзную известность.

1956 — стал членом Союза писателей СССР. Получил квартиру в новом «писательском» доме на Малой Посадской улице. Принял участие в круизе советских писателей по странам Европы на теплоходе «Победа». В «Новом мире» напечатан рассказ «Собственное мнение». Вышел фильм по роману «Искатели» (режиссер М. Шапиро).

1958 — вышел роман «После свадьбы».

1962 — вышли роман «Иду на грозу» и книга путевых очерков «Неожиданное утро».

1965 — снят фильм по роману «Иду на грозу» (режиссер С. Микаэлян). Стал вторым секретарем Ленинградского отделения СП РСФСР.

1966 — вышла книга «Месяц вверх ногами» о поездке в Австралию. Вышел на экран фильм «Первый посетитель» по сценарию Гранина.

1967 — вышла книга путевых очерков «Примечания к путеводителю». В сборнике «Вахта «Арамиса» опубликована фантастическая повесть «Место для памятника». Избран первым секретарем Ленинградского

отделения СП РСФСР (до 1971 года).

1968 — в журнале «Север» напечатана повесть «Наш комбат».

1969 — вышли «Избранные произведения» в двух томах.

1970 — вышла повесть «Кто-то должен».

1971 — родился внук Даниил Чернышев.

1972 — вышла книга «Сад камней» о поездке в Японию.

1973 — в журнале «Нева» вышла повесть «Дождь в чужом городе».

1974 — вышла книга «Эта странная жизнь» о биологе Александре Любищеве. Снят телефильм «Однофамилец» (режиссер О. Воронцов).

1975 — вышла книга о физике Игоре Курчатове «Выбор цели». Начал совместно с Алесем Адамовичем работу над созданием «Блокадной книги».

1976 — опубликована документальная повесть «Клавдия Вилор», удостоенная в 1978 году Государственной премии СССР. Снят фильм «Выбор цели» (режиссер И. Таланкин).

1977 — в журнале «Новый мир» опубликована первая часть «Блокадной книги». Из-за сопротивления ленинградского партийного руководства во главе с Г. В. Романовым книга увидела свет только в 1984 году.

1978 — снят фильм «Дождь в чужом городе» (режиссеры В. Горпенко и М. Резникович).

1980 — опубликован роман «Картина».

1982 — вышли книга «Место для памятника» и сборник публицистики «Два крыла».

1984 — вышел сборник повестей «Однофамилец».

1986 — по предложению Гранина основан благотворительный фонд «Милосердие».

1987 — публикация в «Новом мире» повести «Зубр», ставшей одной из самых заметных произведений «перестроечной» литературы.

1988 — вышли сборники публицистики «Милосердие» и «О наболевшем». Вышел сборник повестей и рассказов «Чужой дневник».

1989 — избран народным депутатом СССР. Получил звание Героя Социалистического Труда. Стал первым председателем советского Пен-центра. Вышел сборник публицистики «Точка опоры».

1990 — опубликована повесть «Неизвестный человек».

1994 — вышел «шпионский» роман «Бегство в Россию».

1999 — награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.

2000 — вышел исторический роман «Вечера с Петром Великим», удостоенный в 2002 году Государственной премии в области литературы и

искусства. Вышел сборник «Тайный знак Петербурга».

2001 — возглавил Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева.

2004 — смерть жены Риммы Михайловны.

2005 — получил звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга.

2008 — награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы.

2009 — торжественно отмечено 90-летие Д. А. Гранина. Издательство «Вита Нова» выпустило собрание сочинений писателя в восьми томах. Вышел сборник публицистики «Скрытый смысл».

2010 — вышли мемуарные книги «Причуды моей памяти» и «Всё было не совсем так».

2011 — вышел роман «Мой лейтенант», получивший в 2012 году

Национальную литературную премию «Большая книга». Режиссером В. Бортко снят телесериал «Петр Первый. Завещание» по мотивам романа «Вечера с Петром Великим».

2012 — опубликована книга «Заговор».

2013 — переиздана без цензурных сокращений «Блокадная книга».

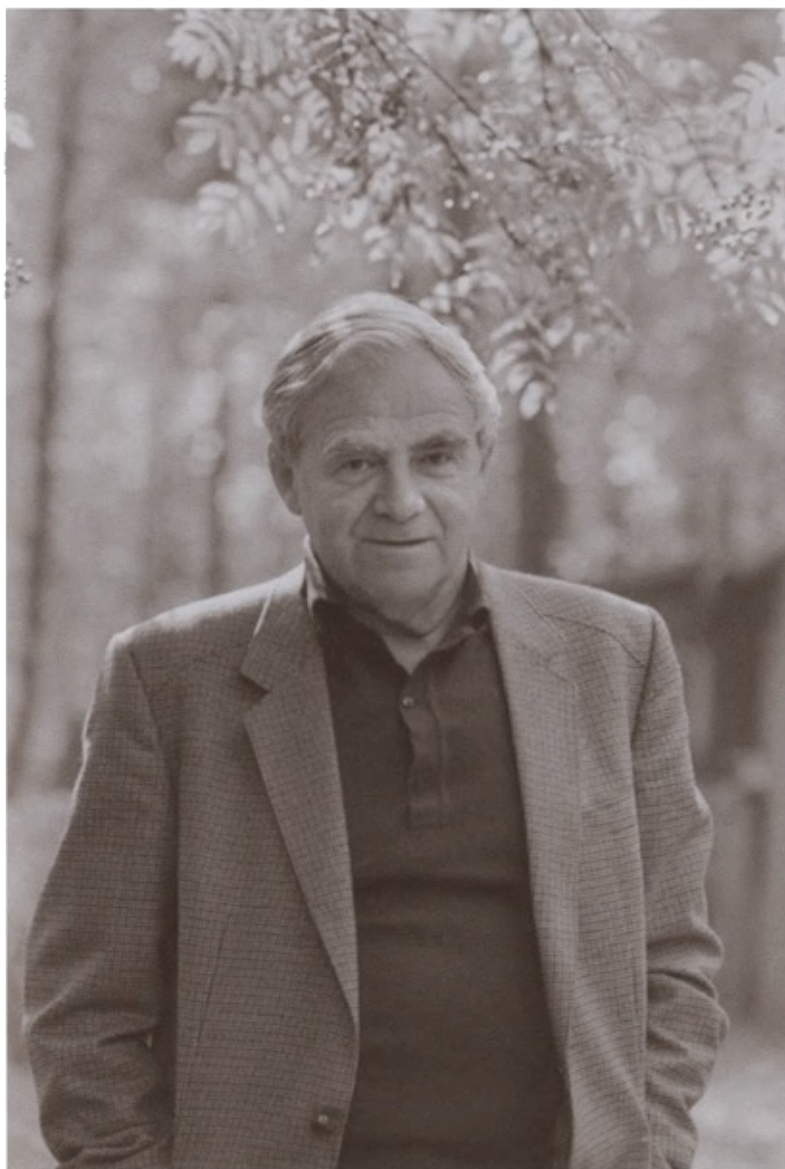
2014, 27 января — выступил в немецком бундестаге перед депутатами и членами правительства с рассказом о войне и блокаде Ленинграда.

2015 — вышла книга очерков и публицистики «Интелегенды». 2017, февраль — вышла последняя прижизненная книга — повесть «Она и всё остальное».

3 июня — получил Государственную премию за вклад в развитие отечественной литературы.

4 июля — умер в Санкт-Петербурге после продолжительной болезни. Похоронен на Комаровском кладбище.

ИЛЮСТРАЦИИ

В. Г. Гусев

Даниил Герман (справа) с товарищами на Ленинградском фронте

Боец пулеметно-артиллерийского батальона

Круиз советских писателей по Европе на теплоходе «Победа».

Слева направо: Р. Гамзатов, А. Решетов, И. Курчатов, Д. Гранин. 1956 г.

За рабочим столом. 1956 г.

С М. Дудиным и М. Стельмахом на IV съезде писателей. 1968 г.

Гранин, его жена Римма Майорова и поэт Константин Ваншенкин

С режиссером Игорем Таланкиным во время работы над фильмом «Выбор цели»

С Чингизом Айтматовым во время поездки в Киргизию

Даниил Гранин и Виктор Некрасов на V съезде писателей

У дома на Малой Посадской

А. Адамович и Д. Гранин во время работы над «Блокадной книгой»

Встреча с читателями после выхода «Блокадной книги»

На I съезде народных депутатов СССР (1989).

Слева направо: Ю. Карякин, Д. Гранин, М. Захаров, С. Залыгин

А. Адамович, Д. Гранин и академик А. Сахаров на Международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества». 1987 г.

Даниил Гранин на учредительном собрании общества «Милосердие». 1988 г.

Гранин с женой и английским писателем Грэмом Грином. 1986 г.

Д. Гранин, академик Д. Лихачев и автор книги В. Лопатников на озере Красавица в окрестностях Санкт-Петербурга

С режиссером Георгием Товстоноговым

Писатель на встрече с ветеранами войны

Бюст Гранина работы его друга, скульптора Григория Ястребенецкого

Семья писателя: жена Римма Михайловна, дочь Марина и внук Данила

С председателем Союза журналистов Санкт-Петербурга Людмилой Фомичевой

*С ректором Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Александром
Запесоцким*

На даче в Комарове с писателем Валерием Поповым

Встреча с Владимиром Путиным

Даниил Гранин и губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко

Вручение Д. Гранину ордена Андрея Первозванного. 2009 г.

*Перед выступлением в бундестаге с президентом Германии И. Гауком и канцлером А. Меркель.
2014 г.*

Писатель с автором книги В. Лопатниковым

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Произведения Д. А. Гранина

Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. СПб., 1984.

Гранин Д. А. Собрание сочинений. Т. 1–8. СПб., 2009.

Гранин Д. А. Бегство в Россию. М., 1995.

Гранин Д. А. Всё было не совсем так. М., 2010.

Гранин Д. А. Жизнь не переделать. М., 2004.

Гранин Д. А. Заговор. М., 2012.

Гранин Д. А. Интелегенды. М., 2015.

Гранин Д. А. Мой лейтенант. М., 2011.

Гранин Д. А. Неожиданное утро. Л., 1962.

Гранин Д. А. Победа инженера Корсакова. Л., 1950.

Гранин Д. А. Примечания к путеводителю. Л., 1967.

Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2009.

Гранин Д. А. Сад камней. М., 1972.

Гранин Д. А. Человек не отсюда. СПб., 2014.

Гранин Д. А. Ярослав Домбровский. М., 1951.

2. Литература

Войтинская О. С. Даниил Гранин. Очерк творчества. М., 1966.

Дудинцев В. Д. Идущий на грозу // Литературная газета. 1989. 4 января.

Мелихов А. М. Новый Гранин // Знамя. 2012. № 6. С. 208–210.

Оскоцкий В. Д. Четверть века спустя: почему перечитывают «Иду на грозу» И Нева. 1988. № 6. С. 175–178.

Плоткин Л. А. Даниил Гранин. Очерк творчества. Л., 1975.

Рубашкин А. И. В доме Зингера: воспоминания. СПб., 2003.

Рубашкин А. И. О страхах и бесстрашии // Дружба народов. 2009. № 1. С. 206–210.

Старков А. Н. Нравственный поиск героев Даниила Гранина. М., 1981.

Финк Л. А. Герой наших дней // Вопросы литературы. 1986. № 6. С. 11–31.

Финк Л. А. Необходимость Дон Кихота. Книга о Данииле Гранине. М.,

1988.

Ястребенецкий Г Д. Не только о скульптуре. СПб., 2008.

3. Статьи, выступления, интервью

Гранин Д. «Если бы я встретился с собой 30-летним, то стал бы себе врагом» // Аргументы и факты. 1999. № 37.

Гранин Д. Жизнь снова имеет смысл // Аврора. 1989. № 1.

Гранин Д. История создания «Блокадной книги» // Дружба народов. 2002. № 11. С. 156–161.

Гранин Д. Как жили в блокаду // Звезда. 2014. № 1.

Гранин Д. Капитаны и смазчики // Октябрь. 2010. № 6. С. 126–133.

Гранин Д. Кто-то должен идти на грозу // Вопросы литературы. 1977. № 7. С. 187–191.

Гранин Д. Листопад // Звезда. 2008. № 1. С. 51–86.

Гранин Д. Любовь — это лучшее изобретение // Октябрь. 2009. № 7. С. 164–173.

Гранин Д. Нравственный климат в нашей стране невыносим И Учительская газета. 2012. № 35. С. 24.

Гранин Д. Преодолевая трудности // Октябрь. 1955. № 7.

Гранин Д. Чему учит история // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 176–204.

Гранин Д. Что делать интеллигенции, когда ее роль кончилась Д. Гранин / Вопросы культурологии. 2006. № 12. С. 94–96.

Гранин Д. Это было при нас Д. Гранин / Вопросы литературы. 1984. № 9. С. 105–136.

Гранин Д. Я хочу здорового пессимизма // Нева. 2009. № 1. С. 113–122.

Гранин Д. Яркая заплатка // Октябрь. 2009. № 10. С. 163–170.

INFO

Лопатников В. А.

Л 77 Даниил Гранин. Хранитель времени / Виктор Лопатников. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 341 [11] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1765).

ISBN 978-5-235-04211-7

УДК 821.161.1.0(092)

ББК 63.3(2Рос=Рус)6-8

знак информационной продукции 16+

Лопатников Виктор Алексеевич

ДАНИИЛ ГРАНИН. ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Редактор *В. В. Эрлихман*

Художественный редактор *А. В. Никитин*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 17.09.2018. Подписано в печать 16.11.2018.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+0,84 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1818730.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Владимир Широгород

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

В XVI–XVII вв. Западная Русь предстала зоной соперничества Литвы и Польши, Швеции и Орды, Турции, Крымского ханства и Московского княжества. Кто мог предположить тогда, что речь шла о чем-то несравненно большем, нежели об очередном разделе пространств Восточной Европы? Многовековая Украинская война явилась одной из самых плотных в истории концентрацией боевых действий, затронув абсолютно все сферы: идеологию, экономику, общественные процессы, качества лидеров и стремления народов.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ:

Книга I
Схватка за Русь
До середины XVI века

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ.

Книга II
Турецкий прорыв
Балканы — Причерноморье — Кавказ
До конца XVI века

Книга III

Встречное наступление

Балтика — Литва — Поле

Вторая половина XVI века

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. И. Михайлова
БАРКОВ

Самый одиозный из всех российских поэтов, Иван Семенович Барков (1732–1768), еще при жизни снискал себе дурную славу как автор непристойных, «срамных» од и стихотворений. Его имя сделалось нарицательным, а потому его перу приписывали и приписывают едва ли не все те похабные стишки, которые ходили в списках не только в его время, но и много позже. Но ведь Барков — это еще и переводчик и издатель, поэт, принимавший деятельное участие в литературной жизни своего времени! Что, если его «прескверная» репутация не вполне справедлива? Именно таким вопросом задается автор книги, доктор филологических наук Наталья Ивановна Михайлова.

Л. В. Кириллина
ГЛЮК

Кристоф Виллибальд Пиок (1714–1787) — один из гениев, определивших пути развития музыкального искусства второй половины XVIII века. Современники полагали, что он совершил революцию в музыке. Блоковская реформа оперного жанра была начата трогательной историей любви — «Орфей и Эвридика» (1762) и завершена грозной и страстной трагедией «Ифигения в Тавриде» (1779). Но путь к реформе был долгим и тернистым: в молодости Блок служил в княжеских капеллах, работал в кочующих антрепризах, писал музыку для празднеств венского двора. Его творчеством восхищались императоры и князья, философы и поэты, светские дамы и ученые-энциклопедисты. Книга профессора Московской консерватории Ларисы Кириллиной рассказывает о том, как сын лесника из глухой баварской деревни, неуклонно следуя своему призванию, покорил Италию, Австрию и Францию, а в конце жизни стал кумиром всей просвещенной Европы.

Н. Г. Бодрихин

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ

Анатолий Петрович Александров (1903–1994) — выдающийся советский ученый, академик, в течение 28 лет — директор Курчатовского института, 11 лет — президент Академии наук СССР. Еще в довоенные годы предложил метод размагничивания кораблей. Ни один корабль, защищенный от магнитных мин по его методике, не был потерян. В 1944 году И. В. Курчатовым был привлечен к работе по «атомному» проекту, в 1952-м — назначен научным руководителем работ по созданию ядерной силовой установки для первой атомной подводной лодки (АПЛ). До конца жизни оставался научным руководителем работ по созданию большинства ядерных реакторов. Координировал научные работы всего Советского Союза в годы его наивысшего могущества.

А. А. Горбунов

ВИКТОР МАСЛОВ

Имя выдающегося футбольного тренера Виктора Александровича Маслова (1910–1977) не слишком хорошо знакомо нынешним любителям футбола, привыкшим лишь к «раскрученным», постоянно мелькающим в прессе именам. Между тем во всем мире Маслов признан одним из новаторов этого вида спорта, далеко опередившим свое время и заложившим основу того футбола, в который играют в XXI столетии. В конце 1950-х — начале 1960-х годов он, коренной автозаводец, по существу создал «команду мечты» — московское «Торпедо», влюбившее в себя миллионы болельщиков, — и сделал ее чемпионом СССР, нарушив гегемонию трех московских клубов — «Динамо», «Спартак» и ЦСКА, а затем, уволенный из «Торпедо», трижды приводил к чемпионству киевское «Динамо», на долгие годы превратив Киев в столицу советского футбола. В 2010 году авторитетным британским изданием «World Soccer» Виктор Маслов — единственный из российских специалистов! — был включен в число пятидесяти лучших футбольных тренеров последнего полувека. О личности «Деда» (как звали Маслова во всем футбольном мире) рассказывает спортивный журналист и историк, постоянный автор серии «ЖЗЛ» Александр Аркадьевич Горбунов.

В. В. Бондаренко

ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

«Добрый пастырь», «земной ангел и небесный человек», «духовник всея Руси» — так называли великого старца Русской Православной Церкви

архимандрита Иоанна (Крестьянкина, 1910–2006). Почти столетняя жизнь отца Иоанна была посвящена беззаветному служению Богу и людям. Он оставил по себе настолько светлый след, что и после кончины по-прежнему остается нравственным камертоном, по которому сверяют себя тысячи православных по всему миру. Новая книга историка и писателя Вячеслава Бондаренко основана на архивных материалах и воспоминаниях людей, лично знавших старца, и содержит множество ранее неизвестных подробностей его биографии. Книга выходит в год 1030-летия крещения Руси и 545-летия Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где подвизался о. Иоанн.

С. Б. Дашков
ЮСТИНИАН

Очередной том серии посвящен императору Юстиниану I, правившему Византийской державой в середине VI века. Автор в увлекательной, отчасти беллетризованной форме повествует о трудах и свершениях одного из самых замечательных правителей в истории Раннего Средневековья. Строитель Святой Софии, создатель свода законов, заложившего основы всего европейского законодательства, он ценой невероятного напряжения сил сумел восстановить былое могущество Римской империи, поставив под власть Константинополя Италию, часть Испании, Северную Африку. Как показывает автор, жизнь Юстиниана — яркий пример того, как энергичный, работоспособный и одаренный человек творит историю мира.

В книге представлен сжатый очерк истории Византийской империи до Юстиниана, показаны многие черты быта византийцев, даны яркие портреты современников императора — его супруги Феодоры, сумевшей подняться к вершинам власти с самых низов общества; блестящего полководца Велисария; историка Прокопия Кесарийского, исполненного тайной ненависти к императорской чете, а также многих других.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Васькин «ШУХОВ»
Ш. Казиев «РАСУЛ ГАМЗАТОВ»
В. Балашова «ВАНГА»
С. Дашков «ЮСТИНИАН»
Л. Кириллина «ГЛЮК»
В. Бондаренко «ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)»
А. Горбунов «ВИКТОР МАСЛОВ»
В Антонов «КЕМБРИДЖСКАЯ ПЯТЕРКА»
Н. Михайлова «БАРКОВ»
А. Бондаренко «ГЕРОИ «СМЕРШ»»
Н. Бодрихин «АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ»
С. Михеенков «БЕРЛИН-45»

notes

Примечания

****** В ряде публикаций ошибочно утверждается, что мать Гранина звали Анной Бакировной. — *Здесь и далее примечания редактора.*

Сам Гранин называл местом своего рождения село (или город) Волынь, но такого населенного пункта в Курской губернии не было, имелось в виду село Волынка Рыльского уезда. Возможно, ошибка вызвана тем, что Даниил Александрович очень скоро покинул это место и впоследствии ни разу там не бывал.